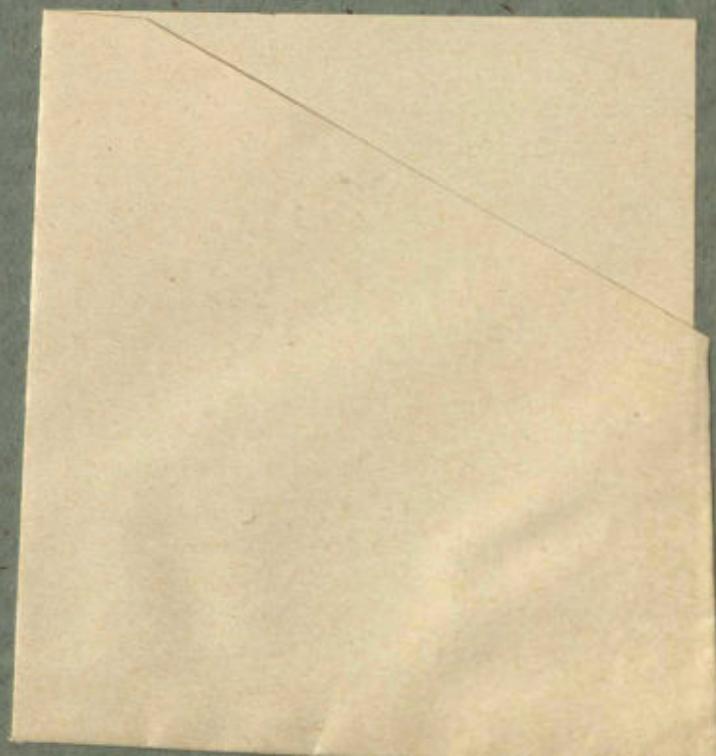

P

$\frac{70}{178}$

К. БАЛЬМОНТЪ

P 70
178

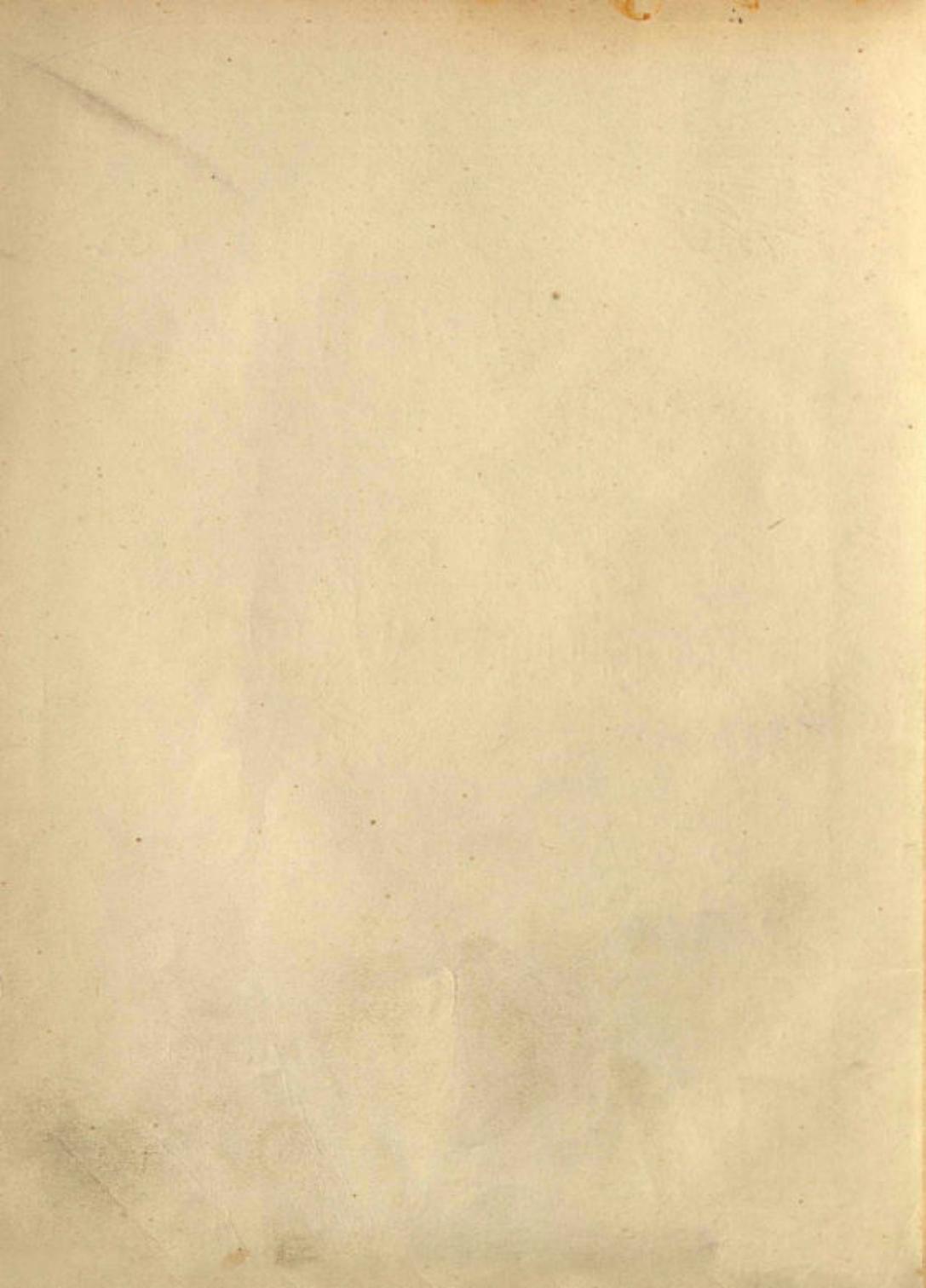
ЗМѢННЫЕ ЦВѢТЫ

213. A

Им. 896.

S V+

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

$\frac{810-85}{160-4}$

Б-21,3

Р $\frac{70}{178}$

$\frac{op1-78}{15932}$

ЗМѢИНЫЕ ЦВѢТЫ

32-100499

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„СКОРПИОНЪ“ 1910

2007332449

СТРАНА КРАСНЫХЪ ЦВѢТОВЪ.

Страна красныхъ цвѣтовъ, раскрывшихся въ умахъ, опьяненныхъ Солицемъ и влюбленныхъ въ Луну, и въ Вечернюю Звѣзду, Звѣзду Утреннюю. Страна разноцвѣтныхъ цвѣтовъ и птицъ съ яркими перьями, лазурными, зелеными, оттѣнка всѣхъ драгоценныхъ камней. Страна кровавыхъ зрѣлищъ и утонченной благоговѣйности, легендъ правдивыхъ и дѣйствительности неправдоподобной, цвѣтныхъ гіероглифовъ и пирамидныхъ храмовъ, медленныхъ словъ и быстрого ножа, вѣчной Весны—вѣчной Осени. Страна, чьи горы подобны испанскимъ изваяніямъ, чья исторія—сказка, чья судьба—печальная поэма, печальнѣй, чѣмъ поэма Эдгара По. Страна обманутая, преданная, проданная, побѣжденная предсказаніемъ, гениемъ, женщиной, и конемъ, изуродованная безвозвратно Кентавромъ блѣднолицымъ, несущимъ гибель, разрушеніе, и лицемѣрную религію, вмѣстѣ съ смертельными заразными болѣзнями, всюду, куда онъ проникаетъ—въ Индію, въ Океанію, въ Перуанскую идиллію, и въ эту растоптанную Страну Красныхъ Цвѣтовъ.

Ацтеки пришли въ страну, нынѣ называемую Мексикой, съ Сѣвера, изъ Тлапаллана, что значитъ Красный Край, изъ страны, гдѣ красныя горы, пирамидные уступы, окрашенные рѣки. Край Калифорніи нашихъ дней, Аризоны, Новой Мексики, Соноры. Эту первичную родину они не забыли потомъ ни въ краскахъ, ни въ формѣ створительныхъ созданій, ни въ созданіи вѣчно-живущихъ легендъ, въ которыхъ чувствуются понимающіе зрачки души.

Извѣстны два красочные символа Мексиканской фантазіи: „Тіуй!“, „Идемъ!“ узывной улетающей Колибри, которая повела Ацтековъ въ неизвѣстность, въ путь, приведшій ихъ въ Край Семи Пещеръ, и образъ Орла на кактусѣ, терзающаго Змѣю. Въ этихъ причудливыхъ символахъ—столь свойственное Мексиканцамъ смѣшеніе жестокости и лѣзости, красочности и рѣзкихъ рельефовъ, любви къ вещественному міру

и таинственнаго зова—узыва куда-то, въ недосказанность, въ неопредѣленность, съ зыбкими ускользящими змѣнными очертаніями.

Два великіе бога Древней Мексики, Витцлипохтли и Кветцалькоатль, однимъ своимъ явленіемъ вводятъ насъ въ міръ этихъ змѣнныхъ очертаній. Легенды гласятъ.

Недалеко отъ древней столицы народа Строителей, Тольтековъ, находится Змѣиная Гора, Коатепекъ. Тамъ, подвизаясь, жила нѣкая благочестивица, по имени Коатликуэ, женщина въ Змѣиномъ Платьѣ. Она была мать многочисленныхъ сыновей и единственной дочери. Однажды, утромъ, когда она совершала свои моленія въ Святилищѣ Солнца, къ ногамъ ея упалъ съ высоты какъ бы небольшой шаръ изъ блестящихъ перьевъ. Она подняла его, и, въ почитаніе святилища, спрятала себѣ на грудь. Когда она хотѣла его вынуть, она его уже не нашла. А въ то же самое время, съ солнечнымъ лучомъ и яркими перьями, въ нее незримо вступила новая жизнь. Безумные сыновья вмѣстѣ съ сестрой своей рѣшили, что на ихъ матери печать безчестья, и что ей нужно умереть, прежде чѣмъ она родитъ ребенка. Великъ былъ ея страхъ, но ребенокъ возвѣстия ея изъ чрева: „Отбрось свой страхъ. Я знаю, что мнѣ дѣлать. Ты будешь спасена“. Истинно, когда пришли ослѣпленные, не понимающіе святой тайны безпорочнаго зачатія, и хотѣли убить солнечно-зачавшую, мгновенно родился Витцлипохтли, вооруженный копьемъ и щитомъ, съ блестящимъ уборомъ изъ перьевъ на головѣ, съ уборомъ изъ перьевъ быстрой колибри на лѣвой ногѣ, съ лицомъ, руками, и ногами, которыя были расцвѣчены полосами лазури. Первою онъ провзилъ свою сестру, ибо въ ней, въ этой женщинѣ, возникло впервые преступное желаніе. Голову ея и доселѣ можно видѣть среди уступовъ Змѣиной Горы. Онъ бросился затѣмъ на братьевъ, и началъ ихъ избіеніе; они падали, какъ падаютъ камни утесовъ. Немногіе оставшіеся въ живыхъ бѣжали къ Югу. Витцлипохтли избилъ и разграбилъ также всѣхъ сомысленниковъ невосполнишагося посягновенія, и послѣ этого взшелъ съ своею матерью въ Чертоги Неба, откуда онъ въ дѣйствительности сходилъ. Коатликуэ, иначи Коатлантана, стала богинею Цвѣтовъ и стала зваться Наша Матерь Змѣиныхъ Мѣсть.

Испанскій падре, времяъ Завоеванія, Фрай Бернардино де Саагунъ, со словъ туземцевъ той эпохи написавшій общую исторію Боговъ и обрядностей Древней Мексики, говоритъ, между прочимъ, о Витцлипохтли: „Это былъ второй Геркулесъ, весьма мощный, съ великими силами, и очень воинственный, великій уничтожитель народовъ, и убиватель лю-

дей. Въ войнахъ онъ былъ какъ живой огонь, очень страшный для своихъ противниковъ, и боевымъ знакомъ, который онъ носилъ, была голова дракона, весьма ужасная, устремлявшая изъ пасти огонь; былъ онъ также и волхвователъ или чаровникъ, и принималъ видъ различныхъ птицъ и звѣрей*.

Это онъ-то, Витцлипохтли, сталъ верховнымъ владыкой завоевательныхъ войнъ, превратившихъ маленькй народецъ Ацтековъ во властителей могучей Мексиканской монархiи, и его именемъ освящались безпрерывныя празднества крови, на высокихъ теокалли, гдѣ жрецъ высѣкалъ обсидановымъ мечомъ сердце у приносимаго въ жертву, который послѣ этого страшнаго торжества возносился надъ Землей и вступалъ въ Чертоги Солнца.

Если въ Витцлипохтли выражена страшная и жестокая сторона опьяненiя Солнцемъ и Кровью, въ Кветцалькоатль, чье имя значить—Изумрудно-Перистый Змѣй, мы видимъ другую ея сторону: онъ любилъ лишь цвѣты и плоды, кровавый цвѣтъ безкровныхъ жертвъ, онъ былъ богъ Вѣтра, который носить по небу вольныя тучки, вливающiя свѣтъ Восхода и свѣтъ Заката, онъ былъ звѣздный Люциферъ, богъ Звѣзды двойного бытiя, Вечернаго и Утренняяго. Кветцалькоатль былъ одинъ изъ четырехъ верховныхъ Небесныхъ братьевъ, и родился онъ въ крайнемъ, тринадцатомъ небѣ. Въ мужскомъ ликѣ онъ—Тонакатекутли, Владыка Бытiя, и Тцинтеотль, богъ Начала, а въ женскомъ ликѣ—Ксочикветцаль, Изумрудная Роза, Цитлаликуа, Звѣздоодѣтая, и Никометкоатль, Семизмѣйная.

Слуги великаго владыки Кветцалькоатля были большiе искусники во всемъ, что украшаетъ жизнь и даетъ возможность сдѣлаться созерцаю не аскетической пустыней, а живописнымъ садомъ. Когда онъ посылалъ ихъ куда-нибудь, они летѣли на безмѣрныхъ разстоянiя съ безконечной быстротой. Повелѣнiя его возглашались съ вершины горы Тцатцитепекъ, что значить Холмъ Воскликновенiй, и глашатаи обладали такимъ могучимъ голосомъ, что онъ былъ слышимъ за сотни и сотни верстъ. Слуги и ученики Кветцалькоатля именовались Сынами Солнца и Сынами Облаковъ. Мы снова здѣсь чувствуемъ близость Чертоговъ Солнца, нетлѣнный многокрасочный Городъ Солнца, очагъ свѣта и цвѣта.

Любопытно подробное описанiе вишняго вида Кветцалькоатля, даваемое Саагуномъ. Сообщая сперва, что онъ былъ человекъ, почитаемый за бога, и что, какъ богъ Вѣтровъ, онъ мететъ дорогу богамъ Воды, Саагуиъ даетъ намъ затѣмъ точный перечень уборовъ Кветцалькоатля. „Уборы, которые его украшали, были слѣдующiе: на головѣ

митра, съ султаномъ изъ перьевъ, называемымъ кветцалли: митра была пятнистая, какъ тигровая шкура; имѣлъ онъ на себѣ рубаху, какъ бы узорчатый стихарь, носилъ сережки изъ бирюзы, мозаичной работы, золотое ожерелье, съ котораго свѣшивались изогнутыя раковины, весьма драгоценныя. Носилъ онъ на спинѣ, какъ условный знакъ, перья, въ видѣ пламеней огня: ноги были обтянуты у него тигровою шкурою, съ которой свѣшивались раковинки; черныя имѣлъ сандалии съ жемчужными отворотами, въ лѣвой рукѣ держалъ пятиугольный щитъ, въ правой—посохъ, на подобіе епископскаго, вверху завитками, весьма украшеннѣй драгоценными камнями, и бывшій какъ бы рукоятка шпига“.

Прекрасны всѣ звѣздныя легенды, связанныя съ Кветцалькоатлемъ, какъ всѣ Мексиканскія преданія, имѣющія отношеніе къ небеснымъ свѣтиламъ. Одна изъ этихъ легендъ. Во время недуга, злой чаровникъ Тецкатлипока, незримо присутствующій въ Небѣ, на Землѣ, и въ Аду, и сѣятель вражды въ двухъ противоположныхъ сторонахъ, далъ Кветцалькоатлю опьяняющаго напитка. Опьяненный Кветцалькоатль нарушилъ свой обѣтъ цѣломудрія. Послѣ этого, съ плачемъ, онъ ушелъ на Востокъ къ Морю, къ краю его. Уходя, онъ спросилъ себѣ у прислуживающаго юноши зеркало, прислонился къ дереву, и, посмотрѣвши въ глубину зеркальности, возскорбѣлъ. „Старъ я сталъ, пора мнѣ уйти“. На берегу Моря, гдѣ морской край сливается съ краемъ Неба, онъ умеръ, и тѣло его положили на костеръ, но сердце его не сгорѣло, а взошло какъ Вечерняя Звѣзда, и горитъ съ тѣхъ поръ эта яркая царевна вечерняго неба Мексики.

Подобно этому загорѣлись и Солнце и Луна. Не было Солнца и не было нѣжной Луны. Плакали боги, безпріютно было въ мірѣ. Таинственное рѣшеніе постановило, что, кто первый бросится въ костеръ, тотъ избавитъ міръ отъ темной безпріютности. Былъ устроенъ великій костеръ изъ пахучихъ ароматическихъ деревьевъ. Жарко и душисто онъ разгорѣлся. Но всѣ стоявшіе вокругъ костра смотрѣли съ боязливой нерѣшительностью на встающихъ змѣй Огня. Былъ нѣкто Нанагуатцинъ, чумной и нарывный. Родомъ онъ былъ изъ боговъ, но былъ пораженъ ужасной болѣзью. И вотъ этотъ-то нарывный подумалъ о темнотѣ міра и объ очистительной силѣ Огня. Прыжокъ — и онъ въ кострѣ. И вотъ на Небѣ взошло ослѣпительно-яркое Солнце, а искры, брызнувшія изъ костра, превратились въ многочисленныя звѣзды. За однимъ сгорѣвшимъ бросился въ Огонь и другой, и взошла на небо Луна. И Солнце съ Луной сочетались бракомъ, и въ свадьбѣ ихъ участвовали Небо и Земля.

Отсюда возникла пирамида Чолулы, посвященная Вечерней Звѣздѣ, съ святилищемъ, при которомъ были жрецы Кветцалькоатля, Изумрудно-Перистаго Змѣя, и возникли пирамиды Солнца и Луны въ Теотуаканѣ, близъ которыхъ до сего дня можно находить, на бранномъ полѣ старыхъ дней, маленькихъ Мексиканскихъ идолчиковъ, излюбленные Мексиканцами „маски“, и обломки агатовыхъ стрѣлъ и копій.

Напоминающіе Китайскихъ [драконовъ, змѣи пирамидныхъ руинъ Ксочикалько,—катакомбы Митлы, украшенныя крестнымъ знаменіемъ, и крестообразныя гробницы, эти „украденныя Дьяволомъ символы Древа Жизни, растоптавшаго Смерть“, или, если хотите, знаменіе четырехъ вѣтровъ безпредѣльнаго Неба,—алтари изъ череповъ, ибо, какъ Египтяне, Мексиканцы не отдѣляли Жизнь отъ Смерти,—божества Смерти, въ головномъ уборѣ изъ череповъ и другихъ слитно-спутанныхъ украшеніяхъ, напоминающихъ символическую сторону нашего Масонства и нашихъ средневѣковыхъ Danses Macabres,—веселый богъ Жизни, который глядитъ себѣ вверхъ, своими наивными глазами не видя, или не желая видѣть, параллельнаго Бога Смерти,—Богъ Зеркальность, который, лежа, держитъ на животѣ своею зеркало, гдѣ, какъ въ кругломъ озерѣ отражается весь міръ, между тѣмъ какъ онъ самъ смотритъ въ сторону, мимо, въ иное, во виѣпредѣльное, — Звѣздный Богъ, „Онъ, Который опрокинулъ свой Ликъ“, ибо дѣйствительно звѣзды опрокидываются—въ нашемъ сознаниі, сами не имѣя для себя ни праваго, ни лѣваго, ни верха, ни низа,—все это немногіе обломки великаго зданія, возникшаго подъ Небомъ съ очень яркими, съ очень четкими звѣздами, такъ что его неопредѣленности и туманности тоже ослѣпительны, отнюдь не безцвѣтны,—зданія, созданнаго среди вулкановъ и въ заревыхъ отсвѣтахъ причудливыхъ цвѣтовъ.

Соучастники Орфея говорили, что раса боговъ и людей одна. Подобно этому, мечтатели Мексики говорили, что у боговъ и людей есть одно общее: красная кровь. Поэтому они связали свое Небо и свою Землю красною перевязью, въ фантастической свадьбѣ, на которой жутко присутствовать, но и красиво, о, красиво!

Первая, главная изъ Мексиканскихъ богинь, Цигуакоатль, Женщина-Змѣя, говорятъ, ниспосылала людямъ труды, огорченія и всякія превратности. Но говорятъ также, что одежды ея всегда были бѣлыя, снѣжной чистоты, и что по ночамъ она летала въ воздухъ, а вослѣдъ ей неслись воздушными путями крики и стоны.

Жутко и красиво. А красивѣ Красоты—что жь придумаешь!

The text on this page is extremely faint and illegible. It appears to be a dense block of text, possibly a list or a series of entries, but the individual words and sentences cannot be discerned. The page shows signs of age, including discoloration and some minor stains.

ПУТЕВЫЯ ПИСЬМА.

ПУТЕВЫЯ ПИСЬМА.

Издательство «Ближний».

31 января 1905. Атлантика.—Когда сидишь въ своей комнатѣ, міръ манитъ, какъ сказка. Когда къ міру прикасаешься живымъ своимъ тѣломъ, незащищенной душой, все нѣжное на время смято, растоптано, кругомъ чудятся маски, лики жалкихъ чудовищъ, люди-гіены, люди-акулы. Я прячусь въ созерцаніе Моря, въ книги, въ разговоры съ блѣдной спутницей. Пройдетъ.

Я уже могу не жалѣть, что я не въ Россіи.

31 января. Приближаясь къ Корунью.—Я чувствую, начинаю чувствовать чары Океана. Сегодня большія рыбы, обрадованныя волненіемъ отъ нашего корабля, устроили погоною-пляску: ритмически выбрасывались изъ Моря, гнались за нами какъ дельфины, и снова уходили въ глубину. Вчера передъ ночью туманъ всталъ какъ горная цѣпь. Такой облачной горы я никогда не видалъ. Сейчасъ изъ волнъ свѣтятся фосфорическіе огни. Широкій шумъ волнъ освобождаетъ душу. Скорѣй бы совсѣмъ онъ открылся, безмѣрный просторъ Океана! Я жду.

Утро. Солнце. Воздухъ потеплѣлъ. Мы—въ Испаніи. Я брошу это письмо самъ въ Корунью.

5 февраля.—Съ тѣхъ поръ, какъ мы уѣхали изъ Коруньи, я впалъ въ какую-то странную полосу отрѣшенности отъ всѣхъ послѣднихъ дней, съ ихъ мученіями, сомнѣніями, понялъ, что я дѣйствительно уѣхалъ, потерялся въ Океанѣ.

Я буду писать тебѣ отдѣльныя строки,—то, что придетъ мнѣ въ голову, безсвязно, — не дивись, здѣсь волны качаютъ и волны пьянятъ сильнѣе вина,—Океанъ играетъ моей мыслью, я какъ чайка, я кружусь въ своемъ полетѣ по спирали, кружусь и возвращаюсь, кружусь и возвращаюсь. Я опьяненъ пѣной, солеными брызгами, которыя кипятъ кругомъ и въ моей душѣ.

7 февраля.— Я не пишу ничего о томъ, какія минуты, часы, и

цѣлые дни провелъ я, думая о другомъ: о томъ, что сейчасъ въ Россіи. Я не могу объ этомъ говорить. Но, если вспомнить мои слова, я предсказывалъ въ точности, — еще во времена Эрмитажнаго банкета, — то, что дѣйствительно случилось черезъ полтора мѣсяца, и прошло униженіемъ и ужасомъ по всей Россіи. И хотя Брюсовъ воскликнулъ: „Мы— пророки, ты — поэтъ“, — и хотя разглагольствующіе барашки, мяншіе себя тиграми, не видѣли и не слышали меня, — я оказался до мучительности точно предвидящимъ. Хотя все же, это еще превзошло мои ожиданія. Да, при всей черной мнительности, такого позора и такого унижительнаго ужаса нельзя было ждать. — Я отрѣзанъ отъ Европы, и не узнаю ничего до пріѣзда въ Кубу. Но я не хочу, не могу объ этомъ ни думать, ни говорить. Что я чувствую—знаеть, кто знаетъ меня.

Узнать Мексику, и всей душой на мѣсяцы уйти въ погасшіе вѣка, полные тайнъ, я хочу.

Я былъ счастливъ нѣсколько часовъ въ Коруньѣ. Это—типичный испанскій городъ, гавань въ Галисіи. Во мнѣ испанская душа. Я обошелъ весь городъ изъ конца въ конецъ, заходилъ въ жалкую церквульку, обѣдалъ въ какомъ-то Café Oriental, заходилъ въ разные магазины, и мнѣ все было радостно, какъ родное, и съ каждымъ я говорилъ съ наслажденіемъ. Испанцы—искренніи дѣти.

9 февраля. — Третьяго дня мнѣ помѣшали кончить о Коруньѣ, а вчера была буря, нашъ корабль былъ скорлупкой, маленькими морскими качелями. И сейчасъ все пляшетъ кругомъ. Мое сердце радуется, но писать не слишкомъ удобно.—Да, Корунья, Корунья! Тутъ я понялъ опять, что есть Солнце и радость. Я шелъ по набережной, залитой свѣтомъ. Я вошелъ въ садъ. На островкѣ водоема, на открытомъ, для воздуха и дня и ночи, маленькомъ островкѣ, цвѣли роскошные арумы, бѣлыя чаши съ золотымъ расцвѣтомъ внутри. Цвѣли кусты камелій, деревца съ цвѣтками полевыхъ ромашекъ, глициній, или цвѣтки, похожіе на глициніи, много другихъ цвѣтовъ на стебляхъ, и цвѣтущихъ кустарниковъ. На гроздѣ желтоватыхъ пахучихъ цвѣтковъ, названія которыхъ я не знаю, я увидѣлъ пчелу. Если бы я увидѣлъ Шелли, я такъ же бы обрадовался. Это было свиданіе! И пестрая цвѣточная муха, совсѣмъ какъ тѣ, которыхъ я любилъ въ дѣтствѣ, прилетала и улетала и садилась все на томъ же цвѣткѣ. Я знаю нравъ этихъ пестрыхъ мухъ, съ дѣтскихъ дней. И мнѣ казалось, что и лица Испанокъ, которыя мелькали кругомъ, тоже дороги и знакомы мнѣ съ давнихъ-давнихъ поръ. Испанскія слова поють въ моей душѣ. Мнѣ въ каждомъ испанцѣ

чудится братъ этихъ безчисленныхъ призраковъ, созданныхъ фантазіей Кальдерона и Сервантеса, и созданныхъ всей исторіей этой горячей, смѣло-чувственной, правдивой, воистину не живой страны.

Эти нѣсколько часовъ, которые я провелъ въ испанскомъ городѣ, возбудили во мнѣ такое желаніе быть въ Испаніи, что я готовъ былъ опоздать на пароходъ. Конечно, это было лишь завлеченье увлеченности. Но, правда, я пріѣхалъ на пароходъ послѣднимъ. По теплому Морю, подъ яркими звѣздами, я плылъ въ ладѣ, и слушалъ плескъ весель. До сихъ поръ только это и было воистину красиво. И еще этотъ сдѣлавшійся бурнымъ Океанъ. Лишь вчера я увидѣлъ неожиданный новый просторъ Океана. Волны, куда ни бросишь взглядъ,—такія волны, что они кажутся зарождающимися вершинами несчетныхъ горныхъ цѣпей.

10 февраля. — Океанъ. Сегодня новая Луна и новый Океанъ. Зеленоватый полумѣсяцъ взволновалъ равнины водъ. Они дышуть мѣрно, и какъ будто этимъ взволнованнымъ, но мѣрнымъ ритмическимъ дыханіемъ возносятся насъ къ Небу. Морскихъ звѣздъ больше не видно. Но мы много ночей плыли среди этихъ странныхъ, то болѣе крупныхъ, то менѣе крупныхъ, морскихъ сіяній. Звѣзды Неба давно уже измѣнили свой видъ. Созвѣзье Оріона побѣдительно-ярко и четко. Узоръ Большой Медвѣдицы все время опрокинуть рукояткой чаши перпендикулярно къ горизонту, и даже подъ непривычнымъ тупымъ угломъ. Не могу передать, какое странное впечатлѣніе производитъ на меня этотъ опрокинутый ликъ созвѣздія, къ которому глазъ привыкъ въ другомъ сочетаніи съ дѣтства. Но все же до сихъ поръ я не чувствовалъ Океана. Мѣшаютъ люди, чудовищныя маски отвратительныхъ людей, и эта прикованность къ кораблю, отъ котораго нельзя уйти. Я никогда отъ качки не страдаю. Напротивъ, она пріятна мнѣ. Чувствуешь, что дѣйствительно, это—Море. Но нѣтъ чаръ Океана, или ихъ слишкомъ мало. Хорошо было утро третьяго дня, когда быстрая вуаль дождя бѣжала по минутнымъ утесамъ волнъ. Это было, правда, мистически прекрасно. Мы въ полосѣ теплаго теченія. Стало душно даже на палубѣ. Сегодня воздухъ былъ совсѣмъ какъ у насъ лѣтомъ передъ грозой. Скоро увижу новое. Черезъ четыре дня — Куба. Міръ малъ. Только-то? — шепчетъ мечта. Я говорю себѣ: „Ну, подожди“. Но мечта—капризница.

Русскіе — самый благородный и деликатный народъ, который существуетъ. Нужно отойти отъ Россіи, и тогда поймешь, какъ бездонно ее любишь, и какъ очаровательно добродушіе Русскихъ, ихъ уступчивость,

мягкость, отсутствіе этой деревянности Нѣмцевъ, этой металличности Англичанъ, этой юркости Французовъ. Одни Испанцы мнѣ милы. Но и въ нихъ утомительна повторность все тѣхъ же возгласовъ и быстрыхъ кастаньетъ. Но Испанцы мнѣ милы, милы.

11 февраля. — Сегодня Луна окончательно завладѣла пространствомъ. Этотъ дымный, опрокинутый, зеленоватый полумѣсяцъ зачаровывалъ воды, онъ измѣнилъ самый ихъ ропотъ, сдѣлалъ его болѣе шестиступенчатымъ, ласкающимъ, какъ будто наполнилъ эти легкіе плески неуловимыми голосами далекихъ воспоминаній. Мнѣ чудится теплый Югъ, широкое кружево прилива на ровномъ и чистомъ пескѣ, рѣдкія звѣзды въ глубокомъ Небѣ, тишина перерывовъ между ритмами приливныхъ гармоническихъ шумовъ. Такъ легко и воздушно, призрочно въ душѣ. Не трогаешь, не касается ея ничто темное. Передъ ночью закатъ разбросалъ небывало-воздушныя краски. На Сѣверѣ возникли какъ будто японскія горы. Идеальность тоновъ. Закатныя краски, какъ безмѣрныя крылья, простерли направо и налево отъ корабля свою красочную стремительность. На нижней палубѣ, гдѣ въ полутьмѣ столпились сотни испанскихъ эмигрантовъ, незримый музыкантъ игралъ безъ конца на рожкѣ, какъ русскій пастухъ поутру на зарѣ. Я былъ на Океанѣ и былъ далеко. Сердце плакало такъ нѣжно, и любило. Сердце не могло понять, какъ можно не всегда быть такимъ.

21 февраля. Вера-Крусъ. — Я не писалъ тебѣ много дней. Последніе дни на кораблѣ, день на островѣ Куба, эти три-четыре дня здѣсь были какими-то сумасшедшими. Я попалъ въ вертящееся колесо. Я былъ въ сплошной движущейся панорамѣ. Минуты истиннаго счастья новизны смѣнялись часами такой тоски и такого ужаса, какихъ я, кажется, еще не зналъ. Вѣдь я до сихъ поръ не знаю, чтѣ дѣлается въ Россіи. Въ Москвѣ кровавый дымъ.

Я опишу подробно свои послѣднія впечатлѣнія отъ Океана, очаровательной экзотической Гаваны, и заштатной смѣшной Вера-Крусъ, — когда приѣду въ Мехико; я уѣзжаю сегодня вечеромъ. Корабль нашъ запоздалъ въ пути на день, благодаря бурѣ. Въ Гаванѣ я видѣлъ цвѣты, цвѣточки родные, маленькіе, и пышныя розы. Мнѣ хотѣлось упасть на землю и цѣловать ее. Здѣшняя зима — наше теплое лѣто. Временами, избегаешь отъ жары. Впечатлѣнія подавляютъ. Все кишить, снѣжить, кричить, хохочетъ. Приходится спасаться въ свою замкнутую комнату. Благодѣтельная Природа посылаетъ иногда мертвую спячку, чтобы мозгъ не закружился окончательно.

Я видѣлъ птичку-бабочку (*mariposa*), но еще не видѣлъ птички-мушки.

Приготовился увидѣть въ Мехико ошеломляющій калейдоскопъ. Буду глядѣть на бурныя волны—съ берега.

— А! Зачѣмъ я уѣхалъ, зачѣмъ, зачѣмъ!..

Я люблю Россію и Русскихъ. О, мы, Русскіе, не цѣнимъ себя! Мы не знаемъ, какъ мы снисходительны, терпѣливы, и деликатны. Я вѣрю въ Россію, я вѣрю въ самое свѣтлое ея будущее. О томъ, какъ я принялъ вѣсть о послѣднихъ событіяхъ въ Москвѣ, не въ силахъ говорить.

Сегодня Солнце особенно ярко. Черезъ нѣсколько часовъ—переходъ въ истинную Мексику.

3 марта. Мехико.—Сейчасъ Солнце заходитъ. Идетъ дождь, большая рѣдкость здѣсь въ это время. Былъ громъ. Не странно ли?

Я не въ силахъ ничего рассказывать. Еще никакъ не могу отрѣшиться отъ волны впечатлѣній. Мысленно говорю съ тобой, но писать мнѣ такъ же странно, какъ странно было бы писать, сидя въ театрѣ. Въ Вера-Крусъ я сразу попалъ въ сказку, когда пошелъ завтракать на солнечной улицѣ, около пальмъ, а передо мной коршуны гуляли стаей, точно ручные, и пожирали какія-то непріемлемости, которыя угрюмый Мексиканецъ, подъ звонъ колокольчика, собиралъ въ свою гробообразную повозку. Эти черныя коршуны—спасители города; они съ красивой жадностью уничтожаютъ то, что должно перестать существовать.—какъ у Парсовъ они пожираютъ труны. Когда рассказываешь, это безобразно. Когда смотришь, это необыкновенно красиво. Вамахи черносѣрыхъ крыльевъ, клекотъ, хищныя стройныя видѣнія. Море съ берега, нѣжно-манящее. Красивыя рыбы. Старый, до потѣнности заплатаанный городъ. Онъ такой же почти, какъ былъ при Кортесѣ. Печать историческихъ воспоминаній, экзотическія лица и одежды, шляпы, похожія на высокій колпакъ средневѣкового звѣздочета, всадники, объѣзжающіе городъ, смуглые старики и старухи, достойныя кисти Гойи, горячее Солнце, горячіе взгляды, удивляющіеся и смѣющіеся съ дикарской наивностью. Глаза Мексиканцевъ прикасаются, когда глядятъ. Предки этихъ людей были пьяны отъ Солнца, и вотъ у нихъ осталось въ зрачкахъ воспоминаніе о празднествахъ лучей и крови, и они все еще дивятся, вспоминаютъ,—увидать чужое, и словно сравниваютъ со своимъ, глядятъ на міръ какъ на сонъ, во снѣ живутъ, во снѣ, ихъ обманувшемъ. У людей здѣшняго народа нѣжная интонація. Они погибли оттого, что были утонченники.

4 марта.—Я вернулся сейчас из Национальной Библиотеки, куда неукоснительно хожу каждый день. Въ огромной высокой залѣ такихъ прилежныхъ читателей, какъ я и Е., немного. Мексиканцы—не книжники. Число посѣтителей—отъ двадцати человекъ до трехъ-четырехъ. Фантазія, неправда ли? Другая фантазія еще чудеснѣе: за окнами слышенъ громкій крикъ пѣтуховъ, а надъ читателемъ воркуютъ и летаютъ голуби, которые тутъ же въ библиотечномъ залѣ выводятъ птенцовъ. Какія-то барышни стучать на пишущей машинѣ. Читатели курятъ, не боясь поджога. Говорятъ вслухъ. Нѣкій юноша зубрить вдохновенно, не щадя слуха чужого,—онъ пьянъ анатоміей; въ рукахъ у него огромная кость, онъ раскачиваетъ ее, прижимаетъ къ сердцу, скандируетъ „научныя“ фразы. Не знаешь, студентъ ли это медицины или особая разновидность шамана. Библиотекари изумлены на умственную жадность Русскаго и, кажется, считаютъ меня нѣсколько свихнувшимся. Я читаю древнюю книгу Майевъ „Popol Vuh“; это—космогонія и легендарная лѣтопись, смѣсь ребячества и гениальности.

Все время, пока я былъ на Океанѣ, я читалъ книгу Прескотта „History of the conquest of Mexico“. Это—красочная сказка, правда о Кортесѣ и о древнихъ Мексиканцахъ. Безумная сказка. Народъ, завоеванный гениемъ, женщиной, конемъ, и предсказаніемъ. Эта формула—моя, и я напишу книгу на эту тему. У Прескотта фразы какъ будто изъ моего словаря, или какъ будто я многія слова у него заимствовалъ. Но вѣдь я его не читалъ до этого путешествія. Между Кортесомъ и мной* такое сходство характера, что мнѣ было мистически странно читать нѣкоторыя страницы, рисующія его. Пока ты не прочтешь этой книги, ты можешь думать, что мои слова—причуда поэта или даже просто бредъ. Это одинъ изъ старинныхъ моихъ предковъ. Мнѣ кажется не случайной теперь моя давнишняя любовь къ Вилье-де-Лиль-Адаму, грезившему о зарытыхъ сокровищахъ,—не случайно и то, что я давно-давно съ особымъ чувствомъ полюбилъ его слова: „Je porte dans mon âme le reflet des richesses stériles d'un grand nombre de rois oubliés“...

5 марта. Воскресенье.—Бѣшеный праздникъ. Обрывки карнавала. Мы ѣдемъ сейчасъ въ окрестности Мехико, въ прекрасный, древній, цвѣтуцій Чапультепекъ смотрѣть на бой быковъ... Цвѣты, цвѣты, желтые, бѣлые, красные...

Вечеръ.—Какое страданіе! Я окончательно не переношу болѣе—грубыхъ зрѣлищъ, которыя когда-то нравились мнѣ. Бой быковъ, особенно здѣсь, гдѣ нѣтъ испанской роскоши въ обстановкѣ, есть гнусная,

ужасающая бойня. Быки были на рѣдкость сильны и свирѣпы, а тореадоры до отвратительности неловки и трусливы. У меня какъ будто помутился разумъ отъ вида крови и труповъ. По случайности мы сидѣли притомъ во второмъ ряду внизу, т.-е. въ нѣсколькихъ аршинахъ отъ арены, и я въ первый разъ видѣлъ все такъ близко. Два быка перескочили черезъ барьеръ. Это могло имѣть опредѣленные послѣдствія для любого изъ перваго и втораго ряда, но все обошлось благополучно. Эти секунды только и были хороши, да еще нѣсколько секундъ, когда быкъ дважды чуть не поднялъ на рога убѣгающихъ клауновъ этого мерзкаго зрѣлища, спасшихся въ послѣдній крайній мигъ. Я искренно желалъ смерти кому-либо изъ этихъ отверженцевъ, и быкъ казался мнѣ, какъ весной въ Мадридѣ, благороднымъ животнымъ, умирающимъ съ достоинствомъ. Человѣки отвратительны. Публика, хохочущая на умирающихъ лошадей—жестокій кошмаръ. Я былъ въ аду. Я боленъ. Мнѣ невыносимъ видъ людей.

6 марта.—Ночь, полная гнетущихъ сновидѣній. Я какъ въ туманѣ сегодня. И опять этотъ городъ, который есть карриатура Европейскихъ городовъ. И опять, и опять въ газетахъ описаніе ужасовъ, которые совершаются въ Россіи. Въ несчастный часъ я уѣхалъ изъ Россіи, оттуда, гдѣ мучаются, переживаютъ незабвенную страницу исторіи. Мнѣ часто кажется, что я ужъ не живу. Точно я во снѣ. И вдругъ снова проснется чувство радости оттого, что я вижу цвѣты и странныя деревья, оттого, что Солнце грѣетъ, и въ Небѣ нѣжныя краски. Горло сжимается. Слезы жгутъ и слѣпляютъ глаза. Я сокращаю пребываніе здѣсь, но все же я долженъ сдѣлать то, что началъ, увидѣть новое, войти душой въ невѣдомый міръ. Мнѣ дана моя участь. Моя судьба—быть зеркаломъ душъ.

„О, я отъ призраковъ больна“,
Печалилась Шалотъ...

Ты помнишь Тэннисона?—Я муравей. Какой я альбатросъ! Я инструментъ, по струнамъ котораго проносится вѣтеръ. Другіе слушаютъ музыку, но, когда вѣтеръ улетаетъ, я лишь деревянный гробъ съ безмолвными струнами. Мой свѣтъ не свѣтитъ мнѣ, хотя я источникъ свѣта. Я тѣнь, призракъ. Я печаль.

7 марта.—Мехико—противный, неинтересный городъ. Испанцы уничтожили все своеобразное и безчестно европеизировали этотъ нѣкогда славный Теночтитланъ. Жизнь дороже, чѣмъ я рассчитывалъ, и

все плохо. Низкое обирательство. Масса Европейцевъ, прїѣхавшихъ и прїѣзжающихъ сюда для наживы. Единственно, что интересно, это лица „Индійцевъ“, т.-е. туземцевъ (между прочимъ, множество сходныхъ чертъ съ Русскими, Индусами, и нашими Кавказскими горцами), разнообразіе типовъ Мексиканскихъ, Морельскихъ, Отомитскихъ, предмѣстья, куда сюртуки не заходятъ, Museo Nacional съ обломками скульптурныхъ богатствъ, созданныхъ геніальной фантазіей древнихъ Майевъ и Мексиканцевъ, и варварски уничтоженныхъ мерзостными Христіанами. Окрестности Мексиканской столицы очень интересны, и мы почти каждый день ѣздимъ то туда, то сюда, на электричкѣ. Хороши профили снѣжныхъ вершинъ, потухшихъ вулкановъ Ицтаксигуатль и Попокатепетль. На Попокатепетль черезъ двѣ недѣли я совершу восхожденіе. Прекрасенъ роскошный паркъ-лѣсъ въ древней лѣтней резиденціи Ацтекскихъ царей, Чапультенекъ, съ вѣковыми агугуэтами, и осоками въ два человѣческіе роста. Тамъ есть дерево Монтезумы, таинственнаго царя-жреца, предавшаго свою родину бѣлокимъ разбойникамъ. Хороши агавы Такубайн, сады древняго селенія Тольтековъ, Койоаканъ. Хороши по ночамъ измѣненные узоры созвздій. Въ полночь я выхожу на свой балконъ и гляжу на опрокинутую Большую Медвѣдицу; она какъ разъ глядитъ въ мое окно. Мы теперь дѣйствительно антиподы. Но какъ мало, какъ мало всего этого! Міръ оскверненъ Европейцами. Европейцы — безсовѣстные варвары. Ихъ символъ — тюрьма, магазинъ, и трактиръ съ билліардомъ, сюртукъ и газетная философія. Я бы хотѣлъ уѣхать на островъ Яву, гдѣ царство смертоносныхъ гигантскихъ растений, цвѣточная свита Царицы-Смерти. Пока — я въ плоскости со скудными оазисами.

7 марта. — Повторяю, окрестности — настоящая Мексика. Вотъ и сейчасъ мы были въ Viga и въ Ixtacalco, мы ѣхали въ сапогахъ по каналамъ, среди праздновавшихъ карнавалъ Indios; было такъ странно видѣть Ацтекскихъ дѣвушекъ, въ вѣнкахъ изъ маковъ, говорить со смуглымъ человѣкомъ, который передвигалъ плоскую лодку длиннымъ шестомъ и глядѣлъ съ затаенной многовѣковой печалью. Вдали видѣлись снѣжныя вершины Ицтаксигуатль и Попокатепетль. Мы ѣхали потомъ по узкому каналу среди *shipashras*. — Квадратныя пространства земли, засаженныя маками и обрамленныя высокими Мексиканскими ивами, похожими на наши пирамидальные тополи. Есть лица здѣсь, у шалашей, съ безумнымъ гипнозомъ въ черныхъ глазахъ. Эти взоры смотрять въ прошлое, въ сказку. Наступали быстрыя сумерки. И грусть воздуш-

ная вошла въ душу, красивая, какъ воздушныя краски отвѣтовъ заката.

9 марта.—Здѣсь еще здѣшняя зима. Она сказывается въ томъ, что цвѣтовъ меньше обыкновеннаго, нѣтъ птицъ, облачно, по вечерамъ свѣжо. Но я, конечно, хожу всегда безъ пальто, окна всегда открыты, Солнце свѣтитъ, цвѣтеть „пылающій кустъ“ (дерево съ красно-лиловыми цвѣтами, которое распространено, между прочимъ, въ Египтѣ), „красочникъ“ (sologin), дерево безъ листьевъ, съ сочными, ярко-красными цвѣтами, каштаны, хмѣль, лимонныя деревья, магноліи, ирисы, розы, маргаритки, незабудки, маки, маки, маки, желтыя и бѣлыя ромашки, анютины глазки, еще какіе-то синіе, и бѣлыя, и лиловые цвѣтки. Не думай, однако, что я, окруженъ цвѣтами. Ихъ больше на рынкѣ цвѣтовъ, чѣмъ такъ просто. Въ Чапультеке ихъ много въ паркѣ — въ лѣсу. Тамъ и звѣрки землеройныя бѣгаютъ—точно въ дѣтствѣ читаешь Брэма. Арумы бѣлые растутъ въ канавахъ. Кое-гдѣ краснѣютъ цвѣты кактусовъ на хищныхъ уродливыхъ своихъ деревьяхъ, на которыхъ орлу можно сѣсть со змѣю въ клювъ.

Черезъ недѣлю начнется весна, расцвѣтъ, прилетятъ дятлочки. На вулканахъ начнутъ таять снѣга.

22 марта.—Ты говоришь: писать въ Мексику, все равно, что на Луну. До сихъ поръ это — великая неточность. Та Мексика, — городская, столичная, — которую я пока видѣлъ, до мучительности та же Европа, кое-въ-чемъ лучше ея, въ большей части неизмѣримо ниже. Оскверненная людьми, забытая сказка великаго прошлаго. Обезображенная подлыми людьми, великая, но измѣненная Природа. Мы скоро уѣдемъ въ Куэрнаваку, въ Митлу, на Юкатанъ, гдѣ есть еще памятники прошлаго. Но я мечтаю о возвращеніи черезъ Тихій Океанъ, я непременно хочу увидѣть Борнео, Яву, краешекъ Индіи.

23 марта.—Ты говоришь, что Русскія волненія не для меня. Къ сожалѣнію, я слишкомъ Русскій, и мнѣ все время грезится Россія. Я не хотѣлъ бы сейчасъ быть тамъ, пока въ воздухѣ ужасъ кровавой бани. Но мнѣ въ то же время невыносимо тяжелы Русскія несчастія и Русскія униженія. Я думалъ, что я буду способенъ всецѣло отдаться Древности. Нѣтъ, періодами я погружаюсь въ чтеніе и созерцаніе, но вдругъ снова боль, снова тоска. Мы, Русскіе, проходимъ черезъ такую школу, какая немногимъ выпадала на долю... Никто не вѣрилъ въ мою Мексикку? Я думаю, вообще никто, или почти никто не вѣритъ ни въ какія мои обѣщанія, забывая, что я ихъ, однако, сдерживаю. Когда же я

ихъ осуществляю, какъ полный переводъ Шелли, мнѣ тупо говорить: „Вы обѣщали перевести 15 драмъ Кальдерона“. Какъ будто можно сразу сдѣлать все! Я еще мало пока видѣлъ Мексику, но, разъ я долженъ былъ пройти черезъ нее, она не могла не осуществиться.

Мексиканцы не интересуются своимъ прошлымъ. Я говорю о буржуазіи. Простые Indios, наоборотъ, постоянно посѣщаютъ галереи Национальнаго музея, хотя бродятъ тамъ беспомощно. Трогательно видѣть эти бронзовые и оливковыя лица, возникающія передъ изваяніемъ Бога Цвѣтовъ, или Бога-Зеркальность (Богъ съ Лучезарнымъ Лицомъ). Въ душѣ возникаетъ электрическая искра незабвенной исторической дѣйствительности. Трогательно говорить съ простымъ Ацтекомъ о красотѣ цвѣтовъ мака, о благородствѣ Гватемока, который молча снесъ пытки и не сказалъ Кортесу, гдѣ зарыты національныя сокровища. Трогательно видѣть, какъ ласковы, ижны здѣсь жены съ мужьями и влюбленные съ любовницами, идутъ ли они трезвые, или, чаще, бредутъ, пошатываясь, въ убогихъ кварталахъ, около кантинъ, носящихъ названія „Pusion“, „Emociones“, „Infierno“, „Jardín del Diablo“, гдѣ потомки людей, мыслявшихъ красочными гіероглифами, пьютъ убогую, мерзостную пульке (перебродившій сокъ агавъ). Indios живописны въ своемъ униженіи и въ своихъ лохмотьяхъ. Но видѣть здѣшнюю буржуазію, когда она въ театрѣ, въ ресторанѣ, въ циркѣ, на улицѣ,—мерзко и тяжело. Это—жалкое подражаніе Европѣ, отвратительность третьеразрядныхъ движеній, тупость сытыхъ, грубо-чувственныхъ лицъ, глупыя улыбки, наглый смѣхъ.

30 марта.—Завтра мы уѣдемъ на два дня въ Куэрнаваку смотрѣть на Ацтекскія руины. Послѣдніе дни прошли въ бѣготѣ за разными *genseignements*, съ неукоснительными при этомъ посѣщеніями *Biblioteca Nacional* и *Museo Nacional*. Какъ все запутано въ вопросахъ „Американизма“. Я съ сокрушеніемъ вижу, что нужны цѣлые годы, чтобы достигъ здѣсь чего-нибудь. Я познакомился съ однимъ изъ кураторовъ Национальнаго музея, Николасомъ Леономъ; мы говорили съ нимъ и о моихъ изученіяхъ, и о моихъ предполагаемыхъ путешествіяхъ. Онъ нюхалъ табакъ, и снабжалъ меня скудными свѣдѣніями. Однако, сообщилъ мнѣ, что, если я поѣду въ Паленке, мнѣ придется купить палатку, самому заботиться о пищѣ и питьѣ, а также о томъ, чтобы проводники-индійцы не сбѣжали. Леонъ далъ мнѣ для прочтенія отдѣльные листы интересной книги Ордоньеса „Теологія Змѣй“ (комментарій къ „Американской библіи“, „*Popol-Vuh*“). Эта книга, вѣрно, никогда не выйдетъ

6 апрѣля.—Я былъ въ Куэрнавакѣ и оттуда верхомъ ѣздилъ къ руинамъ древней твердыни и храма Ацтековъ, Ксочикалько. къ вечеру вернулся къ Куэрнаваку и такимъ образомъ сдѣлалъ въ одинъ день экскурсію въ семьдесятъ верстъ. Я долженъ былъ ѣхать въ Куэрнаваку въ воскресенье. Сегодня четвергъ, но опоздалъ на поѣздъ на пять минутъ. Чтобы не возвращаться домой, поѣхалъ въ какую то невѣдомую Пачуку, захолустный городъ съ копами. Смотрѣть тамъ, какъ оказалось, нечего, но Судьба благоволила. Я попалъ на народный праздникъ, и передъ моими глазами прошли сотни и сотни, тысячи смуглыхъ бронзовыхъ Индійцевъ, въ огромныхъ соломенныхъ шляпахъ и живописныхъ лохмотьяхъ (они всѣ ходятъ, задрапировавшись полосатыми красными одѣялами, какъ испанскими плащами). Играла военная потѣшная музыка, гудѣли колокола, трещали ракеты. Солнце жгло, было весело.

Потомъ, позавтракавъ, мы стали взбираться на гору, въ предмѣстьи города, и тутъ произошло пріятное маленькое приключеніе. Е. устала, мы присѣли на камни, около какой-то стѣны; вслѣдъ за нами, вздыхая и стоная, взобралась какая-то индійская старуха, прислонилась къ стѣнѣ, и по-испански начала сѣтовать вслухъ, что ей въ день много разъ приходится мѣрить эту гору. Спросивъ, чтѣ мы тутъ дѣлаемъ, и узнавъ, что мы гуляемъ, она настойчиво стала приглашать насъ зайти en su casa. Мы пошли. На маленькомъ дворикѣ лежала привязанная огромная свинья (животное истинно мексиканское), фатиль индюкъ, офицерился пѣтухъ, стоялъ каменный домикъ изъ одной комнаты, въ ней двѣ кровати, утварь, цыплята. Ацтекскія цвѣтныя глиняныя кружки, и юная дочь старухи, принявшая насъ такъ первобытно-привѣтливо, такъ царственно - просто, какъ будто это было въ сказкѣ. Черезъ двѣ минуты мы болтали другъ съ другомъ доврчиво и весело; я узналъ всю ихъ біографію, узналъ, какъ онѣ живутъ, какъ онѣ добываютъ скудный свой заработокъ шитьемъ и своими животными. Эта невинно-чувственная, неосознающая своего юнаго очарованія, дѣвушка, Эулалія Альвиса, мнѣ странно напомнила Таню Ш. Какъ та когда-то мнѣ сказала: „А у меня еще есть обезьяна“,—такъ эта сказала мнѣ: „А у меня еще есть бѣлый котъ“,—и повела меня въ какой-то клѣтушокъ, гдѣ въ корзинкѣ мирно дремалъ gato blanco (horribile dictu!) кастрированный, дабы (какъ наивно изъяснила мнѣ старуха), не бѣгалъ изъ дому и былъ толще. Когда мы ушли отъ двухъ этихъ странныхъ существъ, живущихъ одиноко *sin miedo*, я чувствовалъ, что я влюбленъ. Да, это была какая-то нѣжная и грустная боль; мнѣ хотѣлось вернуться къ этой дѣвушкѣ, некрасивой,

но съ блестящими невинными глазами. Мнѣ хотѣлось ей сдѣлать что-нибудь приятное въ ея бѣдной жизни. Сейчасъ, когда я говорю о ней, я чувствую, что эта дѣвушка дорога мнѣ. Но я не увижу ее больше никогда. Такія бываютъ тучки на закатѣ. Воздушныя, онѣ свѣтятся, и быстро таютъ, гаснутъ лучи, воздухъ холоднѣе, и Небо грустнѣе.

Я надѣлъ leggings и вскочилъ на лошадь съ такой рѣшительностью, какъ будто былъ записной ѣздокъ. Правда, это — странное чувство. Я ѣздилъ верхомъ всего разъ десять въ жизни, — разъ на Ай-Петри, разъ на Кавказѣ, въ Кабардинской области, и нѣсколько разъ мальчишкой въ деревнѣ. Но тутъ я почувствовалъ какую-то странную увѣренность въ себѣ, силу и ловкость тѣла, и счастье, покойную радость. Мнѣ было удобнѣе и естественнѣе въ сѣдлѣ, на хорошемъ конѣ, среди горъ, нежели на стулѣ въ библиотекѣ. Первые минуты я быстро и внимательно изучалъ нравъ лошади, замѣчалъ, какъ она идетъ, шагомъ, рысью, и галопомъ, пуглива ли она, послушна ли. Скоро увидѣлъ, что она имѣетъ склонность заноситься вкачъ и постоянно уклоняться влѣво. Эта послѣдняя особенность, невинная на равнинѣ, оказалась весьма нежеланной, когда путь пошелъ по узкимъ тропинкамъ и слѣва были пропасти въ нѣсколько сотъ сажень.

На другой день мы поѣхали въ Куэрнаваку. Дорога идетъ среди горъ, надъ роскошными долинами, величественными какъ Океанъ, — лѣса, пропасти, снѣга дали, цвѣты, цвѣтуція деревья, озерныя зеркальности. Во многихъ мѣстахъ я вспоминалъ Военно-Грузинскую дорогу. Куэрнавака — живописный городъ; сюда съѣзжаются отдыхать. Въ отелѣ La Bella Vista, гдѣ мы остановились, была масса цвѣтовъ, „огненный кустъ“, и красныя лиліи, и розы; цвѣтныя стекла радостно играли подъ солнцемъ, а изъ окна моей комнаты я видѣлъ вѣчанныя снѣгомъ громады вулкановъ, Ицтакстигуатль и Попокатецетль. Ночью я долго смотрѣлъ на опрокинутый узоръ Большой Медвѣдицы. На слѣдующій день намъ подали верховыхъ лошадей.

Нѣсколько разъ мнѣ было жутко, когда приходилось спускаться по скатамъ, имѣвшимъ видъ чуть не вертикальной стѣны, такъ что нужно было совсѣмъ откидываться въ сѣдлѣ, дабы не соскользнуть. Проводникъ, мексиканскій мальчишка, лѣтъ семнадцать, съ которымъ я все время болталъ по-испански, сбился съ дороги и мы блуждали по горамъ. Это было къ моей выгодѣ: онъ противъ воли показалъ мнѣ прекраснѣйшія стремнины, на днѣ которыхъ бѣжали горныя ручьи, мѣстами образуя водопады. Пути почти не было. Камни и камни. Спуски и

подъемы. Солнце жгло. Время от времени жажда заставляла прильнуть къ горному ручью и пить. У руинъ я пробылъ нѣсколько часовъ и другимъ путемъ вернулся домой, усталый, при свѣтѣ звѣздъ и любуюсь на феерію безчисленныхъ свѣтляковъ, точно это былъ сказочный балъ фей и гномовъ, вдоль придорожныхъ ручьевъ и канавъ, засаженныхъ развѣсистыми деревьями.

7 апрѣля.—Я ничего еще не сказалъ о самыхъ руинахъ. Развалины Ксочикалько принадлежать къ числу самыхъ красивыхъ и величественныхъ созданій скульптурнаго и архитектурнаго генія Ацтековъ. Пирамидное построеніе, находящееся на вершинѣ горы, среди другихъ горныхъ вершинъ, вздымающихся кругомъ, представляетъ теперь лишь обломки, но рельефы основанія со всѣхъ четырехъ сторонъ видны, и на одной стѣнѣ хорошо сохранилась каменная легенда: оперенный змѣй, похожій на Китайскихъ и Японскихъ драконовъ, величественный и страшный, обнимающій своими извивами полъ-стѣны, и затѣмъ, въ обратномъ порядкѣ, симметрично повторяющійся на другой половинѣ,—фигура воителя обращена къ его пасти лицомъ, передъ воителемъ дымоподобный каменный узоръ, это означаетъ „цвѣтистую рѣчь“, пѣснь или молитву. Легенда повторяется съ новыми сочетаніями и фигурами, на другихъ стѣнахъ. Она рассказываетъ о четырехъ великихъ эпохахъ міра, связанныхъ съ четырьмя мировыми гибелями, которыя предшествовали нашей земной жизни и основанію знаменитой Тулы (иначе Туланъ, или Толланъ, „Крайняя Оуле“ Эдгара По, и всѣхъ средневѣковыхъ мистиковъ и мореплавателей, не знавшихъ, что Тула была не на сѣверѣ Европы, а въ предѣлахъ погибшей Атлантиды). Четыре мировые бича, и создатели: Огонь небесный (Солнце и Молнія), Огонь земной (Вулканъ), Воздухъ (Ураганъ), Вода (Потопъ).

Четыре бича, губящіе жизнь, могли ли быть лучше изображены, чѣмъ въ видѣ змѣевъ, которые грызутъ, и давятъ, и жалятъ, и удушаютъ? Но они же, извивами, обнимаютъ, какъ защитой сводовъ, тѣхъ, къ кому обращена эта страшная пасть. Черезъ гибель, мы приходимъ къ возрожденію. Мы тѣсно слиты съ губительными силами Космоса, и черезъ это сліянье, лишь черезъ него, можемъ стать смѣлыми воителями, глядящими Смерти прямо въ глаза, можемъ стать пѣвцами, поэтами, красиво поющими благоговѣйный стихъ. Такъ понимаю эти изваянія я. Ученые человѣки, которыхъ я читалъ, лишь фотографически описываютъ эти руины, не пытаясь изяснить ихъ символа, и лишь упоминая, что, вѣроятно, онѣ означаютъ четыре мировыя катастрофы.

8 апрѣля.—Я ничего не сказалъ о другой поѣздкѣ изъ Куэрнаваку, въ селеніе San Anton, около котораго есть водопадъ, довольно, впрочемъ, жалконькій, вродѣ нашего Учанъ-Су. Здѣсь на камнѣ я впервые увидѣлъ грѣющуюся подъ Солнцемъ игуану, а черезъ какіе-нибудь полчаса, въ саду одного изъ туземцевъ, увидалъ великолѣпное знаменитое изваяніе игуаны. Огромная, она, какъ живая, прилипала къ камню, точь-въ-точь какъ та, которую я только что видѣлъ. Древніе жители Мексики умѣли изображать животныхъ такъ же хорошо, какъ это умѣютъ дѣлать Японцы, и такъ же искусно ихъ стилизовали.—Мнѣ было жаль уѣзжать изъ очаровательной Куэрнаваки, которую недаромъ избрали своимъ дачнымъ мѣстопребываніемъ Ацтекскіе цари, а позднѣе ихъ—Кортесъ. Я заходилъ въ заброшенный дворецъ Кортеса. Былъ вечеръ, свѣтили звѣзды; я ходилъ взадъ и впередъ по той верандѣ, гдѣ онъ не разъ проникся и гордыми и горькими мыслями, смотря на далекія громады вулкановъ.

9 апрѣля. — Я купилъ цѣлый рядъ интересныхъ сочиненій по Мексикѣ. Приобрѣлъ трехтомную энциклопедію древне-мексиканскихъ вѣрованій и знанія, знаменитое единственное въ этомъ смыслѣ сочиненіе монаха Sahagun'a „Historia general de las cosas de Nueva Espana“, купилъ „библію“ народа Квичей, „Popol Vuh“, бросающую яркій свѣтъ на исторію Майевъ и представляющую поразительныя сближенія съ космогоніями Индусовъ, Скандинавовъ, Эллиновъ, и Евреевъ. Приобрѣлъ роскошное изданіе Lumholtz'a „El México desconocido“, гдѣ есть множество цѣнныхъ иллюстрацій. Приобрѣлъ и еще разныя книги.

Въ бібліотекахъ, которыя мы неукоснительно посѣщали два раза въ день, я прочелъ превосходныя работы Le Plongeon'a о Майяхъ и о мистеріяхъ у Майевъ и у Квичей, ознакомился съ капитальными работами Holmes'a, и Chagnay, и Chavego, описывающими руины Юкатана и Мексики; смотрю снова и снова роскошныя многотомныя коллекціи Kingsborough и Maudslay, въ которыхъ превосходно воспроизведены руины, остатки скульптуры, и цвѣтные ацтекскіе кодексы космогоническаго и историческаго содержанія. Я читаю быстро, слишкомъ много. Но я лишь дѣлаю рекогносцировку. Я еще увижу самыя руины, овѣяныя дыханіемъ, доносящимся изъ погибшей Атлантиды, я увижу Индію, я увижу Египетъ. Тогда...

Я познакомился съ здѣшнимъ знаменитымъ ученымъ, Чаверо. Онъ подарилъ мнѣ двѣ свои книги, и далъ рекомендательныя письма къ Юкатанскому губернатору и къ другимъ лицамъ, которыя помогутъ

намъ устроиться съ путешествіемъ къ руинамъ Майи. Это не такъ просто. Придется приобрести рядъ вещей для бивуаковъ подъ открытымъ небомъ. Юкатанскій губернаторъ дастъ намъ, навѣрно, двухъ конныхъ досмотрщиковъ (*gugales*), которые будутъ нашими тѣлохранителями противъ маловѣроятныхъ, но возможныхъ разбойниковъ и ягуаровъ.

Мнѣ странно и сладостно-жутко подумать, что черезъ нѣсколько дней я буду въ „сердцѣ Страны“.

Frontera, 26 апрѣля.—Вотъ уже двѣ недѣли какъ я въ сказкѣ, въ непрерывномъ потокѣ впечатлѣній. За все это время я въ точности не могъ писать, и послалъ лишь открытку передъ отъездомъ изъ Вера-Крусъ. Я востину путешествую теперь по древней тропической странѣ, и впечатлѣнія такъ быстро смѣняются, что мнѣ трудно отдать себѣ въ нихъ отчетъ, трудно даже припомнить по порядку все, что я видѣлъ за эти двѣ недѣли.

Солнце истомно грѣетъ и жжетъ. За окномъ поютъ цикады. Пальмы и другія тропическія растенія блестятъ подъ лучами. На крышѣ, передъ окномъ, сидитъ коршунъ.

Я не могу уѣхать раньше половины или конца іюня. Лишь въ іюнѣ начинается сезонъ дождей, и тогда впервые Мексика предстанетъ въ полномъ роскошествѣ изумрудныхъ и цвѣточныхъ уборовъ.

Теперь она въ подавляющемъ большинствѣ мѣстъ—выжженная пустыня, ея господствующій цвѣтъ — цвѣтъ волчьей шкуры. Я хочу непременно увидѣть ее въ изумрудахъ, и услышать раскаты тропическихкихъ грозъ.

Какое здѣсь торжество красокъ, краснаго цвѣта всѣхъ оттѣнковъ, и аметистовъ, и неописуемыхъ дрожаній закатнаго неба въ морской водѣ! Я пораженъ, что художники не ѣздятъ сюда, чтобы создать ошеломляющій концертъ карандаша и кисти.

Завтра опять уѣзжаю, въ Монтекристо, по рѣкѣ Усумасинтѣ, и оттуда, верхомъ, въ Паленке. Опять нѣсколько дней буду въ непрерывномъ потокѣ впечатлѣній, потомъ, вернувшись во Фронтеру на одинъ день, уѣду въ Мериду, столицу Майевъ, гдѣ, вѣроятно, изнемогу отъ жары, ибо уже здѣсь въ тѣни 35°, а тамъ еще теплѣе.

„Что такое птичка-бабочка?“—спрашиваетъ Ниника. Колибри, *chuparritos*, какъ ее зовутъ здѣсь, и *chuparosas* (лакомка миртъ, лакомка розъ), ускользаетъ отъ меня. Колибри, какъ здѣшніе цвѣты, ждуть дождей, лѣтнихъ грозъ, чтобы явиться въ полной своей красотѣ. До сихъ поръ я видѣлъ, живую, лишь одну колибри, въ San Felipe de

ВМБ
Н.Д.
1907

Агуа, въ окрестностяхъ Оахаки. Я былъ въ саду, и колибри начала трепетать воздушными крылышками около вѣтвей кинариса. Это продолжалось лишь нѣсколько секундъ, но я не забуду никогда этого трепетанья какъ бы призрачныхъ маленькихъ крыльевъ. Мнѣ одновременно припомнилось трепетанье нашихъ стрекозъ, „коромысло, коромысло, съ легкими крылами“, и летучихъ рыбокъ, такъ проворно перелетавшихъ отъ большой волны къ другой далекой волнѣ, когда я плылъ въ одно солнечное утро по Атлантикѣ. Колибри зовутъ здѣсь лакомками миртъ и розъ, потому что они ѣдятъ цвѣточную сладость, „сосутъ“ ее (chupar), какъ пчелы и бабочки. Въ Паленке, въ лѣсахъ, я увижу много этихъ феѣныхъ созданий.

Пуэбла—первый городъ, куда мы прѣехали изъ Мехико, самый интересный изъ всѣхъ, которые я видѣлъ до сихъ поръ. Въ немъ множество, довольно жалкихъ, католическихъ церквей,—не соблазнительно. Но зато въ его окрестностяхъ находится знаменитая пирамида Чолула, въ основаніи своемъ вдвое большая, чѣмъ пирамида Хеопса. Къ сожалѣнію, теперь эта пирамида обросла деревьями, травами, она имѣетъ видъ холма скорѣе, чѣмъ видъ пирамиды, и ея вершина, гдѣ вадымался роскошный храмъ свѣтлоликаго бога Воздуха, крылатога змѣя, Квещалькоатля, занята католической церковью. Чолула была въ старые дни тѣмъ же для Ацтековъ, чѣмъ нынѣ является Мекка для Мусульманъ, и Римъ—для католическихъ христіанъ. Туда двигались набожныя толпы пилигримовъ. Когда мы вошли на эту пирамиду, былъ вечеръ, и роскошная долина внизу, съ ея правильнымъ узоромъ полей, дорогъ, и селеній, окутанная вечерними тѣнями, являла ликъ невыразимо-печальной красоты. Нѣсколько Индійцевъ, съ одной красивой смуглолицой Индианкой, смотрѣли, какъ мы, на эту свѣтло-туманную элегію вечера и воспоминаній, потомъ прошли, какъ тѣни, бросивъ привѣтливо „Adiòs“ и „Hasta mañana“ (До завтра). И мы остались одни. Вѣтеръ, казавшійся осеннимъ, трепеталъ въ вершинахъ деревьевъ. Было грустно, грустно. Такъ пустынно, грустно, и красиво. Загласъ красавица Венера, царевна Мексиканскаго неба. Вулканы, бѣля, хранили слѣды Альпійскаго зарева.

Мы уѣхали на другой день въ плѣнительную Оахаку. Это былъ праздникъ. Это былъ чудный праздникъ. Оахака—истинно Мексиканскій городъ, въ немъ не чувствуешь Европы, и все такъ привѣтливо тамъ. Это страна Цанотековъ. А насколько Ацтеки коренасты, угрюмы, и тупы, настолько Цанотеки стройны, веселы, и умны. У нихъ при-

вѣтливыя лица, ихъ женщины смотрять такъ свободно и понимающе. Ихъ городъ наполненъ садами, и въ веселой Оахакѣ всегда можно услышать музыку, тогда какъ надъ противнымъ городомъ Мехико — вѣчный трауръ молчанія. Объ Оахакѣ было сказано „Morada de héroes en el jardín de los dioses“ (Обиталище героевъ въ саду боговъ). Дорога къ ней идетъ среди горъ и долинъ, среди очаровательныхъ горъ, гдѣ есть залежи мрамора, залежи оникса. Старинная поговорка гласитъ: „Кто не видѣлъ Севильи, не видѣлъ чуда“. Я говорю: Кто не видѣлъ Оахаки, не видѣлъ Мексики. Это — отдыхъ, это — радость жизни, это — праздникъ. Я нашелъ также въ этомъ маленькомъ городкѣ и Музей, небольшой, но очень интересный, и славную публичную Библиотеку, гдѣ я отыскалъ нѣсколько книгъ, въ высшей степени для меня полезныхъ. Въ Музее я видѣлъ поразительныя статуэтки и „caritas“ (личики, маски). Одна статуэтка до изумительности Египетская. У меня есть ея фотографія. Я купилъ также нѣсколько другихъ интересныхъ фотографій.

Утромъ, въ солнечный день, мы выѣхали въ смѣшномъ экипажѣ, запряженномъ шестью мулами, въ священную „сѣнь смертную“, въ древнюю Митлу, по-цапотекски *Lubbaa*, что значить „дверь гробницы“. Судьба благоволила ко мнѣ, и этотъ день былъ суббота, рыночный день. Едва я выѣхалъ за городскую черту, я вступилъ въ роскошную экзотическую панораму, которая тянулась на нѣсколько миль. Пѣшкомъ, на ослахъ, на мулахъ, на лошаденкахъ, частію въ повозкахъ, шли и ѣхали, въ разноцвѣтныхъ своихъ одеждахъ, группы Цапотеконъ — поселянъ съ овощами, съ разной живностью, съ разными сельскими продуктами, въ городъ. Эта панорама — чуть не самое красивое изъ всего, что я до сихъ поръ видѣлъ въ путешествіи, и во всякомъ случаѣ самое экзотическое, и самое убѣдительное для меня въ смыслѣ установленія родства между Мексиканцами и Египтянами. Сколько Египетскихъ лицъ и фигуръ я видѣлъ! И какое разнообразіе этихъ красочныхъ одеждъ! Цапотекы влюблены въ краски. Бѣлый, красный, синій, розовый, голубой, желтый, — всѣ краски проходили передъ глазами, въ разныхъ сочетаніяхъ, и я наврядъ-ли видѣлъ два-три костюма, которые были бы совершенно тождественны. Особенно красивы головныя уборы женщинъ. Онѣ повязываютъ голову синими покровами, въ видѣ тюрбановъ. Синіе самотканныя покровы съ бѣлыми клетчатными узорами. Изъ-подъ этихъ тюрбановъ смотрѣли смуглыя лица съ глазами, выразительность которыхъ трудно забыть. Нѣкоторыя лица были совершенно библейскія. Видѣлъ одну красивую старуху, которая такъ красива въ

своей старости, какъ красивъ былъ Леонардо-да-Винчи. Путь убѣгалъ, уходили призраки, нѣсколько десятковъ, минутъ я испытываю въ сердцѣ полное счастье. — Въ Митлѣ мы прѣѣхали въ деревенскій отель „La Sorpresa“, который дѣйствительно есть „Неожиданность“: одноэтажный домъ расположенъ какъ бы четырехугольнымъ корридормъ, и то, что въ испанскихъ домахъ образуетъ „patio“ (дворъ), здѣсь было чудеснымъ садомъ. Посрединѣ вздымался высокій кипарисъ, и на-темной его зелени, восходя узорно ввысь, краснѣли пурпурно-аметистовые цвѣты растенія, которое зовется „пылающій буетъ“, „пламенный цвѣтъ“. Этотъ пламецвѣтъ, когда на него смотришь, радостно поетъ въ душѣ.

27 апрѣля. — Черезъ 2½ часа уѣзжаю въ Монтекрестѣ. Оттуда, съѣздивъ въ Паленке, напишу еще и окончу рассказъ о своихъ впечатлѣнїяхъ. Посылаю два желтенькіе цвѣтка, и зеленую вѣточку. Эта послѣдняя — съ величайшаго дерева, кипариса селенія Туле, которое находится въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Оахаки. Ты не можешь себѣ представить, что за чудо это дерево. Нужно человѣкъ тридцать (точное исчисленіе), чтобы охватить его стволъ, или, вѣрнѣе, фантастическую группу стволовъ, которые, сѣдѣя и сѣрѣя, выходятъ одинъ изъ другого, сливаются, переплетаются, какъ колоссальныя змѣи. Въ то же время это одинъ стволъ. Но въ немъ, говорю я, есть извивы, изгибы, и грани. Нѣкоторыя грани имѣютъ видъ пещеръ, они похожи на утесы, на горные срывы. Когда приближаешься къ этой царственной „сабинѣ“, на сѣромъ утесистомъ фонѣ выступаетъ огромный узорчатый рельефъ. Это — какъ бы геральдическій ликъ всего колоссальнаго дерева. Изъ этого узла явственно выступаютъ въ мощныхъ сплетенїяхъ облики змѣй. Смотришь и чувствуешь, что это не дерево, а цѣлый замкнутый міръ, съ своей причудливой жизнью, съ своими странными грезами, растеніе — сонъ, растеніе — фантазія, растеніе — исполинскій призракъ. Въ одной изъ специальныхъ книгъ я прочелъ, что этому дереву не менѣе 3000 лѣтъ. И, однако, оно еще полно жизни, и въ немъ нѣтъ омертвѣлыхъ частей. Его могучесть неистощима. Когда я былъ въ горахъ Хохо, я спросилъ туземца-старика, знаетъ ли онъ дерево „Туле“. „Сото по?“ — воскликнулъ онъ, оживившись („Еще бы нѣтъ!“). „Ему три тысячи лѣтъ“, — сказалъ я. „Al ménos“, — отвѣтилъ онъ внушительно („По крайней мѣрѣ“), „al ménos“ — повторилъ онъ, погружаясь въ раздумье, и сѣдѣя тѣни вѣковъ, казалось, окутали насъ среди горъ.

Я живу теперь въ тропическомъ лѣсу, гдѣ бѣгаютъ огромныя игуаны, и летаютъ, какъ падающія звѣзды, свѣтляки.

8 мая. Фронтера.—Благополучно вернулся из путешествія къ руинамъ Паленке. Видѣлъ эти величественные замыслы Майской фантазій, проѣхалъ верхомъ свыше ста верстъ по тропическимъ лѣсамъ, слышалъ воли обезьянъ, и видѣлъ на своей дорогѣ отпечатокъ слѣдовъ Мексиканскаго тигра, но этимъ звѣремъ не былъ обиженъ, зато сожженъ былъ зноемъ и изжалеиъ всякими летучками. Пишу длинное письмо.

8 мая.—Я писалъ тебѣ, какъ я былъ очарованъ Оахакой и поѣздкой въ Митлу и Хѳо. Должно быть, это будетъ лучшая страница изъ моего пребыванія въ Мексикѣ. Въ путешествіяхъ, какъ въ карточной игрѣ, бывають мистически неизбежныя, счастливыя и несчастныя полосы. Впечатлительность попадаетъ въ какую-то магнетическую волну, и уже какъ-то не отъ тебя зависитъ, что тебѣ все удастся или, наоборотъ, все стоваривается противъ тебя. Въ Оахакѣ каждая мелочь, каждое лицо, каждая вещь были благосклонны. Не я устроилъ, а Судьба мнѣ подарила—что музыка играла въ садахъ, въ которыхъ мы проходили, и на однихъ деревьяхъ краснѣлись цвѣты, а на другихъ виднѣлись желтые и зеленоцвѣтные плоды. Не я устроилъ, а Судьба мнѣ подарила, что среди руинъ Митлы я увидѣлъ самую очаровательную женщину, какую я встрѣтилъ здѣсь въ Мексикѣ. Это была одна изъ жительницъ деревушки, находящейся у руинъ. Она предлагала намъ обломки идолчиковъ, которые вездѣ около руинъ, время отъ времени, то тутъ, то тамъ, вырываютъ изъ земли, при работѣ. Эта женщина вся смѣялась, и все въ ней какъ бы пѣло и говорило о пляскѣ. И мнѣ и Е. она показалась Египетской царевной. Она чувствовала, какъ мы ей восхищаемся, наше чувство передалось ей, ея глаза сверкали незабываемо, она была какъ проснувшееся утро, какъ весенній ручей. Въ одну изъ минутъ нашей краткой встрѣчи Е. начала глядѣть на нее какъ загниотизированная, та тоже; было странно видѣть, какъ двѣ эти женщины двухъ разныхъ расъ соединились воздушно во взаимномъ сочувственномъ любопытствѣ, и вдругъ обѣ разразились неудержимымъ смѣхомъ. Въ моей душѣ сейчасъ звучитъ этотъ смѣхъ Египетской царевны.

А услышать въ вечернемъ воздухѣ Митлы голосъ Славянина, восклицавшій „Добрый вечеръ“! Правда, это странно? Я осмотрѣлъ руины, отдохнулъ и пошелъ гулять. Подъ тѣнью одного изъ деревьевъ, которыхъ достаточно въ этомъ небольшомъ селеніи, я увидѣлъ неожиданно странную группу: черный медвѣдь, двое бѣлоликихъ, мужъ и жена,

обѣдающіе около него на землѣ, и полукругъ боязливыхъ туземцевъ, которые съ наивнымъ дѣтскимъ любопытствомъ смотрѣли на звѣря и чужеземцевъ.

„Это Славяне,—воскликнулъ я,—навѣрно!“ Вожакъ спросилъ меня на дрянномъ Испанскомъ языкѣ, кто я, и, узнавъ, что я Русскій, тотчасъ началъ радостно говорить со мной на странномъ языкѣ, представлявшемъ смѣсь Польскаго и его родного Сербскаго языка. Въ нѣсколько минутъ мы выработали свой собственный Всеславянскій языкъ,—я коверкалъ свои слова, онъ—свои и Польскія, я старался перещеголять его, подчиняя Россійскую рѣчь Генію Польской рѣчи, и наша бесѣда повергла туземцевъ въ еще большее изумленіе, чѣмъ видъ чернаго большого медвѣдя. Одинъ изъ Мехиканъ отдѣлился отъ толпы и крѣпко пожалъ мнѣ руку, свидѣтельствуя удовольствіе видѣть въ своемъ селеніи столь высокаго гостя. Соединеніе Мехиканскаго царства съ царствомъ Славянскимъ произошло безкровно, и черезъ минуту, подъ прикрикиванія предприимчиваго Славянина, объѣхавшаго весь міръ, черный Мишка показывалъ свои артикулы, ѣздилъ на палочкѣ верхомъ, изображалъ часоваго, прицѣплялся изъ палки въ туземцевъ, маршируя заставляя отступать испуганную толпу, и закончилъ какъ галантный кавалеръ—подавъ свою честную лапу сперва Е., потомъ мнѣ. Наградивъ артистовъ, мы ушли, провожаемые возгласами „Живіо!“ А когда стемнѣло, я снова встрѣтилъ Сербѣ, и его привѣтствіе „Добрый вечеръ!“ странно отозвалось въ моей душѣ. Мнѣ казалось, что вечернія краски, разбросанныя по Небу, какъ воздушный путь, увлекаютъ меня далеко, далеко...

9 мая.—Мнѣ трудно сейчасъ сказать что-нибудь о руинахъ Митлы. Я боюсь еще говорить о своихъ впечатлѣніяхъ отъ здѣшнихъ развалинъ. Я хочу видѣть, хоть въ отображеніяхъ, созданія иныхъ странъ, измышленія иной фантазіи. Знаю пока только одно: здѣсь скрыты талисманы богатой сокровищницы, гіероглифы, ждущіе своего чтеца. Къ сожалѣнію, осталось очень мало отъ царственныхъ созиданій, которыя существовали здѣсь много вѣковъ тому назадъ. Наибольшее впечатлѣніе на меня произвели катакомбы съ причудливыми арабесками, среди которыхъ глазъ съ изумленіемъ видитъ великое пристрастіе къ равно-стороннему кресту. Это возникновеніе креста и другихъ правильныхъ, математически-правильныхъ фигуръ, къ которымъ мы привыкли съ дѣтства, поражаетъ вниманіе во всѣхъ руинахъ здѣшнихъ странъ. Декоративный и строительный Геній, когда-то здѣсь царившій, вдохновлялся правильными фигурами и былъ влюбленъ въ математику.

10 мая.—Я ходилъ сейчасъ на почту отправить письмо, зашелъ оттуда на рынокъ, и купилъ на восемь сентавовъ (восемь копеекъ) десять банановъ и три плода, названія которыхъ я не знаю: размѣръ — среднее Русское яблоко, верхнюю часть срѣзаютъ, какъ Хохлы это дѣлаютъ съ арбузами, и ложечкой вычерпываютъ сладковатую бѣлую освѣжительную массу. Въ Хонугъ,—мѣстечко, гдѣ останавливался нашъ пароходъ,—мы купили за четвертакъ цѣлую корзинку плодовъ, которые называются пашеу,—это царь здѣшнихъ плодовъ, желтый плодъ, напоминаетъ вкусомъ что-то среднее между айвой, дыней и ананасомъ. Ананаса здѣсь можно ѣсть до-сыта копейки за три. Можно также, не расточая денегъ, сосать сахарный тростникъ. За реалъ (12 копеекъ) мы покупали въ Оахакѣ чудесный букетъ розъ. О, если бы человѣки подражали цвѣтамъ и плодамъ!.. Въ сихъ кроткихъ туземцахъ, когда имъ нужно сорвать съ иностранца ип reso (песо равняется рублю) или ип reso mas (еще песо), просыпается все упорство и вся жестокость Ацтека. Слава еще Богу, что здѣсь, напримѣръ, есть Китайцы. Здѣсь, въ милой Фронтерѣ, я нашелъ колонію Китайцевъ. Мнѣ очень нравятся Китайцы. Это уже не первый разъ, что я встрѣчаю ихъ здѣсь въ Мексикѣ, и каждый разъ они оставляютъ пріятное впечатлѣніе. Въ нихъ есть что-то дѣтское, они постоянно смѣются, и въ нихъ есть естественное достоинство, ихъ услужливость совсѣмъ не имѣетъ рабьяго характера. Мексиканцы не то; въ нихъ слишкомъ часто чувствуешь подчиненную, подчинившуюся расу, и они такъ часто убудочны. Эта помѣсь Индійской крови съ Испанской отнюдь не содѣйствуетъ улучшенію Индійскаго типа. Мексиканцы занимствовали всѣ дурныя качества Испанцевъ (лѣньность, грубость, жестокость), но я не видалъ, чтобы имъ удалось дѣйствительно перенять благородныя черты Испанскаго кабальера, съ его смѣлостью душевныхъ движеній и съ его кипучей страстностью. Мнѣ иногда кажется, что Испанцы время завоеванія потому такъ охотно рубили головы Мексиканцамъ, что ихъ подвижная, быстро соображающая, натура не могла не раздражаться, не могла не приходиться въ слѣпую ярость при видѣ этихъ „Американскихъ Голландцевъ“, которымъ нужно десять разъ сказать самую простую вещь, прежде чѣмъ они ее поймутъ. Я не говорю, впрочемъ, огульно. Среди туземцевъ сихъ мѣсть есть много привлекательныхъ, у нихъ вообще есть очаровательныя черты, но это пока они не коснутся Города. Во всякомъ случаѣ по теперешнимъ Indios довольно трудно возстановить тишь великихъ создателей пирамидъ и храмовъ Солнца.

11 мая. Я такъ и не кончилъ свой рассказъ о Митлѣ. Я писалъ, что меня поразило въ катакомбахъ Митлы обильное присутствіе креста въ видѣ орнамента, не только въ видѣ орнамента, но, конечно, и въ видѣ извѣстнаго символа. Крестъ еще болѣе поражаетъ въ руинахъ Паленке, возрастъ которыхъ въ исторіи опредѣляется цифрой 3000 лѣтъ. Созиданія Паленке увлекаютъ мысль на неопредѣленную лѣстницу столѣтій. Здѣшніе специалисты, какъ Чаверо, говорятъ о эпохѣ въ 2500 лѣтъ. Я не имѣю мѣрила, но только вижу, что передо мной замысли сѣдой древности, той древности, когда могучій голосъ Фараоновъ находилъ несчетные отклики въ великомъ царствѣ Нила.

Когда при свѣтѣ звѣздъ я размышлялъ о только что видѣнныхъ развалинахъ Митлы, я вспомнилъ гротескную мысль католическихъ монаховъ о Дьяволѣ, какъ литературномъ обворовывателѣ Христа, и во мнѣ, смѣясь, запыли строки.

Я въ сказкѣ, въ странной ласкѣ Сна,
 Моя душа опьянена,
 Я ничего не понимаю,
 Иль въ самомъ дѣлѣ Сатана
 Здѣсь преграждалъ дорогу къ Раю?
 И, совершивши, плагиатъ,
 Какъ это padres говорятъ,
 Возславилъ Крестъ до Христіанства,
 Чтобъ, сонмы душъ увлекши въ Адъ,
 Умножить вопли океанства?

Пусть точные изслѣдователи говорятъ мнѣ, что Крестъ у разныхъ народовъ имѣлъ разное значеніе, былъ символомъ Неба, символомъ четырехъ вѣтровъ, символомъ бога Дождя. Моя душа слишкомъ отравлена странными травами, выросшими подъ тѣнью Креста Христова, и я не могу болѣе смотрѣть на присутствіе Креста въ чуждыхъ памятникѣхъ безъ особаго, невыразимо-многосложнаго ощущенія міровой мистеріи которая, какъ гигантская птица, нависла именно надъ маленькой Палестиной и надъ маленькой Европой, но безмѣрные крылья которой черныя крылья Мірового Кондора, уходятъ вправо и влево, въ прошедшее и будущее—въ какое неоглядное Прошлое! въ какое непредвидимое Будущее! Здѣсь-ли, въ этой-ли странѣ не быть Кресту среди изваяній, когда онъ свѣтится на самомъ небѣ, надъ здѣшнимъ горизонтомъ? Я помню это единственное впечатлѣніе, когда увидалъ впервые созвѣдіе Южнаго Креста. Только что наступила ночь; былъ темень и звѣзденъ Востокъ; мы плыли, возвращаясь изъ Паленке, по рѣкѣ Усумасинтѣ, по которой въ незапамятной древности, плылъ царь-жрецъ,

строитель законовъ и зданій, Вотанъ,—и вдругъ я почувствовалъ, что вонь тамъ, за черною лѣса, надъ горизонтомъ, къ Востоку, небо со-всѣмъ другое, чѣмъ я его знаю. Что за странныя звѣзды вонь тамъ? Что за странный узоръ, котораго я никогда не видалъ? Да вѣдь это Южный Крестъ! Южный Крестъ, на который, какъ на маякъ, шли съ наступленіемъ весеннихъ дней торговые караваны древнихъ Мексиканцевъ! Южный Крестъ, о которомъ я столько мечталъ, къ которому стремилась моя душа, какъ стремились волхвы къ звѣздѣ Внолеемской!—Каждый вечеръ, съ пріѣзда во Фронтеру, я ходилъ на пристань, и смотрѣлъ на Южный Крестъ. Косвеннымъ узоромъ, какъ крестъ, который незримая рука устремляетъ къ Землѣ, какъ бы благословляя ее имъ, или какъ бы роняя его на нее, этотъ Звѣздный Символь горитъ надъ Моремъ, низко виситъ надъ Землей, а тамъ высоко, напротивъ, сіяетъ наше языческое Сѣверное Семизвѣдіе, которое неизмѣримо дороже моея душѣ.

12 мая.—Я ничего не сказалъ тебѣ о царственныхъ руинахъ Хдо, куда мы ѣздили въ коляскѣ изъ Оахаки на причудливой шестеркѣ, изъ которой два номера—были клячи, и четыре—мулы. Доѣхавъ по невозможной дорогѣ до горъ, я долженъ былъ слѣзть и совершить подъемъ пѣшкомъ, руководимый нѣкимъ старцемъ. Спотыкаясь о камни и смотря сверху внизъ на чудесную долину, озаряемую лучами заходящаго Солнца, я прошелъ не безъ труда версты три, прежде чѣмъ увидѣлъ благородныя развалины. Цари здѣшнихъ странъ умѣли въ древности выбирать мѣста для своихъ созиданій. Изъ своихъ дворцовъ они могли, съ высокихъ горъ, смотрѣть на міръ, лежащій тамъ, внизу, и на восходящее Солнце, и на заходящее Солнце. У входа въ одно изъ разрушенныхъ зданій находится рядъ большихъ каменныхъ плитъ съ барельефами. Чтб за лики! Всѣ лица различны. Можно подумать, что, образуя свиту для того, кто входилъ въ этотъ дворецъ, они символизировали тотъ фактъ, что владыка этихъ горныхъ зданій былъ царемъ разныхъ народовъ, покорно стоящихъ у входа въ его покои. Одна фигура была совершенно Египетская. Миѣ казалось, что я вижу мумію великаго Рамзеса-Завоевателя.

Пока мы бродили среди руинъ, взошла Луна, и чужеземецъ, охраняющій ихъ, желая сдѣлать намъ что-нибудь пріятное, а можетъ быть, не намъ, а себѣ, зажегъ близъ этихъ фигуръ сухія травы. Огонь весело побѣждалъ по травамъ и заплясалъ въ оранжевой пляскѣ. „Sacrificio à la Luna?“—спросилъ я, улыбаясь. „Si, señor“,—отвѣтилъ онъ миѣ веселымъ голосомъ, и посмотрѣлъ на меня понимающими глазами. „Цвѣты

изъ пламени“, — сказала я, и снова онъ посмотрѣлъ нечуждымъ взоромъ. Когда я прощался, онъ подарилъ намъ нѣсколько подлинныхъ *caritas* (небольшія глиняныя маски идольчиковъ). Возвращаясь въ окутанную тьмой Оахаку, я видѣлъ среди деревьевъ летающихъ свѣтляковъ. — Изъ Оахаки намъ пришлось вернуться въ Пуэблу, и на другой день, въ 6 часовъ утра, мы выѣхали въ Вера-Крусъ по очень красивой Междуокеанской дорогѣ (*Ferrocarril Interocéánico*). Среди горъ и долинъ, среди лѣсовъ, лужаекъ, и пропастей, дорога вьется причудливымъ узоромъ, и, правда, врядъ-ли гдѣ въ мѣрѣ можно еще видѣть, что ты ѣдешь долгие-долгие часы — все время имѣя передъ глазами великолѣпныя громады вулкановъ, увѣнчанныхъ снѣгами: на западѣ — Попокатепетль и Ицтаксигуатль, на сѣверѣ — Малинче, на востокѣ — Орисава (самый красивый изъ всѣхъ здѣшнихъ вулкановъ по гармоніи очертаній). Вера-Крусъ этотъ разъ произвела на меня совершенно иное впечатлѣніе. Она частію напоминала мнѣ привлекательную Гавану, частію (какъ это ни странно) Севилью, нашу Севилью, гдѣ мы видѣли съ тобой католическую *Semana Santa*.

Мы попали въ Вера-Крусъ въ Страстную недѣлю. Было солнечно, весенне, празднично, экзотично. Было много черныхъ. Негритянскія лица нравятся мнѣ очень. Впервые я понялъ ихъ очарованіе въ Гаванѣ, гдѣ много черныхъ. Видѣть Негритянокъ, которыя набожно молятся въ католическомъ храмѣ, падая на колѣни передъ уродливыми куклами Христа и Маріи, это — зрѣлище совершенно особенное. Я говорю, меня трогаютъ, меня восхищаютъ Негритянскія лица. Они гораздо привлекательнѣе коричневыхъ лицъ Индійцевъ. Въ нихъ нѣтъ этой пасмурной угрюмости, въ нихъ — дѣтскость, доброта, въ нихъ дремлетъ безудержная чувственная страстность, въ ихъ глазахъ — завлекающій матовый блескъ. Кромѣ того, Негры нравятся мнѣ какъ точная четкая отдѣленность, какъ несомнѣнная отличность по типу отъ меня, бѣлоликаго. Мой обратный полюсъ.

И та же набережная Вера-Крусъ показалась мнѣ этотъ разъ иной. Шире, красивѣе. Наши чувства мѣняютъ предметы кругомъ. Во мнѣ была весна, въ моей душѣ звенѣли колокола и радостно пѣли цвѣты и цвѣта. Дожидаясь отплытія, мы бродили по старымъ улицамъ, по набережной, катались въ лодкѣ по Морю, а Море было синее, свѣтлое, Море смѣялось. Я чувствовалъ, что я ѣду къ новымъ мѣстамъ, къ истинно новымъ мѣстамъ, освященнымъ памятниками таинственнаго Прошлаго. Однако, горе всѣмъ тѣмъ, кто долженъ перемежать созерцаніе здѣшнихъ

руинѣ—плаваніемъ на мексиканскихъ пароходахъ. Ты не можешь себѣ представить, что это за ужасъ. Если Русскіе неопрытны, то Испанцы и Итальянцы, какъ ты знаешь, въ этомъ имъ не уступятъ, Мексиканцы же въ этомъ доблестномъ спортѣ несомнѣнно побили рѣкордъ. Но я сейчасъ пойду обѣдать къ Китайцамъ, и потому боюсь рассказывать тебѣ о нашихъ испытаніяхъ и нашихъ мужественныхъ и хитроумныхъ способахъ борьбы съ невозможностью. „Нужно беречь наши бѣдные глаза“, восклицаетъ герой Мэтерлинка. „Нужно беречь наши вкусовыя возможности, нашу ѣдоспособность“, говорю я—и чувствую пренепріятное щекотаніе въ горлѣ. Я напишу со временемъ особую книгу: „Руководство для злосчастныхъ путешественниковъ, кои пожелаютъ, въ своей непредувѣдомленной неосмотрительности, ѣсть, пить, спать, и мыться — на Мексиканскомъ пароходѣ (!!)“.

Пріѣздъ во Фронтеру былъ радостью. Это—маленькое торговое мѣстечко, въ тропическомъ лѣсу. Я впервые услышалъ здѣсь немолчный гулъ голосовъ тысячи цикадъ, которые связаны съ тропиками. Впервые вошелъ въ лѣсъ, состоящій изъ плотной переплетенной стѣны зелени. Я вошелъ—и шелъ среди кустарниковъ мимозъ, банановъ, кокосовыхъ пальмъ, и другихъ непривычныхъ для глаза растений. Въ полуденный жаркій часъ я видѣлъ здѣсь игуанъ, и цѣлые адскіе соимы крабовъ на прибрежьи; они бѣгаютъ бокомъ, прыгаютъ какъ пауки, прячутся въ норы и выглядываютъ оттуда, потираютъ себя кривыми лапами, совершенные чертита, почесывающіе себя кривыми руками, смотрятъ выпученными своими глазами, и поразительно похожи на человѣкоподобныхъ существъ. По вечерамъ, надъ водой и среди деревьевъ летаютъ свѣтляки. У нихъ электрической зеленовато-бѣлый свѣтъ, они похожи на падающія звѣзды, но эти земныя звѣзды падаютъ по дугообразной линіи снизу вверхъ, и вдругъ вверху гаснутъ, — необычное впечатлѣніе, къ которому невозможно привыкнуть. Теперь, съ новой Луной, ихъ стало гораздо меньше.

Изъ Фронтеры, по рѣкѣ Усумасинтѣ, мы доѣхали до сквернаго мѣстечка Монтекристо, полтора дня пережидали ливень, который промочилъ даже весь домишко, гдѣ мнѣ, къ прискорбію моему, пришлось почевать, потомъ совершили мучительнѣйшее путешествіе верхомъ къ руинамъ Паленке. Оно было бы еще мучительнѣе, если бы не мои усиленные разспросы и разузнаванія. Я заподозрилъ Чаверо. Сей ученый мужъ, давшій мнѣ рекомендательныя письма къ разнымъ губернаторамъ

Табаско, и Юкатана, наговорилъ мнѣ всякихъ ужасовъ. Сказалъ, что мы должны купить палатку, утварь кухонную, непременно купить револьверъ, ѣхать въ сопровожденіи двухъ rurales (конные вооруженные сельскіе досмотрщики), быть готовыми къ тому, что проводники-индійцы могутъ отъ насъ сбѣжать, и пр. и пр. Сей ученый мужъ, какъ я убѣдился теперь, вовсе не былъ въ руинахъ Паленке, или развѣ что былъ въ нихъ когда-нибудь лѣтъ 30 тому назадъ (и это мало вѣроятно). Я познакомился на пароходѣ, когда мы ѣхали изъ Вера-Крусъ, съ однимъ Норвежцемъ, тотъ познакомилъ меня съ Американскимъ фотографомъ, бывшимъ въ Паленке, и этотъ со смѣхомъ сталъ убѣждать не ѣхать въ Табаско, а, доѣхавъ до Монтекристо, кратчайшимъ путемъ, въ одинъ день, добраться до руинъ верхомъ. Хозяинъ нашего отеля здѣсь оказался какъ разъ изъ Монтекристо, онъ далъ мнѣ письма туда, гораздо болѣе полезныя, чѣмъ воззванія къ Мексиканскимъ генераламъ, преданныя мною забвенію. Здѣсь во Фронтерѣ я встрѣтилъ еще Чикагскаго профессора Стефенса, богослова, знающаго меня со словъ Гарнера (того Американскаго юноши, который бывалъ у меня въ Москвѣ). Богословъ началъ тоже застрашивать насъ, и настаивать, чтобы я купилъ пистолеть. Я сказалъ ему, что предпочитаю быть убитымъ, чѣмъ убить. Богословъ былъ растроганъ. „Но ваша дама“, воскликнулъ онъ съ комической мужественностью, „вы не можете допустить, чтобы на вашихъ глазахъ убили вашу даму“. При одобрительномъ смѣхѣ моей дамы я сообщилъ Американцу, что ей нравится мысль о возможности разбойниковъ и хищныхъ звѣрей. Итакъ, мы пренебрегли всѣми „добрими совѣтами“. Воспользовались лишь однимъ: купили въ дорогу нѣсколько бутылокъ минеральной воды.

До Монтекристо доѣхали на очень медлительномъ пароходѣ, но кони, на которыхъ мы поѣхали къ руинамъ, были медлительнѣе медленности. Подали лошадей въ 6 часовъ утра, но до 8-ми мы не выѣзжали, ибо Е. дали мужское сѣдло, она его отвергла, и два часа по всему Монтекристо (сія столица дураковъ невелика размѣромъ, зато въ ней много осъ, жуковъ, и комаровъ, и пауковъ, и муравьевъ, о, муравьевъ, достойныхъ быть примѣромъ) искали дамскаго сѣдла, наконецъ, нашли — у дамы-лѣвши, значить, и тутъ неудача, приходилось ѣхать какъ-то à-rebours. Собственноручно передѣлавъ сѣдло, поѣхали, и добрые кони ѣхали шагомъ 50 верстъ. О, о, о! Дорога была полна лужъ. Въ каждой лужѣ моя кляча изобличала упорное желаніе пить, а также лечь животомъ въ воду. Будучи наблюдателемъ по профессіи, и прирожден-

нымъ кавалеристомъ (о чемъ я доселѣ не подозрѣвалъ), я быстро усмотрѣлъ этотъ подлый конскій тикъ, и, вздергивая повода, — какъ это Петръ дѣлалъ съ Московіей, — во всю дорогу не позволилъ животинѣ улечься на животъ. Но это напряженное вниманіе, по столь неблагородному поводу, сильно отравило мое удовольствіе отъ поѣздки среди пальмъ, ліанъ, и деревьевъ, украшенныхъ роскошными орхидеями. На одномъ изъ глинистыхъ срывовъ, нашъ проводникъ (совершенно идиотической юноша, о которомъ я „отечески“ заботился всю дорогу) полетѣлъ съ своей лошадыю въ баганса (стремнина). Лошадь мы съ трудомъ подняли. Никто не пострадалъ, кромѣ нашего чемоданчика, на которомъ образовалась дыра. Я нашелъ спускъ гораздо болѣе удобный, и мы спустились вполне благополучно. У руинъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приходилось прорубать дорогу среди сплетенныхъ вѣтвей. Въ одномъ мѣстѣ я спросилъ Е., помнитъ ли она тотъ форть Гойи, гдѣ люди возятъ ословъ. Получивъ утвердительный отвѣтъ, я сказалъ, что мы сейчасъ, съ своими заботами о лошадяхъ, какъ разъ въ такомъ положеніи. Увы, я не зналъ, что я не острою, а говорю точную правду! Черезъ двѣ минуты подъемъ сдѣлался такъ труденъ, что пришлось слѣзть, и вести лошадей за повода, по камнямъ, ступая черезъ сваленные стволы деревьевъ. Перекинуть веревку черезъ плечо, дрожа отъ напряженія, и обливаясь потомъ, я тащилъ упрямую пугливую скотину, не имѣвшую ни малѣйшаго желанія восходить къ разрушеннымъ святилищамъ Майевъ. Тутъ я вдвойнѣ и втройнѣ понялъ знакомое мнѣ чувство: я понялъ, какъ тяжело, будучи человѣкомъ и поэтомъ, влачить на своей спинѣ скотовъ.

Наконецъ, у цѣли! Холодные брызги ключа, хоть сколько-нибудь освѣжающая тѣнь, и святыня руинъ! Я напишу тебѣ о своихъ впечатлѣніяхъ о Паленке, когда увижу родственные, — но, какъ кажется, болѣе поздней эпохи, — памятники Юкатана, руины Уксмаль и Чиченъ-Итцá, столь прославленные работами Лё-Плѣвжона. Мнѣ было больно видѣть, въ какомъ небреженіи находятся эти священные останки минувшаго. Я одинъ изъ немногихъ Европейцевъ (очень немногихъ), которые имѣли энергію и возможность ихъ увидѣть воочию. Кто знаетъ, будутъ-ли еще существовать эти величественные барельефы черезъ какіе-нибудь 15—20 лѣтъ. Они покрываются мохомъ и плѣсенью, они быстро разрушаются. А между тѣмъ въ гіероглифическихъ пластинкахъ дворцовъ Паленке скрываются какія-то дивныя строки, узорныя надписи Майевъ, ихъ такъ немного теперь въ мірѣ! Я непременно возьму, какъ эпитафю, для одной изъ своихъ будущихъ поэмъ, слова царицы Майевъ, изваянныя

древнимъ скульпторомъ Паленке. „О, ты, который позднѣе явишь здѣсь свое лицо! если твой умъ разумѣть, ты спросишь, кто мы.—Кто мы? А! зарю спроси, спроси лѣсъ, волну спроси, спроси бурю, Океанъ спроси, спроси любовь! Спроси землю, землю страдающаго и землю любимую! Кто мы? А? Мы—земля!“ Это она же, невѣдомая и прекрасная, которая сказала, что она хочетъ быть красивой, хотя ея красота—кто знаетъ?—быть можетъ, будетъ причиною слезъ, эта таинственная царица, велѣла извѣщать слова: „Я—отдаленный голосъ Жизни, я—всемогущая Жизнь!“

23 мая. Мерида.—Вынужденное ожиданіе парохода, въ полутныхъ мѣстечкахъ. Рѣчные пароходы нагружаютъ пассажировъ и нагружаютъ бревна и скоть. Послѣдній грузъ болѣе доходный и вѣрный, а потому да умалится слава человѣковъ и да умножится вниманіе къ скотамъ. Мы приѣзжаемъ въ какую-нибудь Хонуту или Коатцакоалькошь, тамъ есть деревья съ цвѣтами, и есть вкусные плоды мамэй. Приятно. Но мы ждемъ часъ, два, три. Почему? Нужно нагрузить десять быковъ. Когда же? „*Quién sabe?*“ звучитъ вопросъ-отвѣтъ. Совершенно Русское: „А кто-жь его знаетъ?“ Это чудовищное „*Quién sabe*“ Мексиканцы произносятъ съ преглуной улыбкой и пренагло смотрять при этомъ прямо въ глаза. „*Quién sabe!*“ восклицаетъ взбѣшенный Европеецъ. „Что же, быть можетъ, завтра?“ Онъ спрашиваетъ съ насмѣшкой, но ему невозмутимо отвѣчаютъ: „Быть можетъ. Вѣроятно, завтра“. И мы дѣйствительно стоимъ и ждемъ 12 часовъ, а потомъ чуть не столько же времени нагружаемъ десять *toros*, которые ревуть, мычатъ, убѣгаютъ, и отнюдь не являютъ желанія отправиться въ ближайшій городокъ, гдѣ трусливые тореадоры будутъ упражняться надъ ними въ тормахинъ, къ удовольствію тупоумной публики. „А, чччоррртъ васъ дери!“ произношу я скрежеща зубами, „завтра я уже долженъ былъ быть на руинахъ“. Проклятія я произношу сперва по-Русски, потомъ со вкусомъ, *con mucho gusto*, перевожу ихъ на Испанскій языкъ. Но меня не понимаютъ. Я въ въ странѣ, гдѣ не торопятся. Кстати, вѣдь это первая фраза, которой меня пріѣтствовали въ Мексикѣ. Когда мы прибыли въ Вера-Крусъ (какъ это было уже давно!), и въ первомъ же отелѣ я началъ нетерпѣливо о чемъ-то разспрашивать, хозяинъ заботливо освѣдомился: „Вы изъ Европы?“ И послѣ моего утвердительнаго отвѣта дружелюбно посовѣтовалъ: „Такъ запомните же: вы въ странѣ, гдѣ нельзя торопиться“.

28 мая. Мерида.—Кажется, Солнце прекратитъ мое письмо. Уже второй день оно такъ неистово жжетъ. Подъ вліяніемъ солнца сіясты, близкія и далекія отъ меня качалки наполнились спящими людьми.

Пишу въ ratio нашего двора, близъ деревьевъ. Здѣсь все же оно милосерднѣе, чѣмъ было во Фронтерѣ и въ Паленке, гдѣ стеариновые свѣчи утрачивали подъ вліяніемъ солнечнаго тепла свое вертикальное положеніе и превращались въ какой-то жалкій вопросительный знакъ, чайный котелокъ, находившійся въ ручномъ сакиояжѣ, оказался нагрѣтымъ безъ помощи спирта, такъ что объ него почти можно было обжечься. Не напоминаетъ ли это повѣствованій барона Мюнхаузена? Между тѣмъ, это истинная правда.

Я мало говорилъ въ прошлыхъ письмахъ о своихъ впечатлѣніяхъ отъ тропическаго лѣса. Можетъ показаться страннымъ, но, увидѣвши экзотики, я возвращаюсь страстнымъ поклонникомъ Россіи и Европы. Мнѣ нравится многое здѣсь. И этого многого прекраснаго нѣтъ у насъ. Но въ общемъ, въ цѣломъ, можно ли сравнивать нашу изысканно-красивую Европу съ этими варварскими странами? О, наша Европа! Она представляется мнѣ нѣжнымъ ожерельемъ, нѣжной жемчужиной, воздушной акварелью, оазисомъ, садомъ, чарующимъ садомъ, гдѣ на маломъ пространствѣ — удивительное разнообразіе гениальныхъ достижений. Наши города — стройны и величественны, какъ видѣнія спящаго ума. Наши города — священныя хранилища великихъ созданий Искусства. Это — зачарованныя горницы, въ которыхъ много дивныхъ талисмановъ. Наши рѣки и озера многоводны. Наши лѣса полны свѣтлыхъ прогалинь, наши лѣса и рощи — какъ сады, наши дремучіе лѣса полны сокровенныхъ тайнъ, свѣжести, сказокъ, нѣжныхъ цвѣтовъ, птицъ съ гармоническимъ голосомъ.

Мехико. 6 іюня. — Мое послѣднее письмо въ Меридѣ оборвалось. Я не могъ его продолжать, мной овладѣло передъ отъѣздомъ то ощущеніе душевной пустоты, которое возникаетъ, когда закончишь что-нибудь большое. Посѣщеніе руинъ Уксмаль и Чиченъ-Итцá, величественныхъ, надо думать, не менѣе, чѣмъ Египетскія, завершило мои двухмѣсячныя странствія въ областяхъ Чапасъ, Табаско, Кампече, и Майя. Что-то большое кончилось. И кончилось — все же не давъ мнѣ и части того, чего я ждалъ. — Къ этой послѣдней тоскливой нотѣ примѣшалось чувство изумленія и жгучей боли, отъ поразившаго меня извѣстія о разгромѣ нашихъ кораблей (я такъ ихъ полюбилъ за ихъ долгій и трудный, искусно пройденный путь!) —

10 іюня. — Я еще ничего не сказалъ о томъ, какъ я путешествовалъ по странѣ Майевъ. Боюсь, что ничего не сумѣю рассказать, не сдѣлавъ этого своевременно, подъ первымъ впечатлѣніемъ. До поразительности

быстро стираются впечатлѣнія, когда ихъ мѣняешь такъ непрерывно. Давно ли я былъ въ Паленке? Ни за что въ мірѣ я не могъ бы себя принудить сейчасъ рассказывать о руинахъ Паленке и о моемъ къ нимъ странствіи. Ни слишкомъ далеко, ни слишкомъ близко. Задвинуто, затерто, неинтересно, погасло. Снова засвѣтится много-много спустя. А Ксочикалько? О Ксочикалько я могъ бы говорить, ибо оно уже отошло въ какое-то невозвратное прошлое. Притомъ же Ксочикалько было моимъ посвященіемъ въ руины Ацтековъ и Майевъ.

Я писалъ, что, отправляясь въ Паленке, я рѣшилъ уклониться отъ совѣтовъ Чаверо и другихъ доброжелателей. Револьверы здѣсь носятъ болѣе изъ своеобразнаго юнкерства. Романтическая Мексика, болѣе или менѣе совершенно, слана въ архивъ. Здѣшніе ягуары нападаютъ охотнѣе на овецъ и телятъ, нежели на людей. И на мой шуточный вопросъ: „Есть ли въ Уксмалѣ тигры?“ Юкатанскій губернаторъ съ понимающей улыбкой отвѣтилъ: „No, senor. Los tigres humanos, si“. И дѣйствительно, человѣко-тигры, или, вѣрнѣе, человѣко-волки, человѣко-свины, и человѣко-собаки водятся здѣсь, — какъ и въ другихъ климатахъ, — въ большомъ количествѣ!

Въ Меридѣ мнѣ, однако, пришлось воспользоваться письмомъ Чаверо къ Юкатанскому губернатору, по той простой причинѣ, что и руины Уксмалъ и руины Чиченъ-Итцá находятся въ районѣ частныхъ владѣній, около усадебъ (fincas) Дона Аугусто Пеона и Мистера Эдуарда Томпсона. Юкатанскій губернаторъ, Олегарио Молина, оказался пріятнымъ старцемъ. Простой, любезный, умный. Онъ познакомилъ меня съ Пеономъ, который не только разрѣшилъ намъ ночевать въ его усадьбѣ, но и далъ намъ свои гамаки, и нагрузилъ насъ неистовымъ количествомъ всякой провизіи. Приѣхавъ къ вечеру на станцію, гдѣ насъ ждали лошади, мы весело усѣлись въ колесницу, которая здѣсь именуется „волявъ-кочѣ“ (volan-coché). На какомъ это языкѣ, для меня осталось не вполне яснымъ, но что это несомнѣнно летающая колесница, для меня выяснилось немедленно. Сія повозка представляетъ какъ бы клѣтушокъ, съ тюфякомъ, два гигантскія колеса, покрывка, дышло, два мула, и третій впереди — сооруженіе. Возницей былъ Майскій юноша. Былъ дивный вечеръ, мы сидѣли полулежа, и я восхищался, что вотъ я въ Майѣ, наконецъ. Дорога шла черезъ рельсы, мулы летѣли, рѣзкій поворотъ, и мы падаемъ на лѣвый бокъ, „всѣмъ составомъ“. Счастье, что мы не сломали себѣ ни руки, ни ноги. Я слегка ушибъ плечи. Между тѣмъ ударъ былъ такъ силенъ, что повозка сломалась. Пришлось телефонировать въ усадьбу, и

требовать другую колесницу. Въ ожиданіи ея мы бродили близъ стройныхъ пальмъ и наслаждались поразительно-красивымъ закатомъ. Этихъ воздушныхъ зеленоватыхъ и аметистовыхъ красокъ, этихъ тоновъ расплавленнаго воздушнаго золота я нигдѣ не видалъ за всю жизнь, только на Атлантическомъ океанѣ и въ Мексикѣ. Была уже ночь, когда мы быстро помчались по невозможной дорогѣ, усыпанной большими камнями и цѣлыми глыбами камня, не по дорогѣ, а, вѣрнѣе, по узкой тропинкѣ, пролегающей среди сплошной чащи тропическаго лѣса. Было странно. Было похоже на романъ, на сказку. Среди вѣтвей и надъ вершинами деревьевъ пролетали свѣтящіеся жуки.

Мы пріѣхали совсѣмъ ночью. Большой неуклюжій каменный домъ былъ совершенно пустъ. Въ немъ былъ только гансего (арендаторъ усадьбы) и нѣсколько его слугъ, Индійцевъ. Темныя тѣня мелькали по балкону, отрывали двери въ какія-то погребныя комнаты, и развѣшивали наши гамаки. Ты никогда не спала въ гамакѣ? Когда очень утомленъ, въ немъ можно спать и даже съ удовольствіемъ. Вообще же я нахожу, что гамаки не столько источники удовольствія, сколько орудіе пытки. Однако, въ случайныхъ помѣщеніяхъ, и въ жаркомъ климатѣ, онъ куда предпочтительнѣе постели: не душно, и безопасно отъ звѣрей малой величины, но большой отвратительности.

Руины Уксмалъ (или, какъ говорятъ въ Майѣ, Ушмалъ) совсѣмъ близко отъ усадьбы, верстахъ въ двухъ-трехъ. Мы поѣхали туда на другой день утромъ. Я не рѣшаюсь говорить объ этихъ развалинахъ. Ихъ тайна слишкомъ велика. Ихъ красота, какъ ни уменьшена она людьми и временемъ, уводитъ мысль къ тайнѣ, которая связываетъ уловимой, но зыбкой связью въ одной мистеріи такія различныя страны, какъ Египетъ, Вавилонъ, Индія, и эта неразгаданная Майя. Думаешь о погибшей Атлантидѣ, бывшей очагомъ и колыбелью совсѣмъ различныхъ міровыхъ цивилизацій. Чувствуешь, что безъ Атлантиды невозможно понять и объяснить огромнаго числа явленій изъ области космогоническихъ помысловъ и созданій ваянія, живописи, и строительнаго искусства. Слишкомъ краснорѣчивы сходства и тождества.

Какъ хорошо умѣли строить Майи! Они любили высоту, и для своихъ молитвенныхъ настроеній они выбирали такія мѣста, что могли видѣть подъ собой и передъ собой широкую панораму. Они любили даль, которая уходитъ къ горизонту. Въ ихъ молитвы свободно входили Солнце, звѣзды, воздухъ, и зеленые просторы Земли.

Пирамидный храмъ, который называется Домомъ Колдуна и Домомъ

Карлика, хорошо сохранился. Къ верховной молельнѣ ведетъ крутая лѣстница саженей въ десять. Очень крутая. Плиты, образующія ее,—по футу въ высоту, ширина ступени меньше четверти, такъ что нельзя поставить на нее ногу цѣликомъ. Я весело и радостно началъ всходить, на серединѣ лѣстницы сообразилъ, что спускаться будетъ гораздо труднѣе, и высказалъ свое соображеніе вслухъ, но быстро продолжалъ подниматься. Видъ съ пирамиды—одинъ изъ самыхъ красивыхъ, какіе мнѣ когда-либо приходилось созерцать. Безмѣрный зеленый просторъ. Изумрудная пустыня. Четко видятся сѣдыя зданія, тамъ и сямъ вблизи отъ пирамиды. Это другія руины, священные останки погибшаго величія. Здѣсь былъ когда то могучій городъ. Теперь это — царство растений. Они захватили все кругомъ. Они захватили эти погибшіе храмы и дворцы. Деревья и цвѣты взяли ихъ въ плѣнъ. И на верхней площадкѣ, откуда жрецы глядѣли на примолкшія толпы благоговѣйныхъ молящихся, теперь тихонько качается подъ вѣтромъ красивый легкій стволъ, убѣгающій ввысь изъ куста могучихъ листьевъ агавы.

Весь міръ казался объятимъ великою тайною Молчанія, когда я смотрѣлъ на зеленый просторъ, съ высоты этой Майской пирамиды.

Я испыталъ мучительнѣйшія ощущенія, когда мнѣ пришлось спускаться внизъ по этой широкой, но крутой лѣстницѣ безъ перилъ. Едва я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ внизъ, какъ почувствовать, что смертельно блѣднѣю, и что между мною и тѣмъ міромъ внизу какъ будто нѣтъ нити. Какъ только я увидалъ, что пришелъ въ волненіе, мое волненіе немедленно удесятирилось, и сердце стало биться до боли. Это не былъ страхъ, это было что-то паническое. Я совершенно ясно видѣлъ, какъ я падаю внизъ, съ переломанными руками и ногами. Увы, мнѣ пришлось спускаться спиной къ подножью и лицомъ къ лѣстницѣ, какъ я поднимался, опираясь обѣими ладонями о верхнія ступени, и осторожно ощупывая ногой нижнія ступени, прежде чѣмъ сдѣлать шагъ. Напоминаю, что ширина каждой ступени была меньше четверти; въ случаѣ невѣрнаго шага, руками нельзя было бы уцѣпиться, и паденіе было бы неизбежно. Я все же овладѣлъ своимъ волненіемъ, и спустился не спотыкаясь, принудилъ себя даже напѣвать и свистать, (Е. говоритъ, что я „невѣрно свистѣлъ“), и шутилъ съ Е., которая совершенно героически спускалась *de frente*, т.-е. лицомъ къ этому узывчивому склону. Когда мы спустились, провожатые (нѣсколько поздно) сказали мнѣ, что всѣ путешественники поднимаются и спускаются тамъ съ помощью веревки. Ни въ Уксмалѣ, ни въ Чиченъ-Итцѣ, гдѣ пришлось подняться на вы-

соту нѣсколько разъ, я ни разу не унился до пользованія веревкою, и радъ, что и въ данномъ случаѣ, я, какъ путешественникъ, вполне выдержалъ экзамень.

Красива была ночь въ усадьбѣ Пеона. Мы были совершенно одни. Всѣ рано улеглись спать. Мы сидѣли на балконѣ, около чудесныхъ пальмъ, подъ глубокимъ звѣзднымъ небомъ. Южный Крестъ и всѣ узоры звѣздъ, которые можно видѣть лишь здѣсь, въ тропикахъ, чаровали и пьняли глаза и душу. Казалось, что спящій міръ кругомъ—первобытный міръ, со всею мощью своихъ первичныхъ силъ, безъ вопросовъ, безъ думъ, безъ людей.

Мы выѣхали изъ усадьбы раннимъ утромъ, въ три часа съ небольшимъ, чтобы поспѣть на станцію, къ поѣзду. Стало разсвѣтать, лѣсъ былъ инымъ, кое-гдѣ на вѣтвяхъ еще мерцалъ затянувшій свое ночное празднество свѣтлякъ, точно драгоценный камень, слегка качающійся и переливающійся въ своихъ смягченно-электрическихъ оттѣнкахъ. Луна, еще не успѣвшая погаснуть, странно сочеталась съ ярко-горящей Утренней Звѣздой. Въ моемъ умѣ зацѣли строки:—

Еще не погасла Луна,
 Но свѣтитъ румянцемъ разсвѣтъ,
 И ярко Венера видна,
 Царица блестящихъ планетъ.
 Созданье великихъ вѣковъ,
 Застыли руины Уксмалъ,
 Воздушны края облаковъ,
 Пустыня безбрежная даль.
 Здѣсь жили когда-то цари,
 Здѣсь были жрецы пирамидъ,
 Смотри, о, мечтанье, смотри,
 Здѣсь жемчугъ легенды горитъ.
 Здѣсь чудится памятный стихъ
 О снѣ, что въ столѣтьяхъ исчезъ,
 Пропѣлъ, и, изваянь, затихъ
 Подъ тройственнымъ свѣтомъ Небесъ.
 Въ безгласьи сѣдѣющихъ плитъ
 Узорныя думы молчать.
 И только немолчно звучить
 Стоустое пѣнье цикадъ.

11 іюня.—Среди руинъ Уксмалъ есть одно зданіе съ подземельемъ, въ которомъ мнѣ довелось испытать ощущеніе единственное. Не знаю кто, но кто-то неумный, назвалъ это зданіе Casa de la Vieja (Домъ

Старухи). Такъ же точно и дивную Колдунью Райдара Хаггарда безумные считали старой. Ты помнишь поразительный его романъ „She“?— Больше чѣмъ когда-либо цѣню Хаггарда.

Я вошелъ въ подземелье полусогнувшись, въ точномъ смыслѣ уменьшившись въ ростѣ наполовину,—иначе войти въ подземелье нельзя. Въ полузасыпанномъ обломками камней корридорѣ, у лѣвой стѣны, я увидѣлъ лишь одно изваяніе, строгій ликъ, фигура по поясъ. Казалось, и можетъ быть это такъ, навѣрно такъ,—казалось, что нижней половиной своего тѣла эта фигура ушла въ землю. Когда я приблизился къ этому лицу вплоть, мной овладѣло волненіе, странное, я сказалъ бы вспоминательное. вмѣсто стараго лица, которое я долженъ былъ увидѣть, и вмѣсто уродливаго лика, одного изъ тѣхъ, къ которымъ я здѣсь привыкъ, на меня глянуло молодое и вѣчное лицо, молодое и прекрасное. „Да вѣдь это она, она“, подумалъ я про себя, „She who must be obeyed“.

„Колдунья, мнѣ странно такъ видѣть тебя.

Мнѣ люди твердили, что ты

Живешь—безпощадно живое губя,

Что старая страшны черты:—

Ты смотришь такъ нѣжно, ты манишь, любя.

И вся ты полна красоты.“

На меня глядѣлъ прекрасный ликъ Египетски-Еврейскаго типа. Тонкія черты, живые глубокіе глаза, не живые, но полные жизни, красивый носъ съ выразительно-четкими поздрями, и губы, которыя умѣли и умѣютъ—молча говорить. Головной уборъ—какъ будто нашей боярыни, головной уборъ—какъ будто Византійскій, и легкія подвѣски упали съ него. Мнѣ казалось, что это лицо жило. Въ немъ была какая-то мысль и чувство. Я исполнился колебанья и смущенья. Я не могъ такъ уйти отъ него, какъ уходять отъ мертвой картины и каменной статуи. Съ ощущеньемъ несказаннымъ я приблизилъ свои губы къ этому лицу, и странное чувство освѣжительной прохлады возникло въ душѣ, когда эти изваянныя губы, принявъ мой поцѣлуй, волшебнo отвѣтили на него.

13 іюня. Когда мы собрались поѣхать на руины Чиченъ-Итцѣ, прославленные Стифенсономъ („Incidents of travel in Yucatan“) еще въ тѣ времена, когда нашъ Гоголь создавалъ мучительные лики Русскихъ челоѣковъ, и еще болѣе прославленные Лѣ-Плѣйжономъ, откопавшимъ тамъ статую Царевича-Тигра („Queen M6o and the Egyptian Sphinx“),

я опять отправился къ Юкатанскому губернатору, и онъ далъ мнѣ рекомендательное письмо къ *Presidente Municipal* селенія Дчитасъ, находящагося верстахъ въ тридцати отъ руинъ *. Я не вполне неумѣстно припомнилъ имя Гоголя, ибо мой прїездъ въ это благословенное селеніе и разговоры съ людьми, его населяющими, мнѣ непобѣдимо напоминали „Ревизора“. На станцію, предшествующую Дчитасъ, былъ посланъ Индійскій юноша, представитель сельской полиціи, чтобы разыскать насъ среди пассажировъ, весьма немногочисленныхъ, и чтобы мы какъ-нибудь не проѣхали мимо. Онъ безошибочно узналъ насъ среди публики, и, когда мы подъѣзжали къ станціи Дчитасъ, мы увидѣли толстаго муниципальнаго представителя (на видъ—не то нашъ подрядчикъ, не то волостной старшина), который, захватившись, спѣшилъ къ намъ навстрѣчу, а юный представитель Индійскаго порядка съ площадки радостно показывалъ ему на насъ: товаръ, дескать, доѣхалъ благополучно. Этотъ президентъ села былъ въ откровенно распахнутой блузѣ и въ сандаляхъ. Плутватыя глаза его не очень были способны прямо глядѣть **. Являя живой гротескъ, онъ повелъ насъ среди дужъ и мимо цвѣтущихъ деревьевъ, въ „колониальную“ лавку селенья, при коей была зала, а въ залѣ насъ ждалъ обѣдъ. Пока мы сидѣли и ѣли, въ лавкѣ собралась толпа и глазѣла на насъ, какъ мы ѣдимъ и что мы пьемъ. Ѣхать въ этотъ вечеръ на руины было уже поздно. И насъ повели ночевать—въ сельскую школу! Отейей, правда, въ этомъ селеніи нѣтъ. Итакъ, я испыталъ неожиданное удовольствіе ночевать въ Индійской школѣ, и мой гамакъ висѣлъ въ классной, какъ разъ передъ черной доской, на которой мѣломъ были написаны изреченія: „*El maestro es muy delicado*“, „*Ama á su prójimo como á sí mismo*“, и тому подобное. Насчетъ возможности любить своего ближняго, какъ самого себя, я очень сомнѣвался, но что учитель очень деликатенъ, это я тотчасъ увидалъ по рѣдкой въ сихъ странахъ чистотѣ помѣщенія. Утромъ, въ семь часовъ, мальчишки, жаждущіе образованія, лишили насъ возможности дальнѣйшаго злоупотребленія храмомъ грамоты. Мы побѣжали на чудовищно-лѣнливыхъ мулахъ и по дорогѣ совершенно изумительной въ смыслѣ обилія каменныхъ препонъ. Зато справа и слѣва была сплошная стѣна зелени, и множество деревьевъ были покрыты несчетными

* Кроме того, губернаторъ телеграфировалъ ему о моемъ прїездѣ.

** Очень было трогательно, когда я уѣзжалъ и мы прощались. Онъ склонился къ моему плечу и пролепеталъ: «Скажите, пожалуйста, губернатору, что селеніе по ночамъ освѣщено».

цвѣтами, лиловыми, голубыми, красными, желтыми, и бѣлыми. Особенно красиво было дерево, которое зовется здѣсь Майскимъ цвѣтомъ. Бѣлые цвѣты, цѣлымъ множествомъ, похожіе на олеандры, съ освѣжительнымъ запахомъ нашихъ болотныхъ цвѣтовъ. Когда я сорвалъ вѣтку, мои пальцы покрылись бѣлой сладковатой и липкой жидкостью. Бѣлая кровь Майскаго цвѣта.

Мы пріѣхали въ очаровательную усадьбу, принадлежащую Американскому консулу, археологу, Эдуарду Томпсону, который разъ навсегда отдалъ своему управляющему приказаніе, чтобы онъ радушно и безвозмездно принималъ чужестранныхъ гостей, которые пріѣдутъ посѣтить руины Чиченъ-Итца. Какъ радостно было видѣть эти сѣдые руины прямо изъ оконъ нашихъ комнатъ! А подъ самыми окнами были клумбы, зеленѣль и пестрѣль красивый садъ. Успокоительная тишина, радость достиженія, безоблачное небо надъ нами, безоблачность безпечности въ душѣ. И въ довершеніе пріятнаго ощущенія, въ столовой мы нашли полку съ книгами, Англійскими и Французскими. Неизбѣжныя дешевенькія изданія „Гамлета“ и „Лира“, запыленные томики стихотвореній Кольриджа и Бёрнса, цѣлый рядъ книгъ по естественнымъ наукамъ, и—о, радость!—книги нашихъ любимцевъ, Лё-Плѣнжона и Брассера де-Бурбура. Это было совсѣмъ какъ въ сказкѣ. Точно добрый духъ о насъ позаботился. Точно насъ здѣсь ждали, и вотъ мы бродили по этимъ комнатамъ, въ этомъ саду, гдѣ такъ нѣжны краски, а тамъ дальше они, они, руины Чиченъ-Итца!

Ты помнишь, какъ однажды, въ первое наше путешествіе, мы блуждали около Charing-Cross-отеля, въ Лондонѣ, и случайно остановились у Теософскаго магазина? Я, помню, купилъ тогда „The Voice of the Silence“ Блаватской, и взялъ каталогъ теософскихъ книгъ. Эти двѣ маленькія книжечки, изъ которыхъ вторая была добрымъ путеводителемъ, сыграли большую роль въ моей жизни. Прекрасная, какъ драгоценный камень, книжка „The Voice of the Silence“ была утренней звѣздой моего внутренняго разсвѣта. Она ввела меня въ новый міръ. А по этому, некрасивому на видъ, каталогу я приобрѣлъ цѣлый рядъ драгоценныхъ книгъ, съ которыми я провелъ столько радостныхъ и просвѣтленныхъ часовъ за послѣдніе годы. Между этими книгами была и книга Augustus le Plongeon, „Queen Mœo and the Egyptian Sphinx“, безъ которой я, быть можетъ, никогда бы такъ не увлекся мыслью увидѣть неразгаданныя руины Майевъ, возникшія подъ созвѣдіемъ Южнаго Креста.

Я ихъ видѣлъ, я ихъ знаю.

Не мнѣ сказать о нихъ рѣшающее слово. Но я знаю, что недалеко время, когда это слово будетъ сказано, и красочная радуга угаданій, возникнувъ надъ погибшей Атлантидой, соединитъ въ одну картину Майскія развалины, Египетскія пирамиды, Индусскіе храмы, и Океанійскія легенды. Наше дѣтское Европейское лѣтосчисленіе уступитъ мѣсто иному масштабу, временнымъ рубежамъ, настолько же превышающимъ наши устарѣвшія мѣрила, насколько полетъ кондора превышаетъ перепархиванія домашнихъ птицъ. И мы научимся тогда смотрѣть на луга и долины не съ высоты маленькаго Монблана, уже затоптаннаго глупыми путешественниками, а съ вулканическихъ высотъ гигантскаго Чимборасо, подъ снѣжной громадой котораго Перуанцы воздвигали золотые храмы Солнцу и серебряные—Луны.

13 іюня.—Когда смотришь на храмы и дворцы, воздвигавшіеся въ этихъ солнечныхъ странахъ, первое, что поражаетъ, это именно любовь строителей къ Солнцу и Небу, ихъ открытость передъ ликомъ Природы, ихъ любовь къ высотѣ, къ царской широтѣ горизонта. Игнатій Лойола, указывая вѣрному католику путь для спасенія, путь истинно „достойный Бога и меня“, какъ говорить онъ, подчеркиваетъ необходимость смотрѣть на все „*como de lejos y desde un sitio elevado*“ („какъ бы издали и съ мѣста возвышеннаго“). Онъ говоритъ, что нужно для этого понять, какъ первоистину, что „*Dios y yo, ahora no hay mas en el mundo*“. („Богъ и я, и теперь никого нѣтъ больше въ мірѣ“). Никого и ничего, кромѣ человѣческаго сознанія и Міроваго молчанія, съ которымъ это человѣческое „я“ встало лицомъ къ лицу. Тогда открывается безмѣрность истиннаго познанія и тогда возможно „*ver y poseer á Dios*“ („видѣть Бога и обладать имъ“). Итакъ—„*fuge, tace, quiesce*“. („Бѣги, молчи, спокойнымъ будь“). Уйти, молчать, быть тихимъ съ тишиной.

Древнимъ Тольтекамъ, Строителямъ, древнимъ Майямъ, Сынамъ Земли, были близки эти слова и мысли позднѣйшаго экстастика благоговѣйныхъ созерцаній. Они смотрѣли на высоту и на отъединенность отъ низкихъ будней какъ на необходимую ступень къ соединенію съ Запредѣльнымъ, какъ на первое условіе познавательной молитвенности. Съ высоты Майскихъ Пирамидъ легко было глядѣть на міръ спокойно и гордо, не покореннымъ рабомъ, а повелителемъ. Въ величественныхъ Майскихъ монастыряхъ, гдѣ Дѣвы Солнца, инокини Верховнаго Свѣтила, поддерживали вѣчный огонь, въ сознаніи возникали ослѣпительно-яркія мысли, и смуглымъ дѣвушкамъ, окутаннымъ золотыми сіяніями сновидѣній, от-

крывалось во снѣ многое, что можетъ возникать лишь далеко отъ топовъ повседневной суеты и высоко надъ плѣской дѣловитостью загроможденныхъ базаровъ.

Я былъ въ Теотиуаканѣ, на Пирамидахъ Солнца и Луны. Я восходилъ на Пирамиду Солнца, которая больше знаменитой Пирамиды Хеопса. Но не величиной этой Пирамиды я былъ пораженъ, и не сознаниемъ, что этимъ вотъ громадамъ—тысячи и тысячи лѣтъ, а тѣмъ, что отшедшіе люди, бывшіе ихъ строителями, такъ неизмѣнно понимали, что храмы, въ которыхъ мысль должна стремиться къ Небу, должны восходить къ Небесамъ и быть открытыми для звѣздъ, должны быть отдалены отъ домовъ, въ которыхъ ѣдятъ, пьютъ, торгуютъ, и суетловяты, должны быть цѣльными и царственно-гордыми въ своей отъединенности, какъ высоки и уединены орлы, вѣковыя деревья, и горныя вершины,—какъ неслитна съ ничтожными облачками огромная грозовая туча. И когда съ Пирамиды Солнца я глядѣлъ на окрестныя горы и долины, когда я видѣлъ, какъ красиво идетъ отъ этой громады Дорога Мертвыхъ, ведущая къ Пирамидѣ Луны, я понималъ, что когда-то легко было молиться въ храмахъ, и легко было, молясь въ храмѣ, чувствовать свою связь съ Міромъ, и врядъ ли у молящагося бился въ душѣ крикъ, вырвавшийся у Блэка: „My mother, my mother, the church is cold“ („Мать моя, мать моя, церковь холодна“).

Я думаю даже, что когда, вмѣсто безкровныхъ жертвоприношеній, освящавшихся броткими жрецами Квецалькоатля, оцьяненные Солнцемъ и красками Ацтеки высѣкали обсидіановымъ мечомъ сердце у возведеннаго на высокій теокалли военноплѣннаго, не у всѣхъ, далеко не у всѣхъ убиваемыхъ такъ, въ сердцѣ былъ только ужасъ смерти. Живое сердце, вырванное изъ груди и поднимаемое рукою жреца къ Солнцу, чтобы потомъ быть брошеннымъ къ лику страшнаго идола, хотѣло жить, какъ свойственно человѣческому сердцу хотѣть снова и снова биться. Но, символизируя вулканической Огонь, который, вырываясь изъ нѣдръ Земли, взметается къ Солнцу, это сердце не только ггло, но и знало, что его ждетъ блестящая новая жизнь. Воины, погибавшіе отъ меча, умирая, уходили въ чертоги Солнца. Тамъ ждали ихъ, тамъ имъ давали быть свѣтлыми и счастливыми, а потомъ, за краткой смѣной лѣтъ, эти души оживляли птицъ съ цвѣтистыми перьями и съ звучнымъ голосомъ, и оживляли облака, легкія, перемѣнчивыя, воздушныя, высокія и вольныя, обрамленныя золотою полоской.

Умирать тяжело, но не знаю, гдѣ легче умереть, въ душевной ли ком-

натѣ или подѣ яркимъ, ждущимъ тебя, Солнцемъ, на высокой пирамидѣ, въ безмѣрномъ раздвинувшемся мѣрѣ, предъ лицомъ страшнаго неумолимаго, но быстро въ своемъ ударѣ, жреца, съ которымъ гибнущій сливается въ свой послѣдній мигъ въ какомъ-то жуткомъ причастіи предъ ликомъ неизбежнаго, но не только жестокаго, а и нѣжнаго въ своей жестокости, Рока. Мнѣ ужасно думать о томъ, что съ уступа на уступъ можно быть возведеннымъ на послѣднюю грозную террасу пирамидныхъ теокалли, и быть поверженнымъ на жертвенный камень, и увидѣть взмахъ агатоваго лезвія. Но я знаю, я чувствую, что и безкровныя жертвы Тольтековъ, возлюбившихъ цвѣты и благовоныя куренія, и жестокія жертвы Ацтековъ, возлюбившихъ цвѣтъ крови, суть свѣчи, горящія передъ Всевышнимъ, и почему зажглись одни и другія, какъ могу это знать я, свѣча малая, и какіе свѣтильники Ему желаніе, мнѣ страшно объ этомъ думать. Чтобы думать объ этомъ безъ страха, и знать это, нужно, вѣрно, сполна слиться съ Тѣмъ, Который свѣтитъ, и Который сжигаетъ.

14 іюня. Ночь.—Я много думалъ объ Огнѣ. Сгорѣть мнѣ не страшно. Мнѣ кажется страшнымъ и чудовищнымъ другое: это—медленное, постепенное угасаніе людей, которыхъ я видѣлъ свѣтлыми и горящими. Чадное угасаніе мыслей и образовъ. Погасанье всѣхъ костровъ, потуханье всѣхъ свѣтильниковъ. Я самъ чувствую въ себѣ неизсякаемую юность, и чѣмъ дальше я иду въ жизни, тѣмъ все легче и легче мнѣ. Съ каждымъ пройденнымъ большимъ путемъ я сбрасываю съ себя часть тяжести, которую я на себѣ влачилъ. И въ то время, какъ тамъ и самъ я вижу знакомыя лица, и вижу съ негодованьемъ, съ досадою, и съ душевной болью, что чѣмъ дальше идутъ эти люди, тѣмъ все угрюмѣй и согбеннѣе они становятся, я становлюсь веселѣй и свѣтлѣй съ каждымъ шагомъ, я чувствую журчаніе ручьевъ и пѣніе жаворонковъ, я чувствую что стая моя выпрямляется, въ моемъ тѣлѣ растетъ бодрая сила, въ моемъ сердцѣ, влюбленномъ въ Мечту, неумолчно поютъ ключи.

Это то, что было въ Оскарѣ Уайльдѣ, и за что я его исключительно люблю. Не зная другъ друга, мы говорили одинаковыя слова о поклоненіи Солнцу и о вѣчной юности. И, если онъ, мой старшій братъ, справедливо, какъ представитель болѣе уточненной расы, называлъ себя Царемъ Жизни, я скажу, что я не King of Life, но я—сладкогласный трубадуръ, я—весенній солнечный лучъ, я—звонъ ручья, я—нѣжный лютикъ, я—смѣшинка на дѣтскомъ лицѣ.

Но, если я—въ наслажденье влюбленный, если я язычникъ, поющій

гимны Солнцу и Лунѣ, и всему Четверогласію стихій, во мнѣ также силенъ и Христіанинъ, я не могу побѣдить въ себѣ желанія быть кроткимъ и смиреннымъ, быть послушнымъ орудіемъ пославшаго меня; я понялъ красоту Христа, я не могу не знать, что Евангеліе отъ Іоанна — самая трогательная и нѣжная книга, которая была написана. Я хочу быть часто съ Христомъ, — если можно, всегда, потому что вѣдь Онъ не мѣшаетъ, а помогаетъ любить цвѣты и птицъ, которыхъ я такъ люблю. Но для этого я долженъ молиться, а молиться такъ трудно. Мнѣ стоитъ войти въ лѣсъ, мнѣ стоитъ только выйти изъ комнаты въ садъ, и я безгласно, по-язычески, молюсь вещамъ міра. Я люблю травку и мошку, я готовъ прильнуть губами къ вѣткѣ сирени, къ простому подорожнику, я сливаюсь съ тучкой Неба и съ вѣтромъ, бѣгущимъ по землѣ и шуршащимъ въ вѣтвяхъ, но когда я вхожу въ Христіанскій храмъ, — мое сердце сжимается, и я чувствую, что свѣжія воды, которыя журчали въ моей душѣ, пропадаютъ въ сухихъ пескахъ, не насыщая ихъ и не дѣлая ихъ болѣе красивыми.

Да, я не могу не испытывать таинственного восторга и трепета, когда сижу въ Католическомъ храмѣ и слышу величественные раскаты органа. Я не могу не плакать и не рыдать, когда я слышу прекраснѣйшія похоронныя пѣсни нашей Православной церкви. Но этого мало, мало мнѣ: Я хочу, чтобы храмъ, въ который я вхожу, былъ залитъ лучами Солнца и весь горѣлъ цвѣтами. Я хочу, чтобы, когда я молюсь, все кругомъ было красиво, и всѣ молились бы кругомъ, а не смотрѣли бы тускло, съ чужими равнодушными лицами. Я хочу, чтобы въ храмѣ, гдѣ я молюсь, не слышалось жестокаго бряцанья монетъ, и чтобы въ него не врывался гомонъ съ улицы, убивая святыя внушенія пѣнопѣній.

И потому я благословляю людей, строившихъ храмы на высотахъ; я люблю потомковъ Атлантовъ, которые, молясь, сливали въ одно великое очарованіе — мысли, цвѣты, слова, благовопія, краски, и вольный воздухъ, и высоту пирамидъ, съ которыхъ виденъ зеленый океанъ растений до дальней черты горизонта, подъ роднымъ лазурнымъ Небомъ, подъ лучами родного, породившаго насъ, Солнца.

ЦВѢТИСТЫЙ УЗОРЪ.

ЦВѢТИСТЫЙ УЗОРЪ.

Мексиканская символика.

Какъ гласить міропознаніе древнихъ Мексиканцевъ, изъ всѣхъ боговъ надревнѣйшій есть богъ Огня, который живетъ въ средоточіи цвѣтовъ, въ обиталищѣ, окруженномъ четырьмя стѣнами и покрытомъ сіяющими перьями, какъ бы крылами.

Слово *ihuitl*, перо, на языкѣ Нагуатлей означаетъ нѣчто божественное. Полетъ—достоянье боговъ.

Одинъ изъ самыхъ величественныхъ образовъ Мексиканско-Майской символики, общій у Мексиканцевъ съ Египтянами, есть пирамида. Но Мексиканская пирамида—усѣченная, она кончается храмомъ. Разные изслѣдователи по-разному изъясняютъ происхожденіе пирамиды—мечта величія, желаніе имѣть достовѣрный оплотъ во время потопа, и многое въ этомъ родѣ. Миѣ кажется несомнѣннымъ солнечное и строго-благоговѣйное происхожденіе пирамиды. Когда вечернее Солнце, особенно послѣ грозы, прорѣзаетъ косыми лучами громады тучъ, на небѣ совершенно явственно и четко означается чертежъ пирамиды, кончающейся солнечнымъ дискомъ. Отъ Земли, лучисто-облачная, огневая, грозная пирамида уводитъ мысль къ высотамъ Неба, и къ тому, что въ немъ есть наиболѣе могучаго и яркаго—къ Солнцу. Отсюда, въ странѣ солнцепоклонниковъ, Мексиканцевъ, Египтянъ, Майевъ, земная пирамида, съ своею молитвенной вознесенностью, навѣки застывшій въ безгласной благоговѣйности, уходящій къ небу, строительный псаломъ.

Изумрудно-перистый Змѣй, богъ Вѣтровъ, Кветцалькоатль, назывался еще *Иагуаллиэгкатль*, Колесо Вѣтровъ. Онъ знаменовалъ собою центральную силу, вращеніе, власть надъ четырьмя сторонами; онъ былъ владыка міровой четверичности, и отсюда—всемірный властелинъ. Онъ былъ также *Омэ-Текугли*, Двойной Владыка, и *Омэ-Цигуатль*, Двойная Владычица; онъ совмѣщалъ къ себѣ мужское начало—небесное, и женское начало—земное. Въ своихъ молитвенныхъ воззваніяхъ Мексиканцы говорятъ о Кветцалькоатлѣ—незримый, неосязаемый, какъ воздухъ, какъ тьма ночей, владыка во всѣхъ мѣстахъ. Онъ назывался также *Чикомэ-Ксочитль*, Семь Цвѣтковъ, и *Цитлалля-Тоналля*, Звѣзды Сіяющія—(Млечный Путь). На Майскомъ языкѣ его имя есть *Кукульканъ*, Божественное Четыре. Онъ соединилъ разсѣянные племена, далъ имъ форму управленія, основанную на числѣ 4, и повсюду, въ Мексикѣ и Майѣ, воздвигъ четырехстороннія пирамиды. Онъ явился съ Моря и исчезъ въ Морѣ, чтобы взойти какъ Вечерняя и Утренняя Звѣзда. Когда онъ впервые предсталъ, на немъ была бѣлая одежда, вся украшенная красными крестами. Въ храмахъ, которые онъ основывалъ, для молитвы, покаянія, поста, и славословій, онъ устраивалъ четыре комнаты, которые занималъ по-очереди. Съ помощью драгоценныхъ камней, завѣсь изъ блестящихъ перьевъ, и золота, онѣ были украшены въ голубой, зеленый, красный, и желтый цвѣтъ. Такъ и у нашего Свѣтовита, въ Арконѣ, было четыре драгоценные камня.

Монтесума, послѣдній царь Ацтековъ, являлъ въ своей личности воплощеніе бога Войны, бога-колибри, *Вицлипохтли*. *Берналь Діазъ*, сотоварищъ *Кортеса*, описавшій завоеваніе Мексики, говоритъ, что, когда Монтесума вышелъ навстрѣчу къ *Кортесу*, его несли въ роскошныхъ носилкахъ, превыше земного праха. Когда онъ вышелъ оттуда, на немъ были золотыя сандалии, дабы не коснуться земли. Его поддерживали, какъ бы несли, четыре главные властителя. Балдахинъ надъ нимъ былъ украшенъ зеленовато-голубыми перьями, золотомъ, жемчугами, и зеленчакомъ. Другіе владыки шли передъ нимъ, подметая землю и разстилая покровъ. Какъ Полярная Звѣзда одна недвижна среди вѣчно-движущихся звѣздъ, лишь онъ, Монтесума, при подобныхъ торжествахъ могъ сидѣть, и тронъ его былъ высокій. Одѣвался Монтесума обычно

въ голубое или въ бѣлое, какъ и небо бываетъ то въ бѣлизнѣ облаковъ, то ясно-лазурное. Онъ украшалъ себя золотомъ, драгоценными голубыми и зелеными перьями, бирюзой, жемчугами и чальцитлями — драгоценный камень вродѣ изумруда. Его діадема, съ высокимъ заострениемъ на лбу, была выложена бирюзой или сдѣлана изъ полированного золота. Иногда онъ носилъ корону изъ перьевъ, съ птичьей головой изъ золота надъ челомъ. Эмблемой его было Солнце. Иногда онъ носилъ, привязанныя къ его сандалямъ, маленькія крылышки, тѣи-койолли, похожія на птичьи крылья. И когда онъ ходилъ, они издавали звукъ, подобный звону тонкихъ золотыхъ колокольчиковъ.

Целія Нутталъ, въ своей достопримѣчательной книгѣ, самой интересной изъ всѣхъ новѣйшихъ книгъ о Древней Мексикѣ, „The fundamental principles of Old and New World civilisations, Cambridge, 1901“ насчитываетъ 13 главнѣйшихъ эмблемъ Мексиканской символики: свастика, или крестъ; огонь; змѣя; древо; человѣческое лицо; человѣческое тѣло; звѣрь; птица; рука; пирамида; гора; чаша; цвѣтокъ. Свастика, или крестъ, самый древній изъ первобытныхъ символовъ, — говоритъ она, — была изображеніемъ годичнаго вращенія Большой и Малой Медвѣдицы вокругъ Полярной Звѣзды. Она являлась, такимъ образомъ, не только ликомъ наиболѣе выразительнаго изъ небесныхъ явленій, но также и годовымъ знаменіемъ. Наиболѣе развитыя формы свастики связаны въ Мексикѣ съ календарными знаками. Въ Мексикѣ, такъ же какъ въ долинѣ Огіо, знакъ свастики связанъ съ змѣей. Въ Копанѣ знаменіе креста сочетается съ образомъ покоящейся фигуры, занимающей средоточіе, и съ исходящими изъ нея четырьмя дуновениями, которыя наполнены жизненными сѣменами. Въ концѣ концовъ крестъ сдѣлался символомъ соединенія четырехъ стихій, или двухъ первоосновъ Природы въ одномъ, символомъ бога Дождя, ибо Дождь создаетъ жизнь, являясь слѣдствіемъ сочетанія Земли и Неба — священный огонь, который постоянно поддерживался на вершинѣ пирамиды, былъ ликомъ главнаго небеснаго свѣта. Происхожденіе его считалось сверхъестественнымъ, и храненіе его было особою заботой жречества. Глубокий символическій смыслъ связывался съ обрядомъ возженія священнаго огня посредствомъ тростниковаго коловорота, который держали отвѣсно и вводили въ горизонтально помѣщенный кусокъ сухого дерева. Получалась фигура, подобная тау, и обрядъ этотъ считался знакомъ жизне-творческаго единенія двойной первоосновы Природы. Свѣжій священный огонь раздавался всѣмъ жителямъ Мексики ежегодно. Примѣчательно,

что акатль, тростникъ, сочетался съ Востокомъ, областью мужеской, жизнь дающей. (Любопытно, что поэтъ новѣйшей Америки, Уольтъ Уитманъ, называетъ одинъ изъ отдѣловъ своей книги „Побѣги Травы“, посвященный культу мужской любви, „Тростникъ“).—Змѣя, въ звуковомъ своемъ ликъ, означаетъ на языкѣ Майевъ четверичную власть, а на языкѣ Ацтековъ власть двойную. Четверичность стихій и двойственность Природы, включенныя въ одну форму и свитыя въ одинъ кругъ, образъ воспроизведенія жизни, въ возрождающейся ея повторности, въ творческой круговозвратности.—Древо было символомъ жизни, скрытаго и зримаго роста. Шесть направлений, вверхъ, внизъ и въ четыре главные части свѣта, соединяясь, замыкаются въ деревѣ въ священномъ 7. Древо было образомъ племенной жизни: властитель—главный стволъ, меньшіе владыки—вѣтви и сучья, подчиненные—листья, дѣвухи—цвѣты, женщины—плоды и т. под. Условное древо Мексиканской живописи являетъ обычно четыре равныя развѣтвленія.—Человѣческое лицо было образомъ двойственности и единства Природы. Верхняя часть лица—Небо, глаза—Солнце и Луна, ротъ и зубы—Земля, сумрачный Низъ, носъ—дуновение. Уши, ноздри, глаза, и ротъ являютъ собою семь вратъ чувственности.—Человѣческое тѣло выражаетъ полный счетъ; оно есть образъ законченнаго государственнаго устройства и календарной системы, съ основными своими числами: пальцы—20, руки и ноги—4, тѣло и голова—2.—Звѣрь, четвероногое, обычно дикая кошка, или пума, есть образъ Низа и ночного культа Земли.—Птица, обычно орель, есть символъ Верха и дневного культа Неба.—Рука означала въ Майѣ число 5; она означала также государство, состоящее изъ главной столицы и четырехъ провинцій. Символь власти главнаго владыки—Пирамида символизировала священное прочное средоточіе Мира, и была ликомъ Четырехъ Частей. Равнымъ образомъ она была ипостасью основной Мировой Силы и образомъ Четырехъ Стихій. Главный теокалли древняго Мехико былъ увѣнчанъ двумя храмами, символизуя, такимъ образомъ, двойственность Природы, а четверичность мірового выражалась какъ четырехсторонностью зданія, такъ и тѣмъ, что въ немъ было четыре восходящія террасы. Фраи Дуранъ говоритъ, что число ступеней пирамиды, находившихся на Восточной сторонѣ, было 365. Ежегодная торжественная церемонія восшествія на нихъ жрецовъ означала годичный бѣгъ Солица.—Гора символизировала сліянiе Неба и Земли. Вершина горы считалась священной, ибо именно здѣсь происходило брачное сочетаніе Верха и Низа, разрѣшавшееся плодородными дождями. Гора почиталась такъ же,

какъ образъ недвижности, спокойствія и сосредоточенной силы.— Чаша была ликомъ Земли, вмѣстителящемъ плодоносныхъ дождей, и символомъ земного средоточія. Наполненная дождевою водою, на поверхности которой отражались звѣзды,—и главное, отражалась Полярная Звѣзда,— чаша означало слияніе Неба и Земли, выражающееся въ игрѣ свѣта, исходящаго изъ Сердца Небесъ.— Цвѣтокъ есть символъ Земли и государства съ его подраздѣленіями. Обычно брали цвѣтокъ съ четырьмя равными лепестками, имѣющей кругъ или точку въ серединѣ и по кружочку на каждомъ лепесткѣ. Порою Цвѣтокъ становился образомъ всего Міра. Цвѣтокъ съ желтымъ сердечкомъ и разноцвѣтными лепестками не напоминаетъ ли Солнце съ содружественной семьей разнородныхъ свѣтилъ?

—

Мексиканцы чтили два Солнца: молодое, дневное Солнце, и старое, ночное или черное.

Вечерняя Звѣзда называлась въ Мексикѣ—отшедшее Солнце.

—

Нутталъ, остроумно и убѣдительно доказывающая происхожденіе символа свастики изъ наблюдений надъ обращеніемъ созвѣздій Большой Медвѣдицы, Малой Медвѣдицы и Кассіопей, и указывающая на великую роль этихъ созвѣздій и Полярной Звѣзды во всѣхъ первобытныхъ цивилизаціяхъ, дѣлаетъ интересныя сопоставленія. Какъ извѣстно, въ созвѣздіи Кассіопей пять звѣздъ, а въ созвѣздіяхъ Большой и Малой Медвѣдицы по семи. Число 7—наиболѣе распространенное среди символическихъ чиселъ. Въ Мексикѣ семь племенъ изошло изъ семи пещеръ. Въ Гватемалѣ семь племенъ и семь дѣлений дѣя. Въ Суньи семь главныхъ направленій въ пространствѣ и семь дѣлений города. Въ Галліи семь областей. Въ Британіи семь королей. Въ Ирландіи семь главныхъ святилищъ. Во время завоеванія, въ Мехико также было семь мѣстъ, въ которыхъ приносились жертвы. Число звѣздъ, находящихся въ созвѣздіяхъ Большой Медвѣдицы (Малая есть лишь повтореніе) и Кассіопей, вмѣстѣ съ Полярной Звѣздой, есть 18. Это—священное число у Мексиканцевъ и Майевъ, и вся календарная система Мексики и Юкатана построена на сочетаніи чиселъ $13+7=20$.

—

Мексиканскій календарный камень является самымъ величественнымъ, и, пожалуй, самымъ интереснымъ, изъ всѣхъ памятниковъ древняго Мексиканскаго искусства, нынѣ хранящихся въ Національномъ

Музеѣ въ городѣ Мехико. Исторія этого камня слѣдующая. Какъ повѣствуетъ лѣтописецъ Мексиканскій, Тецодомокъ, въ году Двѣнадцать Кроликовъ (1478-й годъ Христіанской эры), за два года до кончины царя Аксайкатля, который въ то время правилъ міромъ, верховный жрецъ напомнилъ ему о торжественномъ обѣтѣ, и такъ сказалъ: „Храмъ, въ которомъ великія жертвоприношенія должны совершаться, близко къ завершенію. Ты самъ его воздвигъ. Ты поклялся украсить его памятниками великой красоты, чтобы богъ нашъ, Виципохтли, хранитель и защитникъ нашего племени, могъ пребывать въ немъ съ довольствіемъ. Время летить, и медлить ты болѣе не можешь“.

— „Я хочу, — отвѣтилъ царь, — замѣнить жертвенный камень, который отецъ мой начально пожертвовалъ Солнечному богу, другимъ, новымъ. Удали старый, но сохрани его тщательно. Я дамъ пищу и одежду работникамъ, которые принесутъ мнѣ великій обломокъ скалы, и я дамъ золото, какао, и цвѣтныя одежды ваятелямъ, которые изсѣкутъ на немъ образъ Солнца, окруженный знаками времени и созвѣздіи“.

Немедля, работники выступили и отломили великій кусокъ скалы. Пять тысячъ сильныхъ людей влекли его. Но, когда онъ достигъ моста Ксолокъ, сваи разломилась на тысячу кусковъ, и обломокъ скалы упалъ въ воду, и никто не дерзнулъ попытаться извлечь его изъ глубины озера. Тогда царь весьма разгнѣвался и сказалъ: „Сдѣлайте новый мостъ, съ двойными сваями и подмостками, и оторвите мнѣ новый обломокъ отъ горъ Койоакана. Принесите этотъ новый кусокъ скалы и сдѣлайте изъ него также чашу, въ которую будетъ собираться кровь, что будетъ стекать съ жертвеннаго камня, какъ жертва для умилостивленія нашего бога“. Воля царя была исполнена, и вторичное шествіе обломковъ скалы свершилось благополучно. Рисунокъ въ Кодекѣ Мендоса показываетъ, что этотъ календарный Камень былъ влекомоъ длиннымъ рядомъ людей, съ помощью канатовъ и большихъ деревянныхъ валовъ, подобно тому, какъ древніе Египтяне влчили огромныя глыбы гранита для своихъ пирамидъ.—Этотъ обломокъ скалы былъ помѣщенъ сперва горизонтально въ восьмомъ домѣ великаго храма Мехико. Царь Аксайкатль пригласилъ властителей всѣхъ сосѣднихъ дружественныхъ народовъ присутствовать при торжественныхъ обрядахъ его посвященія, бывшаго въ году Два Дома (1481-й годъ Христіанскаго лѣтосчисленія). Тринадцать жрецовъ тринадцати главныхъ боговъ Мексики, вооруженные обсидіановыми ножами, взошли на Камень до зари. Семьсотъ двадцать восемь плѣнниковъ, сохраненныхъ послѣ одной изъ по-

бѣдныхъ битвъ, покрытые яркими перьями, были помѣщены близъ Камня. На восходѣ Солнца жрець взялъ сосудъ съ курящимися благовои́ями, четыре раза обошелъ Камень, бросилъ въ него сосудъ съ благовои́ями, и сосудъ разбился на мелкіе куски. Тотчасъ царь Аксайакатль взошелъ на Камень и началъ жертвоприношенія, высѣкая обсидановымъ мечомъ сердца и бросая ихъ въ каменную чашу (что хранится понынѣ). Принеся такъ въ жертву 52-хъ плѣнниковъ, онъ уступилъ свое мѣсто жрецамъ, и 13 жрецовъ, одинъ за другимъ, приносили жертвы, пока всѣ 728 плѣнниковъ не были убиты. Въ 1521-мъ году нашей эры, Кортесъ съ кучкой Испанцевъ завоевалъ Мексику и разрушилъ Мексиканскіе храмы. Календарный Камень, вмѣстѣ съ различными большими изваяніями боговъ и другими предметами Мексиканскаго ритуала, былъ зарытъ въ окрестныхъ болотахъ, по приказанію католическихъ монаховъ, дабы скрыть ихъ отъ глазъ язычниковъ. Въ 1551-мъ году онъ вышелъ на поверхность земли, и снова былъ погребенъ въ 1558-мъ году, по повелѣнію нѣкоего благочестиваго архіепископа, весьма скандализованнаго видомъ этихъ языческихъ знаковъ и образовъ. Послѣ вторичнаго погребенія Камень былъ совершенно забытъ. Втеченіе 232-хъ лѣтъ ни одинъ изъ писателей, говорившихъ о Мексиканскихъ древностяхъ, о немъ не упоминаетъ. Такимъ образомъ, онъ былъ совершенно неожиданнымъ откровеніемъ, когда, въ 1790-мъ году, предсталъ во время разрытія площади, что находится предъ Соборомъ, построенномъ на мѣстѣ древняго Теокалли. Онъ былъ вдѣланъ въ одну изъ башенъ Собора, и такъ оставался до 1885-го года; потомъ былъ перенесенъ въ Національный Музей. Въ діаметрѣ этотъ зодіакъ имѣетъ 11 футовъ 8 дюймовъ. Это—глыба базальта. Александръ Гумбольдтъ исчислялъ вѣсъ его въ 24.400 килограммовъ. Вѣсъ его показываетъ, какія трудности могли преодолевать древніе Ацтеки при построеніи своихъ храмовъ. Камень этотъ служилъ ликомъ Мексиканскаго года. Гражданскій годъ въ Мексикѣ состоялъ изъ 18-ти мѣсяцевъ по 20-ти дней каждый, мѣсяцы дѣлились на 4 недѣли по 5-ти дней, 5 дней въ году—дополнительныхъ, Нѣмонтэми, дни заклѣтые, въ которые ничего нельзя было начинать, можно было лишь посѣщать другъ друга. Годъ начинался съ 1-го Марта по-Европейскому, и названія мѣсяцевъ были живописныя, какъ то: Воды Убывающія; Цвѣточныя Перевязи; Праздникъ Травы; Уходящее Солнце; Домъ Свѣта; и т. под. Каждый день также имѣлъ свое названіе, какъ: Заря; Вѣтеръ; Змѣя; Смерть; Цвѣтокъ; и т. под. Такъ какъ въ году около шести часовъ лишнихъ, которые нужно

прибавить къ 365-ти днямъ, Мексиканцы исправляли эту неточность, вставляя 25 дней въ каждые 104 года. Такимъ образомъ они приводили свой годъ въ болѣе точное соотношеніе съ солнечнымъ временемъ, чѣмъ мы даже это видимъ въ грегорианскомъ календарѣ, ибо лишь въ періодъ времени болѣе, чѣмъ 5.000 лѣтъ, у нихъ утрачивался одинъ день. Первое исправленіе Мексиканскаго календаря имѣло мѣсто за 16 столѣтій до прибытія Испанцевъ, въ древнемъ городѣ Гуагуэтлапаланѣ (Аризона). Когда Испанцы, пользовавшіеся юліанскимъ календаремъ, прибыли въ 1520-мъ году въ Вера-Крусъ, они были на десять дней въ отсталости отъ истиннаго счета. Мексиканцы дѣлили время на циклы въ 52 года, каждый циклъ дѣлился на 4 малые цикла по 13-ти лѣтъ. Названій годовъ было, 4: Тохтли, Акатль, Тэкпатль, и Калли, т. е. Кроликъ, Тростникъ, Кремень, и Домъ. Тольтеки дѣлили историческое время на четыре великія эпохи, или Смерти Солнца: Вѣкъ Воды, Вѣкъ Земли, Вѣкъ Огня, и Вѣкъ Воздуха. Ацтеки измѣнили порядокъ: Вѣкъ Воды, Вѣкъ Воздуха, Вѣкъ Огня, Вѣкъ Земли. Исслѣдователи истолковываютъ эти дѣленія такъ: Вѣкъ Воды—потопление Атлантиды; Вѣкъ Воздуха—Ледниковый періодъ, связанный съ Мексиканскими преданіями о лдяныхъ областяхъ Сѣвера, откуда пришли ихъ предки; Вѣкъ Огня—эпоха вулканическихъ изверженій, съ сопровождавшими ихъ землетрясеніями; Вѣкъ Земли—время чисто-историческаго существованія Мексиканскихъ народовъ, начинающееся за 4431 годъ до Христіанской эры. Часовъ въ Ацтекскомъ днѣ, такъ же какъ въ Ацтекской ночи, было 8, въ каждомъ часѣ—90 нашихъ минутъ. Часы дня были посвящены: 1 (по нашему—6 часовъ утра)—Восходящему Солнцу, 2—Блѣднѣющей Лунѣ, 3—Богинѣ Воды, 4—Солнечному Пути, 5—Кветцалькоатлю (Утренняя Звѣзда), 6—Богу Мертвыхъ, 7—Землѣ, 8—Тлалоку (Богу громовнику). Часы Ночи были посвящены: 1—Кветцалькоатлю (Вечерняя Звѣзда), 2—Звѣздамъ Сіяющимъ (Млечный Путь), 3—Ночи, 4—Богу правящему Ночью (Альдебаранъ) 5—Огню Миротворческому (въ полночь огонь закигался на звѣздномъ Холмѣ), 6—Вѣстнику Солнца, 7—Зарѣ, 8—Владыкѣ Свѣта Возвратнаго. Изъ часовъ дня 3-й и 7-й были часы добраго знаменія, 1-й часъ ночи былъ часъ злого знаменія. У жрецовъ Кветцалькоатля былъ тайный священный Календарь; въ ихъ году было лишь 260 дней—20 мѣсяцевъ, въ 13 дней каждый. Это исчисленіе времени основывалось на видимыхъ движеніяхъ планеты Венера, которая свѣтила для нихъ 260 дней какъ Утренняя Звѣзда, и 260 дней какъ Вечерняя.

Нагуатли дѣлили звѣзды на три разряда: цитлаллинь, неподвижныя звѣзды, цитлальмина, кометы, и тцонтэмокуэ, или тцитциминэ, планеты. Первые—они изображали маленькими кружочками, наполовину красными, наполовину бѣлыми, вторыя—кругами со стрѣлой, и третьи—ликами боговъ, коимъ посвящены они, всегда въ профиль, и съ крыломъ на головномъ уборѣ.

Нагуатли, такъ же какъ древнiе Эллины, изображали Венеру выходящею среди раковинъ изъ пѣны морской. О томъ свидѣтельствуютъ серебряныя Мексиканскiя изваянiя.

Первое двадцатидневiе въ году, такъ же, какъ послѣднее, Майи посвящали драгоцѣнному камню канъ, т.-е. Венерѣ.

Западъ означалъ у Ацтековъ мѣсто женщинъ. Души женщинъ, снискавшихъ безсмертный удѣлъ, жили въ Краѣ Закатномъ, какъ души мужчинъ пребывали въ области Востока. Души воителей ежедневно привѣтствуютъ восходящее Солнце и провожаютъ его отъ восточнаго горизонта до зенита. Тамъ его ждутъ души женщинъ и провожаютъ Свѣтлоликаго до Закатной черты, символъ которой есть Домъ.

Души умершихъ жрецовъ превращались въ дневныхъ мотыльковъ и въ ночныхъ бабочекъ, души воителей—въ колибри. Это напоминаетъ народное Польское преданiе—„Дочери Пилецкихъ“:—

Въ превельможномъ домѣ Пилецкихъ
Первородныя дочери,
Если онѣ умирали
Передъ тѣмъ какъ имъ выйти замужъ,
Превращались въ голубокъ бѣлыхъ.
Если жъ онѣ выходили замужъ,
Умирая, онѣ превращались
Въ ночныхъ мотыльковъ.

И если такая, ночная,
 Бабочка ночью въ окно влетитъ,
 И кому-нибудь на руку сядетъ,
 И тихонько укуситъ,
 Это значить, что къ дому Пилецкихъ
 Идетъ, ужъ подходитъ
 Смерть.

—

Владыка Сѣвера и сѣни смертной, Миктлантекутли, имѣлъ своимъ символомъ паука. Въ міровой символикѣ паукъ является также символомъ центральной Міровой Силы, вѣчно прядущей нити жизни. Известно пристрастіе къ пауку, бывшее одной изъ отличительныхъ лич- ныхъ чертъ великаго Европейскаго пантеиста, Спинозы.

—

На небѣ Мексиканскомъ нѣкогда былъ богъ Цитлаль-Тонакъ, Звѣзда Сіяющая, и богиня Цитлаль-Куэ, Она, что въ рубахѣ звѣздной. Эта звѣздная богиня родила странное существо—кремневый ножъ. Другія ихъ дѣти, ужаснутыя этимъ страннымъ порожденіемъ, сошвырнули его съ неба. Кремневый ножъ упалъ, разбился на мелкіе кусочки, и среди искръ возникли 1.600 боговъ и богинь.

—

Самая священная изъ всѣхъ плясокъ исполнялась въ праздникъ Мексиканскаго бога Огня одними жрецами. Во время этого праздника они выступали съ лицами, загримированными въ черный цвѣтъ, воп- лощая въ себѣ тьму и ночь. Въ каждой рукѣ у нихъ было по два фа- кела. Сперва они сидѣли, потомъ начинали медленное круговое движе- ніе вокругъ божественной жаровни. Свершивъ танецъ, они бро- сали свои факелы въ это огненное жерло. Обрядъ свершался въ глу- бокомъ молчаніи, на вершинѣ пирамиды. А внизу стояла молчащая бла- говѣйная толпа.

Пляска вообще считалась въ Мексикѣ священной, и танцамъ учи- лись съ дѣтства подъ особымъ руководствомъ жрецовъ.

—

Въ Мексиканскомъ цвѣтномъ письмѣ лица женщинъ обыкновенно раскрашены въ желтый цвѣтъ—краска Заката. Сочетаніе тьмы и сок- ровенной тайны съ женскимъ началомъ образно выражалось, между

прочимъ, тѣмъ, что въ оградѣ великаго теокалли города Мехико былъ Домъ Тьмы, посвященный Матери-Землѣ, чье имя Цигуакоатль, Женщина-Змѣя. Другіе храмы этой богини описываются какъ подземные, темные, погребные, съ однимъ низкимъ входомъ, изваяннымъ иногда въ видѣ змѣиной челюсти. Лишь жрецы допускались въ эти потаенныя святилища, въ которыхъ совершались сокровенные обряды и поддерживался священный огонь.

—

Какъ рассказываетъ Берналь Діазъ, образъ Тецкатлипоки, Дразни-теля Двухъ Сторонъ, находившійся въ великомъ теокалли въ Мехико, поражалъ своими сіяющими глазами. Въмѣсто глазъ у него были металлическія зеркала. Этотъ богъ видѣлъ міръ—черезъ отраженіе. Вѣчно наталкивая, магическими ухищреньями, правую сторону жизни на лѣвую ея сторону, онъ услаждался бореньемъ, и видѣлъ міровую жизнь какъ непрерывную панораму смѣняющихся тѣней.

—

Владыка сіяющаго обсидіановаго зеркала, чаровникъ, обольстившій Кветцалькоатля, Тецкатлипока, воплощалъ въ себѣ Ночь и ночное Небо, съ его міриадами звѣздныхъ зеркалъ. Такъ Ночь побѣждаетъ Вечернюю Звѣзду, втягивая ее въ свои черныя таинства. И освѣщенная сумракомъ вдвойнѣ, возвратившись къ себѣ черезъ временное пребываніе въ тѣневыхъ тайнахъ, Вечерняя Звѣзда вдвойнѣ свѣтла, когда она восходитъ какъ Утренняя.

—

Въ то время какъ обсидіановое зеркало было символомъ звѣзднаго культа, зеркало изъ полированного кремня надлежало культу солнечному. Кремневымъ зеркаломъ жрецы пользовались для концентраціи солнечныхъ лучей при возженіи священнаго огня, въ часъ полдня, въ дни весенняго равноденствія и лѣтняго солнцестоянія.

—

На языкѣ Нагуатлей океанъ есть *ilhuica-atl*, небесная вода. Дождь и Океанъ принадлежали мужскому началу, Небу, тогда какъ колдцы, озера, ручьи, и рѣки—началу женскому, Землѣ.

Голова змѣи была у Майевъ символомъ Моря. Океанъ по-Майски са па h, могучая змѣя. При входѣ въ Майскіе храмы были двѣ колонны, кончавшіяся внизу огромными изваяніями змѣиныхъ головъ съ разъятыми пастьми.

Египтяне считали равносторонній треугольникъ символомъ Природы, такъ же какъ и Индусы и Халдеи. У Христіанъ равносторонній треугольникъ, содержащій въ себѣ глазъ, есть символъ Божества. У Майевъ, какъ и въ Европейскомъ оккультизмѣ, равносторонній треугольникъ вершиною вверхъ означаетъ Огонь, вершиною внизъ—означаетъ Воду. Нутталъ указываетъ, что такимъ образомъ одинъ изъ сохранившихся, въ развалинахъ, Майскихъ храмовъ, такъ называемый Храмъ Голубятни въ Уксмалѣ, съ многократными украшеніями въ видѣ равностороннихъ треугольниковъ, есть какъ бы великая зодческая молитва о дождѣ. Строительный гимнъ богу Влаги и богу Огня.

Голубой это въ Майѣ траурный цвѣтъ, но не цвѣтъ скорби, а цвѣтъ тихой радости—освобожденіе отъ путъ вещества, приближеніе къ Небу.

Съ ас по-Майски красный, с ха ас—гроза, громъ, даятель дождя, богъ Плодородія, хранитель полей. Символомъ этого бога былъ крестъ. Въ честь него былъ праздникъ погашенія огня.

Крестъ тау былъ въ Майѣ символомъ созвѣздія Южнаго Креста. Какъ указываетъ Лё-Пленжонъ, знаменитый изслѣдователь Майи, когда въ началѣ мая это созвѣздіе восходитъ отвѣсно надъ горизонтомъ, земледѣлецъ знаетъ, что близится время дождей, и готовитъ посѣвъ. Этотъ знакъ возрожденія, вмѣстѣ съ завершающимъ его кружкомъ помѣщался въ Египтѣ въ рукахъ и на груди у мумій. Созвѣздіе Южнаго Креста и созвѣздіе Большой Медвѣдицы владычествуютъ ночнымъ Майскимъ небомъ и особенно четко выдѣляются среди другихъ созвѣздій.

Смыслъ Майскаго T i-h a-u (наименованіе знака T)— „Это—для воды“.

Сохранившееся Майское воззваніе къ богу Дождя гласитъ:—

Когда Повелитель встает на Востокъ,
 Четыре стороны Неба, *четыре стороны Неба*
 Четыре угла Земли
 Потрясены,
 И напѣвы мои,
 Разорвавшись,
 Падаютъ въ руки Владыки.
 Когда туча встаетъ на Востокъ,
 И идетъ, восходя, къ средоточью,
 Гдѣ сидитъ Устроитель
 Тринадцати грядъ облаковъ,
 Царь Атцолань,
 Разрыватель,
 Желтый Громъ,
 Тамъ, гдѣ владыки, что рвутъ,
 Пришествія ждуть Атцолана,
 Тогда хранитель сосудовъ,
 Гдѣ бродитъ священный напитокъ,
 Полный любви къ разрывателямъ,
 Хранителямъ жатвъ и посѣвовъ,
 Святыя даетъ приношенія,
 Чтобъ ихъ принести предъ Всевышняго.

Майи изображали Землю въ видѣ старика, съ лицомъ, обращеннымъ къ Востоку, держащимъ въ рукѣ духъ жизни, огонь, первичную основу вещественнаго міра.

Майи представляли себѣ Вселенную, какъ безграничную тьму, въ которой пребываетъ непознаваемая Воля. Символомъ Вселенной они избрали кругъ, который называли Uol (Воля). Кругъ, пересѣченный вертикальнымъ діаметромъ, они называли Lahup (Всепроникающій). Какъ въ кругѣ—андрогинная безпредѣльность, такъ въ вертикально-пересѣченномъ кругѣ—пробужденіе сознанія, мужское начало, это—декада, вѣдчанное 10, рождающееся изъ слитности 3-хъ и 7-ми. Кругъ, пересѣченный вертикальнымъ и горизонтальнымъ діаметромъ, назывался Sapob (Священное 4), символъ Четырехъ Строителей Мірозданія.

Майи считали Огонь дыханіемъ Ку, Мірового Разума.

Стефенсъ, одинъ изъ современныхъ путешественниковъ по Юкатанскому полуострову (половина XIX-го вѣка), говоритъ, что, когда кто-нибудь изъ Майевъ чувствуетъ приближеніе смерти, онъ говоритъ съ великимъ спокойствіемъ: „Отдыхать иду“.

Излюбленные цвѣта Майевъ—красный, зеленый, желтый, и голубой. Цвѣтъ страсти, цвѣтъ жизни, цвѣтъ разумѣнья, цвѣтъ благоговѣнія.

Мексиканскіе жрецы возжигали благовопія передъ своими Богами четырежды въ сутки: на разсвѣтѣ, въ полдень, въ сумерки, и въ полночь.

Одно изъ правилъ, которыя въ Мексикѣ преподавались дѣтямъ родителями: „Не давай яда никому, ибо Вышняго оскорбишь въ Его твореніи, и отъ того же погибнешь“. И еще: „Не лги никому, ибо тебя видятъ“.

Чичимеки называли отцомъ своимъ Солнце, а матерью своей Землю. И говорятъ, что болѣе боговъ не знали.

Какъ свидѣтельствуетъ Гомара, въ Мексикѣ было до 2.000 боговъ. И какъ говоритъ нѣкій благоговѣйный фраи Леонъ де Ганте, Демоны (разумѣй—Боги) столь были численны, что сами *Indios* не знали имъ числа—у cadaго предмета былъ свой богъ.

У Ацтековъ былъ обрядъ причащенія тѣла бога Вицлипохтли, бога войны и національнаго бога Мексики. Изъ тѣста дѣлали изваяніе бога Вицлипохтли, и затѣмъ, въ присутствіи Царя, четырехъ главныхъ жрецовъ, и четырехъ главныхъ воспитателей юношества, человѣкъ, называвшійся Кветцалькоатлемъ, бросалъ въ Вицлипохтли дротикъ съ каменнымъ наконечникомъ, и пронзалъ ему сердце. Послѣ этого тѣло Вицлипохтли дѣлили на части, сердце отдавали царю, а все тѣло, раз-

дѣленное поровну на мелкія части, раздавалось правовѣрнымъ Мехико и Тлальтељулюко. Обрядъ этотъ былъ ежегодный.

Почитатели Кветцалькоатля были великіе искусники какъ ювелиры. Ихъ специальность была—зеленые камни—чальчивитли, серебро, издѣлія изъ красныхъ раковинъ и бѣлыхъ, изъ дерева, изъ бирюзы, и изъ блестящихъ перьевъ. Легенды гласятъ, что слуги Кветцалькоатля были необыкновенно легки и подвижны, а глашатаи, когда возвѣщали его волю съ горы Воскликновеній, обнимали своимъ голосомъ далекія пространства, и слова ихъ были слышны за сто миль. И когда Кветцалькоатль царилъ невозбранно, всюду было изобиліе и всюду былъ расцвѣтъ. Тыквы и колосья маиса были размѣровъ огромныхъ, злаки были такъ высоки и толсты, что на нихъ карабкались какъ на деревья, хлопокъ рождался въѣхъ цвѣтовъ, розовый, красный, желтый, зеленый, коричневый, оранжевый, пятнистый. Птицы были съ изумрудными перьями и съ голосомъ нѣжнымъ и сладкимъ. Великое было множество разноцвѣтныхъ деревьевъ какао. И маисъ даже часто не ѣли, а только топили имъ бани. Самъ же Кветцалькоатль благосклонно смотрѣлъ на вѣрныхъ, свершалъ благоговѣнное служеніе, пронзая себя остриемъ магея и роняя очистительныя капли своей крови, и въ полночь купался въ священномъ источникѣ, и смотрѣлъ на звѣзды.

Говорятъ, что, когда Кветцалькоатль уходилъ изъ Мексики, онъ встрѣтилъ въ горахъ великое древо, великою стрѣлой онъ пронзилъ его—и получился крестъ. Онъ совершилъ также много другихъ удивительныхъ дѣяній въ это время. Такъ, въ одномъ мѣстѣ, въ горахъ, гдѣ люди далеки отъ плоскостей, онъ воздвигъ великій камень, который, если человекъ прошелъ ступени благоговѣнности, можно сдвинуть мизинцемъ. Но, если изъ простого любопытства соберется великая толпа людей и будетъ пытаться его сдвинуть, на волосокъ не подвинется.

Фрай Бернардино де Саагунъ такъ описываетъ приношеніе жертвенной крови, свершавшееся въ древней Мексикѣ. Изливали кровь на текалли днемъ и ночью, убивая мужчинъ и женщинъ передъ статуями Демоновъ, во многихъ мѣстахъ. Изливали ее также передъ Демонами, изъ почитанія ихъ, въ дни означенные, и дѣлали это слѣдующимъ образомъ. Ежели хотѣли излить кровь изъ своего языка, пронзали его

остріемъ ножа, а чрезъ образовавшееся отверстіе проводили толстыя соломинки, сообразно съ усердіемъ каждаго: нѣкоторые связывали соломинки вмѣстѣ, и тянули ихъ, какъ тотъ, кто тянетъ веревку, проводя ихъ черезъ отверстіе въ языкъ; другіе, соломинка за соломинкой, проводили ихъ множество черезъ языкъ, и оставляли ихъ такъ окровавленными передъ демономъ, или на дорогахъ, или въ урнахъ, и то же самое дѣлали съ руками и ногами. Изливали также кровь жрецы внѣ храмовъ пирамидныхъ, на горахъ и въ пещерахъ, изъ усердія своего ночного, и дѣлали это слѣдующимъ образомъ: брали зеленые тростинки и колючки магея, и, оросивъ ихъ кровью, добытой изъ ногъ своихъ, изъ переднихъ ихъ частей, ночью шли, обнаженные, въ горы, гдѣ пребывали въ молитвенности, и тамъ окровавленными оставляли ихъ на подстилкѣ изъ листьевъ камыша, и дѣлали это въ четырехъ или въ пяти мѣстахъ сообразно съ усердіемъ каждаго. Изливали также кровь люди за пять дней до пришествія главнаго праздника, что свершался чрезъ каждое двадцатидневіе по благочестію ихъ. Дѣлали надрѣзы въ ушахъ, откуда доставали кровь, и ею умащали лица, означая на нихъ кровавыя полосы; женщины дѣлали кругъ, а мужчины прямую черту отъ брови до челюсти. Женщины также усердствовали, принося эту кровь втеченіе восьмидесяти дней, дѣлая себѣ надрѣзы каждыя три или четыре дня все это время. Приносили также въ жертву кровь птицъ передъ Демонами по усердію своему, особливо передъ Вицлипохтли, и во время праздниковъ покупали перепеловъ, и отрѣзали имъ головы передъ идоломъ, и кровь проливали тамъ, а тѣло бросали на землю, и тамъ оно вращалось кругами, пока не умирало. Когда убивали раба или плѣнника, владыка его собиралъ кровь въ чашу, и опускалъ туда бѣлую бумагу, и подходилъ потемъ ко всѣмъ статуямъ демоновъ, и умащалъ имъ ротъ бумагою окровавленною, иные же палку опускали въ кровь и касались ею рта изваянія.

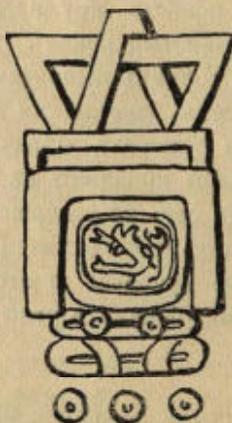
Кромѣ Боговъ и Богинь всѣхъ стихій, общихъ у Мексиканцевъ съ другими народами, также имѣвшихъ своихъ боговъ Влага, и Вѣтра, и Земли, и Огня, были еще боги Мексиканскіе совершенно особенные. Такова, напримѣръ, Цигуапичтли, богиня роженицъ, умиравшихъ при первыхъ родахъ. Такія матери цѣнились Ацтеками наравнѣ съ храбрыми воинами, погибшими во время битвъ. Очень также интересна богиня Тлакультеуль, богиня тѣлесныхъ наслажденій. Звалась она также Ик-

скуина, младшая сестрица изъ четырехъ сестеръ. И еще—Тлаклькуани, поѣдательница вещей нечистыхъ. Эта богиня внушала людямъ сладострастiе, и, въ чемъ бы они ни исповѣдывались, всё грѣхи имъ отпущались. Любопытенъ богъ пьянственности, Тецкатцонкатль. Этотъ богъ, какъ говоритъ Саагуиъ, былъ родственникъ или братъ другихъ боговъ вина, и, насчитавъ ихъ по именамъ, до тринадцати, онъ восклицаетъ: „Сколько божествъ покровительственныхъ имѣли пьяницы!“

При свершенiи брачнаго обряда въ Мексикѣ, жениха и невѣсту, между прочимъ, сажали на одну циновку, и край одежды невѣсты связывали съ краемъ одежды жениха,—это было важнымъ моментомъ обряда. Былъ также мигъ, когда невѣста кружилась вокругъ огня, и послѣ этого они оба возжигали душистый копаль въ честь боговъ. И первыя четыре noci они спали на тонкихъ циновкахъ изъ камышей, а легкiя ихъ покрывала были украшены блестящими перьями, посрединѣ же — зеленый чальчивитль. И на четырехъ углахъ постели — зеленыя тростинки и колючки агавъ, дабы проливать въ честь боговъ капли крови. И до четвертой noci бракъ еще не совершался, и это возвѣщало несчастiе, если не давали истечь достодолжному сроку. По истеченiи же четвертой noci новобрачные купались, и одѣвались въ новыя одежды, головы имъ украшали бѣлыми уборами, а руки и ноги красными перьями.

При свершенiи похоронныхъ обрядовъ, въ Мексикѣ, умершему раскрашивали лобъ въ голубую краску, ибо онъ удалялся въ Небо, и клали въ руку посохъ, да свершаетъ легко свой путь. Ставили около умершаго кружку съ водой, дабы пить въ снѣи смертной, и въ разные часы давали ему разныя записи, въ которыхъ было точно означено ихъ назначенiе. Клада мертвому первую записъ, говорили: „Съ этимъ пройдеши безъ опасности между двухъ бьющихся горъ“. Клада вторую, говорили: „Съ этимъ пройдеши безпрепятственно по пути, возбраненному великимъ Змѣемъ“. Клада третью, говорили: „Съ этимъ пройдеши достоверно чрезъ мѣсто, гдѣ крокодилъ“. Четвертая записъ проводила умершаго черезъ восемь пустынь. Пятая — черезъ восемь горъ. Шестая — черезъ вѣтеръ, такой порывистый и острый, что разламывалъ скалы и рѣзалъ, какъ ножъ. (Подробность, совпадающая съ тѣмъ, что рассказываетъ Кальдеронъ въ своей драмѣ „Чистилще святого Патрика“).

Тѣло въ иныхъ случаяхъ сжигали и хоронили прахъ въ вазѣ, въ другихъ хоронили, въ третьихъ—бальзамировали. Въ вазу, содержавшую прахъ умершаго, клали какой-нибудь драгоценный камень, для лицъ знатныхъ всегда—чальчивитль изумрудный, дабы драгоценный камень служилъ покойнику сердцемъ въ иномъ мірѣ.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ ЖЕРТВЫ.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ ЖЕРТВЫ.

Солнечная мысль.

Солнце пьет Воду, Вода отдается Огню, перестает быть Водой, становится туманомъ, облачкомъ, тучей, обнимается съ молніей, сливается съ Огнемъ, и снова, за жертвой отдачи себя, изливается на Землю свѣтлой свѣжей дождевой водой. Солнце манитъ зерно, что спряталось въ Землю, зерно просыпается, отнимаетъ у глыбъ земныхъ соки, и глыбы отдаютъ ему питательные соки, въ зернѣ тихонько шевелится живой изумрудъ, ростокъ разрываетъ земной потолокъ ночной своей комнатки, вбираетъ въ себя воздухъ и свѣтъ, и Воздухъ и Свѣтъ дѣлятся съ нимъ, а потомъ растеніе цвѣтетъ и отцвѣтаетъ, и бросаетъ въ Землю зерна, и отдаетъ Землѣ свой умершій стебель, чтобъ этотъ стебель сталъ снова землей. Птица поетъ на вѣткѣ весеннюю свою пѣсню, а пѣсню ея слушаетъ не только содружественная птица, а и я, притаившійся подъ тѣнью вѣтвей, и звуки пѣсни входятъ въ мою душу; я принимаю въ свою душу также свѣжій духъ клейкихъ листочковъ, и дрожанье свѣтовъ по листвѣ, а вечеромъ дрожащій свѣтъ Звѣзды, и, все это взявъ у Міра, создаю звонкій стихъ, или ласковое слово, которое дарю другой душѣ, или одинокое трепетаніе счастья въ сердцѣ, и Міръ становится богаче отъ моего счастья, хотя, быть можетъ, никто, никто его не видитъ. По всѣмъ струнамъ проносится Вѣтеръ, и всѣ струны поютъ Мірозданье. Но, чтобъ было Мірозданье съ своими золотыми струнами, нужно также, чтобъ струны порывались, чтобы струны, пѣвшія такъ звонко, время отъ времени были порваны, и чтобъ Вѣтеръ, въ полночѣ Мірозданья, былъ и холоднымъ, и жесткимъ, чтобы пѣли также и мятели. А какъ поютъ мятели, знаетъ — кому приходилось лежать и стынуть подъ снѣгомъ.

Я заглянулъ въ многолистную книгу легендъ, и съ разныхъ листовъ ея, изумрудныхъ, и бѣлыхъ, и кроваво-красныхъ, и пожелтѣвшихъ, на меня глянула одна и та же мысль, золотая мысль о Жертвѣ,

и о Преображеніи Жертвы, золотая мечта, и кроваво-красная, страшная, пугающая, и безконечно-отрадная.

Есть такая Перуанская легенда. Создатель всѣхъ вещей, Конирайя, имѣлъ обыкновеніе проходить по Землѣ въ лохмотьяхъ, такъ что всякій, кто его видѣлъ, могъ видѣть, что вотъ это кто-то жалкій и грязный. Блуждая, онъ влюбился въ красавицу Ковиллаку. Онъ вошелъ въ садъ, сдѣлалъ изъ сѣмени плодъ, превратился въ птицу, и, когда подъ деревомъ, на которомъ сидѣла эта птица, сѣла Ковиллака, онъ сбросилъ этотъ плодъ ей на колѣни. Она отвѣдала и зачала. Родился у нея ребенокъ. Прошелъ годъ, и всѣ Боги собрались, чтобъ установить, кто же отецъ. Всѣ сошлись, и въ богатыхъ одеждахъ, а въ обычныхъ своихъ лохмотьяхъ пришелъ и Конирайя. Отцомъ не призналъ себя никто, предоставили самому ребенку отыскивать, чей онъ, и онъ безошибочно подползъ къ Конирайѣ. Ковиллака знала, что ея беременность и рожденіе ею ребенка были чудесны; она могла бы и въ эту минуту доврчиво глянуть въ глаза Судьбѣ, ожидая продолженія чуда. Но она оказалась малодушной, недостойной того счастья жертвы, съ которымъ подошла къ ней Судьба. Со стыдомъ и съ гнѣвомъ она обратилась въ бѣгство. А въ этотъ же мигъ на Конирайѣ засіяла золотая одежда, и Солнце взошло. Ковиллака же обратилась въ камень. Въ безплодный—быть можетъ, и красивый,—но безплодный, мертвый камень. (Paul Ehrenreich. Die Mythen und Legenden der Südamerikanischen Urvölker. Berlin. 1905).

Есть, какъ бы дополняющая эту легенду, Сіамская сага, до чрезвычайности къ ней близкая. Прокаженный, все тѣло котораго было покрыто нарывами, снискивалъ свое пропитаніе, работая въ плодовомъ саду. Онъ часто бывалъ около одной яблони, и въ соки дерева перешла его сущность, въ яблокахъ было его сѣмя. Пошла этихъ яблокъ царская дочь, сдѣлалась тяжелой и родила ребенка. По прошествіи года захотѣлось Царю узнать, кто отецъ. По его повелѣнію собрались въ одно мѣсто всѣ жители той страны. У каждаго были сладости и плоды въ рукахъ. Къ кому мальчикъ подойдетъ, проходя по рядамъ, тотъ и отецъ. Подошелъ-то ребенокъ—къ прокаженному, хоть весь онъ былъ въ нарывахъ, а въ рукахъ у него былъ лишь комокъ холоднаго риса. Ребенокъ ухватилъ его за шею и тотчасъ началъ ѣсть рисъ. Отецъ былъ найденъ, а Царь разгнѣванъ, и обошелся съ виновнымъ по-царски—велѣлъ и прокаженнаго и Царевну съ ребенкомъ въ рѣку бросить. Но Царевна отъ таинственнаго отца своего ребенка

не побѣжала, а прокаженный внезапно обратился въ красиваго юношу, — сила человѣческаго довѣрія сдѣлала то, что начавшееся уродствомъ, кончилось красотой. (Беру эту легенду отсюда же).

Обратимся къ другому. Въ селѣ Верхотишанкѣ, Воронежской губерніи, нынѣ, быть можетъ, уже не существующемъ, во вторую половину прошлаго вѣка еще обоготворяли огонь. (Ө. И. Буслаевъ. Историческіе очерки. Т. 1-й). Какъ средство вздуть огонь поскорѣе, говорили: „Святой огнюшекъ, дайся намъ“. Почитали и Луну, ибо Молодой мѣсяцъ здоровье посылаетъ. Считали священной и воду, такъ что грѣшно пить изъ цѣлаго ведра, — расплещешь, — или лить воду черезъ руку. Въ этомъ язычески-первобытномъ селѣ прививать младенцамъ оспу — грѣхъ; это значить — налагать печать Антихриста. Кто же умретъ отъ этой болѣзни, тотъ будетъ на томъ свѣтѣ ходить въ золотыхъ ризахъ. Упоминаніе объ Антихристѣ не устраняетъ чисто-языческаго представленія о золотыхъ ризахъ, въ которыя на томъ свѣтѣ превращаются гнойные струнья оспы. Лишь оспѣ даны золотыя ризы. Почему? Сами знахари умалчиваютъ. „Ужъ такъ испоконь-вѣку“. И у Сербовъ оспа называется богине. Въ современной же Греціи оспу представляютъ сверхъестественной женщиной, надѣленной чудесными средствами. И въ то время, какъ Германскій эльфъ есть духъ свѣта, огня, воды, и воздуха, Греческое слово альфъ обозначаетъ болѣзнь, на-кожные струнья. То, что здѣсь — на-кожные струнья, свѣтлыя жаркія ризы — тамъ.

Перенесемъ теперь въ древнюю Мексикку. Въ книгѣ Дона Маріано Вентіа (18-й вѣкъ), „Древняя Исторія Мексики“, D. Mariano Veutia Historia Antigua de Méjico. Т. 1, pp. 39—40, Méjico, 1836, разсказывается слѣдующее преданіе. (Привожу его въ переводѣ Елены Ц.).

Разсказываютъ, на широкомъ полѣ, посреди котораго былъ костеръ, или пастъ, извергавшая грозное пламя, собрались всѣ мудрецы, — благородные и смѣлые той страны, повелѣли имъ всѣмъ сойтись и сказали имъ, что тѣ, кто возымѣетъ мужество и силу низринуться въ этотъ костеръ, будутъ превращены въ Боговъ и воздадутся имъ почести божескія. Услыша предложеніе, люди остались недвижны и стали спорить межъ собой, кому надлежитъ свергнуться туда первому.

Межъ тѣмъ, какъ спорили они, богъ Синтеотль, богъ Манса, которому давали также имя Иноинтинцинъ, богъ Сирота, одинокій и безродный, приблизился къ одному изъ соискателей, который ужъ много лѣтъ страдалъ язвами, перенося съ великимъ терпѣніемъ и

стойкостью свои мученія, и сказалъ ему: „Что дѣлаешь здѣсь ты? Какъ не устремись ты сочетаться съ пламенемъ, въ то время какъ товарищи твои медлятъ въ спорахъ бесплодныхъ? Низринься въ тотъ костеръ, дабы даровать конецъ твоимъ болямъ, которыя съ такой геройской стойкостью сумѣлъ ты терпѣть столько лѣтъ, и возрадуешься, и обрѣтешь нескончаемыя почести божескія“.

Осѣненный этой надеждой, язвенный, склонившись, какъ бы устыженный, приблизился къ костру и бросился въ него. Велико было изумленіе и восхищеніе, которое произвелъ во всѣхъ присутствовавшихъ поступокъ столь отважный, и еще несравненнѣе было узрѣть, что, медленно излучаясь, разсыялось его тѣло, и превратилось въ огни пламени, не оставивъ единаго слѣда отъ себя. Въ это время увидѣли, какъ спускается съ Неба орелъ, весьма прекрасный и могучій, и погружается внутрь костра, и хватаетъ когтями и клювомъ огненный шаръ, въ который воплотился язвенный, и возносить его, и полагаетъ въ Небеса. Солнце!

Вдохновленный этимъ примѣромъ, одинъ изъ присутствовавшихъ мудрецовъ, желая насладиться равнымъ блаженствомъ, низринулъ также въ костеръ. Но истощили уже огни пламени свой верховный пылъ въ превращеніи язвенника, была много меньше живость его, и только могли различить его по искрамъ, что видѣлись въ глубинѣ костра, и мудрецъ превращенъ былъ въ Луну, и вознесенъ на Небо, но въ мѣсто низшее, чѣмъ Солнце.

Есть другое, болѣе старое и еще болѣе узорное разночтеніе этого преданія, приводимое въ книгѣ лучшаго стариннаго историка Мексики, фраи Бернардино де Саагуна, „Общая Исторія вещей Новой Испаніи“ (XVI-й вѣкъ), Fray Bernardino de Sahagun, *Historia General de las Cosas de Nueva Espana*. Т. 2, pp. 246—250, Mèxico, 1828. (Привожу эту форму легенды также въ передачѣ Елены Ц.).

Въ додневности Міра сошлись Боги въ томъ мѣстѣ, что зовется Теотиуаканъ, и сказали одинъ другиму: „Боги, кто приметъ иго быть свѣтомъ надъ Міромъ?“ Немедля отвѣтилъ на тѣ слова одинъ изъ Боговъ, чье имя Текуцистекатль, и сказалъ:—„Я избираю время освѣщать Міръ“. Тотчасъ вторично воззвали Боги: „Кто будетъ другой еще?“ Мгновенно взоръ устремился ко взору и совѣщались, который будетъ тотъ, другой, и ни единый не осмѣливался обречь себя тому служенію,—все смущались и уклонялись, уstraшенные.

Одинъ изъ Боговъ, внѣ счета, и язвенный не говорилъ, лишь слу-

шалъ рѣчи другихъ Боговъ. Другіе обратились къ нему и сказали:— „Попытайся ты быть свѣтящимъ, язвенекій“. И охотно онъ повиновался и отвѣтилъ:— „Принимаю, какъ благосклонность, присужденіе. Да будетъ такъ“.

И тотчасъ тѣ двое вступили въ покаянную четверокружность ночей. Послѣ возжгли огонь въ жерлѣ скалы, что нынѣ зовется теутескалли. Богъ, именовъ Текуцистекатль, принесъ жертву, и все было драгоценно: ибо вмѣсто вѣтвей, принесъ онъ двѣдцатия цѣнные перья, что зовутся манкветцалли; вмѣсто шаровъ изъ сѣна—золотыя ядра; вмѣсто шиповъ магея,—шипы изъ самоцвѣтныхъ камней; вмѣсто окровавленныхъ шиповъ—алый коралль; и копаль, что принесъ онъ, былъ весьма хорошъ. Язвенный, чье имя Нанагуатцинъ, возложилъ жертву, и вмѣсто вѣтвей были зеленые камыши, связанные три по три, всѣхъ ихъ было девять, принесъ шары изъ сѣна и шипы магея, и окровавилъ ихъ собственною кровью, а вмѣсто копала приношеніемъ его были язвенные струщя. И каждому воздвигли башню, подобную горѣ. Внутри тѣхъ горъ свершали они покаяніе четыре ночи, и нынѣ тѣ взгорья зовутся тцаквалли.

То, чѣмъ закончилась четырехночная покаянность, совершилось на грани, на истеченіи ея. Когда ночь наклонилась къ полночи, приступили къ совершенію обрядовъ; нѣсколько до преломленія ея поднесли имъ одѣянія ихъ. Того, чье имя Текуцистекатль, облекли въ перистый уборъ, ацтакомитль, и тканый льняной кафтанъ. Язвенному, чье имя Нанагуатцинъ, обвили голову бумагой, амацонтли, и облекли его въ ниспадающую одежду изъ бумаги, и макстли подобную же.

Сомкнулась полночь, всѣ Боги вошли въ кругъ костра, что зовется теутескалли. Тамъ рдѣлъ огонь четыре ночи. Два ряда Боговъ по двѣ стороны огня; и двое, выступивъ, съ лицами, устремленными въ огонь, средь двухъ рядовъ Боговъ возставшихъ, воззвали къ Текуцистекатлю и сказали:— „Такъ что жъ, Текуцистекатль, входи въ огонь ты“. И тотчасъ устремился тотъ, дабы предаться пламени; но великъ былъ огонь и весьма горячъ,—ощутилъ жгучесть и боль Текуцистекатль и не осмѣлился опрокинуться и вернулся обратно. Вторично направился, мужаясь, но, достигнувъ, замедлилъ, не отважился погрузиться въ костеръ. Четыре раза пытался, ни разу не осмѣлился. И было постановлено—никому не приступать къ испытанію больше четырехъ разъ. Когда исполнилось четверократное испытаніе, возговорили Боги къ Нанагуатцину:— „Такъ что жъ, Нанагуатцинъ, попытайся ты“. И едва провоз-

вѣстили его Боги, осѣненный, замкнувъ глаза, взметнулся онъ и низринулся въ пламя, и тотчасъ затрещалъ и заискрился на огнѣ, какъ тотъ, кого сжигаютъ. Когда увидалъ Текуцистекатль, что опрокинулся тотъ и горитъ въ огнѣ, устремился и бросился въ костеръ. И говорятъ, вошелъ за нимъ орелъ, и также сгорѣлъ, потому и перья его коричневые или черныя. Слѣдомъ вошелъ тигръ, но не сгорѣлъ, лишь опалился, и черезъ то крапленъ чернымъ и бѣлымъ. Отсюда возникъ обычай—мужей проворно-мѣткихъ въ войнѣ называть Кваутльоселѣтль, Орелъ-Тигръ, и первымъ называютъ Кваутли, ибо первый Орелъ вошелъ въ огонь и послѣ говорятъ Оселѣтль, ибо Тигръ за Орломъ послѣдовалъ въ огонь.

Едва тѣ двое погрузились въ огонь и сгорѣли, стали Боги ждать и надѣяться, что быстро взойдетъ Нанагуатцинъ. Былъ великій мигъ, ожиданія, заалѣло Небо, и со всѣхъ сторонъ занялось зарево Зари. Говорятъ, послѣ того, преклонили Боги свои колѣна, дабы ожидать, гдѣ взойдетъ Нанагуатцинъ, ставшій Солнцемъ. Смотрѣли по всѣмъ сторонамъ, кругомъ обращали взоры, но не могли утвердиться, ни мыслью, ни словомъ, съ которой стороны взойдетъ, — ни на чемъ не остановились. Одни думали, что придетъ въ сторонѣ Путеводной Звѣзды, и направляли взгляды къ ней; другіе — въ противоположную сторону; со всѣхъ сторонъ подозрѣвали восходъ, ибо всюду было возсіяніе Зари; иные устремлялись въ сторону, что стала зваться Востокомъ, и утверждали, что здѣсь, въ этой сторонѣ, взойдетъ Солнце. Сказанное тѣми было истинно. Говорятъ, смотрѣвшими къ Востоку были—Кветцалькотль и Тецкатлинока, и Меницкоа, которые неисчислимы. И когда возшло Солнце, предстало весьма многоалое, и, казалось, покачивилось, и никто не могъ смотрѣть на него, ибо лишало глазъ—зрѣнія, сверкало, и чрезмѣрность лучей низвергало, и повсюду разливалась лучезарность. И послѣ возшла Луна, съ той же Восточной стороны, рядомъ съ Солнцемъ. Первымъ возшло Солнце, а за нимъ—Луна. Въ томъ самомъ порядкѣ, какъ вошли въ огонь, пришли, преобразившись.

И говорятъ сказатели преданій, что владѣли равнымъ свѣтомъ, которыми освѣщали; и когда увидѣли Боги, что одинакова свѣтозарность ихъ, вторично воззвали другъ къ другу, и сказали: „О, Боги, какъ же это будетъ? Хорошо ли то, что рядомъ идти? Хорошо ли, что свѣтять равно?“ И Боги постановили рѣшеніе, и сказали: „Да будетъ вотъ такъ“. И одинъ изъ нихъ взмахнулъ и бросилъ кролика въ лицо Текуцистекатля, и помрачился его лгкъ, затмился блескъ, и сталъ его образъ такимъ, какъ сейчасъ.

И взошли надъ Землей, и оставались недвижными Солнце и Луна. И снова возрощали Боги: „Какъ можемъ жить? Не движется Солнце. Будемъ ли жить среди низкихъ? Умремъ всё, и да будетъ ему возрожденіе черезъ нашу смерть“. И тотчасъ Воздухъ принявъ на себя избіеніе Боговъ, и убилъ ихъ всёхъ, но, говорятъ, одинъ, Ксолётль, отрекся смерти, и воскликнулъ къ Богамъ: „О, Боги, не умерь я“. И плакаль, и отъ слезъ распухли глаза его; и когда приблизился убиватель, обратился онъ въ бѣгство, и укрылся въ маисовое поле, и обернулся колосомъ маиса, у котораго два стебля, и воздѣльватели полей зовуть его Ксолётль, и былъ замѣченъ, и найденъ среди колосевъ маиса. Вторично бѣжалъ, и скрылся среди магея, и обратился въ магея, что имѣеть два тѣла и зовется Максолётль, снова былъ увидѣнъ, бѣжалъ, и бросился въ воду, и обернулся рыбой Аксолётль, и тамъ поймали его, и убили его. И говорятъ, хотя и мертвы были Боги, не потому восколебалось Солнце. Но могучій Вѣтеръ загудѣль, подулъ, и содвинулъ его, дабы проходило свой путь. И когда Солнце вступило въ странствіе, Луна осталась на мѣстѣ, гдѣ была. Потомъ, велѣдъ за Солнцемъ, пошла Луна. Такъ разлучились, и восходятъ въ раздѣльности времени. Солнце длится днемъ, въ ночи творить Луна.

Если отъ этихъ цвѣтистыхъ и многоцвѣтныхъ легендъ мы обратимся къ замѣчательному и совершенно неизвѣстному въ Россіи космогоническому замыслу Словацкаго, „Происхожденіе изъ Духа“, „Genezis z Ducha“, Modlitwa z rekopisu I. Slowackiego. We Lwowie, 1874, мы получимъ отвлеченную параллель, которая обостритъ, скрытую въ образахъ преданій, мысль, красочныя легенды получатъ мыслительный фонъ, на которомъ, какъ въ заревѣ ночного пожара, осязательная непосредственность очертаній выступитъ выпукло и четко. Словацкій назвалъ свой замыселъ Молитвой, и считалъ его самымъ важнымъ своимъ произведеніемъ, а ъ ф о й и о м е г о й, какъ Эдгаръ По—свой космогоническій замыселъ, „Эврика“. „Происхожденіе изъ Духа“ все и написано въ ритмѣ высокаго молитвеннаго настроенія, объявшаго умъ гениальный и первозданно-творческій. Я приведу наиболѣе яркія страницы, связавъ остальное изложеніемъ:—

На скалахъ Океанскихъ поставилъ меня Ты, Боже, дабы припомнилъ вѣковыя дѣянія духа моего; а я себя внезапно учуялъ въ прошлости безсмертнымъ, Сыномъ Божіимъ, творцомъ видимости, и однимъ изъ тѣхъ, которые Тебѣ любовь добровольную отдають на золотыхъ гирляндахъ солнць и звѣздъ.

Ибо духъ мой предъ началомъ творенія былъ въ Словѣ, а Слово было въ Тебѣ, а я былъ въ Словѣ. (Я былъ—не Я, ибо Я есмь ликъ, а тамъ лика еще не-было. Евангеліе говоритъ о Богѣ: „Въ Немъ была жизнь, и жизнь была свѣтъ челоуѣковъ“, но не личностей челоуѣческихъ. Ибо если бы Я было равночасно съ Богомъ, челоуѣкъ былъ бы сверстникомъ Бога).

И мы, Духи Слова, возжаждали формъ—(ежели Я, то ужъ форма)—и тутъ же видимыми сдѣлалъ Ты насъ, Господи, позволивши, чтобъ мы сами изъ себя, изъ воли нашей и изъ любви нашей, вывели первыя формы, и стали предъ Тобою явленные.

Духовъ же, которые выбрали формою свѣтъ, Ты отлучилъ отъ духовъ, которые выбрали откровеніе свое въ темнотахъ; и тѣ на солнцахъ и звѣздахъ, а эти на звѣздахъ и мѣсяцахъ, начали работу формъ, изъ которыхъ Ты, Господи, отбираешь постоянно окончательное твореніе любви, для которой все сотворено, черезъ которую все рождается.

Тутъ, гдѣ за плечами моими пламенѣютъ золотыя и серебряныя скалы, оправленные въ выступы, какъ бы гигантскіе щиты, приснившіеся очамъ Гомера, тутъ, гдѣ отстрѣленные солнца обливають плечи мои лучами, а въ шумѣ моря слышать непрерывный голосъ, работающаго надъ формами, Хаоса, тутъ, гдѣ духи, той самой, что и я когда-то, дорогой, вступаютъ на Іаковлеву лѣстницу жизни, надъ этими волнами, на которыхъ духъ мой столько разъ пускался въ невѣдомые горизонты, новыхъ міровъ ища, позволь мнѣ, Боже, чтобы, какъ дитяtko, пролепеталъ я давнюю работу жизни, и вычиталъ ее изъ формъ, что суть надписанія моего прошлаго.

Ибо духъ мой, какъ первая Троица изъ трехъ лицъ, изъ духа, изъ любви, и изъ воли сложенный, летѣлъ, призывая братскіе духи подобной себѣ природы, а чрезъ любовь волю въ себѣ пробудивши, замѣнилъ одну точку невидимаго пространства въ разблескъ силъ магнетически-притягательныхъ. А тѣ перемѣнились въ электрическія и перуныя, и растеплились въ духѣ.

Когда же, заглѣнвившись въ работѣ, духъ мой пренебрегъ добывать изъ себя солнечность, и съ дорогою творчества разминулся, Ты, его, Господи, борьбою силъ внутреннихъ и разрывомъ ихъ, братскихъ, покаралъ, не свѣтомъ ужъ, а огнемъ-истребителемъ блеснуть принудилъ, и, должникомъ мѣсячныхъ и солнечныхъ свѣтовъ содѣлавъ, замѣнилъ духъ мой въ клубъ огня, и повѣсилъ его на пропастяхъ.

И вотъ на Небесахъ другой кругъ духовъ свѣтящихъ, кругъ огня

подобный, но болѣ чистой и искупленной природы, ангель золотой съ развѣвающимися волосами, сильный и порывчатый, ухватилъ одну горсть шаровъ, закрутилъ ее какъ радугу огнистую, и повлекъ за собой.

И въ тотъ часъ три ангела, солнечный, мѣсячный, и шаровой, межъ собой соприкоснувшись, установили между собой первый законъ зависимости, помощи, и вѣса, а я съ тѣхъ поръ время освѣщенное началъ называть днемъ, а часъ, лишенный свѣтлости, назвалъ ночью. Вѣка минули, о, Господи, а духъ мой ни одного изъ тѣхъ дней минувшихъ не опочилъ, но, непрерывно работая, мысль новую о формѣ замѣнялъ въ форму, согласовавшись со словомъ шаровымъ, устанавливалъ законъ, а потомъ закону поддавался собственному, дабы на такъ заложенномъ фундаментѣ встать и новыя высшія дороги духу обмыслить.

И ужь, въ скалахъ, о, Господи, лежитъ духъ, какъ изваянье законченной красоты, еще спящій, но уже уготованный на формы человечества, а радугою мысли Божеской повитый какъ бы шестьюразной гирляндой. Изъ бездны той онъ вынесъ вѣдѣніе математическое формъ и чиселъ, которое доселѣ заложено наиболѣе глубоко въ сокровищницѣ духа, и сдается, что вложено въ духъ безъ какого-либо его вѣдѣнія объ этомъ и заслуги; но Ты знаешь, Господи, что форма алмазная сложилась изъ живыхъ, а воды начали литься изъ видимыхъ, слегка связанныхъ и учащихъ равновѣсію, а на шарѣ все было жизнью и переменной; а того, что нынѣ зовемъ смертию, то есть переходомъ духа изъ формы до формы, не было.

Вотъ призываю предъ Тебя, Боже мой, тѣ кристаллы твердые, первые ибкогда тѣла духа нашего, нынѣ уже всякимъ движеніемъ покинутые, а еще живыми тучами и молніями увѣнчанные; ибо это суть Египтяне первой природы, что на тысячи лѣтъ строили себѣ тѣла, движеніе воспрезрили, въ длительность только влюбились и покой. Сколько-жъ Тебѣ, Господи, перуновъ было нужно, бьющихъ въ базальтовые скалы перваго міра, сколько огней подземныхъ, сколько трясений, чтобы тѣ кристаллы Ты разбилъ и замѣнилъ въ прахъ земной, что нынѣ есть лишь дребезги первыхъ, чрезъ притяженіе духа поставленныхъ, исполнновъ! Повелѣлъ ли Духу самому уничтожиться? Или пораженный Самъ валилъ на себя построенные своды? Пока изъ расколотыхъ скалъ не досталъ огня, искры первой, которая, можетъ, Мѣсяцу великому подобна, выбѣжала изъ грохота камней, превратилась въ столбъ огненный, и стала на землѣ какъ ангель-уничтожитель, и понынѣ

еще лежить въ глубинѣ земной, подъ седмидневной работѣ нашихъ и праховъ скорлупой.

Въ тотъ-то часъ, о, Господи, первые, а ужъ идущіе къ Тебѣ, Духи въ муку огненной сложили Тебѣ первую жертву. Пожертвовали себя на смерть. То же, что для нихъ смертію было, въ очахъ Твоихъ, о, Боже, было только успеніемъ Духа въ одной, и пробужденіемъ его въ другой, болѣе законченной, формѣ, безъ какого-либо вѣдѣнія о прошломъ и безъ какой-либо предсонной памяти. И первая жертва того слизняка, который просилъ Тебя, Боже, чтобы Ты ему въ обломкѣ каменнаго вещества полнѣйшею жизнью развеселиться позволишь, а потомъ смертью уничтожилъ, была какъ бы образомъ жертвы Господа Христа, и неутраченной осталась: ибо Ты, Господи, наградишь ту смерть, появившуюся въ природѣ въ первый разъ, даромъ который нынѣ мы называемъ тѣломъ живымъ. Изъ той смерти, какъ изъ жертвы наипервѣйшей, породилось наипервѣйшее возстанье изъ мертвыхъ. Изъ ласки же Твоей, Господи, приданая осталась духу чудесная мощь сотворенія подобной себѣ формы, черезъ каковую силу въ разныхъ числахъ объединенные, духи, сталкиваясь другъ съ другомъ и разжигая свою мощь, сдѣлались творцами формъ себѣ подобныхъ.

Умирать и возставать изъ мертвыхъ Духи начали, а ужъ не слагаться, литься, соединиться, и раствориться въ газы. А хотя я знаю, Господи, что вложенный въ искру духъ мой въ камнѣ уже жилъ цѣликомъ, для моихъ, однако, скудныхъ очей, лишь отъ той впервые смерти и отъ первой той жертвы смертельной, Духъ, видимо, жить начинаетъ и братомъ моимъ становится.

Итакъ, одно пожертвованіе собою Духа на смерть, съ цѣлой силой любви и воли содѣянное, создало потомство безчисленныхъ формъ, два творенія, которыя я нынѣ устами человѣческими не исчислю Тебѣ Боже; но Ты знаешь о всѣхъ, ибо ни одна послѣдующая форма не народилась изъ предъидущей безъ вѣдѣнія Твоего. Ты духа просящаго взялъ сперва въ руки Твои, выслушалъ дѣтскія желанія его и сообразно съ волею—новой его формой надѣлилъ. А мудрыя и дѣтскія съ тѣмъ суть эти Формы. Ибо каждый духъ долгимъ терпѣніемъ въ домъ своемъ, и стѣсненемъ его дочаснымъ мучимый, вѣдалъ и со слезами просилъ Тебя, Боже, о поправленіи стѣнъ его убогихъ, и были ли тѣ слезы изъ жемчуга или изъ алмаза, всегда что-нибудь жертвовалъ Тебѣ, Господи, изъ прошлыхъ спокойствій своихъ и изъ сокровищъ своихъ, чтобы больше взялъ для Духа по потребѣ его.

Старый Океанъ, повѣдай мнѣ, какія въ лонѣ твоемъ совершались первыя таинства тѣла живого? Первыя развертыванья нервныхъ цвѣтовъ, въ которыхъ духъ расцвѣталъ? Но ты двукратно стеръ съ лица земли тѣ дивотворныя и неискусныя формы перваго духа и теперь ужь достовѣрно не выразишь дивъ, которыя въ лонѣ Очи Божьи осматривали. Исполинскія губки и растенія-змѣи выходили изъ серебряныхъ волнъ; живоросяи стократными ногами ставали на землю, уста ко дну земному обративши. Слизнякъ и улитка, у камня отца своего взявши тѣла въ оборону, прильнули къ скаламъ, удивленные жизнью, каменными щитами накрытые. Осторожность показала себя наипервой въ рогахъ слизняка, — потребность защиты и испугъ, причиненный движеніемъ жизни, прильнули устрицу къ скаламъ. И породились въ лонѣ водномъ чудовища осторожныя, лѣнныя, холодныя, противоборствующія съ отчаяніемъ движенію волнъ, ожидающія смерти на мѣстѣ, гдѣ родились, не вѣдающія вовсе ничего о дальнѣйшей природѣ. А Ты повѣдай мнѣ, Господи, какія были въ тѣхъ твореніяхъ первыя просьбы къ Тебѣ, какія дивныя и чудовищныя желанія? Ибо вотъ не знаю, которое изъ тѣхъ страшилищъ безформенныхъ, почувавши въ нервной системѣ движеніе и умиленіе, возжелало троичнаго сердца, чтобы Ты ему его далъ. Господи, и одно, умѣстивши посрединѣ, два другія Ты умѣстилъ какъ бы на стражѣ по бокамъ; и съ той поры духъ, который такую форму переживалъ, въ трехъ сердцахъ радость рожденія и въ трехъ сердцахъ бодець и болѣсть смерти отъ Тебя, Господи, принялъ, повѣдай? Который же это мученикъ изъ тѣхъ сердецъ Тебѣ два принесъ въ жертву, а, одно только въ лонѣ оставивъ, все творчество и жажду обратилъ къ любопытству, и создалъ тѣ глаза, которые нынѣ въ выкопанныхъ моллюскахъ дивять завершенностью, а въ первыхъ дняхъ творенія свѣтить должны были на двѣ воды какъ бы карбункулы чародѣйскіе, въ первый разъ на днѣ моря явленные, камни какъ бы живые, движимые, обращающіеся, глядящіе на міръ, а съ той поры навсегда ужь открытые, дабы стали свѣтильниками разума, впервые нынѣ, о, Боже, сомнѣвающимися людьми не разъ добровольно замкнутые, въ первый разъ въ скептикъ названные обманщиками разума, облыгателями опыта. О, Боже, вотъ въ полициѣ, вотъ въ чернильникѣ, вижу появленіе мозга и слуха, вижу въ подморской природѣ цѣлый первый очеркъ челоуѣка, вижу всѣ члены мои ужь готовые, ужь движимые, сростись когда-нибудь предназначенные, а теперь страхомъ и ужасомъ разрубленнаго тѣла проникающіе. Пока, наконецъ, Духъ, измученный борьбою съ исполи-

скими волнами Океана, не пожертвовалъ три сердца Господу, очи вырвалъ изъ расплаканной на муку зѣницы, уста впередъ вдыхающія къ небесамъ послалъ и оправилъ въ ноги свои, чтобы, въ стопахъ уже будучи, а въ числѣ до нѣсколькихъ сотъ помноженные соки земные выкачивали; и сталъ грибомъ живорослю на землѣ духъ залѣнившившійся, свернувшій съ дороги поступательной, систему свою нервную (и ту даже) жертвуя за покой, за форму новую, болѣе длительную и менѣе болѣзненную; а Ты, Боже, уничтожилъ въ тотъ часъ цѣлую ту природу, и изъ звѣря, подобнаго дереву, дерево создалъ.

Вотъ снова повторенный, о, Боже, мой упадокъ Духа. Ибо залѣнивленіе его въ дорогѣ поступанія, хотѣніе быванья бѣльшаго въ веществѣ, забота о длительности и о формѣ спокойствія, были и суть доселѣ единымъ грѣхомъ братьевъ моихъ и Духовъ, сыновъ Твоихъ. Подъ тѣмъ единственно закономъ заклѣтыя работаютъ солища, звѣзды, и мѣсяцы, а духъ всякій, впередъ идущій, хотя бы недостатокъ имѣлъ и незавершенность, черезъ то самое, что лицо свое уже къ цѣлямъ окончательнымъ повернулъ, хотя бы еще далеко былъ отъ завершенности, вписанъ все же въ книгу живота.

Благодушный Ты, Боже, что подъ далекими залежами потоковъ, подъ залежемъ на уголь спаленныхъ лѣсовъ, спряталъ мнѣ ту первую пробу Духа, добывающаго землю, то первое оправливаніе его въ кольцо нервное, то тройное заглядываніе его въ сердце, лишь въ человѣкѣ сперва закровавившееся, въ Сынѣ Твоемъ Христѣ въ первый разъ не надъ собой страдающее. Благословенны тѣ, которые хоть безъ Духа Твоего, Боже, добыли ту дивную природу первотворовъ, освѣтили ее свѣтильникомъ разума и говорили о трупахъ, не зная, что о жизни собственной повѣствуютъ. Свѣтильникъ, что по себѣ въ тѣхъ темныхъ подземельяхъ оставили, свѣтилъ мнѣ, когда я въ нихъ вступилъ, и кости нашелъ сложенные, все ужъ почти въ порядкѣ жизни, кромѣ Духа Твоего, о, Господи, о которомъ Ты самъ только возвѣщаешь, какъ чувствующій нынѣ еще болѣсти, что свершались на днѣ часовъ минувшихъ. Ты самъ вѣдаешь, сколько тѣ кости терпѣли.

О, Боже, пожертвовалъ Тебѣ Духъ тѣло живое, а остаткомъ силы безсмертной добылъ землю, искру жизни въ формахъ растительныхъ спряталъ. Огромность ея показала въ верескахъ, а гнѣвъ и противоборство природѣ въ волчпахъ, которые землю высокими лѣсами прикрыли. Среди звѣздъ Твоихъ бѣжалъ тотъ шаръ шумящій, съ разметанными косами, темный, ибо мглы и влажности висѣли, какъ хол-

стины смертельнаго траура на челѣ тѣхъ первыхъ преступниковъ природы. Око мое не смѣетъ заглянуть въ тѣ лѣса, ибо тамъ вѣтвь съ надругательствомъ противъ вихря вытянутая дробила воздухъ гуломъ громовъ, а расщепленное сѣмя вереска когда лопалось, то расходился голосъ, какъ бы отъ ста перуновъ; тамъ выростали изъ-подъ земли пары съ такою силой, что порванныя скалы и выброшенныя ею на воздухъ горы базальтовыя, упавши, разбивались въ прахъ и въ песчаную пыль. Въ тучахъ, въ мглахъ и въ темнотахъ вижу ту исполинскую работу Духа, то царство лѣсного бога, гдѣ духъ больше на тѣло, чѣмъ на собственное ангельство, работалъ. То, что по смерти съ него спастъ было должно, спаленное на уголь, пни и листья перегнившіе, это было наибольшимъ добытіемъ его работы, когда Духъ самъ, ужъ надъ формами внесенный, ждалъ милосердія Божія, ждалъ пожара и потопа.

И вотъ на обмершія формы перваго творенія, на окаменѣлыя тѣла дивотворовъ морскихъ, влетѣлъ столбъ огнистый, другой уничтожатель и гений мести, борющійся съ жизнью. Чело его, тучами увѣчанное, было облито потопомъ, ноги огнистыя высушили морскія логовища и черезъ цѣлые вѣка полилась эта земля, червоннымъ пожаромъ свѣтящая Богу на высотахъ, она, которая, послѣ вѣковъ духомъ любви переработанная и разлучезарненная, заблистаетъ огнемъ двѣнадцати драгоценныхъ каменій, въ разлучезарненяхъ, въ какихъ ее видѣлъ святой Іоаннъ,—горящая на пропасти міровъ.

О, Духъ мой! въ безформенности первой твоей завязки уже была мысль и чувство. Мыслью размышлялъ ты о формахъ новыхъ, чувствомъ и огнемъ любви распаленный, просилъ ты о нихъ Творца и Отца твоего; ты обѣ эти силы направилъ въ единныя точки тѣла твоего, въ мозгъ и въ сердце; а чего добылъ ими въ первыхъ дняхъ творенія, того у тебя Господь уже не отобралъ, но натискомъ и болѣстью до творенія красивѣйшихъ формъ принудилъ твою природу, и болшую силу творческую изъ тебя вызвалъ. И испуганный, и раздраженный упоромъ тѣла, началъ разматывать въ глубинѣ моря тесьмы серебряныя и началъ третье страшное змѣиное царство. Сдается, что пни тѣхъ деревьевъ спаленныхъ изъ мертвыхъ возстали сами на днѣ моря, сердцевины древесную замѣнили въ систему нервную, мысль и сердце положили на землю. А впередъ мысль, какъ предводительницу, выходящую на развѣдки, снабженную свѣтильниками глазъ, послали передъ сердцемъ, съ осторожностью, которая о пораженномъ духѣ свидѣтель-

ствовала. Боже! вижу вот голову огромнаго змѣя, первую голову изъ спокойнаго моря вызирающую, которая чувствуетъ себя владычицей цѣлой природы, царицею цѣлой завершенности. Вижу, какъ съ важною озираетъ всѣ небеса, очами съ кругомъ солнечнымъ встрѣчается, и прячется, изумленная, на днѣ темноты... А лишь по истеченіи лѣтъ столѣтней змѣиной жизни, осмѣливается та самая голова выйти на чудовищную борьбу съ солнцемъ... Разъяла пасть... Прошнѣла, и въ томъ шипѣннн освѣдомилась о дарѣ голоса, который также долженъ былъ быть работою духа добытымъ. И вернулась, тревожная, въ лоно воды, мысля, не найдется ли въ прошлыхъ сокровищахъ выработанныхъ чего-нибудь годнаго, Господи, чтобы было Тебѣ пожертвованнымъ за голосъ, за ту пѣсню чувства и разума, которая теперь по прошествіи вѣковъ поетъ Тебѣ гимны и есть связь и знакъ духовъ, идущихъ къ Тебѣ.

Словацкій говорить далѣе, что черезъ послѣшествованіе смерти тѣлъ послѣшествовалъ духовный путь, духовное устремленіе жизни, и смерть стала закономъ формъ, царицей масокъ, бранныхъ останковъ и одеждъ духовныхъ, и доселѣ она есть лишь призракъ безъ какого-либо дѣйствительнаго посягнуенія надъ міротворчествомъ. Идея творчества Духа развивается и охватываетъ собою весь міръ, и во всѣхъ первичныхъ формахъ сразу—есть откровеніе человѣчества, какъ бы дремота формъ, ихъ сонъ о человѣкѣ. Человѣкъ долгое время былъ, конечно, цѣлью творящаго Духа на Землѣ. Но сперва ему нужно было общимъ оглядомъ осмотрѣть Природу, птицей облетѣть Землю, увидѣть, какъ рѣки текутъ, какъ раскинулись лѣса, какъ идутъ цѣпи горъ. Духи Земли на крыльяхъ сперва вознеслись, осмотрѣли свои становища, потомъ принесли крылья въ жертву за форму болѣе пригодную для господства надъ Землей. Съ шестымъ днемъ Мірозданія началась въ Духѣ мысль о человѣкѣ, а ужъ малѣйшій побѣгъ травы имѣетъ ее въ формѣ своей—логически написанной. Работающій Духъ шелъ постепенно впередъ, творилъ и лѣнивился, создавалъ и на собственные законы возставалъ, нерѣдко засыпалъ на дорогѣ творчества, но неуклонно шелъ впередъ. И каждое дерево есть великая развязка математическаго заданія, тайна числа. Та первая краска, которую теперь мы видимъ на деревьяхъ, есть логическое слѣдствіе взаимодѣйствія разнородныхъ, но содружественныхъ причинъ, ибо она исходитъ отъ желтаго свѣта, которымъ питаются растенія, въ смѣшеніи съ голубымъ воздухомъ и водой. „Почувствовавши запахъ розы,—проникновенно восклицаетъ Словацкій,—я забываю на минуту, какъ бы въ одуреніи, жажду и смуту

людской моей природы, и какъ бы возвращаюсь къ тѣмъ часамъ, когда цѣлью для духа моего было твореніе красоты, а вдоханіе благовопія было ему единственной отрадой въ работѣ и наслажденіемъ. И это есть какъ бы возвратъ къ первоначальнымъ днямъ, къ первичной свѣжести земного бытія“.

Касаясь всей Земли всемірной ошущью творческой любви, Словацкій, овѣянный шелестами травъ цвѣтущихъ и шумами вѣтра и Моря, сводить въ четкую руну свою основную мысль: „Ничто есть наука прошлаго, если предъ тобою всего грядущаго она не выявитъ. И вотъ въ книгахъ этихъ, въ книгахъ Бытія, открытою лежитъ тайна смерти и точно записанъ законъ дальнѣйшаго творчества: Жертва“.

Изъ Духа, для Духа, чрезъ жертву, къ солнцу Божественной мудрости. Чрезъ маски тѣлесности — къ лику истинному. Дорогой разсвѣтовъ, любви, и пониманья, отъ солнца до солнца, гирляндой созвѣздій, въ златоцвѣтность негаснущихъ Солницъ.

1.

Вотъ, мы расскажем о явленіи во виѣ, открытіи, и возсіяніи того, что было во тьмѣ, дѣло зари его, созданное волей Творца и Создателя, Того, Который порождаетъ, Того, Кто даетъ бытіе, и Чьи имена суть: Метатель шаровъ по Волку прерій, Метатель шаровъ по Двухутробкѣ, Бѣлый Великій Охотникъ, Покоритель подъ ноги Свои, Изумрудный Змѣй Оперенный, Сердце Озеръ, Сердце Моря, Владыка Зеленыющихъ Пространствъ, Владыка Лазурной Поверхности.

Это такъ ихъ именуютъ, такъ о нихъ поютъ, и такъ ихъ прославляютъ вмѣстѣ, Тѣхъ, Которые суть Праматерь и Праотець, Чье имя есть Спиакокъ, Смуканъ, Хранитель и Защитительница, Дважды Великая Мать, Дважды Великій Отець. Такъ сказано о нихъ въ сказаніяхъ Квичей, а равно и о томъ, что создали они, чтобъ дать благоденствіе и бѣлый свѣтъ слова.

И вотъ это-то здѣсь мы запишемъ, ибо не видно уже болѣе той Книги Народной, гдѣ ясно было зримо, что пришли мы изъ-за другой стороны Моря, Книги, гдѣ было рассказано, какъ жили мы въ Краѣ Тѣни, и какъ мы увидѣли Свѣтъ Жизни, такъ названный.

Это—первая Книга, написанная въ древности: но ликъ ея скрытъ отъ того, кто видитъ и думаетъ. Дивно ея явленіе и сказаніе въ ней сообщаемое, о времени, когда закончилось образовываться все, что на Небѣ и на Землѣ, четырехугольность и четырехсторонность ихъ знаковъ, мѣра ихъ угловъ, выравниеніе ихъ линій, установленіе парныхъ, дружно-идущихъ, линій на Небѣ и на Землѣ, на четырехъ предѣлностяхъ, на четырехъ главныхъ точкахъ, какъ речено было Творцомъ и Создателемъ, Матерью-Отцомъ Жизни, Отцомъ Бытія, Кѣмъ все дышетъ и движется, Оживителемъ мира народовъ, Его благоденствующихъ дани-

ковъ, Тѣмъ. Чья мудрость замыслила совершенство всего существующаго на Небѣ, на Землѣ, въ Озерахъ, и въ Морѣ.

Вотъ сказанье о томъ, какъ все было спокойно и безмолвно: все было недвижно, безмятежно, и пуста была безграничность Небесъ.

Вотъ первое слово и первая бесѣда. Не было еще ни одинаго человѣка, ни одинаго животнаго; ни птицъ, ни рыбъ, ни крабовъ, ни дерева, ни камня, ни трясинъ, ни овраговъ, ни травы, ни лѣсовъ: существовало одно только Небо.

Лякъ Земли еще не означался: было только безмятежное Море и все пространство Небесъ.

Ничего еще не было, что было бы тѣломъ, ничего, что дѣлялось бы за что-нибудь другое, что качалось бы, нѣжно касалось бы, что дало бы услышать звукъ въ Небесахъ.

Не существовало ничего, что стояло бы прямо: лишь тихая Вода, спокойное Море, одно въ своихъ предѣлахъ; ибо не было ничего, что существовало бы.

Были—лишь недвижимость и молчаніе въ потемкахъ, въ ночи. Одни только они, Творецъ, Создатель, Покоритель, Изумрудный Змѣй, Тѣ, что рождаютъ, Тѣ, что даютъ бытіе, лишь они на Водѣ, какъ свѣтъ возрастающій.

Они облечены въ зеленый и въ лазурный цвѣтъ; вотъ почему ихъ имя есть Гукуматцъ, Оперенный Змѣй Изумрудно-Лазурный: бытіе величайшихъ мудрыхъ ихъ бытіе. Такъ существуетъ Небо, такъ существуетъ Сердце Неба: таково имя Бога, Онъ такъ называется.

Тогда-то пришло Его слово сюда, съ Покорителемъ подъ ноги Свои, и съ Лазурно-Изумруднымъ Змѣемъ, въ потемки и въ ночь, и оно заговорило съ Покорителемъ, съ Змѣемъ Перистымъ.

И они говорили: они совѣщались тогда и размышляли: они уразумѣли другъ друга: они соединили свои слова и свои совѣты.

Тогда-то день занялся, между тѣмъ какъ они совѣщались: и въ мигъ зари человѣкъ явился, между тѣмъ какъ они совѣщались о сотвореніи и ростѣ лѣсовъ и лѣанъ, о природѣ жизни и человечества, созданныхъ въ потемкахъ и въ ночи, Тѣмъ, Который есть Сердце Небесъ, Чье имя—Ураганъ.

Вспышка есть первый знакъ Урагана; второй, есть Молнія въ изломѣ; третій—ударная Молнія; эти три суть знаменія Сердца Небесъ.

Тогда пришли они, съ Покорителемъ, съ Змѣемъ Изумрудно-Перистымъ; и былъ у нихъ совѣтъ о жизни благоденственной; какъ дѣлать

посѣвъ, какъ дѣлать свѣтъ; кто будетъ поддержкой и кормильцемъ Боговъ.

Такъ да будетъ. Да будете вы исполнены, было слово. Да отступитъ эта Вода, и да перестанетъ затруднять, дабы Земля здѣсь существовала, дабы утвердилась она и явила свою поверхность, дабы засѣвалась она, и день свѣтилъ бы на Небѣ и на Землѣ, ибо ни славы, ни чести изъ всего, что мы образовали и создали, не будетъ, пока не будетъ жить человѣческое существо, существо, одаренное разумомъ.

Такъ говорили они, между тѣмъ какъ Земля образовывалась ими.

Такъ воистину произошло созданіе того, что Земля возникла: Земля, сказали они, и мгновенно она образовалась.

Какъ туманъ или облако было ея образованіе въ ея вещественности, когда, подобныя крапамъ, явились на водѣ горы; и въ одно мгновеніе великія горы были.

Лишь силой и властью чудесной можно было сдѣлать то, что было рѣшено о горахъ и долинахъ, мгновенно съ созданіемъ лѣсовъ кипарисовъ и сосенъ на ихъ поверхности.

И такъ Змѣй былъ исполненъ веселія: „Благодатенъ приходъ твой,—вскричалъ онъ,—о, Сердце Неба, о, Ураганъ, о, Молнія въ изломѣ, о, Молнія ударная!“

„То, что мы создали и образовали, будетъ имѣть свое завершеніе“—отвѣтили они.

И сперва образовались Земля, горы, и равнины: раздѣлено было теченіе водъ: ручьи потекли, извиваясь, межъ всѣми горами. Въ этомъ порядкѣ стали существовать воды, когда явили свой ликъ великія горы.

Такимъ было созданіе Земли, когда она была образована тѣми, что суть Сердце Неба и Сердце Земли; ибо такъ называются они, что первые сдѣлали ее плодоносной, когда Земля и Небо еще были бездѣйственными, находясь посреди Воды.

Таково было ея оплодотвореніе, когда они оплодотворили ее, въ то время, какъ между собой они замыслили ея завершеніе и ея сотвореніе.

2.

Затѣмъ они дали плодovitость животнымъ горъ, которые суть хранители всѣхъ лѣсовъ; существамъ, что населяютъ горы, оленямъ, птицамъ, лъвамъ, тиграмъ, змѣямъ, ехиднѣ, и цвѣтистой змѣѣ, хранителямъ лѣанъ.

Тогда заговорилъ Тотъ, Который рождаетъ, Тотъ, Кто даетъ бытіе: Или для молчанія и для недвижности тѣмъ есть въ лѣсахъ и въ ліанахъ? Благо, чтобы были существа, дабы охранять ихъ.

Такъ они говорили, межъ тѣмъ какъ они возбуждали оплодотвореніе, которое они содержали въ себѣ: и вотъ существовали олени и птицы. И указали они тогда оленямъ и птицамъ ихъ жилища.

Ты, олень, на берегу ручьевъ, въ лощинахъ ты будешь спать, ты будешь среди кустовъ и травъ: въ лѣсахъ вы будете множиться, на четырехъ ногахъ вы будете ходить, на четырехъ ногахъ будете жить. Такъ было сдѣлано, такъ было повелѣно.

Затѣмъ были указаны, равно, жилища для птицъ малыхъ и большихъ: Вы, птицы, вы помѣститесь наверху лѣсовъ, наверху ліанъ; тамъ вы сдѣлаете гнѣзда свои, и будете множиться; вы будете жить на сучьяхъ деревьевъ, на вѣтвяхъ ліанъ.

Такъ было сказано животнымъ и птицамъ, между тѣмъ какъ они дѣлали то, что должны были дѣлать, и всѣ заняли жилища свои и логовища. Такъ Тотъ, Кто рождаетъ, Тотъ, Кто даетъ бытіе, далъ животнымъ земнымъ ихъ обиталища.

Когда же всѣ были закончены, животныя и птицы, словомъ Творца и Создателя, Того, Кто рождаетъ, Того, Кто даетъ бытіе:—

Кричите теперь, щебечите, ибо власть кричать и щебетать вамъ дана; дайте услышать вашъ говоръ, согласно съ каждымъ видомъ и съ каждымъ родомъ; такъ сказано было оленямъ, птицамъ, лвамъ, тиграмъ, и змѣямъ.

Возгласите же наше имя, почитайте насъ, вашего Отца, вашу Мать, призывайте же Ураганъ, Молнію въ изломѣ, Молнію Ударную, Сердце Неба, Сердце Земли, Творца и Создателя, Того, Кто рождаетъ, и Того, Кто даетъ бытіе; говорите, взывайте къ намъ, и привѣтствуйте насъ; такъ было имъ сказано.

Но имъ было невозможно говорить какъ человѣкъ; они лишь хлоптали, кудахтали, каркали; и не означилось никакой формы рѣчи, каждый въ предѣлахъ рода своего бормоталъ различнымъ образомъ.

Когда Творецъ и Создатель слышали, что они не могутъ говорить, они еще разъ сказали другъ другу, говоря между собой: Они не могли сказать наше имя, хотя мы ихъ творцы и создатели. Такъ не хорошо, повторяли между собой Тотъ, Который рождаетъ, и Тотъ, Кто даетъ бытіе.

И было имъ сказано: Вотъ, вы будете измѣнены, ибо вамъ невоз-

можно было говорить. Итакъ, мы измѣнили наше слово: будетъ вамъ ваша пища и ваше питаніе, ваши логовища и ваши жилища будутъ у васъ; это будутъ овраги и лѣса; но не совершенна ваша слава, и вы не взываете къ намъ.

Есть еще существа, безъ сомнѣнія, есть еще тѣ, что могутъ привѣтствовать насъ: мы ихъ сдѣлаемъ способными къ повиновенію. Теперь совершайте вашъ долгъ; что до вашей плоти, она будетъ перетерта подъ зубомъ. Такъ да будетъ.

Такъ вотъ какова ваша участь. Такъ имъ было сказано, и въ то же самое время имъ это возвѣстили всѣмъ, большимъ и малымъ животнымъ, сколько ихъ есть на поверхности Земли.

Они снова захотѣли попытать удачи; захотѣли сдѣлать новую попытку, согласиться въ новомъ способѣ обожанія.

Но они не поняли говора оди другихъ; они ничего не достигли, ничего не могло совершиться.

Такъ плоть ихъ была унижена; и всѣ животныя, сколько ихъ есть на поверхности Земли, были сведены къ тому, чтобы ихъ убивали и ѣли.

И потому должна была быть предпринята новая попытка творенія волею Творца и Создателя, Того, Который рождаетъ, и Того, Кто даетъ бытіе.

Попытаемся вновь; уже приближается время посѣва, ужъ скоро забрезжитъ заря; сдѣлаемъ тѣхъ, кто будетъ нашей поддержкой и нашими кормильцами.

Какъ сдѣлать, чтобы мы были призываемы и помнимы на лицѣ Земли? Мы уже попытались въ первомъ нашемъ твореніи, въ первомъ созданіи: было невозможно, чтобы мы были привѣтствуемы и чтимы ими. Попробуемъ же сдѣлать людей послушныхъ и почитательныхъ, которые были бы нашей поддержкой и нашими кормильцами.

Они сказали. Тогда произошло сотвореніе и образованіе человѣка: изъ жирной глины они сдѣлали его плоть.

Они увидѣли, что онъ не таковъ, какъ слѣдуетъ; ибо онъ былъ безъ связи, безъ плотности, безъ движеній, безъ силы, безъ благообразія, и водянистый; онъ совсѣмъ не двигалъ головой, его лицо было обращено лишь въ одну сторону; зрѣніе его было затуманено, и онъ не могъ видѣть сзади; онъ былъ одаренъ рѣчью, но не имѣлъ разума, и тотчасъ расплылся въ водѣ, неспособный держаться стоя.

Итакъ, Творецъ и Создатель сказали еще разъ: Чѣмъ больше въ

этомъ стараній, тѣмъ менѣе человѣкъ способенъ ходить и размножаться: да будетъ же сдѣлано существо разумное, молвили они.

Тогда они презрили и разрушили еще разъ свое дѣло и свое созиданіе. Потомъ они сказали: Какъ же мы сдѣлаемъ, чтобъ появились тѣ, что будутъ обожателями насъ, призывателями насъ?

Тогда они молвили, снова совѣтуясь между собою: Скажемъ Спіакоку и Смуканэ, Метателю шаровъ по Двуутробкѣ, Метателю шаровъ по Волку прерій: Попробуйте снова испытать его участь и его созданіе. Такъ говорили другъ къ другу Творецъ и Создатель, и говорили они тогда къ Спіакоку и Смуканэ. И была тутъ бесѣда съ этими Вѣщими, съ Праотцемъ Солнца, съ Праматерью Свѣта въ его измѣненіяхъ, какъ они названы были тѣми, что суть Творецъ и Создатель, и таковы имена Спіакока и Смуканэ.

И Тѣ, что отъ Урагана, говорили съ Тэпэу и Гукуматцемъ, съ Покорителемъ и Змѣемъ Изумрудно-Перистымъ; и сказали они Тому, что отъ Солнца, Той, въ Комъ созданіе, сказали тѣмъ Вѣщимъ: Пора стовориться опять о знакахъ человѣка нашего творенія, еще разъ, пусть онъ будетъ нашей поддержкой и нашимъ кормильцемъ, чтобы мы были призываемы и помнимы.

Вступи же въ слово, о, Ты, что рождаешь и являешь на свѣтъ, наша Праматерь и Праотецъ нашъ, Спіакокъ, Смуканэ: сдѣлай такъ, чтобъ совершилось проростаніе, чтобъ заблѣла заря, чтобы къ вамъ воззвали, чтобъ мы были обожаемы, чтобы мы были помнимы человѣкомъ сотвореннымъ, человѣкомъ созданнымъ, человѣкомъ изготовленнымъ, человѣкомъ оформленнымъ; сдѣлай, чтобы такъ да было;—

Явите ваше имя, о, Метатель шаровъ по Двуутробкѣ, о, Метатель шаровъ по Волку прерій, Дважды Родитель, Дважды Родительница, Великій Вепрь, Великій Охотникъ, ты, Изумрудный, ты, Ковачъ Драгоцѣнностей, Чеканщикъ, Зодчій, Цѣлитель Древесными Смолами, Владыка Тольтеката, Праматерь Солнца, Праотецъ Дня; ибо такъ да именуетесь вы, по нашимъ дѣламъ и созданіямъ;—

Бросьте жребій, взгляните на вашъ мансъ и на зерна съ зернистаго древа, чтобъ увидѣть, будетъ ли такъ и случится ли такъ, что мы выдѣлаемъ и изваяемъ его ротъ и его лицо изъ дерева? Такъ было сказано Вѣщимъ.

Тутъ-то метать жребій и привѣтствовать то, что составляетъ чарованье съ мансомъ и съ зерномъ зернистаго древа: Солнце и Твореніе! сказали имъ тогда Старецъ и Старая. Этотъ Старецъ былъ владыка

зернистаго древа, Спіакокъ его имя; эта Старая была та вѣщая, та Созидательница, чье имя Смуканэ.

Они говорили такъ между собою, въ тотъ мигъ, когда Солнце останавливается на высотѣ: Пора сговориться; говори, чтобы мы уразумѣли, чтобы мы говорили, и чтобы мы сказали, нужно ли, чтобы дерево было обтесано и изваяно Творцомъ и Создателемъ; будетъ ли это поддержка и кормилецъ, въ тотъ мигъ, когда совершится проростаніе и день заблѣдетъ.

О, маисъ, о, зерно, о, Солнце, о, твореніе, обнимитесь, слѣнитесь другъ съ другомъ! Такъ было сказано маису и зерну древесному, Солнцу и творенію. И ты, произивъ себя шипомъ, заалѣй, Сердце Неба, да не опустятся ротъ и лицо Покорителя и Опереннаго Змѣя.

Тогда они говорили и сказали истину: Это именно такъ нужно сотворить вашихъ изготовленныхъ, сдѣланныхъ изъ дерева, которые говорить и разсуждаютъ свободно на Землѣ.

Такъ да будетъ, отвѣтили они, ведя бесѣду. И въ то же мгновеніе возникла фигура, сдѣланная изъ дерева; создались человѣки, человѣки разсуждали, и это были тѣ люди, что живутъ на поверхности Земли.

Они существовали и множились; они рождали дочерей и сыновей, фигуры, сдѣланныя изъ дерева: но у нихъ не было ни сердца, ни разума, ни памяти о ихъ Творцѣ и Создателѣ; безъ цѣли они шли и проходили; какъ животныя, они ходили на четырехъ ногахъ.

Не вспоминали они болѣе о Сердцѣ Неба, и тутъ было ихъ паденіе: это былъ не больше какъ опытъ и проба людей; они говорили сначала, но лицо ихъ изсохло; безъ плотности были ихъ руки и ноги; въ нихъ не было ни крови, ни существенности, ни влажности, ни тѣлесности; лишь изсохшія щеки, вотъ все, что являли ихъ лица; сухими были ихъ руки и ноги, немощная была ихъ плоть.

И потому они не помышляли поднять свои головы къ Творцу и Создателю, къ ихъ рождающему, о нихъ промышляющему. Это то были первые люди, которые въ великомъ числѣ существовали на поверхности Земли.

3.

Затѣмъ настала конецъ этихъ людей, ихъ гибель и ихъ разрушеніе, этихъ фигуръ, сдѣланныхъ изъ дерева, которые также были подвергнуты смерти.

Тогда Воды надулись по волѣ Сердца Небесъ; и совершилось вели-

кое наводненіе, которое пришло надъ головами этихъ сдѣланныхъ изъ дерева.

Изъ зерна древеснаго была плоть человѣка; а когда женщину обтесали Творецъ и Создатель, сердцевина тростника вошла въ плоть женщины: это должно было войти въ ихъ составъ по повелѣнью Творца и Создателя.

Но они не мыслили и они не говорили передъ своимъ Творцомъ и своимъ Создателемъ, предъ тѣмъ, кто ихъ сдѣлалъ, предъ тѣмъ, кто имъ далъ рожденіе.

И таково-то было ихъ разрушеніе; они были потоплены, и густая смола вызошла съ Неба. Птица, чье имя Ксекотковачъ, пришла вырывать глаза ихъ изъ орбитъ; Камалотцъ пришелъ срѣзать имъ голову; Котцбаламъ пожралъ ихъ плоть; Текумбаламъ разломалъ и перетеръ ихъ кости и хрящи; и были тѣла ихъ обращены въ пыль и разбѣяны, въ покараніе лицъ ихъ;—

Ибо они не мыслили предъ своей матерью и предъ отцомъ своимъ, предъ Тѣмъ, Кто есть Сердце Неба, Чье имя есть Ураганъ; по причинѣ ихъ—ликъ Земли потемнѣлъ, и мрачный дождь начался, дождь днемъ, дождь ночью.

И пришли тогда животныя большія и малыя, и люди увидали, что въ лицо надъ ними издѣваются дерево и камень: все, что имъ служило, заговорило, ихъ сковороды, ихъ блюда, ихъ котлы, ихъ собаки, ихъ куры, все, что у нихъ было, стало издѣваться надъ ними въ лицо.

Вы дурно поступали съ нами; вы насъ кусали; теперь ваша очередь, и мы васъ будемъ мучить,—сказали имъ ихъ собаки и домашнія птицы.

И вотъ камни, на которыхъ они раздавливали зерна маиса, заговорили въ свою очередь: Вы мучили насъ; каждый день, каждый день, ночью и днемъ, всегда, постоянно, скрипъ-скрипъ, тр-тр, говорили изъ-за васъ наши поверхности: вотъ что мы выносили изъ-за васъ; теперь, когда вы перестали быть людьми, вы узнаете нашу силу; мы измелемъ васъ, мы въ пыль обратимъ вашу плоть,—говорили имъ эти камни.

И вотъ что псы, говоря въ свою очередь, имъ сказали: Почему не давали вы намъ ѣсть? Вы едва замѣчали насъ, вы гнали насъ прочь, вы насъ преслѣдовали; всегда у васъ было чѣмъ насъ ударить, когда вы сидѣли и ѣли.

Такъ-то вы съ нами обращались; мы были неспособны говорить.

Если бъ не это, мы бы васъ не убивали теперь. Какъ же вы не разсуждали, какъ не думали вы сами о себѣ? Это мы теперь васъ уничтожаемъ, и вы теперь узнаете, сколько зубовъ въ нашей пасти; мы пожремъ васъ,—говорили имъ собаки, раздирая имъ лица.

И вотъ ихъ сковороды и ихъ котлы въ свою очередь заговорили къ нимъ: Зло и ущербъ вы намъ причиняли, задымляли нашъ ротъ и нашу поверхность; вы насъ жгли, постоянно выставляя насъ на огонь; хотя бы мы ничего не чувствовали, вы въ свою очередь почувствуете, и мы будемъ жечь васъ,—говорили котлы, оскорбляя ихъ прямо въ лицо.

Такъ сдѣлали камни, которые образовывали очагъ, говоря огню, чтобы онъ жегъ ихъ свирѣпо, загорѣвшись подъ ихъ головами, положенными сверху, мстя за все зло, которое они имъ сдѣлали.

И, толкаясь, люди бѣжали, исполненные отчаянiя: они хотѣли взойти на дома, но дома, проваливаясь, заставляли падать ихъ на землю; они хотѣли взобраться на деревья, но деревья стряхивали ихъ далеко отъ себя; они хотѣли войти въ пещеры, но пещеры закрывались передъ ними.

Такъ совершилась гибель этихъ человѣческихъ существъ, людей, которымъ было назначено быть разрушенными и ниспровергнутыми; такъ были всецѣло разрушены и уничтожены ихъ рты и ихъ лица.

Говорять, что ихъ потомство можно видѣть въ тѣхъ мелкорослыхъ обезьянахъ, которыя живутъ теперь въ лѣсахъ; они остались какъ знакъ ихъ, ибо изъ дерева была образована ихъ плоть заботами Творца и Создателя.

Вотъ почему эта небольшая обезьяна похожа на человѣка; знакъ того, что она изъ другой породы—то, что она похожа на эти фигуры, на этихъ сдѣланныхъ изъ дерева.

4.

Было еще мало тогда свѣта на Землѣ; дня еще не было. Но былъ нѣкто, полный надменности, и его имя было Вукубъ-Какиксъ, Семи-Попугайный.

Небо и Земля существовали; но ликъ Солнца и Луны былъ затемненъ.

И говорилъ Вукубъ-Какиксъ: Поистинѣ то, что осталось отъ этихъ потопшихъ людей, есть нѣчто удивительное, и существуютъ они какъ высшiя существа.

Да буду же я великимъ надъ созданными существами. Я ихъ солнце; я ихъ заря; и я ихъ луна; да будетъ такъ.

Велика моя блистательность; я тотъ, къмъ ходять и къмъ идуть человѣки:--

Ибо серебро есть шаръ моихъ глазъ, ослѣпительны они какъ драгоцѣнные камни, и зубы мои блещуть своей эмалью, какъ ликъ Небесъ.

Вотъ, поздри мои свѣтять издали точно Луна, и весь серебряный— престоль мой; лицо Земли оживаетъ, когда я встаю передъ моимъ престоломъ.

Итакъ, я Солнце, и я Луна, по причинѣ благоденствія и благополучія бѣлыхъ моихъ сыновей. Такъ да будетъ, ибо взоръ мой простирается далеко.

Такъ говорилъ Семи-Попугайный, Вукубъ-Какиксъ. Но по истинѣ это не онъ, Вукубъ-Какиксъ, былъ Солнцемъ; онъ лишь возгордился своими богатствами и драгоцѣнностями.

Но на самомъ дѣлѣ его взоръ кончался, гдѣ онъ упадалъ, и не все изъ міра достигало до его зрѣнія.

Итакъ, не видѣлось еще лика Солнца, ни Луны, ни звѣздъ; дня еще не было.

И гордился Вукубъ-Какиксъ, наравнѣ съ Луною и Солнцемъ величался онъ, когда свѣтъ Солнца и Луны еще не обнаруживался: такъ желалъ онъ вознестись и все превзойти.

Въ это самое время было наводненіе, по причинѣ фигуръ, сдѣланныхъ изъ дерева.

И ниспровергнуть былъ Вукубъ-Какиксъ, Семи-Попугайный, погибъ, и человѣкъ былъ сотворенъ рукой Творца и Создателя.

5.

Вотъ когда начали воистину думать о человѣкѣ, и искать, что должно войти въ плоть человѣка.

Тогда заговорилъ Тотъ, Который рождаетъ, и Тотъ, Кто даетъ бытіе, Творецъ и Создатель, что зовутся Тэнэу, Гукуматцъ:

Уже заря близка; закончено дѣло, облагороженъ онъ, поддержка и кормилецъ, сынъ свѣта, сынъ благоденствія, вотъ почтенъ человѣкъ и человѣчество въ предѣлахъ Земли.

Они сошлись, они собрались въ великомъ числѣ; они соединили свои

мудрые совѣты впотемкахъ, въ ночи: и, качая головами своими, они искали, и вели межъ собою бесѣду, помышляя о томъ, что сдѣлать.

Отсюда вышли мудрыя рѣшенія: было дознано, что должно войти въ плоть человѣка. И ужъ немного—немного оставалось, чтобы взошло Солнце, чтобы обнаружилась звѣзды и Луна, надъ ними, надъ Творцомъ и Создателемъ.

Паксилъ и Кайяла, такъ называютъ мѣсто, гдѣ они увидали колосья, желтый маисъ, и бѣлый маисъ.

И вотъ имена тѣхъ дикихъ, что пошли отыскать пропитаніе: Якъ, Утиу, Кэль, Го, Лисица, Волкъ, Попугай, и Воронъ. Четверо дикихъ, что сказали имъ: Тамъ, тамъ колосья, желтый маисъ, и бѣлый маисъ. И они пришли изъ мѣста колосьевъ, и показали имъ дорогу къ мѣсту маиса.

Тамъ-то они, наконецъ, получили ту пищу, что вошла въ плоть человѣка созданнаго, человѣка оформленнаго; это было его кровью, изъ этого сдѣлалась кровь человѣка, изъ маиса, который вошелъ въ него заботами Того, Кто рождаетъ, и Того, Кто даетъ бытіе.

Итакъ, радовались они, что пришли, наконецъ, въ эту превосходную страну, изобильную вкусными вещами, страну, гдѣ былъ въ избыткѣ желтый маисъ и маисъ бѣлый, гдѣ равно изобиловали пекъ и какао, гдѣ и счесть не могли такихъ деревьевъ, какъ ахрасъ, хокота, сулейникъ, страну, богатую медомъ; вся была она полна наилучшими яствами, и имя ея было Паксилъ и Кайяла.

Тамъ были яства всякаго рода, яства малыя и яства большія; растенія были тамъ малыя и большія, и путь имъ туда указать былъ дикими. Тогда-то начали молоть маисъ, желтый и бѣлый, и сдѣлала изъ него Смуканэ девять напитоковъ, и эта пища, входя въ тѣла, рождала силу и бодрость, и давала человѣку плоть и узлы въ этой плоти. Тамъ это сдѣлали Тотъ, Кто рождаетъ, и Тотъ, Кто даетъ бытіе, Покоритель подъ ноги Свои, Змѣй Изумрудно-Перистый, какъ они именуются.

Тотчасъ начали они говорить, и дѣлали они, образовывали первую мать нашу и перваго отца: только желтый маисъ и бѣлый маисъ вошли въ ихъ плоть, и были единственнымъ питаніемъ рукъ и ногъ человѣка; и это были наши первые родители, четыре человѣка, которые были созданы и въ плоть которыхъ вошла эта пища.

6.

Вотъ имена первыхъ людей, которые были созданы и оформлены: Первый человѣкъ—Баламъ-Квитца; второй человѣкъ—Баламъ-Агабъ; и третій потомъ—Магукута; и четвертый потомъ—Ики-Баламъ. Таковы имена нашихъ первыхъ родителей: Тигръ съ кроткой улыбкой, Тигръ Ночи, Тигръ Имя Знаменитое, Тигръ Луны.

Ихъ называли просто—существа созданныя и оформленные; у нихъ не было ни отца, ни матери, и мы просто зовемъ ихъ люди. Не женщина дала имъ свѣтъ дня, и не были они рождены Созидающимъ и Образующимъ, Тѣмъ, Который рождаетъ, и Тѣмъ, Кто даетъ бытіе.

Но это было чудо, дивное было очарованіе—ихъ сотвореніе и дѣланіе ихъ, совершенное Творцомъ и Создателемъ, Покорителемъ и Змѣемъ: явившись какъ люди, людьми они стали; они говорили и разсуждали, они видѣли и слышали, они ходили и приходили, касались и ощущали; люди совершенные и красивые, и съ лицомъ, что было лицомъ человѣка.

Мысль возникла и существовала, они видѣли; и тотчасъ взоръ ихъ поднялся; взоръ ихъ вознесся и обнялъ все; они увидѣли весь міръ, и пока они смотрѣли, ихъ зрѣніе мгновенно обратилось отъ свода Небесъ и опять созерцало поверхность Земли.

Вещи самыя скрытыя, все они видѣли по волѣ своей, не двигаясь, будучи на мѣстѣ; и когда они потомъ бросали взглядъ на этотъ міръ, они видѣли, равно, все, что онъ заключалъ.

Велика была ихъ мудрость; ихъ духъ протянулся надъ лѣсами, надъ скалами, надъ морями и озерами, надъ горами и надъ долинами, онъ вошелъ въ деревья, въ камни, и въ воды. Людьями дивными, поистинѣ достойными преклоненія, были Тигръ съ кроткой улыбкой, Тигръ Ночи, Тигръ Имя Знаменитое, и Тигръ Луны.

Тогда спросили ихъ, воззвавъ къ нимъ, Созидатель и Образующій: Чтѣ думаете вы о вашемъ существѣ? Не видите ли вы, не слышите ли вы? Не хороша ли рѣчь ваша, такъ же какъ ваша походка? Смотрите же и видите подъ Небомъ, являютъ ли въ міръ свой ликъ горы и равнины, попытайтесь видѣть ихъ, такъ имъ было сказано.

Послѣ этого они увидѣли все, что есть подъ Небомъ. И они восхваляли тогда Творца и Создателя: Поистинѣ дважды и трижды хваленія! Намъ дано существованіе, мы получили ротъ и лицо, мы говоримъ, мы слы-

шимъ, мы мыслимъ, мы ходимъ; мы сидимъ на мѣстѣ и все же знаемъ хорошо то, что вдали, и то, что вблизи.

Мы видимъ все великое и все малое на Небѣ и на Землѣ. Благодареніе вамъ: Мы созданы, о, Созидающій и Образующій, мы есмь, о, наша Праматерь, нашъ Праотецъ, говорили они, воздавая благодарность за свое существованіе и за четкую форму свою.

И завершили они измѣреніе и видѣніе всего, что существуетъ въ четырехъ сторонахъ и на четырехъ углахъ въ Небѣ и на Землѣ.

Но съ неодобреніемъ услышали эти слова Созидающій и Образующій: Нехорошо это,—то, что они говорятъ, наши творенія. Они знаютъ все вещи, большія и малыя, сказали они.

И потому опять составили совѣтъ Тотъ, Кто рождаетъ, Тотъ, Кто даетъ бытіе. Что мы теперь съ ними сдѣлаемъ? Развѣ только, что ихъ зрѣніе сократится, и удовольствуются они смотрѣть лишь на малость, на поверхность Земли.

Это нехорошо, то, что они говорятъ. Развѣ не созданіе, не твореніе ихъ имя? Они будутъ столь же Богами, если не будутъ рождать они достаточно, и не умножатся во времени, чтобы дѣлать посѣвы, когда забрезжитъ день. Такъ да будетъ.

Но затемнимъ же немного наше созданіе, чтобы имъ не доставало что-нибудь: нехорошо это то, что мы видимъ. Пожалуй, они захотятъ сравняться съ нами, ихъ сдѣлавшими, съ нами, чья мудрость идетъ до дали и знаетъ все?

Такъ сказали они, Сердце Неба, Ураганъ, Молнія въ изломѣ, Молнія ударная, Покоритель, Змѣй, Тотъ, Кто рождаетъ, Тотъ, Кто даетъ бытіе, Спіакокъ, Смуканэ, Созидающій и Образующій; такъ они говорили, и снова стали стараться надъ природою ихъ созданья и ихъ творенія.

И облако было къ нимъ свѣяно на зрачокъ ихъ глазъ Сердцемъ Неба, и зрачокъ ихъ глазъ затуманился, какъ зеркало, затянутое паромъ: шаръ ихъ глазъ затемнился; и ничего уже они не видѣли, кромѣ того, что близко, и только это было ясно для нихъ.

Такъ была разрушена ихъ мудрость, а съ нею все знаніе четырехъ людей, въ основѣ своей и началѣ. Такъ были созданы въ четкихъ формахъ наши прародители, отцы наши, Сердцемъ Неба, Сердцемъ Земли.

И стали тогда существовать также ихъ супруги, и сдѣланы для нихъ были жены: Богъ опять велъ бесѣду съ Собой: и вотъ во время ихъ сна даны имъ были поистинѣ весьма красивыя женщины; и они

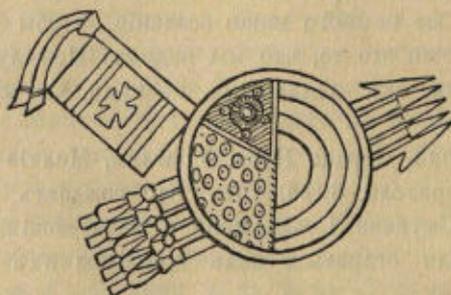
находились рядомъ, близъ Балама-Квитца, Балама-Агаба, Мугукута, и Ики-Балама.

Ихъ жены тамъ находились, когда они проснулись; и сердца ихъ мгновенно наполнились радостью, ибо они увидѣли супругъ своихъ.

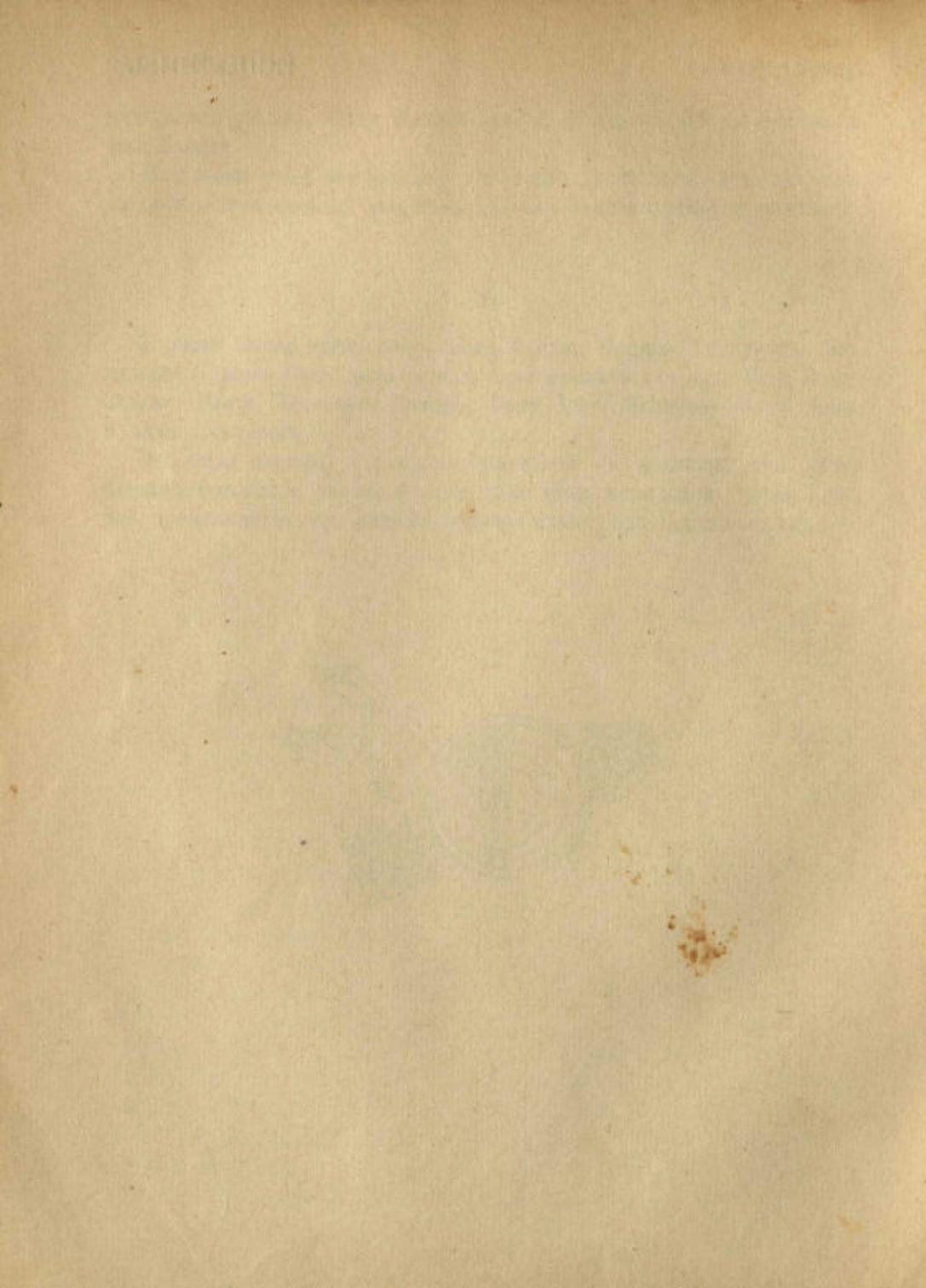
7.

И были имена этихъ женъ: Кага-Палуна, Чомига, Тцунунига, Какисага. Таковы были имена этихъ царственныхъ супруговъ: Вода Водопадная, Влага Красиваго Затона, Вода Домъ Колибри, Вода Домъ Яркихъ Попугаевъ.

Это были царицы, и рождали они людей, и возникли отъ нихъ племена большія и малыя, и наше было межъ ними племя, племя Кви-чей, пронзающихъ себя шинами, великое племя приносящихъ жертву...—

ИСПОЛИНЫ.

ИСПОЛИНЫ.

Изъ Священной Книги Полюль-Ву.

1.

Вотъ слово о гибели и разрушеніи славы Вукубъ-Какикса, Семипопугайнаго, двумя Ювыми погубленнаго, изъ коихъ одинъ назывался Гунахпу, а другой назывался Сбаланкэ: Гунахпу, Метальщикъ Шаровъ, Стрѣлокъ изъ Сарбакана, и Сбаланкэ, Тигръ Малый, Тигренокъ-Ягуаръ.

По-истинѣ, это были боги. И видя надменнаго, какъ высокомѣрился онъ, и видя все зло, имъ замысленное предъ ликомъ Сердца Небесъ, сказали они, эти Юные: Не благо, чтобъ было такъ, и не живъ еще человекъ на землѣ.

И вотъ попытаемся мы и метнемъ шаръ, и вѣдримъ недугъ въ его яства, онъ положить конецъ богатствамъ его, драгоценнымъ его камнямъ, драгоценнымъ его металламъ, изумрудамъ его, всѣмъ украшеніямъ его, которыми столь кичится онъ. Или всё будутъ такъ?

Не для того, чтобъ раздуть его славу, существуютъ въ мірѣ богатства. Такъ да будетъ, сказали Юные, и каждый изъ нихъ положилъ на плечо сарбаканъ.

Было же у этого Семипопугайнаго два сына, и первый былъ Ципакна, и второй былъ Кабраканъ: Ципакна, Пѣтушья Шпора, Кабраканъ, Землетрясеніе. Имя же ихъ матери, супруги Вукубъ-Какикса, было Чимальмать, что значить Спѣшная.

Дѣломъ Ципакны было—катать великія горы, Чикакъ, Макамобъ, Гулицнабъ, и другія горы, что возникли съ возсіяніемъ зари, въ ночь одну ихъ создало могущество Ципакны.

Также и Кабраканъ двигалъ горами по волѣ своей, и великія горы и малыя были имъ сотрясаемы.

Итакъ, сыновья Вукуба-Какикса сочетались съ нимъ въ дѣлѣ надменности. Смотрите, это я, что есмь Солнце, говорилъ Семипопугайный. —

Это я, что сотворилъ землю, говорилъ Пѣтушья Шпора.—Это я, что сотрясаю небеса, это я, что сотрясаю землю, говорилъ онъ, что звался Землетрясеніе.

Такъ сыновья Вукуба-Какикса присваивали себѣ все величіе, по примѣру отца своего.

И въ этомъ увидѣли зло тѣ Юные. Но въ тѣ времена наша первая мать и нашъ первый отецъ еще не были созданы. И рѣшена была этими Юными смерть надменныхъ вмѣстѣ съ ихъ разрушеніемъ.

2.

Вотъ теперь слово о выстрѣлѣ изъ сарбакана, что направленъ былъ двумя Юными въ Семипопугайнаго. Мы расскажем о гибели каждаго изъ нихъ, этихъ надменныхъ, что такъ величались.

У этого Вукуба-Какикса было огромное дерево, изъ тѣхъ, что зовутся Нанцэ, и плодъ имѣютъ круглый, и малый, и желтый цвѣтомъ, и сладкій вкусомъ, и очень благовонный. Въ этомъ было питаніе Семипопугайнаго. Каждое утро онъ приходилъ къ дереву Нанцэ, и всходилъ на вершину его, чтобъ взглянуть на плоды, а плоды были съедены Гунахпу и Сбаланкэ.

И подстерегая Вукуба-Какикса, у подножія дерева, спрятались Юные въ листву, межъ тѣмъ какъ Вукубъ-Какиксъ приходилъ, чтобъ броситься на плоды, въ чемъ было его пропитаніе.

И метнулъ Метатель Шаровъ свой шаръ изъ сарбакана, и попалъ онъ шаромъ Вукубу-Какиксу въ щеку: тотчасъ же тотъ испустилъ великіе вопли, и упалъ съ вершины дерева на землю.

Гунахпу побѣжалъ къ нему быстро, чтобъ поскорѣй овладѣть имъ, но Вукубъ-Какиксъ схватилъ его за руку, и дернулъ, и съ силою вырвалъ ее изъ плеча.

Тогда отпустилъ Гунахпу Семипопугайнаго, но не были Юные имъ побѣждены.

А Вукубъ-Какиксъ, неся руку Гунахпу, направился домой, куда прибылъ, держась за свою челюсть.

Что приключилось съ милостью твоей?—спросила его Чимальмать, супруга его.—Что же много?—отвѣтилъ онъ. Эти два злые метнули въ меня шаръ изъ сарбакана, и сдвинули челюсть мою.

Вотъ отчего сдвинута челюсть моя, и зубы мои болятъ нестерпимо;

руку несу я виновнаго въ этомъ; вырвать ея и несу въ огонь, чтобъ висѣла она надъ очагомъ, пока не придутъ ея взять эти духи злые, сказалъ Вукубъ-Какиксъ, вѣшая руку Гунахпу надъ огнемъ.

А Метальщикъ Шаровъ и Тигренокъ-Ягуаръ, посовѣтовавшись межъ собою, заговорили со Старцемъ, а волосы этого Старца по-истинѣ были всѣ бѣлые, и со Старицею, а Старица была по-истинѣ вся согнута и вдвое перегнута старостью.

Великій-Вепрь-Бѣлый было имя Старца, Великій-Бѣлый-Дикобразъ было имя Старой. И Юные такъ имъ сказали:—Созвольте сопроводить насъ, чтобъ взять нашу руку у Семипопугайнаго. Мы же пойдемъ сзади васъ, а вы скажете: Это дѣти дѣтей нашихъ, что насъ сопровождаютъ; отецъ ихъ и мать ихъ умерли. Потому они слѣдуютъ за нами повсюду, куда намъ угодно позволить имъ слѣдовать; ибо наше ремесло—вытаскивать червей изъ зубовъ.

Такъ скажете вы, и Вукубъ-Какиксъ взглянетъ на насъ какъ на дѣтей, и мы будемъ тамъ, чтобъ давать вамъ совѣты наши, сказали Юные.—Весьма хорошо, отвѣчали имъ Старые.

Тутъ они отправились въ путь, къ той окраинѣ, гдѣ Семипопугайный лежалъ на передней части своего трона; Старецъ и Старица прошли тогда предъ нимъ, а Юные шли сзади, и когда проходили они передъ домомъ царя, чу, крики и вопли слышались, которые по причинѣ зубовъ своихъ испускалъ Вукубъ-Какиксъ.

И увидѣлъ Старыхъ. Откуда идете вы, предки мои?—точасъ сказалъ имъ царь.—Мы идемъ дорогою, чтобъ чѣмъ-нибудь промыслить,—отвѣчали они.—А чѣмъ же вы промышляете? И не дѣти ли это ваши сопровождаютъ васъ?—Отнюдь нѣтъ, господинъ нашъ: то дѣти дѣтей нашихъ; но вотъ мы прониклись къ нимъ жалостью, и, раздѣляя нашу пищу, даемъ имъ половину.

И царь всталъ по причинѣ боли зубной, и съ усиленіемъ онъ заговорилъ: Заклинаю васъ, имѣйте жалость и ко мнѣ. Въ чемъ ваше знанье, и что вы врачуете?—Мы только вытаскиваемъ червей изъ челюсти; и мы врачуемъ боли глазного шара, и мы вправляемъ кости, владыка нашъ,—отвѣтили Старые.

Это весьма хорошо. Излѣчите же меня возможно скорѣе, прошу васъ, вылѣчите зубы мои, которые по-истинѣ заставляютъ меня мучиться каждый день; ибо я не имѣю ни отдыха, ни сна изъ-за зубовъ моихъ и изъ-за глазъ моихъ, которые болятъ.

Два злые духа метнули въ меня шаромъ изъ сарбакана и оттого не

могу я болѣе ѣсть ничего; сжальтесь же вы надо мною, ибо все движется во рту моемъ, зубы мои и челюсти.

Весьма хорошо, владыка нашъ. Это червь заставляетъ тебя страдать; довольно перемѣнить твою челюсть, вынувъ дурные зубы твоего величества.—Хорошо ли это будетъ—вынимать мои зубы? Ибо лишь съ зубами—я царь, и вся краса моя—въ зубахъ и въ кругломъ шарѣ глазъ моихъ.

Мы вставимъ тотчасъ другіе въ обмѣнъ, кости чистыя и свѣтлыя на мѣсто старыхъ. А эти кости чистыя и свѣтлыя были ничѣмъ инымъ, какъ зернами бѣлаго маиса.

Весьма хорошо: извлекайте же зубы мои, и придите мнѣ на помощь. И тогда извлекли зубы у Семипопугайнаго. Но ему не вставили ничего, кромѣ зеренъ бѣлаго маиса въ обмѣнъ, и тотчасъ всѣ увидѣли, какъ блестятъ эти зерна маиса во рту его.

Тотчасъ величіе его пало, и пересталъ онъ казаться царемъ. Вырвали у него его зубы, что были изъ драгоценныхъ камней и сіяли ослѣпительно во рту его. А когда врачевали глаза Вукуба-Какикса, испарнали шаръ его глазъ, и вовсе лишили его богатствъ его.

Но не былъ онъ въ состояніи это почувствовать: еще видѣлъ онъ хорошо, но то, въ чемъ была его гордость, было у него отнято, по совету Гунахпу и Сбаланкэ, двухъ Юныхъ.

И умеръ тогда Вукубъ-Какиксъ, надменный, между тѣмъ какъ Гунахпу вернулъ себѣ руку свою, и умерла, равно, Чимальмать, жена Семипопугайнаго.

Таково было разрушеніе роскошествъ Вукуба-Какикса; взялъ у него врачеватель изумруды и камни самоцвѣтные, коими онъ величался на землѣ.

Старецъ и Старица, это содѣлавшіе, были существами чудесными. И взявши вырванныя руки Юныхъ, они вправили ихъ и укрѣпили, и все было хорошо.

Единственно, чтобъ смерть Вукуба-Какикса удостовѣрить, пожелали они дѣйствовать такъ: ибо имъ неугодно было, чтобы столь кичился онъ. И отправились въ путь послѣ сего Юные, свершивши все по слову Сердца Небесъ.

3.

И вот дѣянiя Ципакны, первороднаго сына Вукуба-Какикса. Я создатель горь,—говорилъ Пѣтушья Шпора.

И вотъ, когда купался Ципакна у берега рѣки, проходили четыреста Юныхъ, влача стволъ великаго дерева, чтобъ сдѣлать изъ него столбъ для дома своего; четыреста Юныхъ вмѣстѣ шли, срубивъ исполнское дерево, чтобы было оно главнымъ строиломъ дома ихъ.

И тогда Ципакна, выйдя изъ воды, пришелъ къ тому мѣсту, гдѣ было четыреста Юныхъ, и сказалъ: Что дѣлаете вы, о, дѣти? — Лишь влачимъ вотъ это дерево, которое не можемъ мы поднять на плечи наши.—Я отнесу его,—отвѣтилъ онъ. Куда нужно идти мнѣ, и какую услугу долженъ я вамъ оказать?

Лишь главное строило для дома нашего просимъ мы тебя отнести къ намъ.—Весьма хорошо,—отвѣчалъ онъ. И, съ силою поднявши древо, онъ взвалилъ его себѣ на плечи и принесъ его ко входу въ домъ, къ дому четырехсотъ.

Хорошо, оставайся же съ нами, юноша. Есть ли у тебя отецъ и мать?—Болѣе нѣтъ ихъ у меня, отвѣчалъ онъ.—Ахъ, такъ, продолжали они, завтра тебя мы возьмемъ еще, чтобъ отмѣтить другое дерево для строила нашему дому.—Хорошо, отвѣтилъ Ципакна.

Тутъ четыреста Юныхъ держали совѣтъ: Вотъ этотъ юноша, говорили они, какъ поступимъ мы, чтобы могли мы убить его? Ибо не благо это, чтобы онъ творилъ такое, и одинъ поднималъ бы такое древо.

Выроемъ великiй ровъ, и мы уронимъ и бросимъ его въ тотъ ровъ. Спустишь въ ямину и выбрось землю оттуда, скажемъ мы ему; и когда онъ туда спустится, мы сбросимъ внизъ большое дерево, и быстро умреть онъ въ оврагѣ томъ.

Такъ говорили между собою четыреста Юныхъ, и вырыли ровъ они весьма глубокой, и призвали потомъ Ципакну. По-истинѣ, мы тебя почитаемъ, сказали они; спустись же и рои еще землю, ибо больше мы уже не можемъ, было сказано ему.

Весьма хорошо, отвѣтилъ онъ. И спустился въ ровъ. И, воззвали къ нему: Глубоко ли ты спустился?—Да, отвѣтилъ онъ и началъ рыть землю, но началъ онъ рыть другой ровъ, чтобы спастись.

Онъ зналъ, что его искали убить, въ то время какъ будетъ онъ рыть этотъ ровъ, и сбоку онъ вырылъ другой.

Скоро ли будетъ готово?—спросили его сверху четыреста Юныхъ.—
Еще рою, отвѣтилъ онъ, еще рою, но я васъ позову снизу, когда кончу
рыть,—сказалъ Ципакна изъ глубокаго рва.

Но совсѣмъ онъ не рылъ глубокаго рва, который былъ имъ нуженъ,
чтобъ ему предназначить въ гробницу; ровъ спасенія рылъ онъ себѣ.
И воззвалъ къ нимъ Ципакна, но не прежде, чѣмъ онъ вошелъ въ это
углубленіе другое.

Придите, чтобъ вынести землю вмѣстѣ съ обломками скалъ;—ибо по-
истинѣ глубоко я сошелъ внизъ. Или не слышите голосъ мой, къ вамъ
кричащій? Но вотъ доходить до меня вашъ голосъ, какъ звукъ и какъ
два звука, въ своемъ отраженіи, слышу два отзвука эха, и знаю, гдѣ вы.

Такъ говорилъ изъ рва Ципакна, и продолжалъ кричать изъ глубины.

И вотъ то великое дерево, что они принесли для дома своего, съ
силой примчали юные, это великое дерево, и внизъ они бросили его
въ глубину изрытаго рва.

Пусть никто ничего не говорить; подождемъ, чтобы онъ закричалъ
и умеръ, говорили они одинъ къ другому, шепча и прикрывая ротъ и
глядя другъ другу въ глаза, межъ тѣмъ какъ низвергали дерево.

И вотъ Ципакна заговорилъ еще и испустилъ крикъ, но лишь од-
нажды далъ онъ услышать свой голосъ, когда падало дерево внизъ.

О, какъ преуспѣли мы въ томъ, что мы ему сдѣлали. Умеръ онъ,
умеръ. Если бъ онъ продолжалъ начатую работу свою, конецъ былъ бы
намъ: первый онъ сталъ между нами, первый надъ нами, коихъ четы-
реста Юныхъ.

Такъ говорили они, веселясь и ликуя: Что намъ дѣлать теперь еще?
Дѣлать вино три дня, и три дня его пить, при основаніи дома нашего,
дома, въ которомъ четыреста Юныхъ.

И молвили: Завтра мы увидимъ; и послѣ завтра мы еще посмотримъ,
не сойдутъ ли муравьи въ землю, чтобъ унести этотъ трупъ; тогда
успокоится сердце наше, и изопьемъ мы нашего вина, сказали они.

Ципакна же слышалъ во рву все, что говорили Юные. И на вто-
рой день внезапно пришли муравьи, идя и уходя великими толпами,
чтобъ собраться подъ деревомъ, и одни несли волосы Ципакны, а дру-
гіе—его ногти.

И, видя это, воскликнули Юные: Что жъ, онъ поконченъ, злосчаст-
ный? Видите, какъ муравьи показались и собрались великими толпами,
одни несутъ его волосы, а другіе влачатъ его ногти, вотъ какое свер-
шили мы.

Вотъ что они говорили другъ другу. Но Ципакна былъ живъ. Онъ обрѣзалъ себѣ волосы на головѣ, и отпилилъ себѣ ногти своими зубами, чтобы дать ихъ муравьямъ. И потому Юные думали, что онъ умеръ.

И на третій день начался ихъ праздникъ, и всѣ Юные опьянились. И всѣ четыреста Юныхъ были пьяны, и не оставалось у нихъ больше разумѣнія. И хижина ихъ была опрокинута надъ головою ихъ Пѣтушьей Шпорой, и всѣ они были разрушены.

Ни одинъ, и ни два не спаслись изъ этихъ четырехсотъ Юныхъ, ибо были убиты они Ципакной, сыномъ Вукуба-Какикса.

Такова была смерть этихъ четырехсотъ, о которыхъ говорить, равно, что вошли они въ созвѣздіе, именуемое Множествомъ, хотя, быть можетъ, это лишь вымыселъ.

Мы расскажем здѣсь также о пораженіи Ципакны двумя юными, чье имя Гуахпу и Сбаланкэ.

4.

Вотъ, въ свой чередъ, пораженіе и смерть Ципакны, который былъ побѣжденъ Гуахпу и Сбаланкэ.

Что ранило сердце этихъ двухъ Юныхъ, это, что четыреста Юныхъ были убиты Ципакной. Лишь рыбой и раками питался онъ, и это была его пища единственная каждаго дня. Днемъ онъ гулялъ, ища пища, а ночью взваливалъ горы на плечи свои.

И сдѣлали Гуахпу и Сбаланкэ притворнаго рака весьма огромнаго, и украсили голову его широколиственнымъ растеніемъ, которымъ означаются въ сихъ странахъ дни побѣды. Листы этого растенія, что зовется экъ, распространяются въ лѣсахъ повсюду.

И сдѣлали ему изъ этого большія клешни, а малыя сдѣлали изъ сѣтнаго, и сдѣлали ему панцырь изъ камня, и придали ему видъ настоящаго рака.

И ввели они этого рака-черепаху въ глубину пещеры у подножья великой горы, и имя той горы Меаванъ, и чаяли они побѣды надъ Пѣтушьей Шпорой.

Потомъ пошли эти Юные навстрѣчу Ципакнѣ, идя по берегу рѣки.— Куда идешь ты, юноша? спросили они Ципакну.— Никуда не иду, сказалъ онъ, лишь ищу себѣ я ищу, о, юноши, отвѣтилъ Пѣтушья Шпора.

А какая такая пища?—Лишь рыба и раки; но ничего не могу я найти здѣсь; вотъ ужъ второй день, какъ пересталъ я ѣсть, и прямо помираю отъ голода, сказалъ онъ двумъ Юнымъ.

Есть тамъ ракъ въ глубинѣ рывины, сказали они; по-истинѣ огромный это ракъ, и славная это была бы для тебя закуска. Только онъ насъ укусилъ, когда мы хотѣли его взять, и страхъ напалъ на насъ. Ни за что не пойдемъ мы теперь его брать, сказали Гунахпу и Сбаланкэ.

Пожалѣйте меня, подите покажите мнѣ его, о, юноши, сказалъ имъ Ципакна.—Ни за что въ мѣрѣ мы на это не согласимся. Поди ты самъ; потеряться тутъ невозможно; иди по берегу рѣки, и придешь ты къ подножью высокой горы; звенить она въ глубинѣ рывины; иди туда и придешь, сказали Гунахпу и Сбаланкэ.

Горе мнѣ, горе мнѣ! Гдѣ же находится она, о, юноши? Подите покажите мнѣ ее; здѣсь много есть птицъ, вы можете, иди, стрѣлять въ нихъ изъ сарбакана, а я ужъ знаю, гдѣ они, сказалъ Пѣтушья Шпора.

Смирение его умягчило Юныхъ. Сумѣешь ли взять его, сказали они, ежели мы возвратимся изъ-за тебя? Ибо мы болѣе не пытались, онъ хотѣлъ укусить насъ, когда мы сошли туда и наклонились, чтобъ взять его. И страхъ овладѣлъ нами, а ужъ вотъ почти что его ухватили. Поэтому ты наклонись, и ты войди самъ туда.

Весьма хорошо, отвѣтилъ Ципакна, приближаясь вмѣстѣ съ ними къ горѣ. Потомъ, придя, онъ спустился въ стремнину, на дно ея, гдѣ, въ сторонѣ, лежалъ большой ракъ, являя спину очень красную; на днѣ стремнины спрятали они колдованіе свое.

Весьма хорошо, промолвилъ Ципакна, обрадованный. Хотѣлось бы мнѣ, чтобъ онъ уже былъ во рту у меня. Ибо по-истинѣ онъ помиралъ отъ голода. И онъ хотѣлъ попытаться лечь плашмя на животъ, чтобы такъ войти въ пещеру, а ракъ началъ двигаться предъ нимъ.

Тогда онъ отодвинулся. Что же, не взялъ еще ты его?—спросили Юные.—Нѣтъ, еще началъ онъ двигаться, а то бы я совсѣмъ ужъ его схватилъ. Но быть можетъ лучше мнѣ войти туда.

И снова онъ началъ входить въ пещеру ползкомъ, и видны уже были только концы его ногъ,—какъ великая гора, снизу подрытая, сорвалась и покрыла его грудь. И не вернулся болѣе Пѣтушья Шпора, и былъ онъ превращенъ въ камень.

Таково было, въ свой чередъ, пораженіе Ципакны, юными Гунахпу и Сбаланкэ. Это онъ, говорить древнее сказаніе, былъ тотъ, что дѣ-

лалъ горы, и былъ первороднымъ сыномъ Вукуба-Какикса, Семипопугайнаго.

У подножья горы, чье имя Меаванъ, былъ побѣжденъ онъ, и способомъ сверхъприроднымъ былъ побѣжденъ второй изъ тѣхъ, что величались. Остается еще одинъ, и вотъ слово о немъ.

5.

Такъ, третій изъ тѣхъ, что величались, былъ вторымъ сыномъ Вукуба-Какикса, Семипопугайнаго, и имя его было Кабраканъ, Землетрясеніе. Это я тотъ, что разрушаю горы, говорилъ онъ.

И его побѣдили также Гунахпу и Сбаланкз, поразили Кабракана Метальщикъ Шаровъ и Тигренокъ-Ягуаръ.

Возговорилъ Ураганъ, Молнія въ изломѣ и Ударная Молнія, возговорили они къ Гунахпу и Сбаланкз:—

Да будетъ, въ свой чередъ, приниженъ и второй сынъ Семипопугайнаго; такова наша воля: ибо не благо это, то, что они дѣлаютъ на землѣ, не благо, что возвеличиваютъ славу свою, до этой степени величія и могущества; такъ да не будетъ болѣе.

Привлеките его кротостью туда на Востокъ, сказалъ еще Ураганъ, говоря къ Юнымъ.

Весьма хорошо, могучій владыка, отвѣтили они. Дурно это, то, что мы видимъ. Ибо не вы ли—Миръ, не вы ли—Сердце Неба? прибавили Юные, слушая то, что сказалъ имъ Ураганъ.

А Кабраканъ въ это время двигалъ горами и шевелилъ горы. Чуть ударить ногой по землѣ, и разорвутся тотчасъ великія горы, и малыя горы тотчасъ разорвутся по причинѣ удара ноги его.

Тогда-то онъ встрѣченъ былъ Юными. Куда идешь ты, о юноша?—сказали они Кабракану, Земли Сотрясателю.—Я не иду никуда: я лишь сокрушаю здѣсь горы, ибо я тотъ, что ихъ низлагаетъ, и въ этомъ мое непрерывное занятіе, былъ его отвѣтъ.

И сказалъ Кабраканъ, въ свой чередъ, Гунахпу и Сбаланкз: Въ чемъ есть цѣль прихода вашего? Не знаю я этого лица. Какъ называетесь вы?

Нѣтъ у насъ имени, молвили они, мы лишь охотимся, мечемъ шары изъ сарбакана, ловимъ клеємъ птицъ въ горахъ; мы сироты, и нѣтъ у насъ ничего, о, юноша.

Мы лишь пробѣгаемъ горы, большія и малыя, юноша. Но запри-
мѣтили мы великую гору, и тамъ, гдѣ она, видно великія пропасти;
истинно, высится она на великую высоту, и такъ высока она, что пре-
вышаетъ вершины всѣхъ горъ.

Такъ что мы не могли тамъ взять ни одну птицу, ни двѣ, передъ
этой горою, о, юноша. Но вѣрно ли это, что ты опрокидываешь всѣ
горы? сказали Гунахпу и Сбаланкэ Кабракану.

А вѣрно ли, что вы видѣли такую гору, какъ вы говорите? Гдѣ
она? Я увижу ее и брошу на землю. Гдѣ вы ее видѣли?—Тамъ, вонъ
тамъ она, въ сторонѣ восходящаго Солнца, отвѣтили Юные.

Хорошо. Покажите же мнѣ дорогу, идите впередъ.—Нѣтъ, нѣтъ:
пужно, чтобъ ты былъ посреди насъ, мы справа и слѣва пойдѣмъ, ибо
несемъ мы съ собою сарбаканы наши, и если увидимъ птицъ, будемъ
стрѣлять въ нихъ.

И веселые пошли они, пробуя свои сарбаканы. И нацѣливаясь изъ
сарбакановъ, не клали они въ дуло земляного шара, лишь сами дули
въ него и такъ сбивали птицъ.

И весьма былъ удивленъ Кабраканъ. Тутъ Юные развели костеръ,
и принялись жарить птицъ на огнѣ; но они натерли тѣхъ птицъ бѣло-
ватою рыхлой землей, что зовутъ тицатэ, и бѣлою пылью ихъ осыпали.

Вотъ что ему мы дадимъ, чтобъ возбудить въ немъ аппетитъ этимъ
вкуснымъ дымкомъ, что отсюда выйдетъ. Эта птица будетъ погибелью
его. Подобно тому, какъ земля, нашими заботами, облечетъ ее всю
кругомъ, на землѣ сразимъ мы его и землю покроемъ его, какъ обла-
ченіемъ.

Пора подумать о томъ, чтобъ создать разумное созданіе въ часъ,
когда скоро взойдутъ посѣвы и покажется бѣлый день, сказали про
себя Юные.

И такъ какъ свойственно живому желать ѣсть и растирать пищу
зубомъ, возжелаетъ сердце Кабракана этой птицы, говорили между со-
бою Гунахпу и Сбаланкэ.

Итакъ жарилась эта птица и принимала цвѣтъ, вращаясь на вер-
телѣ, сокъ изъ нея текъ во всѣ стороны вмѣстѣ съ жиромъ, испуская
пріятный дымокъ.

И вотъ овладѣло Кабраканомъ весьма сильное желаніе поѣсть этой
птицы, такъ что слюною наполнился ротъ его, и зѣвота раскрыла хо-
тящій ротъ его, и слюны и пѣна оттуда потекли, по причинѣ весьма
вкусной птицы.

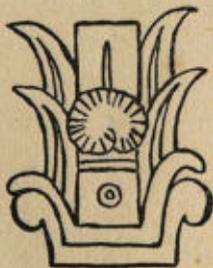
Тогда спросилъ онъ: Что же это за яство, что приготовили вы тамъ? По-истинѣ, нѣтъ ничего такого вкуснаго, какъ дымокъ, который я обоняю. Дайте же мнѣ земного этого, прибавилъ онъ.

Тогда дали Кабракану птицу, и въ этомъ была его погибель. Только что кончилъ онъ ѣсть ее, какъ снова пустились они въ путь, направляясь къ той сторонѣ, гдѣ восходить Солнце, къ мѣсту, гдѣ была великая гора.

И вотъ Кабраканъ не имѣлъ уже силы, шатались его ноги, тряслись его руки, по причинѣ того, что натерта была птица той бѣловатой рассыпчатой землей: и не могъ онъ ничего сдѣлать съ горами, и былъ безсиленъ сокрушить ихъ.

Тогда связали его Юные, руки его связали они за спиною его, и такъ на него смотрѣли, и шею связали вмѣстѣ съ ногами, и растянули его на землѣ, и похоронили въ ней.

Таково было пораженіе Кабракана, чье имя было Землетрясеніе, поразили его Метальщикъ Шаровъ и Тигръ Малый, юные Гунахпу и Сбаланкэ. Но нельзя сосчитать всего, что сотворили они на землѣ, ибо весьма были велики ихъ дѣянія.

ПУТЬ ИСПЫТАНИЙ.

1.

Вотъ мы возвѣстимъ имя родителя Гунахпу и Сбаланкэ, имя отца Метателя Шаровъ и Тигра Малаго, Тигренка-Ягуара. Но мы набросимъ на ихъ происхожденіе покровъ таинственный, мы тайною покроемъ повѣсть рожденія Гунахпу и Сбаланкэ; лишь половину мы скажемъ, лишь часть о родителяхъ ихъ.

Вотъ повѣствованіе о немъ. Каждого изъ нихъ звали Ахпу, Метальщикъ Шаровъ, Стрѣлокъ изъ Сарбакана, и родители ихъ были Спіакокъ и Смуканэ, первородителями были они Метателю Шаровъ и Тигренку-Ягуару. Спіакокъ и Смуканэ породили въ ночи Гунгуна-Ахпу и Вукуба-Гунахпу.

Эти Гунгуны-Ахпу были два; двухъ сыновей родили они законныхъ и имя перваго было Гунбатцъ, и имя втораго Гунчуэнь,—Гунбатцъ, Обезьяна-Ткачъ, Гунчуэнь, Пригожій, что прихорашивается.

Имя же ихъ матери было Сбакійяло, Связанныя Кости; такъ называлась супруга Гунгуна-Ахпу. Что до Вукуба-Гунахпу, жены у него не было, былъ онъ холостъ.

По праву своему и по естеству, эти два сына были весьма мудрые, и велико было ихъ знаніе; вѣщунами были они здѣсь на землѣ, и жизнь ихъ и вся ихъ повадка были весьма отмѣнны.

Всю совокупность знанія явили предъ лицо Гунбатца и Гунчуэна, сыновей Гунгуна-Ахпу; игроки на флейтѣ, пѣвцы, стрѣлки изъ сарбакана, живоисцы, мастера живописанія, рѣзчики драгоценныхъ камней, полировальщики, златолитейщики, серебрянники,—всѣмъ этимъ были Гунбатцъ и Гунчуэнь, во всемъ изощрились Обезьяна-Ткачъ и Пригожій, что прихорашивается.

А Гунгунъ-Ахпу и Вукубъ-Гунахпу, что ни день, играли въ кости и въ шары, только этимъ и занимались, и каждые два дня всѣ четверо играли они, и собирались въ великомъ числѣ въ чертогъ игры въ шаръ.

И приходилъ Вокъ, Коршунъ-Пожиратель Змѣй, чтобъ видѣть ихъ, вѣстникъ Урагана, Молніи Изломной, и Ударной Молніи; недалеко этотъ Вокъ былъ отсюда, отъ земли, недалеко отъ могучаго царства Ксибальбы, Края Тѣневого, Царства Крота Разрисованнаго; ибо въ одно мгновеніе онъ уносился на небо, и былъ съ Ураганомъ.

Покуда они пребывали здѣсь на землѣ, опочила мать Гунбатца и Гунчузна.

И вотъ, идя по пути къ Ксибальбѣ, играли они въ шаръ, и прослышали объ этомъ тотчасъ же Гунъ-Камэ и Вукубъ-Камэ, самодержцы Ксибальбы, Гунъ-Камэ, что значить Усопшій, и Вукубъ-Камэ, Семикратно-Усопшій.

Что же это такое, что творится на землѣ? Кто суть эти, что заставляютъ ее дрожать и столько вызываютъ смятенія? Пусть тотчасъ пошлутъ отыскать ихъ; пусть приведутъ ихъ сюда и пусть придутъ они играть въ мячъ, дабы мы побѣдили ихъ. Поистинѣ, болѣе не повинуются они намъ; вѣтъ у нихъ болѣе ни почтенья, ни уваженья къ нашему существу, и только они и дѣлаютъ, что воюютъ надъ нашими главами, молвили всѣ, что надлежали Ксибальбѣ, жители Края Тѣневого.

Тогда составили они совѣтъ всѣ вмѣстѣ, и эти вотъ, Гунъ-Камэ и Вукубъ-Камэ, были названы судьями высшими, тѣми, что держать остріе приговора. Всѣ владыки были данниками сильнаго царства ихъ, и каждый изъ всѣхъ владыкъ лишь волею Гуна-Камэ и Вукуба-Камэ владычествовалъ.

И были владыки тѣ Ксикирипачъ и Кучумаквикъ,—Ксикирипачъ, Корзина Летающая, и Кучумаквикъ, Соединенная Кровь: въ вѣдены ихъ были тѣ, у кого былъ притокъ крови и ея истеченіе.

И другіе еще владыки, чьи имена Агальпухъ и Агальгана,—Агальпухъ, Тотъ, что гной передѣлываетъ, Агальгана, Тотъ, что собираетъ сукровицу; въ вѣдены ихъ было—мучить людей, взрощать на ногахъ у нихъ влажные нарывы, и багровость вводить въ лицо, и въ него желтоцвѣтный отливъ изливать, что они чуганаль называютъ, иначе—желтуха; этимъ въ Краѣ Крота занимались Агальпухъ, что гной передѣлываетъ, и Агальгана, сбиравшій сукровицу.

Были еще тамъ Чаміабакъ и Чаміаголомъ,—Чаміабакъ, Онъ, съ багатомъ костянымъ, и Чаміаголомъ, Онъ, чей жезлъ—съ мертвой головой; были то жезлоносцы Ксибальбы, ихъ жезлы были сплошь костяные; въ вѣдены ихъ было—людей заставлять худѣть, такъ что всего лишь отъ человѣка голова оставалась безъ тѣла, и кости,—умирали скелеты;

этимъ въ Краѣ Крота Разрисованнаго занимались Чаміабакъ съ бато-гомъ костянымъ, и Чаміоголомъ, чей жезлъ былъ съ мертвой головой.

Были еще владыки, чьи имена—Агальмець и Агальтогобъ,—Агальмець, Онъ, что блюдетъ нечистоты, и Агальтогобъ, Онъ, который завѣдуеть рвотой; въ вѣденъи ихъ было—измѣной найти человѣка лицомъ къ лицу, за домомъ ли крылась измѣна или передъ домомъ, и чтобъ палъ онъ на землю, навзничъ, съ раскрытымъ ртомъ, и такъ бы нашелъ свою смерть; этимъ въ Краѣ Крота занимались Агальмець, что блюдетъ нечистоты, Агальтогобъ, что завѣдуеть рвотой.

И другіе были еще владыки, назывались они Ксикъ и Патанъ,—Коршунъ, Ксикъ, и Патанъ, Корзина Глубокая; въ вѣденъи ихъ было—заставлять человѣка умереть въ пути, какъ говорится—скоропостижно, приводя ему кровь въ его ротъ, такъ что онъ умираетъ, задыхаясь и кровь выплевывая; каждый изъ нихъ, пока человѣкъ шелъ дорогой, внезапно бросался къ нему на грудь, и, схвативши за горло, давилъ ему горло и давилъ ему грудь, пока кровь удушеннаго не изливалась на пыль дороги. Этимъ въ Краѣ Крота занимались Ксикъ и Патанъ, Кривоносый Коршунъ и Корзина Глубокая.

И вотъ сошлись они на совѣтъ, чтобъ преслѣдовать Гунгуна-Ахпу и Вукуба-Гунахпу, и покарать ихъ нещадно. То, чего желали эти изъ Ксибальбы, люди Края Тѣневого, желали и жаждали—презрѣнью предать Гунгуна-Ахпу и Вукуба-Гунахпу, ихъ щиты изъ кожи, ихъ перчатки, вѣнны ихъ со шлемами, все одѣянье, въ которомъ были Гунгунъ-Ахпу и Вукубъ-Гунахпу.

И такъ мы расскажемъ теперь о странствіи ихъ въ Ксибальбу, оставивъ за ними Гунбатца и Гунчуэна, сыновей Гунгуна-Ахпу. А мать ихъ была ужъ мертва.

2.

И прибыли посланные отъ Гуна-Камэ и Вукуба-Камэ. Отбудьте, сказали они,—Ахпоць-Ачигъ, Господинъ Ковра и Мужъ Повелительный, отнесите эту вѣсть Гунгуну-Ахпу и Вукубу-Гунахпу, сказавъ имъ: Идите съ нами.

Да придутъ они, такъ говорятъ владыки. Да придутъ они сюда играть съ нами въ шаръ; да оживимъ мы лица наши съ ними; постигнѣ, мы почитаемъ ихъ ротъ, и весьма восхищены ихъ отмѣнными дѣянїями, и такъ, да придутъ они, говорятъ владыки.

И пусть принесутъ они всѣ инструменты, которыми пользуются, чтобъ создавать столько шума, кольца свои, и перчатки свои, и пусть принесутъ, равно, свои шары изъ каучука, сказали владыки. Скажите имъ: Приходите. Такъ было сказано вѣстникамъ.

Вѣстниками же были Тукуры, Совы.—Совиная Стрѣла, Совиная Нога, Сова-Попугай-Длиннохвостый, Голова Совы; такъ назывались вѣстники Ксибальбы.

Совиная Стрѣла былъ быстръ, какъ стрѣла; и въ томъ былъ онъ весь; у Совиной Ноги лишь одна была нога, и въ томъ его свойство; Сова-Попугай-Длиннохвостый былъ съ ногъ до головы—огонь, и въ томъ былъ ликъ его яркій; Голова Совы—лишь какъ голова являлся, и въ томъ была его чудесность, не было ногъ, ни рукъ, лишь голова и крылья.

Эти четыре глашатая были Мужи Повелительные. Отбывъ изъ Ксибальбы, прибыли тотчасъ они, носителями вѣсти своей, къ высотѣ игры въ шаръ, гдѣ Гунгунъ-Ахлу и Вукубъ-Гунахпу играли въ мячъ въ чертогѣ игральномъ Нимксобъ-Карча, что значить Чертогъ Великихъ Оскорбленій.

И, прибывши въ чертогъ игральный, возвѣстили глашатаи вѣсть свою, слово за словомъ сказавъ имена—Гунъ-Камэ и Вукубъ-Камэ, Агальпухъ, Агальгана, Чаміабакъ и Чаміаголомъ, Ксикирипатъ, Кучумаквиъ, Агальмецъ, Агальтогобъ, Ксиъ, и Патаиъ, ибо таковъ былъ порядокъ ихъ, возвѣщенный Совами, отъ Усопшаго и Семикратно-Усопшаго, черезъ сгущенную кровь и сукровицу, чрезъ нечистоты и рвоту, до крови, излитой удушаннымъ горломъ въ дорожную пыль.

Достовѣрно ли то, что царь Гунъ-Камэ и Вукубъ-Камэ такъ говорили? Достовѣрно ли это, что мы васъ должны сопровождать? воскликнули два брата.—Пусть принесутъ они все, чѣмъ они развлекаются, такъ сказали владыки.—Хорошо. Подождите насъ одну минутку; мы пойдемъ простимся съ нашей матерью, отвѣтили они.

Итакъ, они направились къ дому, и сказали своей матери, ибо отецъ ихъ уже былъ мертвъ: Вотъ, мы уходимъ, мать наша: но наше странствіе будетъ бесполезнымъ. Вѣстники царя пришли насъ взять, да придемъ мы.

Но останется одинъ свидѣтель нашего существованія, прибавили они. Этотъ каучуковый мячъ. И они пошли и повѣсили его въ углубленія домовой крыши. Мы еще поиграемъ въ мячъ, прибавили они. Что до васъ, занимайтесь музыкой, пойте, живописуйте, рѣзбой занимайтесь

тонкой, согрѣвайте нашъ домъ, сердце праматери вашей согрѣвайте, сказали они Гунбатцу и Гунчуэну.

Въ мигъ прощанья волнение овладѣло Смуканэ, и она плакала. Мы уходимъ, но мы еще не умерли; не огорчайтесь, сказали Гунгунъ-Ахпу и Вукубъ-Гунахпу, уходя.

И отошли они, а вѣстники пошли передъ ними. Такъ начали они сходить по дорогѣ, ведущей въ Ксибальбу, и первыя ступени спуска были весьма крутыя.

Сойдя, прибыли они къ берегу рѣки весьма быстрой, текущей по дну стремнины, что зовется Нуциванъ-Куль и Ку-Циванъ, Стремнинный Потокъ и Рытвина Стремнины, и они перешли рѣку; они перешли, равно, чрезъ кипящія воды, гдѣ въ великомъ числѣ росли тыковники, но они перешли и не ранли себя.

Они прибыли затѣмъ къ берегу рѣки кровавой: перешли, но не пили изъ нея воды; перешли потомъ черезъ другую рѣку, гдѣ только вода была, не было крови, и доселѣ не могли ихъ уловить ни въ какую западню. Рѣку они перешли, но пришли затѣмъ въ мѣсто, гдѣ скрестились четыре дороги, и тутъ они дали себя уловить, на перекресткѣ четырехъ дорогъ.

Одна изъ этихъ дорогъ была красная, другая черная, и одна бѣлая, и послѣдняя желтая,—что образуетъ четыре пути. И вотъ онъ, что у черной дороги, сказалъ: Это меня, меня нужно взять вамъ, я дорога царя, сказалъ онъ, что при дорогѣ.

Въ этомъ мѣстѣ захвачены были они въ западню, ибо направлены были они къ Ксибальбѣ, и прибывши въ тронный чертогъ царей Ксибальбы, они потеряли въ игрѣ.

Первые, кого они увидѣли сидящими, были кукла и фигура изъ дерева, разукрашенные тамъ и посаженные людьми Края Тѣневого: первые были то, кому поклонились они: Привѣтъ, Гунъ-Камэ, сказали они куклѣ; привѣтъ, Вукубъ-Камэ, сказали они фигурѣ изъ дерева.

Но тѣ не отвѣтили имъ ничего. И цари Ксибальбы разразились хохотомъ, и всѣ владыки съ ними подняли великій шумъ смѣховъ и пересмѣшекъ, ибо смотрѣли они уже какъ на сраженныхъ на Гунгуна-Ахпу и Вукуба-Гунахпу, пришедшихъ играть; и они смѣялись и предавались хохоту.

Потомъ Гунъ-Камэ и Вукубъ-Камэ прибавили: Хорошо, вотъ вы прибыли; на завтра приготовьте ваши головныя украшенія, и ваши кольца, и ваши перчатки. Такъ было имъ сказано.

Садитесь на наше почетное сидѣнье, сказано было имъ. Но почетное ихъ сидѣнье было лишь камнемъ раскаленнымъ, и, садясь на него, обожглись они, и скатились съ этого престола, но не нашли облегченія, ибо, когда пожелали встать, все же ихъ жгло это сидѣнье.

И снова смѣялись люди Ксибальбы, смѣялись вокругъ тѣневые, до слезъ хохотали, схватясь за бока хохотали, владыки Ксибальбы, и краской покрылись отъ смѣха—казалось, задуть ихъ кровь.

Идите въ ваше помѣщеніе, вамъ туда принесутъ вашъ факель смоляной и вашу сигару, чтобы вамъ уснуть, было сказано имъ.

И прибыли они въ Домъ Сумрачный, гдѣ лишь сумраки были внутри дома, а люди Ксибальбы въ то время сошлись на совѣтъ и, совѣщаясь, говорили: Принесемъ ихъ въ жертву завтра, да умрутъ они смертью наискорѣйшей; ибо игра ихъ есть наше поношеніе. Такъ говорили межъ собою тѣ, что правять въ Краѣ Крота Разрисованнаго.

Смоляной же свѣтильникъ ихъ былъ круглою стрѣлой, изъ сосны, что растеть въ Ксибальбѣ, блѣдный, и звался онъ цавитокъ, что значитъ бѣлый камень; на остріѣ была ихъ игра, весьма былъ острымъ свѣтильникъ ихъ, и быстро онъ долженъ былъ означить конецъ свой, увеселяя игру Тѣневыхъ.

И вошли Гунгунъ-Ахпу и Вукубъ-Гунахпу въ Домъ Сумрачный; дали имъ тогда свѣтильникъ смоляной, каждому свѣтильникъ дали смоляной, зажженный, дарованный имъ Гуномъ-Камэ и Вукубомъ-Камэ, и каждый получилъ свою сигару, равно, зажженную, которую послали имъ владыки, и зажженную принесли имъ.

И когда пришли, чтобы дать имъ, каждому, свѣтильникъ смоляной и сигару, съ мыслями своими собирались они въ темнотѣ, и пламя камеди внезапно освѣтило ихъ, входя къ нимъ.—Пусть каждый имѣеть свѣтильникъ свѣтящійся. Пусть каждый имѣеть свой скрученный табакъ дымящійся. И пусть принесутъ ихъ съ разсвѣтомъ дня. Но пусть не истратятъ ихъ. Пусть вернутъ ихъ, какъ получили ихъ. Такъ возвѣщаютъ владыки.

Такъ было имъ сказано: такъ они были побѣждены. Сосна ихъ смолистая сгорѣла, табакъ ихъ душистый искурился. Издымился табакъ ихъ, который имъ былъ врученъ, дотлѣла смола ихъ, которая имъ свѣтила въ ночи. А испытанія въ Ксибальбѣ были многія, многоразличны и многочисленны были испытанія въ Краѣ Тѣневомъ.

И первое было—это испытаніе Дома Сумрачнаго, гдѣ только тьма была внутри. И второе было—испытаніе Дома, что звался Ксукулимъ,

Вѣтеръ Сѣверный,—проникалъ туда вѣтеръ пронзительный, вѣтеръ холодный и нестерпимый заполнять собой все внутри.

И третье было—Домъ Тигровъ, и лишь тигры были тамъ внутри, ступали, ходили они, расходились, и смѣшивались, и столпившись, свирѣпились, и, смотря другъ на друга, смѣялись, заключенные въ этомъ Домѣ.

И четвертое было—Потци-Га, Домъ Летучихъ Мышей, лишь летучія мыши были тамъ внутри, кричали они, били крыльями, летали, порхали по дому, перепархивали, летучія мыши заключенныя, безъ выхода во-внѣ для ихъ крыльевъ.

И пятое было—Чайимъ-Га, Домъ Ратоборствующихъ, и тамъ внутри были лишь состязающіеся, побѣдители поочередно, съ длинными своими копытами, поочередно отдыхали и сражались въ этомъ Домѣ.

Это были только первыя испытанія Ксибальбы, начальныя, но и до нихъ не дошли Гунгунъ-Ахпу и Вукубъ-Гунахпу въ Краѣ Крота Разрисованнаго. Довольно лишь упомянуть объ этихъ Домахъ Испытаній.

Когда предстали предъ Гуна-Камэ и Вукуба-Камэ Гунгунъ-Ахпу и Вукубъ-Гунахпу, сказали имъ Усопшій и Семикратно-Усопшій: Гдѣ табакъ мой скрученный, что зовется сигарой? Гдѣ свѣтильники мои смоляные, что свѣтили вамъ въ ночи?—И былъ отвѣтъ ихъ: Кончились.

И было рѣшеніе: Кончились? Ну, такъ—къ концу. Сегодня будетъ предѣлъ вашихъ дней, смертью умрете. Вы будете разрушены, вамъ разсѣкутъ грудь вашу, и ваша память будетъ здѣсь схоронена. Вы предназначены быть принесенными въ жертву, сказали Усопшій и Семикратно-Усопшій. И ихъ принесли въ жертву, и были они схоронены въ мѣстѣ, зовущемся Усыпальницей; сначала отрѣзали голову Гунгуну-Ахпу, и тѣло старшаго было похоронено съ тѣломъ младшаго брата.

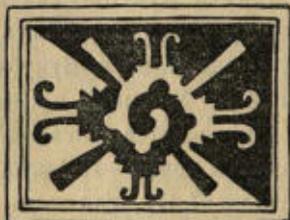
Пусть помѣстятъ его голову въ дерево, что растеть посреди дороги, промолвили Гунъ-Камэ и Вукубъ-амэ. И въ тотъ мигъ, когда помѣщали голову посреди вѣтвей дерева, оно внезапно покрылось плодами, равьше же не было плодовъ на этомъ деревѣ. И былъ это тыковникъ, и тывою зовемъ мы до сихъ поръ голову Гунгуна-Ахпу.

Съ изумленіемъ посмотрѣли Гунъ-Камэ и Вукубъ-Камэ на плоды этого чудеснаго дерева. Плодъ былъ круглый, округлый, но болѣе не видно было, гдѣ голова Гунгуна-Ахпу, ибо являлась она лишь какъ плодъ среди плодовъ тыковника; только это увидѣли всѣ люди Тѣневые, когда они пришли посмотрѣть.

Великимъ въ ихъ мысляхъ сразу стало свойство этого древа, когда

помѣстили голову Гунгуна-Ахпу среди его вѣтвей. И говорили люди Кси-бальбы между собою: Да не будетъ никого, кто сѣлъ бы дерзновенно у этого древа.

Съ тѣхъ поръ голова Гунгуна-Ахпу не являлась болѣе; ибо причлась она къ плодамъ древа. Но юная дѣвушка услышала этотъ чудесный разсказъ, и живая любовь возникла отсюда, и съ нею месть.

1.

Вотъ лѣтопись о юной дѣвушкѣ, изшедшей отъ владыки, чье имя Кучумаквикъ, Кровь Соединенная.

И вотъ одна дѣвственница, дочь властителя, прослышала про чудеса, свершившіяся съ древомъ чудеснымъ, скрывшимъ голову Гунгуна-Ахпу и явившимъ обильные плоды внезапно. Кучумаквикъ было имя отца ея, Кровь Соединенная. Сквикъ было имя дѣвушки, Быстрая Кровь. И когда услышала она рассказъ о плодахъ древа, отъ отца своего, весьма она дивилась на рассказанное.

Почему бы не пойти мнѣ взглянуть на это дерево, о которомъ столько говорятъ? подумала она. По-истинѣ, плоды его должны быть весьма вкусны, согласно съ тѣмъ, что я слышу, прибавила она.

И пошла она одна, и приблизясь къ древу, что росло посреди Усыпальницы, восхищенная, воскликнула: А! а! такъ вотъ плодъ этого дерева. Не удивительно ли, какъ покрыто это дерево плодами? Что же, развѣ умру я и будетъ въ томъ моя погибель, ежели сорву я одинъ? Такъ промолвила дѣвушка.

Тогда мертвая голова, что была посреди древа, возговорила: Ты во истину хочешь? Эти круглые шары, что среди вѣтвей, суть лишь мертвые головы, сказала голова Гунгуна-Ахпу, говоря къ юной дѣвушкѣ.

Все еще хочешь? прибавила она.—Хочу, отвѣчала дѣвушка.—Хорошо, такъ протяни же лишь край руки своей, сказала мертвая голова.—Да, отвѣтила дѣвушка, выдвигая свою руку и протягивая ее передъ мертвой головой.

Тогда мертвая голова, съ усиліемъ, устремила плевокъ въ руку юной дѣвушки, въ протянутую руку: дѣвушка тотчасъ взглянула въ углубленіе ладони своей, взглядомъ пристальнымъ и любопытнымъ, но уже не было болѣе въ рукѣ ея слюны отъ мертвой головы.

Эта слюна и эта влага есть потомство мое, которое даю тебѣ, сказала мертвая голова.—Вотъ голова моя перестанетъ говорить, ибо это лишь мертвая голова, уже не имѣющая плоти.

И голова самыхъ великихъ владыкъ, ежели мертвая, есть такова же; ибо только плоть есть то, что украшаетъ лицо: отсюда-то страхъ, что нападаетъ на людей въ часъ смертный, по причинѣ костей, которыя однѣ остаются по смерти.

Есть точно такъ же сыны, существо коихъ есть какъ слюна и влага, будутъ ли то сыны властителя, или художника, или глашатая краснорѣчиваго, влага, что не теряется, но переходитъ изъ рода въ родъ, такъ что не гаснетъ въ народѣ потомство властителя и художника и краснорѣчиваго; и остаются такъ дочери и сыновья, и такъ я поступилъ съ тобой.

Вернись же къ свѣту Солнца и будь на землѣ; ты не умрешь. Вър слову моему, и такъ да будетъ, промолвила голова Гунгуна-Ахну и Вукуба-Гунахну. Все же это было такъ устроено по волѣ и повелѣнію Урагана, Молніи въ изломѣ и Ударной Молніи.

И вернулась домой юная дѣвушка, въ тотъ, многими наполненный предвѣщаніями, домъ. И тотчасъ же зачала она въ чревѣ своемъ одною силою слюны; и таково было зачатіе Гунахну и Сбаланкэ.

Домой прибыла дѣвушка, и по истеченіи шести мѣсяцевъ съ подозрѣніемъ сталъ смотрѣть на нее отецъ ея, и Кучумакикъ было имя ея отца, Кровь Соединенная.

И потомъ отецъ ея сталъ смотрѣть на дѣвушку съ наибольшимъ вниманіемъ, ибо замѣтилъ онъ, что носить ребенка она во чревѣ своемъ. И тогда цари Гунъ-Камэ и Вукубъ-Камэ собрались на совѣтъ съ Кучумакикомъ.

Вотъ моя дочь—съ тяжестью въ чревѣ своемъ, о, цари, сказала Кучумакикъ, и по-истинѣ въ томъ для меня есть поношеніе.—Хорошо,—отвѣтилъ ихъ ротъ,—ея ротъ изслѣдуй, и если не скажеть, да будетъ предана она смерти и да принесутъ ее въ жертву далеко отсюда.—Весьма хорошо, владыки мои,—отвѣтилъ онъ.

И тогда спросилъ онъ у дочери своей: Отъ кого это ребенокъ, что ты носишь во чревѣ своемъ, дочь моя?—Но она отвѣчала: У меня нѣтъ ребенка, о, владыка и отецъ мой, нѣтъ мужчины, коего лицо я бы познала.

Онъ прибавилъ: А, такъ ты значить во-истину блудница! Унесите ее, Мужи Повелительные, и смертью заставьте ее помереть; принесите

ее сердце въ урнѣ и возвратитесь сюда сегодня, да пребудете съ царями,—сказалъ онъ Совамъ.

Четыре было ихъ, что пошли взять урну, и отправились въ путь, унося на плечахъ своихъ юную дѣвушку, и кремневый унося съ собою ножъ, предназначенный для закланія ея.

Вы не убьете меня, о, вѣстники Ксибальбы, промолвила дѣвушка; ибо не преступленіе это, что ношу я во чревѣ своемъ; но это зародилось, когда пошла я поклониться головѣ Гунгуна-Ахпу, что въ Усыпальницѣ; итакъ, не принесете вы меня въ жертву, о, вѣстники Края Тѣневого, сказала юная дѣвушка, говоря имъ.

Но что же положимъ мы вмѣсто сердца твоего? Такъ сказалъ намъ твой отецъ: Принесите ея сердце: вы возвратитесь къ царямъ; будьте точны и свершите это; быстро принесите въ урнѣ свидѣтельство вѣрности вашей. Что же положимъ мы въ урну, на дно ея? Однако же, лучше хотѣли бы мы, чтобъ ты не умерла, сказали вѣстники Ксибальбы.

Хорошо. Это сердце не можетъ принадлежать имъ; равно и жилище ваше не можетъ быть здѣсь, и не только въ вашей власти—умерщвлять людей, но истинно вашимъ рукамъ достанутся истинные прелюбодѣи, мнѣ достанутся позднѣе Гунъ-Камэ и Вукубъ-Камэ. Кровь говорить за себя сама, такъ пусть же она будетъ предъ лицомъ ихъ.

Что до того, чтобъ сжечь это сердце предъ ними, не будетъ того. Положите въ урну, на дно ея, то, что даетъ вотъ это дерево, прибавила дѣвушка. И красный изъ дерева вышелъ сокъ, и потекъ въ урну: онъ сгустился въ комокъ и сталъ какъ бы шаръ: вмѣсто сердца ея,—чтобъ замѣнить ея сердце,—выбрызнулъ сокъ этотъ, жидкость красного дерева.

Подобный крови исходилъ изъ дерева сокъ, замѣною жертвенной крови; и эта древесная кровь сгустилась на днѣ урны, эта жидкость красного дерева, и кровеподобный видъ ея былъ блистателенъ, была красновата она и вся сдѣлена въ урнѣ, а дерево стало знаменитымъ, по причинѣ той юной дѣвушки.

Дерево Кровавое—названо было оно, и еще Кошениль Красного Дерева, и Кровь Договора—также было имя его еще.

И вотъ теперь будете вы любимы, и все, что есть на землѣ, будетъ вашимъ наслѣдіемъ, сказала она Совамъ. Они же были лишены наслѣдства, все себѣ брали знатные.

Хорошо, юная дѣвушка. Что до насъ, мы уходимъ, чтобы дать отчетъ, какъ мы исполнили, что намъ поручено; иди своею дорогою,

межъ тѣмъ какъ мы пойдѣмъ и явимъ предъ глазами царей образъ твоего сердца и подобіе его, сказали вѣстники Края Тѣневого.

Когда они прибыли предъ царей, всѣ были въ ожиданіи тревожномъ. Кончено ли? спросилъ Усопшій.—Кончено, о, цари, вотъ здѣсь сердце ея въ этой урнѣ, на днѣ ея. — Это весьма хорошо, что я его вижу, промолвилъ Усопшій.

Тутъ онъ, тихонько касаясь, поднялъ его концомъ пальцевъ, и кровавая жидкость, блестящая, цвѣта красноватаго, начала распространяться кровью: Разожгите головни, сказалъ Гунъ-Камэ, и помѣстите его надъ огнемъ.

Когда же было брошено на огонь это сердце, и люди Ксибальбы почуяли запахъ, который оно издавало, сразу всѣ встали на ноги и повернулись съ изумленьемъ безпокойнымъ къ благовонію сердца, исходившему съ дымомъ отъ него.

Межъ тѣмъ какъ они пребывали, ошеломленными, въ оцѣпенѣніи, предупрежденныя юною дѣвушкой Совы, восходя изъ стремнинъ, великой толпою шли къ свѣту Солнца, чтобы быть на свѣтлой землѣ. И тотчасъ же стали они ея приверженцами.

Такъ были уловлены въ сѣть владыки Ксибальбы, Края Крота Разрисованнаго, этою юною дѣвушкой, которою были ослѣплены всѣ.

2.

Праматерь Гунбатца и Гунчуэна была между тѣмъ у себя, когда женщина Сквикъ, Быстрая Кровь, пришла къ прародительницѣ Гунбатца и Гунчуэна; она была тяжелая, и вотъ-вотъ должно было совершиться рожденіе тѣхъ, что были названы Гунахпу и Сбаланэ.

Когда женщина-дѣвушка прибыла къ старой, сказала она старухѣ: Я прихожу, о, моя госпожа и мать; я невѣстка твоя, и дочь я пріемная милости твоей, госпожа моя и мать. Такъ сказала она, приходя къ старой.

Откуда приходишь ты? гдѣ мои сыновья? не умерли ли они въ Ксибальбѣ? и порожденія ихъ, знаменія ихъ словъ, что зовутся Гунбатцъ и Гунчуэнь, не видишь ли ты ихъ передъ собой? Иди же отсюда, ступай, отвѣтила Старая Юной.

Истину я говорю, повѣрь мнѣ, истинно я твоя невѣстка; ибо я супруга Гунгуна-Ахпу; вотъ приношу ихъ живыми, Гунгуна-Ахпу и

Вукуба-Гунахпу, живъ Метатель Шаровъ, живъ Тигръ Малый, Тигренокъ-Ягуаръ, живы они и не умерли; приговоръ, что ихъ поразили, сдѣлалъ ихъ только еще болѣе славными. Ты моя мать нареченная. Увидь же ихъ образъ любимый въ тѣхъ, что я приношу, сказала она Старой.

И въ гнѣвъ тутъ пришли, великій, Гунбатца и Гунчузъ; играть на флейтѣ и пѣть, только это они и дѣлали; живописать и ваять, этимъ весь день занимались они, и были они утѣхой для Старой.

И тутъ отвѣтила Старая: Нѣтъ мнѣ въ тебѣ, никакой нѣтъ мнѣ надобности, и ты не невѣстка моя; это твой блудъ, что ты заключила въ лоно свое; лгунья ты; умерли дѣти мои, о которыхъ ты говоришь.

И старуха добавила: Истинно, слишкомъ истинно все, что тебѣ я сказала. Но пусть. Какъ понимаю, вѣрно: ты мнѣ невѣстка. Иди же, собери ѣду для тѣхъ, что ѣдятъ; выжми поди большую полосу полную; выжавъ, наполни большую сѣть, и приди, потому что ты вѣдь невѣстка моя, какъ я понимаю.

Хорошо, отвѣтила Юная. И пошла она въ поле, гдѣ были посѣвы Гунбатца и Гунчуэна, и дорога была открыта и расчищена ими; дѣвушка шла по ней и пришла въ поле.

Но она нашла тамъ одинъ лишь снопокъ; не два и не три, лишь одинъ тамъ былъ снопокъ, являлъ онъ свой ликъ надъ поверхностью поля: и сердце у дѣвушки сжалось.

Горе мнѣ, горькой,—сказала она,—куда же пойду я искать, чтобъ наполнить большую сѣть полную, какъ мнѣ повелѣно? Тутъ, помысливъ, воззвала она къ Хранителю яствъ, чтобъ его умолить и принесть бы онъ то, что нужно.

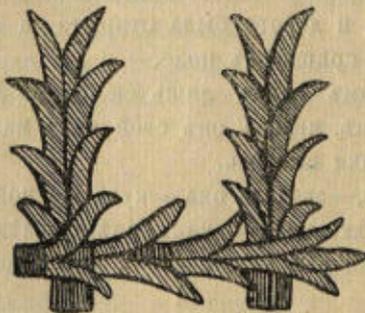
Сто, Сканиль, Скакао, воззвала она, Дождь Плодоносный, Желтая Нива, Волшебный Какао, вы, что готовите маюсъ вмѣстѣ съ золою, и ты, Хранитель яствъ Гунбатца и Гунчуэна, что хранишь ихъ, чтобы сыты были Обезьяна-Ткачъ и Пригожій, что прихорашивается, придите ко мнѣ на помощь, воскликнула юная дѣвушка.

И взяла она мякину и концы колосьевъ, щетинистые усики снопа, и вырвала и сложила ихъ осторожно, не лишая снопа вида его, и усики эти въ колосья обратились на днѣ ея сѣти, и успѣла она наполнить большую сѣть.

Тогда отправилась въ путь юная дѣвушка; но грубые взяли сѣть и отяжелѣвшую поставили въ уголъ дома, какъ обычную тяжесть дня. Прибѣжала Старая увидѣть, и увидѣвъ такой большой мѣшокъ, возо-

пила: Откуда взяла ты все это? Вѣрно, все мое поле ты обездолила, вѣрно, всё унесла ты наши посѣвы? Пойду посмотрю сейчасъ же, промолвила Старая, и немедля отправилась въ поле.

Но одинъ тамъ качался колосъ, одинъ онъ стоялъ среди поля на томъ же мѣстѣ, гдѣ былъ, и видно было еще то мѣсто, гдѣ была сѣть. Съ тою же скоростью, возвратилась Старая въ домъ свой и сказала той Юной: Это есть истинно знаменіе, что ты невѣстка моя; я еще увижу твои дѣянія и дѣянія мудрыхъ, которыхъ ты носишь. Такъ сказала она той Юной, и сбылись эти слова.

КЪ ЗВЪЗДАМЪ.

1.

Вотъ что мы повѣдаемъ теперь о рожденіи Гунахпу и Сбаланкэ.

Вотъ сказаніе о рожденіи ихъ, которое передаемъ мы. Когда пришла часть, предназначенный для сего, юная дѣвушка, по имени Сквикъ Быстрая Кровь, родила.

Старая не присутствовала, когда родились они; мгновенно они появились, и оба вышли изъ чрева, Метальщикъ Шаровъ и Тигренкокъ-Ягуаръ, Гунахпу и Сбаланкэ. Ибо таковы были ихъ имена на горѣ, гдѣ они появились.

Потомъ вошли они въ домъ, но они совершенно не спали: Ступай и выбрось ихъ, ибо по-истинѣ они только и дѣлаютъ, что кричатъ, сказала Старая. Послѣ чего отнесли ихъ въ муравейникъ, но сонъ ихъ тамъ былъ сладостенъ; тогда ихъ унесли оттуда, и пошли положить ихъ на шипы.

То, чего желали Гунбатцъ и Гунчуэнъ, это, чтобы умерли они въ муравейникъ; они желали этого потому, что были они ихъ соперниками въ искусствахъ, и были они предметомъ зависти у Ткача-Обезьяны и Пригожаго, что прихорашивается. Въ началѣ даже не хотѣли они принимать въ домъ своихъ младшихъ братьевъ; не признавали ихъ, и были они воспитаны на горѣ.

А Гунбатцъ и Гунчуэнъ были весьма великіе музыканты и пѣвцы; возросши среди великихъ усилій и трудовъ, черезъ которые прошли они, мучимые всякимъ образомъ, сдѣлались они великими мудрецами; и сдѣлались они также искусниками какъ игроки на флейтѣ, пѣвцы, живописцы, и ваятели; все выходило совершеннымъ изъ ихъ рукъ.

Они знали также, каково было ихъ рожденіе, и было имъ преподано, что были они представители отцовъ своихъ, которые пошли въ Ксибальбу, и что отцы ихъ умерли въ этомъ Краѣ Тѣневомъ; итакъ, были это великіе мудрые, Гунбатцъ и Гунчуэнъ, и въ разумѣ своемъ

видѣли они и знали съ самаго начала все, что касалось существованія юныхъ ихъ братьевъ.

Но мудрость ихъ не явила свой ликъ, по причинѣ зависти ихъ, злая воля ихъ сердца взяла перевѣсъ надъ ними, хотя ничто къ тому не вызывало ихъ со стороны Гунахпу и Сбаланкэ.

Ибо они лишь охотились съ сарбаканомъ каждый день. И не любила ихъ праматерь ихъ, такъ же какъ Гунбатцъ и Гунчуэнъ: имъ совсѣмъ не давали ѣсть; лишь когда трапеза свершалась, и кончали ѣсть Гунбатцъ и Гунчуэнъ, тогда приходили они.

Но они не оскорблялись на это, и совсѣмъ не приходили въ гнѣвъ, и довольствовались тѣмъ, что терпѣли; ибо знали они природу свою, и видѣли все ясно, какъ видеть день. И приносили они птицъ, когда приходили ежедневно домой; но Гунбатцъ и Гунчуэнъ ѣли этихъ птицъ, ничего имъ не давая, какъ доли, ни Гунахпу, ни Сбаланкэ.

Гунбатцъ и Гунчуэнъ только и дѣлали, что играли на флейтѣ и пѣли. И вотъ случилось разъ, что пришли Гунахпу и Сбаланкэ, не принеся никакой птицы, и когда вошли они, гнѣву предалась Старая.

Почему не несете вы птицъ никакихъ? сказано было Гунахпу и и Сбаланкэ.—Вотъ въ чемъ дѣло, праматерь наша, птицы наши запутались въ развѣсистыхъ вѣтвяхъ дерева, отвѣтили они: не можемъ мы взобраться на это дерево, чтобы взять ихъ, праматерь наша; но пусть взойдутъ на него братья наши; пусть пойдутъ они съ нами и спустятъ тѣхъ птицъ на землю, добавили они.

Хорошо, мы пойдемъ завтра съ вами съ самаго утра, отвѣтили старшіе братья. Итакъ, мудрость Гунбатца и Гунчуэна мертвою была въ одномъ и въ другомъ, касательно пораженія ихъ.

Мы перемѣнимъ лишь ихъ существованіе, и форму ихъ живота, и да окажетъ наше слово свое дѣйствіе, по причинѣ великихъ мученій, которыя она намъ причинила. Пусть погибнемъ мы, пусть мы будемъ уничтожены, пусть случится несчастье съ нами, съ младшими братьями, вотъ каково было ихъ желаніе. Какъ служителей, принизили они насъ въ мысли своей, и мы съ ними совершимъ нѣчто, въ ознаменованіе могущества нашего.

Такъ говорили между собою Гунахпу и Сбаланкэ, идя къ подножью дерева, именуемаго Кантэ, Древо Желтое, сопровождаемые старшими своими братьями: они шли и метали шары изъ сарбакана; безъ числа были птицы, что щебетали на вершинѣ дерева, и два старшіе ихъ брата дивились, видя столько птицъ.

Вотъ птицы; но ни одна еще не упала къ подножью дерева, и изъ нашихъ птицъ ни одна еще не упала: подите же и сбросьте ихъ, вы, сказали они своимъ братьямъ.— Хорошо, отвѣчали тѣ.

Но, послѣ того какъ они взобрались на дерево, это дерево возросло и стволъ его увеличился; и когда хотѣли съ него сойти Гунбатцъ и Гунчуэнь, не могли они спуститься съ вершины дерева.

И вотъ сказали они съ дерева, сверху: Какъ это приключилось съ нами, о, наши юные братья? Горе намъ, горе намъ. Вотъ, это дерево ужасаетъ тѣхъ, кто на него смотреть, о, братья наши, сказали они сверху.

И отвѣтили Гунахпу и Сбаланкэ: Снимите ваши пояса, подвяжите ихъ подъ животомъ вашимъ, а длинный конецъ оставьте висячимъ и его вы будете тянуть сзади; такимъ образомъ все хорошо пойдетъ, отвѣтили они братьямъ.

Весьма хорошо, сказали тѣ и потянули концы своихъ поясовъ: но въ это же самое мгновеніе концы поясовъ ихъ стали хвостами и они превратились въ обезьянъ.

Тогда пошли они по вершинамъ деревьевъ, среди горъ великихъ и малыхъ; они и шли повсюду въ лѣсахъ, дѣлая гримасы и качаясь на вѣткахъ деревьевъ. Такъ были побѣждены Гунбатцъ и Гунчуэнь Гунахпу и Сбаланкэ; но лишь силою власти своей чародѣйной сдѣлали они это.

Тогда они вернулись домой. Придя, сказали они праматери своей и матери: Праматерь, что сдѣлалось съ братьями нашими, ибо въ одно мгновеніе лица ихъ сдѣлались какъ лица звѣрей? сказали они.

Если это вы такое совершили съ братьями вашими, вы погубили меня, вы потопили меня въ печали. Не поступайте же такъ со старшими вашими, о, дѣти мои, отвѣчала Старая Гунахпу и Сбаланкэ.

Тогда сказали они праматери своей: Не огорчайся, праматерь; ты увидишь лицо нашихъ братьевъ, они возвратятся: только въ этомъ будетъ испытаніе для тебя, праматерь, бойся смѣяться. Испытай же теперь ихъ судьбу, прибавили они.

И тотчасъ начали они играть на флейтѣ и играли они напѣвъ Гунахпу-Кой, Обезьяна-Гунахпу. Послѣ чего они пѣли, и играли на флейтѣ и на барабанѣ, взявъ флейты свои и атабалы; потомъ они усадили праматерь свою съ собою и, касаясь инструментовъ, призывали братьевъ своихъ напѣвомъ, что назывался тогда Гунахпу-Кой.

Тутъ пришли Гунбатцъ и Гунчуэнь, и, войдя, принялись танцовать;

но, когда увидѣла Старая некрасивыя ихъ лица, стала она смѣяться глядя на нихъ, и не могла удержать своего смѣха: но въ то же самое мгновеніе исчезли они, и она не видѣла болѣе ихъ лицъ.

Вотъ видишь, праматерь наша, они ушли въ лѣсъ. Что сдѣлала ты, праматерь? Четыре лишь раза можемъ мы сдѣлать опытъ такой: остается лишь три.

Мы позовемъ ихъ на звукъ флейты и пѣнія; удержи свой смѣхъ и пусть снова начнется испытаніе, прибавили Гунахпу и Сбаланкэ.

Тутъ начали снова они играть на флейтѣ; вернулись двѣ обезьяны, и вошли, танцуя, до самой середины комнаты, столько удовольствія причиняя Старой и такъ возбуждая ея веселость, что вскорѣ она разразилась смѣхомъ: истинно, было здѣсь что-то такое потѣшное — странное въ лицахъ обезьянъ, въ полнотѣ живота ихъ отвислаго, въ виланьи хвоста ихъ и его трепетаньи за спиною и на животѣ, что было на что посмѣяться Старой, когда вошли они.

Тогда они возвратились въ горы. Что же намъ дѣлать теперь, праматерь? Въ третій разъ начнемъ мы испытаніе, сказали Гунахпу и Сбаланкэ.

Еще разъ играли они на флейтѣ: снова прибыли обезьяны, танцуя; и праматерь смогла на ту минуту удержать свой смѣхъ. Обезьяны вскарабкались на верхушку дома, и показывали оттуда большіе свои красные глаза, вытянутую свою морду, всѣ свои гримасы, которыя дѣлали они, смотря другъ на друга.

Старая снова взглянула на нихъ, и немного прошло, какъ она разразилась смѣхомъ. Но болѣе не видно было ихъ лицъ, по причинѣ смѣха Старой. Этотъ разъ еще только, праматерь, мы позовемъ ихъ изъ лѣса, и это будетъ четвертый разъ, сказали Гунахпу и Сбаланкэ.

Были тѣ позваны еще разъ звукомъ флейты; но они не вернулись въ четвертый разъ и тотчасъ отправились въ лѣсъ. И сказали тогда Юные Старой: Мы попытались, праматерь; но они не пришли, хотя мы старались призвать ихъ. Не огорчайся: мы здѣсь, мы—внуки твои, и мы будемъ смотрѣть на тебя какъ на мать нашу, мать рода, ибо такъ надлежитъ, чтобы мы остались въ памяти старшихъ нашихъ, что звались и прозывались Гунбатцъ и Гунчуэнь, сказали Гунахпу и Сбаланкэ.

И въ древности это они, Гунбатцъ и Гунчуэнь, были возглашены музыкантами и пѣвцами народа, и издревле ихъ прозывали также живописцы и ваятели. Но они были обращены въ звѣрей и сдѣлались обезьянами, по причинѣ того, что гордились они и, величаясь, уничижали братьевъ своихъ.

И такимъ-то путемъ разрушеніе пришло въ ихъ сердце; такъ погибли и были уничтожены Гунбатъ и Гунчунъ, превращенные въ звѣрей. А до этого всегда они были въ своихъ домахъ, и такъ же, какъ были они великими музыкантами, пѣвцами, сотворили они многое великое; когда существовали съ праматерью своею и матерью.

2.

Въ свой чередъ, начали Юные труды свои, чтобъ выявить себя предъ глазами праматери своей и матери.

Первое, что они сдѣлали, это, что они открыли поле. Мы пойдемъ работать въ поляхъ, праматерь наша и мать, — сказали они. Не огорчайся; мы, что здѣсь, твои внуки мы, и мы на мѣстѣ нашихъ старшихъ братьевъ, сказали Гунаху и Сбаланкэ.

Тогда взяли они свои топоры, свои мотыки и плуги, и пустились въ путь, каждый держа сарбаканъ свой на плечѣ: они вышли изъ дома своего, наказавъ своей праматери послать имъ ѣду ихъ. Ровно въ полдень пусть принесутъ намъ обѣдъ нашъ, праматерь, — сказали они. — Хорошо, внучата мои, отвѣтила праматерь ихъ.

Вскорѣ прибыли они въ мѣсто, гдѣ должны они были открыть поле, и вездѣ погружали они мотыку въ землю, одна лишь мотыка служила имъ, чтобъ убрать шипы и плевелы съ поверхности земли, лишь мотыкой они пользовались, чтобъ очистить почву.

И топоръ они также погружали въ пенъ деревьевъ, а равно и въ вѣтви ихъ, бросая на землю, рубя, и опрокидывая все, деревья и ліаны всяческія, одинъ лишь топоръ рубилъ эти деревья и онъ лишь одинъ совершалъ все это.

И то, что вырвала мотыка, тоже было весьма значительно: невозможно было бы исчислить всю очистку земли отъ шиповъ и сорныхъ травъ, которая лишь одною мотыкой была сдѣлана, невозможно исчислить все, что они расчистили, и все, что бросали, исторгнувъ, на землю, среди горъ великихъ и малыхъ.

Тогда они отдали свои повелѣнія существу дикому, по имени Смуръ, что значить Вяхиръ, и, заставивъ его взлетѣть на высокій стволъ дерева, сказали ему Гунаху и Сбаланкэ: Ты будешь тутъ только смотрѣть, когда наша мать пойдетъ, принося намъ обѣдъ нашъ: Заворкуй и воркуй какъ увидишь ее, тотчасъ же, и тогда мы возьмемъ за топоръ и мотыку. — Весьма хорошо, — отвѣчалъ воркователь Вяхиръ.

И вотъ забавлялись они, охотились, метая шары изъ сарбакана, и вовсе они не расчищали почву. Послѣ чего заворковала Вяхирь, и тотчасъ они приближали одинъ, чтобы взять мотыку, другой, чтобы схватить топоръ.

Закутавши голову, одинъ нарочно покрылъ себѣ руки землею, загрязнилъ, равно, и лицо, какъ бы земледѣлецъ истинный. Другой, подобно, наполнилъ напрасно свои волосы стружками, щепками, какъ будто бы онъ и вистину плотничалъ здѣсь и былъ дровосѣкомъ.

Тутъ ихъ замѣтила Старая, увидала, къ нимъ прихода. Приняли пищу они, хотя, по правдѣ, никакой работы они въ поляхъ не сдѣлали для посѣвовъ; и совсѣмъ понапрасну принесли имъ поѣсть.

Возвратившись домой, сказали они: Мы очень устали, праматерь. И совсѣмъ безъ заслуги протянули они ноги свои и руки передъ Старой.

Когда вернулись они въ поля на другой день, увидѣли они, что все восстановлено по-прежнему, деревья и ліаны, и что шиши и сорные травы опять перепутались вмѣстѣ.

Кто жъ это такъ подшутить надъ нами? — вскричали они. Это, конечно, они напроказили тутъ, всѣ эти звѣри, большіе и малые, Левъ, и Тигръ, и Олень, и Кроликъ, Двуутробка, Шакалъ, Дикобразъ, и Вепрь; птицы, большія и малыя, они натворили все это, и въ единую ночь все это сдѣлали они.

Затѣмъ начали снова они очищать поля; такъ же поступили они и съ деревьями на поверхности земли, совѣщаясь одинъ съ другимъ при рубкѣ лѣса и расчисткѣ кустарниковъ.

Только,—сказали они,—мы посторожимъ расчищенное поле наше. Быть можетъ, и захватимъ мы тѣхъ, что придеть сюда дѣлать это. Такъ они сказали другъ другу, и потомъ возвратились домой.

Ты что думаешь, какъ подшутили надъ нами, праматерь? Большіе кусты и огромный лѣсъ опять на томъ мѣстѣ, гдѣ мы расчищали, мы снова увидѣли ихъ сегодня, когда только что вотъ пришли туда, сказали они праматери и матери своей. Но мы туда вернемся, и мы посторожимъ, ибо дурно это, что такъ поступають съ нами, прибавили они.

Потомъ они вооружились; затѣмъ они возвратились къ срубленнымъ деревьямъ, и спрятались тамъ, прикрытые тѣвью.

Тогда собрались всѣ звѣри, каждый родъ отдѣльно между всѣми звѣрьми, большими и малыми. И вотъ въ полночь всѣ они прибыли, говоря между собою на своемъ языкѣ: Деревья, восстаньте; восстаньте, ліаны.

Такъ говорили они, приходя, множествами, тѣсясь подъ деревьями, подъ лианами; наконецъ, приблизились они и открылись глазамъ Гунахпу и Сбаланкэ. И первыми были Левъ и Тигръ; братья хотѣли схватить ихъ, но не дались они въ руки ихъ. Вслѣдъ за ними пришли Олень и Кроликъ, хвостами приблизились одинъ къ другому; они схватили ихъ, но лишь за крайній конецъ ихъ схватили, и вырвали эту крайность, и остался въ рукахъ у нихъ хвостъ! Оленя и хвостъ Кролика, и потому-то у этихъ животныхъ такой короткой хвостъ.

Лисица и Шакалъ тоже не дались въ руки, а равно Кабанъ и Дикобразъ; и всѣ звѣри прошли предъ Гунахпу и Сбаланкэ и сердце ихъ пылало гнѣвомъ, оттого, что ни одного изъ звѣрей не могли поймать они.

Но пришелъ еще одинъ, и пришелъ онъ, прыгая, и совсѣмъ послѣдній; тутъ братья, загородивъ ему дорогу, схватили Крысу въ платокъ; такъ, поймавъ ее, они сильно сдавили ей голову и хотѣли ее задушить. Они опалили ей хвостъ на огнѣ и съ тѣхъ это поръ началось, что есть у Крысы хвостъ, но хвостъ безволосый, а также глаза у нея въ уровень съ верхушкой головы, потому что сильно сдавили ее голову Гунахпу и Сбаланкэ.

Да не умру я отъ рукъ вашихъ, сказала имъ Крыса; узнайте, не ваше это ремесло—воздѣлывать землю.—Что ты намъ такое рассказываешь теперь? возразили Юные.—Отпустите меня на минутку; ибо то, что хочу сказать, во чревѣ у меня; я вамъ расскажу это; но сперва дайте мнѣ немного поѣсть, сказала Крыса.

Потомъ мы дадимъ тебѣ поѣсть, сперва скажи, что хочешь сказать, было отвѣчено ей.—Весьма хорошо.—Узнайте же, что богатства отцовъ вашихъ, Гунгуна-Ахпу и Вукуба-Гунахпу, какъ прозывались они, тѣхъ, что скончались въ Ксибальбѣ, и орудія развлеченія ихъ, существуютъ подвѣшенными надъ домомъ, кольца ихъ, и перчатки, и гибкій шаръ изъ камеди. Но не хотѣли показать ихъ предъ глаза ваши, по причинѣ праматери вашей, ибо изъ-за этого умерли отцы ваши.

Достовѣрно ли знаешь ты все это? спросили Юные у Крысы. И исполнились радостью, услыхавъ рассказъ про мячъ смоляной. И когда это все сказала Крыса, дали они Крысѣ ѣсть.

Вотъ пища, которую даемъ мы тебѣ: маисъ, бѣлый перецъ, бобы, и какао будутъ тебѣ; и ежели будетъ еще что-нибудь, что останется или будетъ позабыто, будетъ тебѣ принадлежать, чтобы тебѣ поглотать, сказали Крысѣ Гунахпу и Сбаланкэ.

Весьма хорошо, о, Юные. Но что я скажу, если увидить меня эта ваша праматерь? прибавила она.—Ничего не бойся, мы будемъ тамъ; мы готовы, чтобы дать отвѣтъ нашей праматери. Скорѣй же, взойдемъ на верхъ дома, гдѣ все это подвѣшено, чтобы мы взглянули на веревки дома, чтобъ мы посмотрѣли, чѣмъ тебя накормимъ, сказали они Крысѣ.

Условившись, по совѣщаніи другъ съ другомъ, относительно ночи, Гунахну и Сбаланз прибыли ровно въ полдень. Неся Крысу, по ее не показывая, приблизились они; одинъ спокойно вошелъ въ домъ, другой въ закоулокъ его, гдѣ тотчасъ же Крыса взшла на верхъ.

И тогда они спросили свой обѣдъ у праматери своей: Смели же намъ ѣду нашу; чильмоль приготовь намъ, праматерь, соусъ изъ перца, сказали они. Тотчасъ же имъ приготовленъ былъ горшокъ супа и поставленъ передъ ними.

Но это была лишь хитрость, чтобъ обмануть праматерь и мать свою, и, опрокинувъ кувшинъ съ водою,—по-истинѣ горячи наши рты, сказали они; поди же принеси намъ испить.—Хорошо, я пойду, сказала она, уходя.

А они между тѣмъ ѣли; но въ дѣйствительности вовсе не хотѣлось имъ пить, и они сказали это лишь для того, чтобы помѣшати увидѣть то, что хотѣли они сдѣлать. И дали они Крысѣ чильмоля, и свободно взшла Крыса туда, гдѣ былъ гибкій мячъ, подвѣшенный вмѣстѣ со всѣмъ другимъ на вершинѣ дома.

Покончивъ съ чильмолемъ, призвали они нѣкоего Ксана; а Ксанъ этотъ былъ животнымъ, подобнымъ Комару, и отправился онъ на берегъ рѣки; тотчасъ же началъ онъ пробуравливать бокъ въ кувшинѣ Старой, и вода разлилась изъ кувшина, и хотѣла она остановить текущую воду, но не могла.

Что тамъ дѣлаетъ наша праматерь? Мы задыхаемся здѣсь безъ воды, мы умираемъ отъ жажды, сказали они своей матери, увидавши ее снаружи. Тотчасъ какъ вышла она, Крыса пошла обрѣзать веревку, на которой висѣлъ прыгающій мячъ; онъ упалъ съ верхушки дома, вмѣстѣ съ кольцами, перчатками, и кожаными щитами. Тотчасъ они завладѣли всѣмъ этимъ и пошли потомъ спрятать все это на дорогѣ, ведущей къ чертогу игры въ шаръ.

Послѣ этого пошли они къ праматери своей на берегъ рѣки, а праматерь ихъ и мать ихъ были обѣ въ это время заняты стараніями заткнуть отверстіе въ бокѣ кувшина. Тутъ прибыли они оба съ своими

сарбаканами, и приблизились къ берегу рѣки: Что-же вы тутъ дѣлаете? сказали они. Мы устали ждать и пришли сюда.

Посмотрите же на бокъ моего кувшина, его нельзя никакъ заткнуть, сказала праматерь. Но они тотчасъ же заткнули его, и вмѣстѣ возвратились домой, идя впереди, передъ праматерью своей. И такъ былъ отданъ имъ прыгающей мячъ.

3.

Радости были исполнены Гунахпу и Сбаланкэ, идя по дорогѣ, чтобъ играть въ шаръ въ чертогѣ игры въ мячъ; и очень далеко отпавились они, чтобъ играть въ шаръ, совершенно одни, и начали они съ того, что вывели чертогъ игры въ мячъ, гдѣ играли отцы ихъ.

Владыки же Ксибальбы, Края Тѣневого, услышали ихъ: Кто это тѣ, что вновь начинаютъ играть надъ головами нашими, и не боятся сотрясать землю? сказали они. Не мертвые ли это Гунгунъ-Ахпу и Вукубъ-Гунахпу, что захотѣли возвеличиться передъ ликомъ нашимъ? Подите же и отыщите ихъ въ свой чередъ.

Такъ сказали еще однажды Гунъ-Камэ и Вукубъ-Камэ и всѣ владыки Ксибальбы, Края Крота Разрисованнаго. Они послали и сказали глашатаямъ своимъ: Идите и скажите имъ: Да придутъ они, говорятъ владыки: именно здѣсь, вотъ здѣсь, хотимъ мы играть съ ними, въ семь дней хотимъ мы помѣряться съ ними, говорятъ владыки; идите сказать имъ это,—было повторено глашатаямъ Края Тѣневого.

Пошли они большою дорогою, которую Юные расчистили, проложивъ отъ дома своего, и которая шла прямо къ нимъ въ домъ. Пришли посланцы прямо по ней къ ихъ праматери. Они же заняты были ѣдою, когда пришли посланные изъ Ксибальбы.

Истинно, пусть придутъ они, Гунахпу и Сбаланкэ, говорятъ владыки,—повторили глашатаи Края Тѣневого. И посланные Ксибальбы означили день, когда должны они были придти: Черезъ семь дней будутъ они ожидаемы,—сказали они Смукапэ.—Хорошо, они придутъ, о, вѣстники,—отвѣтила Старая. И глашатаи, отправившись въ путь, возвратились.

И тогда сокрушилось сердце Старой: Кому-жъ прикажу я пойти отыскать внучатъ моихъ? Не такъ ли, во-истину, пришли некогда по-

сланные изъ Ксибальбы, чтобы взять отцовъ ихъ?—Такъ рекла Старая, входя одна и печальная въ свой домъ.

Тутъ вдругъ Блоха упала изъ-подъ ея юбки; она тотчасъ схватила ее, подняла, положила ее на ладонь, и Блоха задвигалась.

Родненъкая моя, хочешь ли ты, чтобы я тебя послала позвать моихъ внучать для игры въ мячъ?—сказала Старая Блохѣ:—Глашатаи пришли найти праматерь вашу и сказали ей: Нужно, чтобы ты приготовилась въ семь дней, и чтобы они пришли, сказали посланные Ксибальбы. Такъ говорить ваша праматерь,—сказала она, повторяя это Блохѣ.

Тогда Блоха отправилась, гарцуя по дорогѣ. На дорогѣ же сидѣлъ нѣкій юноша, и звался онъ Тамацуль, что значить Жаба.—Куда ты?—сказала Жаба Блохѣ.—Въ животъ несу вѣсть, и иду найти Юныхъ,—отвѣтила Жабѣ Блоха.

Весьма хорошо. Ты, однако же, плохо бѣжишь, какъ я вижу,—сказала Блохѣ Жаба:—Хочешь, тебя проглочу, ты увидишь тогда, какъ я бѣгаю; тотчасъ поспѣемъ.—Весьма хорошо,—отвѣтила Блоха Жабѣ.

И она дала себя проглотить Жабѣ. Жаба же шла, медленно подвигаясь по дорогѣ, и вовсе не бѣжала. Встрѣчаетъ она въ свою очередь большую змѣю по имени Цакикацъ.—Куда идешь ты, любезнѣйшій мой Тамацуль,—было сказано Змѣю Жабѣ.—Я—вѣстникъ. Вѣсть я несу въ животъ моемъ,—сказала Жаба Змѣѣ.—Да ты совсѣмъ не бѣжишь, какъ я вижу; не прибѣгу ли я скорѣе, чѣмъ ты?—сказала Змѣя Жабѣ.—Поди-ка сюда.

Въ свою очередь Жаба была проглочена Змѣей. Это съ тѣхъ поръ, что змѣи ими питаются, и нынѣ еще поглощаютъ они жабъ. Змѣя побѣжала по дорогѣ, и встрѣтила она въ свою очередь Вака, большую птицу, и въ то же мгновеніе проглотилъ Змѣю Коршунъ, Вакъ.

Вскорѣ послѣ этого прибылъ онъ къ чертогу игры въ мячъ, и былъ надъ чертогомъ. Съ тѣхъ поръ Коршунъ питается змѣями, и пожираетъ всѣхъ змѣй въ горахъ. Прибывши, Вакъ примостился на карнизѣ чертога, гдѣ забавлялись Гунахпу и Сбаланкэ, играя въ мячъ.

И, привставъ на одной ногѣ, закаркалъ Вакъ: Вакко, вакко, говорить его крикъ, вакко.—Что это тамъ за карканье? Скорѣе наши сарбаканы!—воскликнули Юные.

Метнули они шаръ въ Коршуна, попалъ тотъ шаръ въ самый зрачокъ его глаза: повернулся онъ вокругъ себя и упалъ къ ногамъ Юныхъ. Тотчасъ прибѣжали они, чтобы взять его, и спросили потомъ: Что ты пришелъ сюда дѣлать? сказали они.

Вѣсть мою я несу въ животѣ моемъ. Но вылѣчите сперва зрачекъ моего глаза, и тогда я скажу ее вамъ, сказала Вакъ.—Весьма хорошо, отвѣтили они. Взяли они тогда немного смолы со своего мяча, въ который они играли, и приложили ее къ глазу Коршуна. Назвали они это средство—Лотцвикъ, что значить сниманіе съ глаза темноты, и въ тотъ же самый мигъ совершенно излѣчилось зрѣніе Коршуна.

Говори теперь, сказали они Ваку. Тогда онъ изрыгнулъ большую Змѣю.—Говори же ты, сказали они тотчасъ Змѣѣ.—Хорошо, сказала она, и тотчасъ изрыгнула Жабу.—Гдѣ твоя вѣсть? было сказано въ свою очередь Жабѣ.—Несу ее въ животѣ моемъ, отвѣчала Жаба.

Тутъ Жаба стала пыхтѣть, какъ будто она задыхалась; но ничего она не изрыгнула, и ротъ ея покрылся пѣной, какъ бы слюной отъ услія, а изрыгнуть не могла. И тутъ Юные хотѣли покарать ее.

Ты обманщица, сказали они ей, и дали ей пинка въ спину; тогда спинной ея хребетъ спустился къ ея заднимъ ногамъ. Еще разъ попыталась она, но бесполезны были ея услія, лишь слюна была вокругъ ея рта.

Затѣмъ раскрыли они Жабѣ ротъ, Юные, и искали они во рту ея: Блоха же задержалась въ деснахъ у Жабы; въ самомъ рту она была. Она ее не проглотила, а лишь какъ бы проглотила. Такъ была осмѣяна Жаба; и не знаютъ свойствъ нищи, которую она ѣсть; и не умѣетъ она также бѣгать, знаютъ только, что поѣдаютъ ее змѣи.

Говори, сказано было тогда Блохѣ, и Блоха объяснила свое посланничество: Такъ говоритъ ваша праматерь, Юные. Иди и позови ихъ. Глашатаи Гуна-Камэ и Вукуба-Камэ пришли изъ Ксибальбы, чтобы найти ихъ. Да придутъ они въ семь дней играть съ нами въ мячъ; да придутъ съ ними, равно, орудія ихъ, коими они развлекаются, смоляной мячъ, кольца, перчатки, и брони, и да оживится здѣсь лицо наше, говорить владыки.

И по-истинѣ пришли они, говоритъ ваша праматерь. И вотъ я здѣсь. Ибо по-истинѣ это есть то, что говоритъ ваша праматерь; она стонетъ, она скорбитъ, ваша праматерь; и вотъ я здѣсь.—Ужели это правда? молвили Юные въ мысли своей. Въ тотъ же мигъ отправились они въ путь и пришли къ праматери своей: и единственно, чтобы проститься съ своей праматерью, пришли они.

Мы уходимъ, праматерь; только мы пришли проститься съ тобой. Но вотъ знакъ слова нашего, который мы оставляемъ: каждый изъ насъ посадить здѣсь тростникъ; среди дома мы посадимъ, каждый, трост-

никъ: это будетъ знакъ нашей смерти, если онъ высохнетъ. Что жъ, они погибли? скажете вы, если онъ засохнетъ. Но если онъ расцвѣтетъ: Они живы, скажете вы. О, наша праматерь, о, наша мать, не плачьте же, вотъ знакъ нашего слова остается съ вами, сказали они.

И тотчасъ отбыли они, послѣ того какъ посадилъ Гунахпу тростникъ, посадилъ Сбаланкэ другой; посрединѣ дома посадили они ихъ, и не посреди горъ или во блажной землѣ, но въ землѣ сухой, посреди своего дома, внутри его, тамъ посадили они, одинъ тростникъ и другой.

4.

Послѣ этого Гунахпу и Сбаланкэ отправились въ путь, каждый съ своимъ сарбаканомъ, и стали нисходить къ Ксибальбѣ. Быстро сошли они по обрывистымъ ступенямъ и прошли кипящія воды стремнины; они прошли ее среди птицъ, а назывались тѣ птицы Молай, имя неясное.

Прошли они также и рѣку Грязи и рѣку Крови, гдѣ должны они были быть уловлены въ западню, по мысли тѣхъ, что въ Краѣ Тѣневомъ; но они не коснулись ногою ни грязи, ни крови, перешли они въ дулъ своихъ сарбакановъ, и выйдя оттуда, достигли перекрестка Четырехъ Дорогъ.

Дороги же, что были въ Краѣ Тѣневомъ, знали они эти дороги, дорогу Черную, и дорогу Бѣлую, и дорогу Красную, и дорогу Зеленую; вотъ почему послали они впередъ себя звѣря, что назывался Ксанъ. Долженъ былъ этотъ Ксанъ собрать свѣдѣнія, потому они и послали его на развѣдки.

Укуси ихъ одного за другимъ; сперва укуси перваго сидящаго, и по-очереди всѣхъ перекусай: твой удѣлъ это будетъ сосать кровь изъ людей на дорогахъ, сказано было Ксану. — Весьма хорошо, отвѣтилъ тогда Ксанъ.

Тутъ онъ отправился по дорогѣ Черной, и, прибывъ къ куклѣ и къ фигурѣ изъ дерева, что были первыми сидящими въ своихъ украшеніяхъ, укусилъ онъ перваго, но тотъ ничего не сказалъ, и укусилъ онъ тогда втораго, но и второй сказалъ не больше.

Укусилъ онъ третьяго, а третьимъ сидѣлъ Гунъ-Камэ. Ай, ай! —закричалъ онъ, почувствовавъ укусъ.—Что это, Гунъ-Камэ? Кто это тебя укусилъ?—сказалъ ему Вукубъ-Камэ. — Что-то, чего я не знаю, —отвѣтствовалъ Гунъ-Камэ. — Ай, ай!—воскликнулъ въ свою очередь

тотъ, кто сидѣлъ четвертымъ.—Что это такое? Кто укусилъ тебя, Вукубъ-Камэ?—спросилъ его тотъ, кто сидѣлъ пятымъ.

Ай, ай!—воскликнулъ въ тотъ же мигъ Ксикирипатъ.—И Вукубъ-Камэ спросилъ его: Кто же тебя укусилъ?—И шестой былъ укушенъ въ свою очередь.—Что съ тобой, Кучумаквикъ?—сказалъ ему Ксикирипатъ.—Кто укусилъ тебя?—спросилъ седьмой въ ту самую минуту, какъ самъ былъ укушенъ, и прибавилъ: Ай!

Что же это, Агальпухъ?—сказалъ ему Кучумаквикъ.—Кто укусилъ тебя? спросилъ восьмой, и воскликнулъ: Ай!—почувствовавъ укусъ.—Что такое случилось, Агальгана?—сказалъ Агальпухъ.—Кто укусилъ тебя?—спросилъ въ свою очередь тотъ, кто сидѣлъ девятымъ, и тутъ же почувствовалъ себя укушеннымъ, и воскликнулъ: Ай!

Что же это такое? Кто укусилъ? Кто укусилъ?—продолжались вопросы по-очереди, и названы были по-очереди, Чаміабакъ, и Чаміаголомъ, и Патанъ, и Квикксикъ, и Квикриксагъ, и Квикрэ. Всѣ они были укушены, и каждаго имя было означено, вотъ они всѣ были поименованы, Усоншій, Семикратно-Усоншій, Корзина Летающая, Соединенная Кровь, Тотъ, что гной передѣлываетъ, Тотъ, что собираетъ сукровицу, Онъ съ батономъ костянымъ, Онъ, чей жезлъ — съ мертвой головой, Корзина Глубокая, Коршунъ Кровопивецъ, Когти Кровавыя, Зубы въ крови.

Двѣнадцать было ихъ всѣхъ сидящихъ. И всѣ они выявились, всѣ въ свой чередъ означились, именуя другъ друга укушенные, другъ отъ друга вопросъ шелъ, другъ къ другу шло имя, ознаменовались всѣ эти, что были властителями, въ Краѣ Ксибальбы, въ Краѣ Крота Разрисованнаго, которыхъ тамъ было двѣнадцать сидящихъ.

Отъ угла это прошло къ углу. Обошло весь чертогъ этотъ, ни одного не было имени, которое было бы забыто, всѣ были повторены, когда были они уколоты волосами съ ноги Гунахпу, которые вырвалъ тотъ, ибо не былъ это подлинный Кеанъ, который ихъ всѣхъ укусилъ и услышалъ имена ихъ для Гунахпу и Сбаланэ.

И вотъ, отправившись въ путь, прибыли Юные туда, гдѣ были вмѣстѣ эти изъ Ксибальбы: Поклонитесь царю, сказано имъ было, ему, что сидитъ тамъ, сказано имъ было, чтобы искусить ихъ.—Это не царь; это лишь изображеніе и фигура изъ дерева, — отвѣтили они, приближаясь.

И начали они ихъ привѣтствовать: Привѣтъ, Гунъ-Камэ; привѣтъ, Вукубъ-Камэ; привѣтъ, Ксикирипатъ; привѣтъ, Кучумаквикъ; привѣтъ, Агальпухъ; привѣтъ, Агальгана; привѣтъ, Чаміабакъ; привѣтъ, Чаміа-

голомъ; привѣтъ, Квикксикъ; привѣтъ, Патанъ; привѣтъ, Квикрэ; привѣтъ, Квикриксгагъ.

Такъ разоблачили они лицо каждаго, не забывъ имени ни одного. А куда какъ было бы имъ пріятно, чтобы не были ихъ имена разоблачены Юными! Садитесь,—сказали они имъ, указуя на сидѣнье, куда очень имъ хотѣлось бы посадить тѣхъ Юныхъ, но не захотѣли они этого: Это не наше сидѣнье, это лишь камень разогрѣтый,—сказали Гунахну и Сбаланкэ, и не уловили ихъ въ западню.

Весьма хорошо; идите же въ ваше помѣщеніе,—было имъ сказано. И вошли они тогда въ Домъ Сумрачный, но не были они тамъ побѣждены.

5.

Это было первое испытаніе Ксибальбы, Края Тѣневого; и тутъ должно было начаться ихъ пораженіе, какъ разумѣли тѣ, изъ Ксибальбы. Сначала они вступили въ Домъ Сумрачный; затѣмъ принесли имъ ихъ сосновую лучину зажженную, и для каждаго сигару, врученную имъ вѣстниками Гуна-Камэ.

Вотъ ихъ сосновые свѣтильники, — говоритъ царь; но они должны быть возвращены, эти свѣтильники, завтра утромъ, такъ же какъ и сигары, возвращены цѣлыми, говоритъ царь.—Такъ сказали вѣстники, приходя.—Весьма хорошо, отвѣтили Юные.

Въ дѣйствительности совсѣмъ не жгли они сосновую лучину, а помѣстили на мѣсто огня лучины что-то красное, перо краснаго попугая помѣстили они, и огнемъ зажженнымъ показалось оно тѣмъ, что были надсмотрщиками, а на сигарахъ помѣстили они свѣтляковъ на концахъ сигаръ.

Всю ночь они были подъ присмотромъ бодрствовавшихъ и говорили надсмотрщики: Попали они въ западню. Но сосновая лучина не была истрачена, видъ ея былъ тотъ же самый; и сигары были не искурены, и видъ ихъ былъ такой же, какъ прежде.

И привели ихъ къ владыкамъ: Какъ могли совершить такое? Откуда эти люди, и кто ихъ породилъ на свѣтъ? Истинно, сердце наше горитъ и пылаетъ; ибо не благо это, то, что они съ нами дѣлаютъ. Странны ихъ лица, странны ихъ способы дѣйствія,—говорили они между собою.

И всѣ владыки послали за ними. Идемте и будемъ играть въ шаръ, Юные,—сказали они имъ. Послѣ этого были они спрошены Гуномъ-

Камэ и Вукубомъ-Камэ: Откуда вы приходите, вы? Расскажите это намъ, Юные,—сказали люди Края Тъневого.

Кто могъ бы сказать, откуда приходимъ мы? Мы сами не знаемъ этого,—сказали они, и болѣе не говорили.—Весьма хорошо. Такъ бросимъ же гибкій нашъ мячъ, о, Юные, — заговорили опять владыки Ксибальбы.

Хорошо,—отвѣчали они;—но этимъ вотъ будемъ играть, этимъ, нашимъ мячомъ. — Люди Ксибальбы отвѣтили: Нѣтъ, нѣтъ, этимъ не играйте, а вотъ этимъ, нашимъ. — Юные отвѣчали: Нѣтъ, не этимъ, а этимъ вотъ, нашимъ, будемъ мы играть.

Люди Ксибальбы отвѣтили: Весьма хорошо. — Юные продолжали: На что жъ мы будемъ играть, на началъ жука-жгучку? Конечно, нѣтъ, отвѣчали люди Ксибальбы, но на лъвиную голову. — Да будетъ, отвѣтили Юные. Еще нѣтъ! закричали люди Ксибальбы.—Хорошо, сказалъ Гунахпу.

Тутъ началась игра съ людьми Ксибальбы, и устремили они мячъ передъ кольцомъ Гунахпу; потомъ въ то время, когда люди Ксибальбы смотрѣли на ударъ, мячъ, устремившись, запрыгалъ вездѣ по полу чертога игрального.

Что это такое? воскликнули Гунахпу и Сбаланкэ. Смерти вы намъ желаете. Не послали ли вы отыскать насъ, не глашатаи ли ваши пришли къ намъ? По-истинѣ несчастные мы. Ну, тогда мы уйдемъ, сказали имъ Юные.

А это было именно то, чего они желали, — чтобъ Юные умерли возможно скорѣе при игрѣ въ мячъ, и чтобъ были они побиты. Но этого не было; ибо люди Края Тъневого опять побѣждены были Юными.

Не уходите, Юные, поиграемъ въ шаръ; но возьмемъ теперь вашъ, было сказано Юнымъ.—Хорошо, отвѣтили они, и устремили свой шаръ, чѣмъ тотчасъ положенъ конецъ былъ состязанію.

Послѣ этого, сосчитавъ свои пораженія: Какъ сможемъ мы побѣдить ихъ? — сказали люди Ксибальбы.—Пусть не уйдутъ они тотчасъ, эти Юные, и да принесутъ они намъ четыре вазы съ цвѣтами, — сказали люди Ксибальбы.

Весьма хорошо. Какихъ цвѣтовъ желаете вы?—сказали Юные людямъ Ксибальбы. — Букетъ какамучигъ, букетъ цакимучигъ и букетъ ганамучитъ, и букетъ каринмакъ, — сказали люди Края Тъневого. Тѣ цвѣты были красные, и тѣ цвѣты были желтые, и тѣ цвѣты были бѣлые, и тѣ цвѣты были черные. И отвѣтили Юные: Весьма хорошо.

Тогда сошли вниз ихъ тѣлохранители, вооруженные копьями, все равные по силѣ, и многочисленны были равно стражи этихъ Юныхъ; но не тревожима душа была Юныхъ, когда предались они въ руки тѣхъ, кому поручено было ихъ побѣдить, и унизить въ состязаніи.

Тѣ, что были въ Краѣ Крота Разрисованнаго, радовались всема, питая чаяніе, что будутъ Юные побѣждены:—Весьма хорошо мы этотъ разъ сдѣлали, говорили люди Края Тѣневого, уловлены будутъ они въ западню. Гдѣ же возьмете вы цвѣтовъ? — думали такъ они про себя. И такъ говорили Юнымъ: Истинно, этою самою ночью должны вы дать намъ цвѣтовъ; и нашъ теперь выигрышъ, сказано было Юнымъ.

Весьма хорошо. И этой же самой ночью будемъ играть мы въ мячъ,— отвѣтили они, условливаясь взаимно. Послѣ этого Юные вошли въ Домъ Копій, второе испытаніе Ксибальбы, Края Тѣневого; и таково было желаніе владыкъ и хотѣніе ихъ сердца, чтобы убиты были Юные копьеносцами, и чтобъ какъ можно скорѣе преданы были они смерти, этого весьма желало ихъ сердце.

Но не умерли Юные. Говоря къ копьеносцамъ, сказали они имъ: Это вамъ будетъ принадлежать мясо всехъ животныхъ, такъ поручились они имъ въ этомъ. И перестали тогда копьеносцы двигаться, и, проникшись единою волей, опустили свое оружіе.

И были такъ Юные введены въ Домъ Копій, и, тамъ пребывая, воззвали они ко всемъ муравьямъ: Муравьи съ лезвіями, рѣзущіе, и цампопось, ходильщики ночные съ ножницами, сойдитесь и все вмѣстѣ идите и найдите головки цвѣтовъ, коихъ возжелали владыки.

Весьма хорошо, отвѣчали муравьи. И все муравьи отправились въ путь, чтобы набрать цвѣтовъ въ саду Гуна-Камэ и Вукуба-Камэ. А эти ужъ заранѣе извѣстили хранителей цвѣтовъ въ садахъ Ксибальбы. Смотрите вы, будьте внимательны и надзирайте за нашими цвѣтами; не позволяйте ихъ брать этимъ двумъ Юнымъ, которыхъ мы уловили въ западню. И гдѣ въ иномъ мѣстѣ могли бы они найти цвѣты, о которыхъ мы имъ говорили? Такихъ нѣтъ. Блюдайте же ихъ хорошенько всю ночь и бодрствуйте.—Весьма хорошо, отвѣтили стражи садовъ.

Но стражи садовъ ничего не слышали изъ того, что происходило. Напрасно бродили они по садамъ, крича изъ всехъ силъ среди вѣтвей деревьевъ сада, и переминались съ ноги на ногу и томили свои ноги, повторяя все одну и ту же пѣсню: Спурпувекъ, Спурпувекъ, говорилъ одинъ напѣвно. — Пугуйю, Пугуйю, повторялъ другой напѣвно.

Ночь пришла, Ночь пришла,
Всюду мгла, Ночь пришла.

акъ говорилъ одинъ и пѣлъ.

На горахъ, на горахъ,
Дышетъ страхъ, на горахъ.

Такъ говорилъ другой и пѣлъ.

Пугуйю—было имя двухъ охранителей всѣхъ посадокъ въ саду Гуна-Камэ и Вукуба-Камэ. Но не замѣтили они муравьевъ, уворовывающихъ то самое, что имъ поручено было охранять, приходили муравьи и уходили муравьи полчищами неисчислимыми, срѣзая цвѣты, что росли полосами, и унося эти цвѣты въ зацѣпкахъ челюстей своихъ, унося ихъ поверхъ деревьевъ, а снизу деревьевъ цвѣты эти распространяли сладкій аромать.

Между тѣмъ, стражи все продолжали кричать изо всѣхъ своихъ силъ, не замѣчая зубовъ, что пилили и хвосты и крылья сихъ птицъ ночныхъ. То была жатва цвѣтовъ, зубы ихъ ниспускали, и зубы ихъ уносили, во всемъ ихъ благовои, въ Домъ Копій.

И весьма скоро наполнены были четыре вазы цвѣтами и были они до краевъ полны, когда зачался день. И вотъ пришли вѣстники, чтобы найти ихъ. Да придуть они, сказалъ царь, и да принесутъ намъ то, о чемъ мы говорили, сказано было Юнымъ.

Весьма хорошо, отвѣтили они. Они взяли четыре вазы съ цвѣтами и предстали передъ царемъ и владыками, и взяли они цвѣты, а видъ ихъ былъ весьма пріятенъ. Такъ осмѣяны были люди Края Тѣневого, Края Крота Разрисованнаго.

Муравьевъ послали Юные въ ночи, и въ одну эту ночь муравьи нашли довольно цвѣтовъ, чей цвѣтъ былъ четвериченъ, и чей расцвѣтъ наполнилъ четыре вазы, лепестками и чашечками, красными, желтыми, бѣлыми, и черными.

При видѣ этого измѣнились въ лицѣ всѣ властители Ксибальбы, и поблѣднѣли лица ихъ, по причинѣ этихъ цвѣтовъ. Тотчасъ послали они за хранителями цвѣтовъ: Почему допустили вы уворовать цвѣты наши? Это вѣдь наши цвѣты, изъ нашего сада, что мы видимъ здѣсь, сказали они садовымъ стражамъ.—Мы ничего не замѣтили, владыка. Даже хвосты наши не были пощажены, отвѣтили они. Тогда разсѣкли имъ губы, чтобы покарать ихъ, и клювомъ стали ихъ ротъ, за то, что украдено было то, что было имъ довѣрено.

Такимъ то образомъ побѣждены были Гунъ-Камэ и Вукубъ-Камэ Гунахпу и Сбаланэ, и было это начало ихъ трудовъ. И съ тѣхъ поръ также Пугуйю, Пурпуэки ротъ имѣютъ расщѣченный, въ видѣ клюва, и летаютъ они ночью, и зовутъ ихъ Филинами и Совами.

И затѣмъ сошли Юные, чтобъ играть въ мячъ, и играли съ ними люди Края Тѣневого, а когда окончили играть, условились на утро слѣдующаго дня. Такъ назначили люди Ксибальбы.—Весьма хорошо, отвѣтили Юные, кончая.

6.

Заставили также Юныхъ войти въ Домъ Холода. Холодъ тамъ былъ невыносимый, и домъ этотъ былъ наполненъ льдомъ, ибо истинно было это мѣсто пребываніе лдяныхъ вѣтровъ Сѣвера. Но холодъ быстро прекратился, ибо сосновыя шишки зажгли они; онъ пересталъ давать знать себя, и исчезъ холодъ, заботами Юныхъ.

И не умерли они такимъ образомъ, а были полны жизни, когда зачался день. А какъ разъ смерти ихъ искали люди Ксибальбы; но такъ не случилось, и въ добромъ они были здравіи при восходѣ Солнца. Итакъ, извошли они еще однажды, когда стражи пришли за ними.

Какъ же такъ, они еще не умерли! воскликнулъ властитель Ксибальбы, самодержецъ Края Тѣневого. И смотрѣли все люди Ксибальбы съ изумленіемъ на дѣянія Юныхъ, Гунахпу и Сбаланэ.

Послѣ этого вошли они также въ Домъ Тигровъ; и все тамъ внутри его были Тигры. Не кусайте насъ, другое будетъ вамъ дѣло, сказали они Тиграмъ. И бросили они кости передъ ликами этихъ звѣрей.

И тотчасъ тѣ съ жадностью бросились на кости. Кончено съ ними теперь, покончено, узнали они, наконецъ, власть Ксибальбы, и преданы дикимъ звѣрямъ. Вотъ ихъ кости перетерты на этотъ разъ, говорили тѣ, что были къ нимъ приставлены, и радовались весьма.

Но не погибли они; ликъ ихъ имѣлъ тотъ же видъ здоровья, когда вышли они изъ Дома Тигровъ. Какого же рода эти люди? Откуда они? вскричали люди Края Тѣневого.

Послѣ этого заставили ихъ войти въ средоточье пламеней въ Домѣ Огня, гдѣ лишь огонь былъ вездѣ внутри: но не загорѣлись они и не обожглись, хоть весьма былъ тамъ силенъ огонь и былъ онъ горючій. Невредимы и веселы были Юные при восходѣ Солнца. А очень хотѣлось тѣмъ изъ Края Крота Разрисованнаго, чтобы быстро погибли они

въ мѣстѣ, которое и на этотъ разъ прошли они безпрепятственно. Не случилось, однако, по ихъ желанію, и упало мужество людей Края Тѣневого.

Тогда заставили ихъ войти въ Домъ Летучихъ Мышей: ничего не было, кромѣ Летучихъ Мышей тамъ внутри, въ этомъ Домѣ Камаѳотцѣ, ничего кромѣ крупныхъ звѣрей жестокихъ, что прозывались еще Чаки-Тцамъ; сухія острія тотчасъ кончали съ тѣмъ, кто представеть передъ ними.

Тамъ находились они внутри; но, дремля на сарбаканахъ, не тронуты были они тѣми, что были въ Домѣ Летучихъ Мышей; но тяжело пришлось имъ по причинѣ другого звѣря, что съ неба сошелъ, чтобы явиться, когда уже совершили они предназначенное.

Эти лысыя Мыши Летучія совѣщались всю ночь, и великій былъ шумъ отъ тѣхъ совѣщаній ихъ: Квилитцъ, квилитцъ,—говорили они, и это они говорили всю ночь. Пріумолкли они, однако, и вотъ ужъ немного прошло, что они совершенно молчали, и не было между ними движенія, и стояли стойкомъ они на чертѣ сарбакана.

Сказалъ тутъ Сбаланкэ къ Гунахпу: День начинается брезжить, взгляни-ка. Быть можетъ, онъ начинается брезжить, дай-ка я взгляну,—отвѣтилъ Гунахпу. И когда въ нетерпѣніи жаркомъ хотѣлъ онъ взглянуть въ дуло сарбакана, желая увидѣть восходъ зари, въ одинъ мигъ голова его срѣзана была этимъ звѣремъ Камаѳотцемъ, и лишено было головы тѣло Гунахпу.

И во второй разъ спросилъ Сбаланкэ: Не забрезжился ли ужъ день? Но Гунахпу былъ недвижимъ. Что-же это, не ушелъ ли Гунахпу? Какъ же это такъ?—спрашивалъ Сбаланкэ. Но недвижимъ былъ Гунахпу и распротертъ былъ, какъ мертвый.

Тогда пренеполнился Сбаланкэ стыда и печали: Увы, вскричалъ онъ,—довольно, мы побѣждены! И пошли помѣстить голову Гунахпу надъ чертогомъ игры въ мячъ, по точному повелѣнію Усопшаго и Семикратно-Усопшаго. И вся Ксибальба ликовала по причинѣ головы Гунахпу, возвеселился весь Край Тѣневой, Край Крота Разрисованнаго.

7.

Послѣ этого созвалъ Сбаланкэ всѣхъ звѣрей, Дикобразовъ, Кабановъ, всѣхъ звѣрей, малыхъ и большихъ, созвалъ ихъ онъ ночью, и въ ту же ночь спросилъ ихъ всѣхъ, какова была ихъ пища.

Какова пища ваша каждого въ отдѣльности? Вотъ созвалъ я васъ, чтобы выбрали вы пищу вашу, — сказалъ имъ Сбаланкэ. — Это весьма хорошо, — отвѣтили они.

Пошли они тогда выбрать, каждый, свою пищу, всѣ пошли выбрать, что имъ надлежало. И были такіе, что выбрали то, что было въ гніеніи; и были такіе, что выбрали травы; и были такіе, что выбрали камни; и были такіе, что выбрали землю; и пища звѣрей, большихъ звѣрей и малыхъ, была весьма разнообразна.

За другими и Черепаха, что сзади была, приползла въ своей твердой бронѣ, приползла закорючинами, чтобы взять свою долю пищи, и, помѣстившись на край трупа, помѣстилась тамъ, гдѣ была голова Гунахпу, и въ то же самое мгновеніе извѣялись тамъ глаза.

Великое число мудрыхъ сошло съ высоты, Сердце Небесъ, самъ Ураганъ, началъ рѣять поверхъ Дома Летучихъ Мышей. Но ликъ Гунахпу не такъ-то скоро завершился, хоть и успѣли все же его сдѣлать; росли его волосы съ его красотой, и заговорилъ онъ.

И вотъ зачался день, и заря расцвѣтила далекій край-образъ, и день явился. Двуетробка творится ли? — было вопрошено. — Да, отвѣтствовалъ Старецъ. Тогда онъ раздвинулъ ноги; снова сгустилась тьма, и четырежды Старецъ раздвинулъ свои ноги.

Вотъ Двуетробка раздвигаетъ свои ноги, — говоритъ народъ и доселѣ, когда наступаетъ заря.

Когда весь край-образъ покрылся своими блестящими зорными красками, жизнь началась: Хороша ли она, такъ, голова Гунахпу? было спрошено. — Хороша, былъ отвѣтъ. И кончили такъ создавать голову, и по-истинѣ сдѣлалась она какъ настоящая голова.

Затѣмъ стали они совѣщаться, условливаясь обоюдно, чтобы не играть имъ въ мячъ. Дерзни тогда ты одинъ, сказано было Сбаланкэ. — Хорошо, все я сдѣлаю самъ, отвѣтствовала Сбаланкэ.

Послѣ этого далъ онъ свои распоряженія Кролику: Поди и помѣстись высоко надъ чертогомъ игральнымъ, и оставайся среди выступовъ карниза, сказалъ Кролику Сбаланкэ. Какъ только прыгающій шаръ придетъ къ тебѣ, ты выйдешь, а я свершу все остальное. Такъ было сказано Кролику, когда получилъ онъ повелѣніе въ ночи.

И Солнце ужъ встало, и лица ихъ, того и другого, одинаково возвѣщали здоровье. Владыки Кенбальбы сошли въ свой чередъ играть въ мячъ, въ то мѣсто, гдѣ была подвѣшена голова Гунахпу, надъ чертогомъ игральнымъ.

Побѣдили-то мы. Всѣ позориша—ваши. Намъ уступили вы побѣду. Такъ веселились люди Ксибальбы. Такъ издѣвались они надъ головою Гунахпу. Отдохни, голова твоя безпокоилась очень, какъ въ мячъ играла. Такъ было сказано. Но онъ не страдалъ отъ оскорбленій, которыми покрывали его.

И вотъ властители Ксибальбы бросили прыгающій мячъ. Сбаланкэ выступилъ ему навстрѣчу. Онъ остановился какъ разъ передъ кольцомъ, помедлилъ, и тотчасъ же вышелъ изъ кольца, устремился вверхъ надъ чертогомъ игральнымъ и единымъ прыжкомъ вскочилъ между выступовъ карниза.

Тотчасъ же Кроликъ выскочилъ оттуда и запрыгалъ, убѣгая; въ тотъ же самый мигъ бросились за нимъ всѣ люди Края Тѣневого, бѣжали, кричали, голосили; вскорѣ за Кроликомъ вся убѣгала Ксибальба.

Сбаланкэ тотчасъ же схватилъ голову Гунахпу, и помѣстилъ ее на мѣсто черепахи: онъ отправился потомъ помѣстять черепаху надъ мѣстомъ игры въ мячъ; и голова эта истинно была головою Гунахпу, и оба они, и тотъ, и другой, были въ ликованіи.

И вотъ люди Ксибальбы пошли искать мячъ; быстро взявъ его съ карниза, вскричали они: Вотъ, мы нашли мячъ. И поднимали его въ воздухъ, показывая.

Что такое мы видѣли?—спросили люди Ксибальбы, приходя къ мѣсту игры и снова начиная состязаніе. И снова была игра.

Тутъ какъ разъ попалъ въ самую черепаху камнемъ. Сбаланкэ, и скатившись съ высоты, разбилась она на тысячу кусковъ, какъ фарфоровая, на глазахъ у всѣхъ людей Края Тѣневого.

Кто изъ васъ пойдетъ искать ее? кто изъ васъ ее возьметъ? прошелъ говоръ по Ксибальбѣ. Такъ были осмѣяны властители Ксибальбы, осмѣяли ихъ Гунахпу и Сбаланкэ. И много великихъ трудовъ претерпѣли эти Юные; но не умерли они отъ всего того зла, которое имъ причинили.

8.

И вотъ память о томъ, какъ отошли Гунахпу и Сбаланкэ. Вотъ, что расскажем мы, въ свой чередъ, какъ память о смерти ихъ.

Прошли они всѣ труды и страданія, которыя были возвѣщены имъ, и не погибли они, не умерли, проходя испытанія Ксибальбы, Края Тѣневого, Края Крота Разрисованнаго, и не были они побѣждены напа-

деніями всѣхъ звѣрей, сколько ихъ тамъ ни было, въ этомъ краѣ Ксибальбы.

Потомъ призвали они двухъ вѣщунговъ, что были провидцами, и были имена этихъ мудрыхъ — Ксулу и Пакамъ, Угадчикъ и Красный Шаръ. Если придетъ такой случай, — сказали они, — и спросятъ васъ отъ властителей Ксибальбы, по поводу смерти нашей, которую они замышляютъ и затѣваютъ теперь, почему мы не мертвы еще до сихъ поръ, почему не могли мы быть побѣждены, ни сражены ихъ испытаніями, вы имъ скажете, это оттого, что звѣри съ ними не были въ заговорѣ.

Вотъ, въ мысли нашей знаменіе нашей смерти: Костеръ. Чрезъ огонь наша смерть. Собирается вся Ксибальба, и кончаетъ она собираться, но по-истинѣ мы не умремъ.

И вотъ что внушаемъ мы вамъ, чтобы вы сказали: Если придутъ спросить васъ о нашей смерти, когда мы будемъ осуждены, какъ отвѣтите вы, о, Ксулу, о, Пакамъ? Если вамъ скажутъ: Бросимъ ихъ кости въ пропасть, не благо ли это? — Если вы сдѣлаете это, они воскреснутъ, скажете вы.

Если они еще скажутъ вамъ: Не благо ли было бы повѣсить ихъ на деревьяхъ? — Конечно, не благо это; ибо такъ вы снова увидите лица ихъ, скажете вы. Если скажутъ еще: Не свершимъ ли благое мы, если мы бросимъ ихъ кости въ рѣку? Если они повторятъ вамъ этотъ вопросъ, вы имъ отвѣтите: —

Это, вотъ это нужно, чтобы умерли они; благо потомъ измолотъ ихъ кости на камнѣ, какъ мелютъ въ муку маисъ, и чтобы cadaго мололи отдѣльно. Затѣмъ вы ихъ бросите въ рѣку, въ то мѣсто, гдѣ спадаетъ водопадъ, образуя изъ капель изумруды, чтобы ушли ихъ прахи по всѣмъ горамъ, по горамъ великимъ и малымъ. Вотъ что отвѣтите вы имъ, когда спросятъ васъ они о совѣтѣ, молвили мудрымъ Гунахпу и Сбаланкэ, прощаясь съ ними, и зная, что имъ предстоитъ умереть.

И вотъ сдѣлали великій костеръ, подобный горну полу-подземному, который велѣли возвести владыки Края Тѣневого, и много туда положили вѣтвей. Послѣ чего пришли сановные, что должны были ихъ сопровождать, глашатаи Усопшаго и Семикратно-Усопшаго.

Да придутъ. Пойдемте же съ Юными, и да придутъ они увидѣть, что мы ихъ сожжемъ, — говоритъ царь, такъ сказано было имъ. — Весьма хорошо, — отвѣчали они.

Быстро пошли они, и прибыли къ костру; тамъ хотѣли заставить

ихъ шутить: Изоъемъ же здѣсь сладостныхъ нашихъ напитковъ, и четырежды пронесемъ каждый на крылахъ, о, Юные,—сказано было имъ Гуномъ-Камъ.

Перестаньте такъ шутить съ нами. Или быть можетъ не знаемъ мы, что смерть ожидаетъ насъ здѣсь, о, наши владыки?—отвѣтили они. И обнявшись другъ съ другомъ, лицомъ къ лицу, скрестили они свои руки, и пошли, чтобы, распростершись лицомъ, лечь въ костеръ, и умерли вмѣстѣ.

Въ это самое время всѣ люди Ксибальбы, Края Крота Разрисованнаго, преисполнились веселія, и изъявляли свою радость вскриками и смутными говорами: Наконецъ, побѣдили мы во-истину, и не слишкомъ рано сдались они,—такой шель говоръ въ толпѣ.

Потомъ позвали они Кеулу и Пакама, которымъ они предоставили послѣднее слово. Какъ возвѣщено было имъ, у нихъ спросили, что нужно дѣлать съ останками, и, послѣ того какъ окончили они вѣщія свои гаданія, тѣ, что владѣли Краемъ Тѣневымъ, превратили кости Юныхъ въ порошокъ, и прахъ этотъ бросили въ рѣку. Но не далеко удалился этотъ прахъ: тотчасъ опустился онъ на дно рѣчное, и на двѣ превратился въ двухъ красивыхъ юношей: истинно, ихъ черты выявились снова.

9.

Четыре дня прошло съ четырьмя ночами, и на пятое утро явились они снова, и были узрѣны людьми; какъ двѣ сирены, какъ люди-рыбы, предстали они поверхъ волны, и лица ихъ были увидѣны всѣми въ Краѣ Тѣневомъ, и повсюду искали ихъ въ водѣ.

Но на другой день утромъ два бѣдняка предстали, съ чертами постарѣвшими, вида убогаго, и ничего на нихъ не было, кромѣ лохмотій; ничего привлекательнаго не было въ ихъ наружности. Когда увидѣли ихъ люди Ксибальбы, мало что дѣлали они любопытнаго, танцевали лишь танецъ Пугуй, да танецъ Кукъъ или Ибой, и также танцевали они Тцуль и Читикъ, танецъ Филина, танецъ Ласочки, танецъ Броненосца, танецъ ТысячENOжки, и танецъ Его, что на ходуляхъ.

Чудеса многочисленныя, которыя они свершали, сжигая дома, какъ будто во-истину они горѣли, и тотчасъ возставляя ихъ снова въ ихъ цѣльности, привлекли къ этимъ зрѣлищамъ всю Ксибальбу.

Наконецъ, они принесли другъ друга въ жертву, одинъ убивая другого, и тотъ, кто первый далъ себя убить, распростерся и лежалъ

мертвый; но въ то же мгновеніе, убитые, они воскресали: и съ тупымъ оцѣпенѣніемъ смотрѣли на нихъ люди Ксибальбы, въ то время какъ это свершали они, а свершали они все это, какъ начало новой побѣды надъ Краемъ Тѣневымъ.

И дошла послѣ этого вѣсть объ ихъ пляскахъ до ушей Усоишаго и Семикратно-Усоишаго, и говорили они, слыша это: Кто же эти немущіе, и по-истинѣ ли пріятно видѣть ихъ?

Да, по-истинѣ волшебны ихъ пляски, а равно и все, что они дѣлаютъ, отвѣтилъ тотъ, кто сообщилъ о нихъ рассказъ владыкамъ. Услажденные всѣмъ, что они слышали, послали они своихъ глашатаевъ къ нимъ: Да придутъ они, чтобъ свершить все это, дабы могли мы ихъ видѣть и дивиться на нихъ, и изъявить имъ наше одобреніе, сказали владыки; скажите имъ это, было сказано глашатаямъ.

Придя къ плясунамъ, возвѣстили глашатаи танцующимъ всѣ слова царя и царствующихъ. Мы не хотимъ, отвѣтили они; ибо по-истинѣ стыдимся мы малости своей. Не покроемся ли мы краскою стыда, если предстанемъ предъ этими высокими? Некрасивы на видъ мы и убоги, велики глаза наши, очень они большіе, также и бѣдны мы. Что же на насъ смотрѣть? Плясать, танцевать, только мы это и умѣемъ. Что скажутъ товарищи наши по бѣдности, которые, вотъ, желаютъ, равно, принять участіе въ нашемъ танцѣ и нашемъ веселіи? Не такъ же намъ поступать съ царями? Такъ вотъ, не хотимъ мы, о, вѣстники, отвѣчали Гунахпу и Сбаланкэ.

Сильно понуждаемые, и храня на лицѣ явные знаки неудовольствія своего и огорченія, отбыли они, вопреки желанію: но отказались они идти быстро, и нѣсколько разъ принимались глашатаи ихъ убѣждать снова, чтобъ только привести ихъ къ царю.

И вотъ пришли они къ царствующимъ, и, смиренно, униженно, опустили они свою голову, кланаясь, преклонились глубоко, простерлись во прахъ, и жалкій былъ видъ ихъ, одежды изношенныя, явили они по своемъ прибытіи по-истинѣ скудный ликъ.

Ихъ спросили тогда, какія ихъ горы родныя, и племя какое; ихъ также спросили, кто были ихъ мать и отецъ.—Откуда идете? спросили ихъ.—Врядъ ли, владыка, осталось у насъ какое о томъ воспоминаніе. Мы не вѣдали лика матери нашей и нашего отца, и были мы малы, когда они умерли, сказали они, и больше не говорили.

Весьма хорошо. Сдѣлайте-жь такъ теперь, чтобъ могли мы на васъ дивиться, сдѣлайте все, что вы можете, и что хотите, а мы дадимъ

вамъ вознагражденіе ваше, сказано было имъ.—Мы не хотимъ ничего; но по-истинѣ исполнены мы страха и боязни, отвѣтили они царю.

Не бойтесь и не страшитесь, танцуйте, пляшите. Изобразите сначала, какъ убиваете вы другъ друга, и сожгите домъ мой; дѣлайте все, что знаете, дабы уследились мы зрѣлищемъ сего, это есть все, чего желаетъ сердце наше. А засимъ отбудете вы, неимущіе, и дадимъ мы вамъ вашу награду, повторили имъ.

Тогда начались танцы и пѣніе, и вся Ксибальба собралась вокругъ нихъ, чтобы видѣть. И, начавъ танцевать, явили они пляску Ласочки, и изобразили потомъ танецъ Филина, и танецъ Броненосца.

И сказалъ имъ царь: Убейте мою собаку, что вотъ тутъ, и верните опять ее къ жизни, сказалъ онъ.—Хорошо, отвѣтили они, убивая собаку; потомъ они воскресили ее: и по-истинѣ собака рада была вернуться къ жизни, и махала хвостомъ, веселясь, что вотъ воскресла.

И сказалъ имъ царь: Сожгите же теперь мой домъ,—сказалъ онъ. И тотчасъ зажгли они домъ царя, и всѣ владыки сидѣли тамъ, внутри и не обожглись. И, минуту спустя, возстановили они его въ цѣльности, и врядъ-ли минуту всего утраченъ былъ домъ Усопшаго.

Восхищены были всѣ владыки весьма, и очень они также были услаждены плясками. Тогда сказано имъ было отъ царя: Убейте теперь человѣка, но чтобы только онъ не умеръ, прибавилъ онъ.

Весьма хорошо,—сказали они. Тутъ схватили они одного человѣка, и, раскрывъ ему грудь, вынули они сердце этого человѣка, и вознесли его, и явили глазамъ владыкъ. И были удивлены, равно, Усопшій и Семикратно-Усопшій. Но, минуту спустя, вернули они человѣка къ жизни, и выказывалъ онъ большую радость, что воскресъ.

Владыки продолжали дивиться: Убейте теперь другъ друга, вы сами; вотъ что хотимъ мы видѣть, это по-истинѣ угодно сердцу нашему это зрѣлище, что вамъ надлежитъ особенно, сказали еще владыки.—Весьма хорошо, отвѣтили они.

Послѣ этого началось закланіе одного другимъ; это былъ Гунахпу, что былъ убитъ Сбаланкэ; руки его и ноги были отрѣзаны одна за другой, голова была отдѣлена отъ туловища и унесена далеко отъ него, сердце же его было исторгнуто и явлено всѣмъ владыкамъ Края Тѣневого, что совсѣмъ были пьяны отъ зрѣлища.

Съ оцѣненіемъ глядѣли они, но видѣли только одно, зрѣлище, явленное Сбаланкэ: Встань, сказалъ онъ затѣмъ, и Гунахпу былъ возвращенъ къ жизни. Оба они веселились весьма. Веселились и владыки;

истинно, то, что свершали они, наполняло восторгомъ сердце Гуна-Камэ и Вукуба-Камэ, и они такъ все чувствовали живо, какъ будто бы сами были исполнителями зрѣлища.

И избытокъ желанья и любопытства такъ увлекъ владыкъ, чрезмѣрностью своей, что воскликнули Усопшій и Семикратно-Усопшій: Сдѣлайте то же и съ нами, предайте насъ закланію, сказали Гунъ-Камэ и Вукубъ-Камэ, говоря къ Гунахпу и Сбаланкэ.

Весьма хорошо, вы воскреснете; развѣ смерть можетъ для васъ существовать? А насъ усладить, это ваше право, о, владыки рабовъ своихъ и слугъ своихъ покорныхъ, отвѣтили они владыкамъ.

И вотъ тотъ, кого перваго принесли они въ жертву, былъ главный царь, и имя его было Гунъ-Камэ, Усопшій, самодержецъ Ксибальбы, Края Тѣневого, Края Крота Разрисованнаго. И какъ только умеръ Гунъ-Камэ, овладѣли они Вукубомъ-Камэ, Семикратно-Усопшимъ, и не вернули они имъ жизнь.

Тогда обратились въ бѣгство всѣ владыки Ксибальбы, видя царей своихъ мертвыми и грудь ихъ раскрытой: въ единый мигъ были они сами приносимы въ жертву, двоими по двое, какъ заслужили они кары той. Мигъ одинъ былъ нуженъ, чтобы смерть призвать къ царю, и не вернули они ему жизнь.

Но вотъ одинъ изъ владыкъ смирился тогда униженно передъ явившимися пляску, не будучи до этого ни пойманъ, ни уловленъ. Сжалъ-тесь надо мною, сказалъ онъ, когда признали они его.

Данники ихъ и слуги, всѣ бѣжали толпой въ глубокую стремнину, наполнивъ одною огромною кучей всю обширную пропасть; тамъ нагромоздился они, тамъ были они открыты безчисленными Муравьями, которые напали на нихъ, застигши въ безвыходномъ мѣстѣ.

Такъ были они приведены по дорогѣ, и, приходя къ побѣдителямъ, простирались во прахъ предъ ними униженно и сдались всѣ, на полное ихъ усмотрѣніе. Такъ были побѣждены владыки Ксибальбы, Края Тѣневого, и лишь черезъ чудо, и путемъ своего перевоплощенія, свершили Гунахпу и Сбаланкэ это дѣло побѣды надъ Краемъ Крота Разрисованнаго.

10.

Послѣ этого сказали свои имена свершавшіе пляску и явившіе танецъ, и были они вознесены предъ лицомъ всѣхъ людей Ксибальбы.

Вы, услышите имена наши, и мы скажемъ вамъ также имена отцовъ

нашихъ. Вотъ мы здѣсь, мы, Гунахпу и Сбаланкэ, Метатель Шаровъ и Тигренокъ-Ягуаръ, таковы наши имена. Отцы же наши, которыхъ вы предали смерти, зовутся Гунгунъ-Ахпу и Вукубъ-Гунахпу. Вотъ мы здѣсь, мстители, отомстившіе за пытки и страданія отцовъ нашихъ. Вотъ, мы беремъ всё тѣ бѣды и тяжести зла, которыя вы для нихъ измыслили; мы прикончимъ васъ всёхъ, всёхъ предадимъ мы смерти, и ни одинъ изъ васъ не сможетъ ускользнуть, было имъ объявлено.

Послѣ чего всё подданные Ксибальбы простерлись во прахъ со стенаціями. Сжальтесь надъ нами, о, Гунахпу и Сбаланкэ! Истинно это, свершили мы грѣхъ противъ отцовъ вашихъ, какъ говорите вы, отцовъ вашихъ, что погребены въ Усыпальницѣ, отвѣтили они.

Весьма хорошо. Такъ вотъ приговоръ нашъ надъ вами, который возвѣщаемъ мы. Слушайте, вы всё, вы подданные Ксибальбы, Края Тѣневого. Поелику блескъ вашъ и могущество ваше болѣе не существуютъ, кровь ваша погосподствуетъ еще немного, но мячъ вашъ не будетъ больше кружиться въ чертогѣ игральномъ Игры въ Шаръ. Вы будете годны лишь на то, чтобы дѣлать посуду изъ глины, котлы, сковородки, чтобы зерна выбивать изъ колосьевъ маиса; и лишь звѣри, что живутъ въ кустарникахъ и въ мѣстахъ пустынныхъ, будутъ вашею долей, малые куста, и малые мѣста необитаемыхъ. Всё счастливые данники наши и подданные, всё тѣ, что приѣмлютъ удѣлъ въ жизни благоустроенной, съ вами не будутъ, ни вамъ надлежать не будутъ, пчелы одни плодиться будутъ передъ вашими глазами. Люди превратные, люди угрюмые, люди жестокіе, плачьте же. Ужь больше не хватать врасплохъ людей, какъ вы то дѣлали; будьте же внимательны къ тому, что вамъ возвѣщено объ этомъ покорительномъ мячѣ, объ этомъ властительномъ шарѣ.

Такъ сказали они всёмъ подданнымъ Ксибальбы, Края Тѣневого.

Такъ началось ихъ разрушеніе и гибель, какъ изъ воззванія къ нимъ слѣдовало. Но блескъ ихъ и раньше никогда не былъ очень великъ: только вотъ любили воевать они съ людьми; и по-истинѣ, не называли ихъ богами древле: но видъ ихъ внушалъ страхъ и ужасъ; злы они были, какъ Сова и Филины, конечно были страшны и злы лица ихъ, и сѣяли они лишь зло и разногласіе. Невѣрны они также были данному слову, бѣлые и черные въ одно и то же время, лицемеры, тираны двуликіе, такъ говорятъ о нихъ. Сверхъ сего, разрисовывали они себѣ лица, раскрашивали краской. Но вотъ нѣтъ болѣе

ихъ владычества, и могущество ихъ перестало возрастать. Такое свершили Гунахпу и Сбаланкэ.

Между тѣмъ праматерь ихъ стонала и плакалась предъ тростниками, которые посадили они: возросли эти тростники; потомъ они снова иссохли; но, когда бросили ихъ въ костеръ, зазеленѣли они еще разъ.

Зажгла послѣ этого праматерь ихъ жаровню, и жгла курительный копаль благовонный передъ тростниками, въ память вчучать своихъ. Возвеселилось сердце этой Старой, когда тростники зазеленѣли вторично: получили она тогда почести божескія отъ праматери, что назвала ихъ Средоточіе Дома, и Средоточіе, такъ назвала ихъ.

Тростники Живые, Земля Выравненная, таково стало имя того мѣста; и имя Средоточія Дома, имя Средоточія было ему дано, ибо посадили они тростники посреди горницы дома своего: и она назвала мѣсто Земля Выровненная, Тростники Живые на землѣ выравненной, для того выравненной, чтобъ посадить тростники, и назвала ихъ Тростниками Живыми, ибо вторично они зазеленѣли, такое имя дала тростникамъ Смукавэ, дважды мать наша, памятнымъ этимъ камышамъ, что оставили Юные для Старой.

Первые же отцы, что умерли древле, были Гунгунъ-Ахпу и Вукубу Гунахпу; видѣли также они лица отцовъ своихъ тамъ въ Ксибальбѣ; и говорили отцы ихъ съ потомками своими, побѣдившими Ксибальбу, Край Тѣновой.

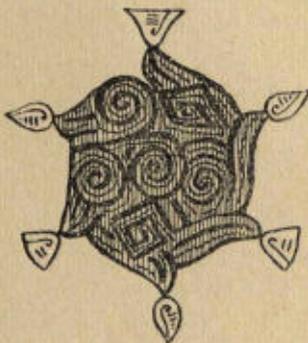
И вотъ какъ отцы ихъ получили почести свои погребальныя: Вукубу-Гунахпу даны были они: чтобъ ихъ совершить торжественно, къ Усыпальницѣ пошли, и пожелали сдѣлать подобіе его. Итакъ, искали его имя, ротъ его, носъ его, кости его, и его лицо.

Пришли сперва къ имени его; но мало что еще получили сверхъ сего; это все, что пожелалъ онъ сказать, только это речено было ротомъ его. Итакъ, вотъ какъ они вознесли память отцовъ своихъ, оставленныхъ ими въ Усыпальницѣ.

Да будетъ имя ваше отнынѣ призываемо, сказали имъ сыны ихъ, дабы утѣшена была ихъ душа. Первые взойдете вы на сводъ небесъ; первые, равно, будете обожаемы вы посреди всѣхъ народовъ, живущихъ въ благоустроеніи. И не утратится имя ваше; такъ да будетъ! сказали они отцамъ своимъ, чтобъ утѣшены были ихъ тѣни. Мы мстители, мы отомстители смерти вашей и вашей гибели, страданій вашихъ и всѣхъ трудовъ, черезъ которые заставили васъ пройти.

Таковы были ихъ повелѣнiя, когда говорили они съ народомъ Края Тѣевого, что былъ побѣжденъ ими. Затѣмъ взошли они отсюда въ средоточiе свѣта, и тотчасъ взошли отцы на небеса: одному досталось Солнце, другому Луна, что освѣщаютъ сводъ небесъ и поверхность земли, и въ небѣ живутъ они.

Тогда вознеслись, равно, четыреста Юныхъ, что преданы были смерти Цинакной, чье имя Пѣтушья Шпора; были они сотоварищами Гунгуну-Ахпу и Вукубу-Гуахпу, и стали они звѣздами небесными.

ЧЕЛОВѢЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ КВИЧЕЙ-МАЙЕВЪ.

ЧЕЛОВѢЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ КВИЧЕЙ-МАЙЕВЪ.

Изъ Священной книги Пополь-Ву.

1.

Четыре было ихъ, нашихъ праотцевъ, нашихъ отцовъ: Баламъ-Квитца Баламъ-Агабъ, Магукута, и Ики-Баламъ. Таковы ихъ были имена: Тигръ съ кроткой улыбкой, Тигръ Ночи, Тигръ Имя Знаменитое, Тигръ Луны.

Это были они; отъ кого размножились племена земныя, большія и малыя.

И вотъ имена ихъ женъ: Кага-Палуна, Чомига, Тцунунига, Какисага. Такъ назывались царственные ихъ супруги: Вода Водопадная, Влага Красиваго Затона, Вода Домъ Колибри, Вода Домъ Яркихъ Попугаевъ.

Отъ нихъ родились люди, племена большія и малыя, и мы, народъ Квичей. Въ великомъ числѣ существовали въ то время приносящія жертву. Ихъ не было только четыре, но лишь четыре были наши матери, праматери народа Квичей.

Различны были имена народовъ, распростершихъ свои числа по Востоку. Баламъ-Квитца былъ отецъ и праотецъ девяти великихъ домовъ, чье имя Кавекъ; Баламъ-Агабъ—отецъ и праотецъ девяти великихъ домовъ, чье имя Нимганбъ; Магукута—отецъ и праотецъ четырехъ великихъ домовъ, чье имя Агау-Квиче.

Они существовали въ трехъ раздѣленіяхъ родовъ, и помнилъ каждый родъ имя отца своего и праотца, распространяясь и множась на Востокъ.

Такъ же точно пришли Тамубъ и Илокабъ, съ тринадцатью своими племенами. То были Тэкпаны, Рабиалы, Какчикели, и всѣ тринадцать содружественныхъ племенъ. И здѣсь рѣчь идетъ лишь о главныхъ племенахъ. А было много и другихъ, распространявшихся по странамъ, гдѣ встаетъ Солнце.

Великое число людей возникло, и въ темнотѣ они множились: не

было еще благоденствія, когда они множились; но они жили всё вмѣстѣ и великимъ было ихъ существованіе и слава ихъ въ странахъ Востока.

Не служили они еще тогда и не возставляли алтарей богамъ, но они лишь обращали свои лица къ Небу, и не знали, что они пришли дѣлать такъ далеко.

Тамъ жили тогда въ радости общей люди черные и люди бѣлые: кротокъ былъ видъ этихъ людей, кротокъ былъ языкъ этихъ народовъ, кротокъ и разуменъ былъ ихъ слухъ.

Но есть роды и роды подъ Небомъ, и есть люди, лица которыхъ не видишь; нѣтъ у нихъ домовъ, и пробѣгаютъ они, какъ безумные, горы малыя и великія, и оскорбляли они земли этихъ людей.

И объ этомъ говорили тѣ, которые видѣли, какъ встаетъ Солнце. Одинъ былъ языкъ у всѣхъ у нихъ: не вzywали они еще ни къ дереву, ни къ камню; и лишь помнили о словѣ Творца и Создателя, Сердца Неба и Сердца Земли.

И они говорили, размышляя о томъ, что скрывало въ себѣ возстаніе дня: и, исполненные священнымъ словомъ, полные любви, послушанія, и страха, слагали они свои моленья; потомъ, поднявъ свои глаза къ Небу, они просили себѣ дочерей и сыновей.

Слава Тебѣ, Творецъ и Создатель. Ты, что насъ видишь и слышишь насъ, не покидай насъ. О, Сердце Неба, о, Сердце Земли, дай намъ наше потомство и наше нисхожденіе, да идемъ мы въ уровень со Свѣтомъ; да будетъ наша жизнь и посѣвы наши—какъ Солнце въ своемъ движеніи. Дай намъ идти всегда по дорогамъ открытымъ, по тропамъ, гдѣ нѣтъ западней; да будемъ мы всегда спокойны и въ мирѣ съ нашими; да текутъ наши дни счастливымъ теченіемъ; дай же намъ жизнь безупречную, свѣтло-зеленые пути, лучисто-мирный день, лучисто-добрую жизнь, о, Ураганъ, о, Молнія въ изломѣ, о, Молнія ударная, о, Чипи-Нанавакъ, Ты, бывший въ язвахъ, но сжегшій себя и ставшій Солнцемъ, Ты, Ракса-Нанавакъ, Луиноликій, Ты, Вокъ-Гунахпу, Волшебно-Морской, Ты, Властный Покоритель, Ты, Змѣй Изумрудно-Перистый; и ты, что рождаешь и даешь бытіе, Спѣакокъ, Смуканэ, Праматерь Солнца, Праотецъ Свѣта, сдѣлай такъ, чтобъ взошли посѣвы и чтобъ былъ свѣтъ.

Такъ говорили они, призывая возвращеніе свѣта, и, ожидая восхода Солнца, они смотрѣли на Утреннюю Звѣзду, на великое свѣтило, что идетъ передъ Солнцемъ, которое озаряетъ сводъ Неба и поверхность Земли, вездѣ, гдѣ путь человѣковъ созданныхъ.

2.

И говорили Баламъ-Квитцэ, Баламъ-Агабъ, Магукута, и Ики-Баламъ: Подождемъ еще восхода Солнца. Такъ говорили эти великіе мудрые. Эти люди, наученные въ знаніяхъ, эти люди, исполненные почитанія и повиновенія, какъ ихъ называли.

И не было еще ни дерева, ни камня, чтобы ихъ хранили наши отцы и наши матери: лишь Солнца ждали ихъ сердца, и всѣ племена уже были весьма многочисленны, такъ же какъ племя Яки, племя приносящихъ жертву.

Пойдемъ же, поищемъ, посмотримъ, нѣтъ ли чего, чтобы хранить наши знаменія; поищемъ, не найдемъ ли чего, что могли бы мы зажечь и что свѣтило бы во имя нашихъ знаменій. Ибо такъ, какъ мы есмь, никого мы не имѣемъ, кто блюлъ бы надъ нами. Такъ говорили они, Тигръ съ кроткой улыбкой, Тигръ Ночи, Тигръ Имя Знаменитое, и Тигръ Луны.

И вотъ одинъ городъ услышалъ ихъ рѣчи, и они отбыли.

Вотъ имя тѣхъ мѣстъ, куда они пошли, искатели, имя это—Туланъ-Цуива, Семь Пещеръ—Семь Срывовъ. И всѣ они прибыли въ Туланъ, иначе Туле. Счестъ нельзя было людей, пришедшихъ туда въ добромъ порядкѣ.

И дали имъ ихъ боговъ, отдали, и первыми были боги Балама-Квитцэ, Балама-Агаба, Магукуты, и Ики-Балама, и сердца ихъ исполнились радостью. Мы нашли, наконецъ, то, чего мы искали,—говорили они.

Первый вышелъ богъ Тогиль, Звенящій Ливень, Звукъ Браннаго Боя, и они помѣстили его въ ковчегъ, и Тигръ съ кроткой улыбкой понесъ его. Потомъ вышли для Тигра Ночи и для Тигра Знаменитаго Имени Аваликъс и Гакавитцэ, чьи имена непостижны, а Тигръ Луны получилъ бога Нихахтага, что значить Средоточіе Долины.

И прибыли тутъ всѣ другія племена, Рабиналы, Какчикели, и Тцикинаги. И это тамъ смѣшался языкъ племень, и оттуда ведется различіе ихъ языковъ. Они не разумѣли другъ друга ясно, когда они прибыли въ Туланъ. И тамъ они раздѣлились, были тѣ, что ушли на Востокъ, другіе же пошли здѣшними путями.

И шкура животныхъ была ихъ единственной одеждой: они не имѣли этого изобилія добрыхъ тканей, въ которыя бы могли одѣться, шкура животныхъ была ихъ единственнымъ убранствомъ. Они были бѣдны,

ничего у нихъ не было въ ихъ владѣнiи, но только они были людьми дивными по своей природѣ.

Когда они прибыли туда, въ Туланъ-Цуву, въ Семь Пещеръ—Семь Срывовъ, дологъ былъ ихъ путь, говорится въ древнихъ сказанiяхъ, дологъ былъ ихъ путь, чтобъ придти туда.

3.

Не было еще тогда Огня; но были тѣ, что молились Тогилю, и таковъ былъ Богъ народа этого, и первый онъ создалъ Огонь; не знаютъ въ точности, какъ онъ возникъ, ибо Огонь уже блисталь, когда увидали его Баламъ-Квитцэ и Баламъ-Агабъ.

Увы, нѣтъ у насъ того Огня, что возникъ, говорили они. Мы умираемъ, мы умираемъ отъ холода, повторяли они, скорбя. И Тогиль, чье имя Звезначiй Ливень, сказалъ имъ: Не сѣуйте. Это вамъ будетъ надлежать хранить или разрушать Огонь, о которомъ вы говорите.

Истинно? О, если-бъ такъ было, нашъ Повелитель! Ты, наша поддержка и кормилецъ нашъ, ты, нашъ Богъ, говорили они, поднося ему приношенiя.

Хорошо, отвѣчалъ имъ Тогиль, чье имя Звукъ Брашнаго Боя, поистинѣ, я вашъ Богъ; такъ да будетъ; я вашъ Повелитель; такъ да будетъ, говорилъ Тогиль приносящимъ жертву. И согрѣлись племена, и радовались по причинѣ Огня.

Но потомъ начался сильный дождь, и онъ погасилъ Огонь племень, и великiй градъ упалъ на головы всѣхъ племень, и ихъ огонь потухъ по причинѣ града, и не было болѣе этого Огня, который возникъ.

Тогда Баламъ-Квитцэ и Баламъ-Агабъ еще разъ взмолились объ Огнѣ: О, Тогиль, воистину мы умираемъ отъ холода, говорили они.— Хорошо, не сѣуйте, отвѣтствовалъ Тогиль. И тотчасъ онъ заставилъ брызнуть Огонь пляшущимъ движенiемъ въ тростниковой впасти материнства.

И обрадовались, и согрѣлись у Огня Тигръ съ кроткой улыбкой, Тигръ Ночи, Тигръ Имя Знаменитое, и Тигръ Луны. И всѣ племена потянулись къ нимъ, одно за другимъ, ибо огонь племень погасъ и они умирали отъ холода.

Къ мудрымъ Тиграмъ пошли они просить Огня, ибо ничего они не могли по причинѣ холода и заморозковъ, дрожали, и жалась они всѣ

другъ къ другу, и зубы у нихъ стучали; въ нихъ не было жизни, руки и ноги ихъ отяжелѣли, такъ что ничего они не могли держать въ рукахъ, когда пришли.

Не обижайте насъ, говорили племена, мы съ вами теперь, и пришли просить у васъ немного вашего огня. Но не такъ ихъ приняли, какъ они ждали, и сердце племенъ опечалилось.

Уже языкъ Балама-Квитцэ, и Балама-Агаба, и Мугукуты, и Ики-Балама былъ другой. Горе намъ, горе намъ! говорили племена разноязычныя. Мы забыли нашъ языкъ. Что же мы сдѣлали? Теперь мы погибли. Откуда же это пришло, кто ввелъ насъ въ заблужденіе? У насъ былъ лишь одинъ языкъ, когда мы пришли изъ Туле, одинъ былъ способъ возставлять алтарь. Дурно это, то, что мы сдѣлали, повторяли между собою всѣ племена въ лѣсахъ и подъ лѣнами.

Въ этотъ мигъ явился человѣкъ передъ глазами Балама-Квитцэ, Балама-Агаба, Мугукуты, и Ики-Балама. Онъ былъ изъ страны, чье имя—Ксибальба, Края Тѣневого, и такъ заговорилъ къ нимъ этотъ посланный:—

Истинно, это вашъ Богъ, тотъ, кого вы поддерживаете, и онъ есть знаменье и тѣнь вашего Творца и вашего Создателя. Не давайте же вашего огня племенамъ, до тѣхъ поръ, пока не дадутъ они Тогилю, который есть вашъ повелитель, того, что они дали вамъ. Потребуйте же для него, для того, чье имя Звукъ Браннаго Боя, что дадутъ они, чтобы взять огонь. Такъ сказалъ имъ посланный изъ Ксибальбы.

Крылья его были какъ крылья летучей мыши. Я посланный отъ вашего Творца и отъ вашего Создателя, сказалъ имъ онъ.

И они исполнились веселія; сердце Тогиля, и сердце Авиликса и Гакавитца, чьи имена непостижны, возвеселились равно, пока говорилъ этотъ посланный изъ Страны Горныхъ Призраковъ. И внезапно онъ исчезъ отъ ихъ взглядовъ, но не пересталъ существовать.

И пришли тогда еще племена, умиравшія отъ холода; ибо много было града, и великъ былъ темный дождь, который сгущался, и холодъ былъ несосчитанный.

Итакъ, всѣ племена сошлись, дрожа и бормоча невнятно отъ холода, тамъ, гдѣ были четыре мудрые Тигра. Велика была разорванность и пытка ихъ сердцецъ, ихъ рты и ихъ глаза были полны печали.

Украдкой вернувшись, они спросили: Неужели же не скалитесь надъ нами? Лишь немного огня вашего мы просимъ. Развѣ было больше, чѣмъ одно жилище для насъ всѣхъ, больше, чѣмъ одна родина

для насъ, когда вы были созданы и оформлены? Сжальтесь надъ нами, повторяли они.

Что вы намъ дадите за то, чтобы мы надъ вами сжалились?—отвѣчали они имъ.—Мы дадимъ вамъ серебра, — отвѣчали племена. — Мы не хотимъ серебра, — отвѣтили Баламъ-Квитцэ и Баламъ-Агабъ. Мы спросимъ Тогиля, и скажемъ вамъ.—Хорошо, отвѣчали племена.

Что ты хочешь, чтобы дали племена, о, Тогиль, Звенящій Ливень, Звукъ Браннаго Боя, племена, которыя просятъ твоего Огня? — говорили тогда эти мудрые.

Хорошо,—отвѣчалъ Тогиль, — хотятъ ли они соединиться со мной, разъявъ свой поясъ и обнаживъ свою грудь? Даетъ ли ихъ сердце согласіе на то, чтобы они меня обняли? Обняли Тогиля? Но, если они этого не хотятъ, я не дамъ имъ вовсе Огня.

Скажите имъ, что это лишь мало-по-малу совершится, черезъ разъятие пояса и обнаженіе груди, это соединеніе. Скажите имъ. Такъ было отвѣчено Тиграмъ, у которыхъ просили Огня.

И они передали слово Тогиля. И отвѣтили племена: Хорошо, будетъ соединеніе, и мы обнимемъ его. И не медлили они съ своимъ общаніемъ. И, получивши Огонь, они согрѣлись. Но они не знали, что они общали.

4.

Была, однако же, одна толпа, которая похитила Огонь въ дымѣ; толпа эта была изъ дома Цотциль, и знаменіе ея было—летучая мышь.

Когда они проходили въ дымѣ, тихонько тихонько они проходили; Какчикелями звались они, и не просили они объ Огнѣ, и не сдались, какъ побѣжденные.

Но всѣ другія племена попали въ эту западню, изъявивъ согласіе на разъятие своего пояса и на обнаженіе своей груди; ибо именно обнаруженіе груди, раскрытіе ея, разумѣлъ Тогиль, Звенящій Ливень, когда приносили жертву всѣ племена передъ Его ликомъ, когда вырывали имъ сердце изъ груди, изъ обнаженія разъятой груди.

Не совершался еще этотъ обрядъ, когда Тогиль, Звукъ Браннаго Боя, предложилъ имъ ихъ смерть, въ ея величіи и ужасѣ, черезъ руки Балама-Квитцэ, Балама-Агаба, Мугукуты, и Ики-Балама.

Изъ Туллана-Цуивы пришелъ обычай воздерживаться отъ пищи: они постились непрерывно, и бодрствовали, ждали зари, стерегли восходъ

Солнца. Чередовались, чтобы видѣть великую звѣзду, названную Звѣздою Утра, что предшествуетъ Свѣтилу Дня; блестящая Звѣзда Утра всегда была тамъ, когда они были въ Туле, откуда пришелъ ихъ Богъ.

Но не тамъ достигли они своей власти и своего могущества, а тамъ, гдѣ раздавили племена большія и малыя, и гдѣ наложили на нихъ ярмо, и принесли ихъ въ жертву предъ лякомъ Тогилы, поднося Ему кровь и жизнь, вырывая для Него сердца изъ разъятой обнаженности груди.

Въ темнотѣ и въ ночи пришла къ нимъ эта великая мудрость, и ей они стали дѣйствовать.

И сорвались они съ того мѣста, гдѣ были, и оставили мѣсто, гдѣ восходить Солнце: Не здѣсь наше жилище, пойдѣмъ, пойдѣмъ, посмотримъ теперь, гдѣ мы его укрѣнимъ.

Такъ говорилъ Тогиль. Такъ открылся онъ Тигру съ кроткой улыбкой и Тигру Ночи, и двумъ другимъ мудрымъ. Вознесите прежде всего ваши благодаренія и хвалы. Сдѣлайте себѣ также отверстія въ ухахъ, произите ихъ шипами, и произайте ваши руки у мѣста сгиба ихъ, и приносите въ жертву вашу кровь; въ этомъ будетъ ваша благодарность передъ Богомъ.

Хорошо, отвѣчали они, пронзая себя шипами. И они запѣли пѣсни о своемъ уходѣ изъ Туле; и сердца ихъ стонали, когда они пустились въ путь, оторвавшись отъ Туле.

Увы, мы не увидимъ здѣсь болѣе зари въ ту минуту, когда рождается Солнце, озаряющее поверхность Земли.

И много людей оставалось въ дорогѣ, ихъ бросали спящими на пути, ибо каждое племя уходило въ путь такъ, чтобы видѣть Звѣзду, которая есть вѣстникъ Солнца.

И, усталые, спали въ темнотѣ полусумрака.

Это знаменье зари держали они въ своихъ мысляхъ, когда они шли оттуда, гдѣ Солнце встаетъ, и чаянье ихъ было все то же, когда они покидали то мѣсто, которое было на великомъ отсюда разстояніи, какъ говорить намъ въ эти дни.

5.

Въ это время прибыли они на вершину одной горы. Тамъ собрались всѣ, принадлежащіе къ народу Квичей, и тамъ держали они совѣтъ, указуя другъ другу свои мнѣнія. Имя этой горы — Чи-Пиксабъ, что значить Предостереженіе.

И, тамъ, соединившись, они восхваляли себя, восклицая: „Мы — Квичи, мы—Квичи“. И дали они названія другимъ народамъ и стали эти народы—другіе. И имена ихъ не стерлись даже и доселѣ.

Тамъ держали они совѣтъ, поджидая зарю, и подстерегая выходъ Звѣзды, предшествующей Солнцу при его восхожденіи. Оттуда мы пришли,—говорили они. Но мы разлучились. И разрывалось ихъ сердце, и велико было ихъ страданіе. Ибо не имѣли они ни пищи, ни пропитанія: они вдыхали только запахъ отъ своихъ посоховъ, и думали, что вотъ у нихъ есть пища.

Неяснымъ осталось, какъ перешли они Море: точно какъ не было Моря, такъ перешли они съ той стороны. Они шли по камнямъ разсѣяннымъ, и камни эти были на пескахъ. И потомъ они назвали то мѣсто: Камни — ряды камней, и Пески исторгнутые. Ибо раздѣлилась вода, когда они переходили Море.

Въ эти дни великаго воздержанія отъ пищи, на вершинѣ горы, гдѣ ихъ Богъ продолжалъ съ ними говорить, было сказано Тогилемъ, Авилкомъ, и Гакавитцомъ четыремъ мудрымъ Тиграмъ: Уйдемъ, уйдемъ. Нужно встать. Здѣсь нельзя долѣе оставаться. Отнесите насъ въ какое-нибудь потаенное мѣсто.

Уже приближается заря. Не исполнились ли бы глаза ваши печали, если бы были мы захвачены врагомъ въ этихъ стѣнахъ, здѣсь, гдѣ мы, по причинѣ васъ, о, приносящіе жертву? Унесите насъ каждаго въ отдѣльности, повторяли они имъ.

Хорошо, отвѣчали они, и такъ какъ намъ нужно отсюда уйти, мы будемъ искать въ лѣсахъ.

Послѣ этого они взяли своихъ боговъ, и унесли Авилкса въ Сокрытый Оврагъ, и оставили Гакавитца на великой пирамидѣ, на которой былъ зажженъ огонь, и сокрыли, равно, Тогилу, сокрыли его въ Великомъ Лѣсу. Много тигровъ и змѣй, много ехиднъ и коршуновъ было въ лѣсахъ, гдѣ былъ спрятанъ Тогиль приносящими жертву.

И вмѣстѣ оставались на высокой горѣ четыре мудрые, дожидаясь зари. Не было у нихъ ни сна, ни покоя, и велики были стоны ихъ сердецъ. Печалью покрылись ихъ лица.

Безъ радости мы пришли сюда. Увидимъ ли восходъ Солнца? Какъ случилось это, что, будучи всѣ одного чувства въ нашей родинѣ, мы такъ теперь оторваны? И они передавали другъ другу тоску въ рыданіяхъ своихъ голосовъ.

Такъ говорили они, и не было у нихъ утѣшенія до зари. Вотъ на

ши боги въ лѣсахъ и оврагахъ, въ высокихъ травахъ и подъ мхами волокнистыми. Даже досокъ у нихъ нѣтъ для сидѣнія. А сколь они велики, Тогиль, Авиликъ, и Гакавитць.

Велика ихъ слава, велико ихъ могущество и сила ихъ превыше всѣхъ боговъ всѣхъ народовъ. Безконечны ихъ чудеса, неизреченны пути ихъ и странствія въ холодѣ и въ ужасѣ, который существо ихъ видѣряетъ въ сердце народа.

И взошла, наконецъ, заря, было явленіе Солнца, Луны, и звѣздъ.

6.

Велика была радость четырехъ мудрыхъ, когда они увидѣли Утреннюю Звѣзду. Первая вышла она съ блистательнымъ ликомъ впередъ Солнца.

Послѣ этого они раскрыли связку, заключавшую ихъ благовопія, пришедшія оттуда, гдѣ встаетъ Солнце, душистыя куренія, принесенныя ими, чтобы они послужили имъ.

Благовопный копаль, и дымный копаль, и оиміамъ Господень—таковы были три наименованія ихъ ладана. И это зажгли они, начавши торжественную пляску, обращенную къ встающему Солнцу.

Нѣжны были ихъ слезы при этой торжественной пляскѣ, съ медлительной мѣрностью, и душисты были восходящіе дымы ихъ куреній. И потомъ возстонали они, что не видѣли они и еще не созерцали свѣтлаго лика Солнца.

Солнце вступило на путь восхожденія, и всѣ животныя, великія и малыя, преисполнились веселія; кончили они свое восшествіе по теченію водъ и въ обрывахъ, они помѣстились на крайностяхъ горъ, и всѣ вмѣстѣ устремляли свои головы туда, откуда шло Солнце.

Послѣ этого испустили свой ревъ тигръ и левъ. Но первой птицей запѣвшей былъ Квелитцу, зеленая птица. Всѣ живущіе были исполнены радости, били крылами орелъ и коршунъ, среди всѣхъ, и великихъ, и малыхъ, птицъ слышались взмахи и всплески крыльевъ.

Приносящіе жертву поверглись лицомъ во прахъ: велика была радость ихъ сердецъ, велика была радость всѣхъ племенъ, велика была радость всѣхъ безчисленныхъ глазъ, смотрѣвшихъ на Солнце, которое всѣмъ имъ свѣтило.

И пріятно-сухою сдѣлалась Земля по причинѣ лучей Солнца: какъ

нѣкій человѣкъ явило себя Солнце; присутствіе его согрѣвало, и дѣлало сухою поверхность Земли.

Передъ тѣмъ какъ явило Солнце свой ликъ, илстой и влажной была поверхность Земли, но это только пока не появилось Солнце; пришло оно какъ нѣкій человѣкъ и совершило свое дѣло.

Однако же, не было въ теблѣ его силы. Оно лишь показалось. Оно было какъ образъ въ зеркалѣ, и по-истинѣ это не было то же самое Солнце, какимъ оно является теперь, говорится въ сказаніяхъ.

Тотчасъ вслѣдъ за этимъ, Тогиль, Авиликсъ, и Гакавитцъ окаменѣли. Окаменѣли, равно, боги Льва, Тигра, Ехидны, Коршуна, Блага Создателя Огня Трениемъ: руки ихъ судорожно уцѣпились за сучья деревьевъ, въ тотъ мигъ, какъ являлось Солнце, явились Луна и звѣзды: со всѣхъ сторонъ все сдѣлалось камнемъ.

И, быть можетъ, не было бы насъ въ живыхъ теперь, по причинѣ прожорливости звѣрей, львовъ, тигровъ, и ехиднъ, быть можетъ, наша слава не существовала бы, если бы не заставило Солнце первыхъ животныхъ окаменѣть.

На вершинѣ горы Гакавитцъ создали мудрые городъ, ибо тамъ увидѣли они Солнце, Луну, и звѣзды. И тамъ началось пѣніе ихъ пѣсни Камуку (Мы видимъ), которую они пѣли, и стонали въ своемъ сердцѣ, отъ всего, что они говорили въ своей пѣснѣ.

Увы! далека наша Туле, и жизнь наша тамъ разрушилась, мы отлучились отъ братьевъ нашихъ, которые остались позади. Это вѣрно, что мы увидѣли Солнце, да, мы увидѣли, а они, гдѣ они теперь, въ часъ, когда встала заря? Такъ говорили приносящіе жертву.

Да, по-истинѣ Тогиль есть имя бога народа этого, и звался онъ Йолькуать-Кветцалькоатль, когда мы разстались въ Туланъ-Цуивѣ. Оттуда мы вышли, и тамъ колыбель вашего народа; оттуда пришли мы, говорили они другъ другу.

И вспомнили они тогда о своихъ братьяхъ, оставшихся тамъ, далеко позади, въ тѣхъ странахъ, что нынѣ зовутся Мексикой. Другіе же остались на Востокѣ.

Велика была тоска ихъ сердець на вершинѣ горы, чье имя Гакавитцъ.

7.

И вотъ теперь какое рѣшеніе воспослѣдовало относительно Тогиля и Авилікса. Они пошли увидѣть ихъ и принести имъ хваленія, благодаря за радость, лицедрѣнья возставшаго Солнца.

Боги свѣтились межъ скалъ среди лѣсовъ; и непостижной, таинственной властью дали они слышать свои голоса, когда прибыли передъ Тогиля приносяшіе жертву.

То, что они принесли, и что они возжгли потомъ, не имѣло никакой цѣны: это была лишь древесная смола, храмовая камедь и дикій анисъ. Тогда заговорилъ Тогиль, и таинственно далъ онъ имъ правило поведенія, сказавъ, что нужно дѣлать приносящимъ жертву.

По-истинѣ это наши горы и наши долины. Мы еще будемъ вашими; наша слава и блескъ нашъ вознесены передъ лицомъ людей. Вамъ — всѣ народы, ибо мы ваши союзники; храните же вашъ народъ и мы дадимъ ему поученія.

Не давайте насъ созерцать глазамъ племенъ, когда мы будемъ разгнѣваны словами ртовъ ихъ и ихъ поведеніемъ; не давайте намъ впасть въ какую-либо западню, но давайте намъ дѣтей травы и кустовъ, давайте намъ самокъ оленей и самокъ птицъ.

Пожелайте давать намъ немного ихъ крови, ибо мы бѣдны, и оставьте намъ шерсть оленей; заботьтесь о тѣхъ, что стоятъ какъ часовые, чтобы видѣть западни, которыя приготовить для насъ. То будутъ знаменія, которыя вы явите племенамъ.

Гдѣ же Тогиль? скажутъ вамъ тогда, и вотъ вы явите наши знаменія ихъ взорамъ; но не показывайтесь имъ сами: ибо вы будете имѣть другое, что дѣлать. Велико будетъ ваше бытіе; вы побѣдите всѣ народы; вы принесете ихъ кровь и ихъ жизнь передъ лицо наше, и тѣ придутъ насъ обнять, которые еще намъ надлежатъ, сказали Тогиль, Авиліксъ и Гакавитцъ, боги имѣя непостижныхъ.

Во образѣ юныхъ являлись они, когда, преображаясь, давали себя увидѣть, съ пришествіемъ даровъ, приносимыхъ имъ. Ибо началась тогда охота, преслѣдованіе птенцовъ всѣхъ птицъ, дикихъ звѣрей, и приносимое принимали приносяшіе жертву. Когда находили они птицъ и молодыхъ оленей, тогда шли они распространять кровь оленей и птицъ на краю жертвеннаго камня предъ хотящими богами.

Выжили, выжили боги ихъ кровь, тотчасъ говорилъ камень, въ то

самое время какъ приносящіе жертву приближались, приходя со своими приношеніями. И все то же дѣлали передъ знаменіями отцовъ нашихъ, жгли душистую смолу и жгли дикій анисъ, и траву, что звали они Змѣиной головой.

Знаменія отцовъ оставались, каждое отдѣльно, на горѣ, гдѣ помѣстили ихъ. И живущіе не оставались въ своихъ домахъ въ теченіе дня, но ходили по всѣмъ горамъ.

И вотъ чѣмъ они питались: личинками слѣпней, личинками шершней и пчель, которыхъ они находили въ дѣсахъ: ничего добраго не было у нихъ, чтобы поѣсть, ничего, чтобы пить. И тогда еще не знали хорошенько дорогу къ домамъ своимъ, и не знали въ точности, гдѣ же теперь жены и что съ ними.

8.

И вотъ уже много основалось городовъ, каждый въ отдѣльности былъ, и каждое изъ племенъ собиралось въ городахъ, выросавшихъ на всѣхъ дорогахъ, и всѣ дороги были открыты.

Что до Балама-Квитца, и всѣхъ четырехъ мудрыхъ, не вѣдали въ точности, гдѣ они. Когда они видѣли людей племенъ, проходящихъ по дорогамъ, тотчасъ кричали они съ края горъ, и это былъ жалостный крикъ волка прерій, и крикъ дикой кошки, такъ же какъ ревъ тигра и льва.

И когда племена проходили по дорогѣ, видя это, они замѣчали: Они воютъ точъ въ точъ какъ волкъ прерій, кричатъ какъ дикая кошка, какъ тигръ и левъ. Какъ будто не были они людьми въ мысляхъ всѣхъ племенъ. Нѣтъ ли тутъ западни, нѣтъ ли лукавства какого для насъ?

Что-то есть, чего желаетъ ихъ сердце? По-истинѣ они не страшатся того, что они дѣлаютъ: есть у нихъ что-нибудь въ помыслахъ, когда они ревутъ такъ со львомъ и стонутъ такъ съ тигромъ, и кричатъ, когда видятъ, что одинъ или двое идутъ по дорогѣ,—покончить съ нами хотять они.

Итакъ, каждый день приходили домой приносящіе жертву, но они приносили только личинки слѣпней, и личинки шершней и пчель, чтобы дать ихъ женамъ своимъ.

И каждый день также шли они передъ лицо Тогила, Авилкса и Гакавитца, и говорили въ своемъ сердцѣ: Вотъ это они здѣсь, Звения,

щій Ливень и Боги Имень Непостижныхъ, а мы даемъ имъ только кровь дикихъ звѣрей и птицъ. И мы только пронзаемъ наши уши и наши руки на сгибѣ ихъ. Попросимъ у нихъ силы и мужества. Кто будетъ порицать смерть людей среди племенъ, когда мы убьемъ ихъ одного за другимъ, одного за другимъ? — говорили они другъ другу, передъ ликомъ боговъ.

И они пронзили себѣ уши и руки на сгибѣ ихъ, и собрали кровь губками, и наполнили ею чашу на краѣ камня. Но по-истинѣ не камнемъ тогда представалъ онъ, но каждый изъ нихъ какъ юный являлъ свой ликъ.

Приносящіе жертву снова возрадовались на эту кровь, когда они увидѣли такимъ образомъ эти знаменія дѣлъ ихъ. Слѣдуйте этими путями, въ томъ средство вамъ спастись. Оттуда, изъ родовой колыбели, изъ Туле, когда вы принесли насъ, прозвучалъ отвѣтъ, изъ родовой колыбели была принесена кожа Пацилицибъ, кожа, сорванная съ женщины, принесенной въ жертву: да натрутся же они кровью, которая сдѣлалась даромъ Тогиля, Авилікса и Гакавитца.

9.

Вотъ, когда началось похищеніе человѣковъ племенъ Баламомъ-Квитца, Баламомъ-Агабомъ, Мугукутой и Ики-Баламомъ.

И тотчасъ за этимъ началось избіеніе племенъ. Они брали ихъ, когда люди шли по дорогѣ вдвоемъ или въ одиночку, такъ что не знали, когда они ихъ похищали: и послѣ этого они шли принести ихъ въ жертву предъ лицомъ Тогиля и Авилікса.

Потомъ, распространяя кровь по дорогѣ, они бросали ихъ головы въ отдѣльности по пути. И города говорили: Тигръ пожралъ ихъ. Они говорили это по причинѣ того, что видны были какъ бы слѣды тигровыхъ лапъ, и это ихъ слѣды были, безъ того, чтобъ они показались.

Они похитили такъ человѣковъ изъ многихъ городовъ, и лишь очень поздно поняли племена: Не зтотъ ли Тогиль ходитъ между нами? не ходитъ ли между нами Авиліксъ? Это ихъ, безъ сомнѣнія, питаютъ приносящіе жертву. Гдѣ ихъ жилища? Выслѣдимъ ихъ, повторяли все города.

Тогда они совѣтовались между собою. И начали они выслѣживать, гдѣ приносящіе жертву по слѣды были неясны. Лишь слѣды дикихъ звѣрей видѣли они, слѣды тигра, не различая ихъ шаговъ. Не яв-

ственны были ихъ шаги, вывернуты были они, какъ шаги, которые хотять обмануть человѣковъ, и дорога ихъ не была развѣдана.

Ибо образуются туманы на мѣстахъ возвышенныхъ, и возникаетъ темный дождь, и образуется грязь отъ дождя, и еще образуется маленький дождь, холодный, и это есть все, что видѣли передъ собой племена.

Сердца ихъ утомлялись въ ихъ исканіяхъ; напрасно проходили они невѣдомые пути, ибо велико было существо Тогиля, Авиликса и Гакавитца: они уходили на вершину горы, удаляясь отъ племенъ, ими истребляемыхъ.

Отсюда началось похищеніе, замышленное кудесниками, когда увлекали они человѣковъ племенъ, чтобы закалатъ ихъ передъ лицомъ боговъ съ именами непостижными, тамъ, на вершинѣ горы.

Во образѣ трехъ красивыхъ юношей являлись Тогиль, Авиликсъ и Гакавитць, и чудесна была ихъ походка и весь ихъ видъ былъ чудомъ. Они купались у края воды, въ рѣкѣ, которая тамъ протекала, лишь для того купались, чтобы явиться, и донинѣ это мѣсто зовется Мѣстомъ Купанья Тогиля, Чи-Ратини баль-Тогиль.

И много разъ города ихъ видѣли; но тотчасъ же они исчезали по волѣ своей, когда замѣчали ихъ города. Тогда быстро распространилась вѣсть, что вотъ они тутъ, Тигръ съ кроткой улыбкой, Тигръ Ночи, Тигръ Имя Знаменитое и Тигръ Луны. И стали племена держать совѣтъ о томъ, какъ ихъ заставить умереть.

Сперва племена хотѣли уловить Тогиля, Авиликса и Гакавитца. И всѣ племена сказали: Пусть всѣ будутъ созваны и сойдутся; пусть не будетъ ни одного, ни двухъ полчищъ, которыя бы остались сзади.

Какъ уловить ихъ? говорили они между собою. Если мы должны быть погублены продолженіемъ этого похищенія, да будетъ такъ; но, если такъ велико могущество Тогиля, Авиликса и Гакавитца, пусть лучше этотъ Тогиль будетъ нашимъ богомъ, и да будетъ угодно Небу, чтобы мы плѣнили его. Они еще не побѣдили насъ. Не многочисленны ли мы въ нашемъ существованіи? А ихъ лишь горсть, слово сколько — не слово о нихъ.

Одни города отвѣтили другамъ: Кто видѣлъ ихъ, какъ они купаются въ рѣкѣ каждый день у края воды? Мы ихъ уловимъ въ томъ мѣстѣ, и будетъ тутъ пораженіе приносящихъ жертву.

Но чѣмъ же уловимъ мы ихъ? повторяли они.—Вотъ въ чемъ будетъ ихъ занадя, рѣшили они. Такъ какъ это являются юные, когда ихъ можно видѣть въ водѣ, пусть двѣ дѣвушки пойдутъ туда; пусть

это будутъ самыя красивыя и самыя плѣнительныя изъ юныхъ нашихъ дѣвушекъ, и да придетъ къ нимъ желаніе обладать ими.

Хорошо, пойдѣмъ же и отыщемъ двухъ между самыя прелестныя дѣвушками, прибавили они, отыскивая своихъ дочерей. Это были поистинѣ самыя свѣтлолиція дѣвушки, которыхъ они послали туда.

Идите, дочери наши, идите на рѣку стирать бѣлье; и если вы ихъ увидите, этихъ трехъ юныхъ, предстаньте обнаженными передъ ними, и если сердца ихъ проникнутся вожделѣніемъ къ вамъ, позовите ихъ.

И если скажутъ они: Пойдемъ съ вами? вы отвѣтите: Да. И если спросятъ васъ: Откуда вы? Чьи вы дочери? вы отвѣтите: Мы—дочери владыкъ. И скажите имъ: Дайте намъ что-нибудь, какъ знакъ отъ васъ. Если они дадутъ вамъ что-нибудь, и если будутъ имъ ваши лица желанны, отдайтесь имъ. Если же вы имъ не отдадитесь, мы убьемъ васъ. Послѣ этого сердце наше будетъ довольнымъ.

Такъ говорили владыки, когда были посланы двѣ юныя дѣвушки: Ста имя одной, и Спочъ имя другой: Быстрая—звали одну, Нѣжная—звали другую.

Таково было рѣшеніе всѣхъ городовъ.

Послѣ этого они ушли, и воистину сдѣлали такъ, чтобы явиться прекрасными и блистательными; и идя около того мѣста, гдѣ купался Тогиль, онѣ рѣзвились безъ стыда, онѣ глядѣли и заглядывали, и шутили между собою. Когда онѣ уходили, владыки радовались на дочерей своихъ, которыхъ они послали.

И вотъ пришли онѣ къ рѣкѣ, и стали мыть бѣлье; онѣ были совсѣмъ голыя, и прыгали передъ скалами, когда появились Тогиль, Авиликсъ и Гакавитцъ. Пришли эти юныя и нѣсколько удивились на молодыхъ дѣвушекъ, которыя были около воды; и тотчасъ дѣвушки покраснѣли, увидя Тогиля и шедшихъ съ нимъ.

Но не пришло къ Тогилю и къ его сопровождавшимъ желанье обладать дѣвушками, и были онѣ спрошены: Откуда вы? И было имъ сказано: Чего хотите вы, приходя къ краю нашей воды?

Онѣ отвѣчали: Намъ послали владыки, и потому мы приходимъ сюда. Подите, взгляните на лица этихъ Тогилей, и заговорите съ ними, сказали намъ владыки. Чтобы былъ у насъ знакъ, что вы поистинѣ видѣли ихъ лица, сказали намъ.

Такъ сказали юныя дѣвушки, и этого хотѣли города, чтобы лишены онѣ были своего цвѣта духами Тогиля. Но Тогиль и сопровождавшіе его сказали, обращаясь къ Быстрой и Нѣжной: Хорошо, вы получите

знакъ нашей бесѣды съ вами. Подождите минутку, и вы отнесете его этимъ владыкамъ.

Послѣ того совѣтовались они съ приносящими жертву, и сказали четыремъ мудрымъ: Разрисуйте три плаща, начертите на нихъ знакъ вашего существа, чтобы они прибыли въ города вмѣстѣ съ этими двумя молодыми дѣвушками, пришедшими къ краю воды.

Такъ было сказано имъ. И нарисовали они: Сперва Баламъ-Квитцэ нарисовалъ тигра, онъ нарисовалъ его ликъ на поверхности ткани; орла нарисовалъ на поверхности ткани Баламъ-Агабъ; Магукута нарисовалъ шершней и пчелъ со всѣхъ сторонъ, расписалъ ихъ на поверхности ткани.

Такъ закончилось ихъ живописаніе. И, вручая плащи Быстрой и Нѣжной, сказали имъ мудрые Тигры: Вотъ знакъ нашей бесѣды съ вами. Идите же и предстаньте предъ владыками: По-истинѣ, Тогиль говорилъ съ нами, скажете вы имъ, и вотъ знакъ, который мы приносимъ, скажете вы имъ; пусть одѣнуть они плащи, которые вы имъ дадите.

Вотъ что было объявлено молодымъ дѣвушкамъ, когда они ихъ отослали. Расписанныя ткани прибыли съ ними; и тотчасъ же владыки исполнились радости, видя ликъ юныхъ дѣвшекъ, и руки ихъ, обремененныя тѣмъ, о чемъ они просили.

Видѣли ли вы лицо Тогилы? спросили ихъ. — Доподлинно видѣли, отвѣтили Быстрая и Нѣжная. — Что же вы приносите намъ какъ знакъ? спросили владыки, думая, что это есть знакъ ихъ согрѣшенія съ Тогилемъ.

Юныя дѣвушки развернули тогда расписанныя ткани, и отовсюду тигры и отовсюду орлы, и отовсюду шершни и пчелы ярко глянули съ поверхности тканей, блестящія на видѣ. И всѣ пожелали ихъ надѣть и начали ихъ примѣрять.

Тигръ не сдѣлалъ никакого зла, когда образъ его былъ надѣтъ на плечи владыки. Тогда и второй плащъ былъ надѣтъ, а вторымъ былъ образъ орла. Весьма хорошо, думалъ владыка въ этомъ плащѣ, и ходилъ и проходилъ передъ глазами толпы. Обнаживши все свое сокровенное, надѣлъ на себя владыка и третій плащъ разрисованный.

И только что онъ надѣлъ на плечи образъ шершней и пчелъ, какъ все тѣло его было изжалено шершнями и пчелами. Онъ не могъ терпѣть, не могъ выносить укула этихъ малыхъ звѣрей, и разразился воплями по причинѣ насѣкомыхъ, которые жалили, хотя лишь образъ ихъ былъ нарисованъ на поверхности ткани.

Такъ осмѣяны были владыки и города. Послѣ этого грубо спросили владыки юныхъ дѣвушекъ: Что же это за ткани принесли вы намъ? Гдѣ же вы ихъ взяли, недобрыя? говорили они имъ, при видѣ посрамленія всѣхъ городовъ Тогилемъ.

То, чего они хотѣли, это чтобъ Тогиль соблазнился пойти вслѣдъ за Быстрой и Нѣжной. Но не могъ быть уловлять Тогиль и сопровождавшіе его, по причинѣ дивныхъ людей, по причинѣ четырехъ мудрыхъ.

10.

Тогда всѣ племена снова совѣтовались между собою: Какъ же погубимъ мы ихъ? По-истинѣ велика ихъ сила теперь. Но нападёмъ на нихъ; мы возьмемъ ихъ приступомъ, и убьемъ ихъ; мы вооружимся луками и щитами. Не многочисленны ли мы? Да не будутъ ни одинъ, ни два между насъ, которые остались бы сзади.

Такъ говорили они на вторичномъ своемъ совѣтѣ. И вотъ всѣ племена вооружились, великое образовалось число воиновъ, когда собрались всѣ города, чтобъ убивать.

А Баламъ-Квитца и другіе мудрые были на вершинѣ горы. Гакавитца было имя горы, и они были тамъ, чтобы спасти дѣтей своихъ на вершинѣ горы.

Ихъ люди, однако же, не были многочисленны: это не было множество, какъ множество племень, ибо узка была вершина горы, которая служила имъ крѣпостью.

И вотъ собрались всѣ племена, украсились они бранными доспѣхами, луками и щитами: не исчислить было драгоценный металлъ ихъ доспѣховъ, и дивенъ былъ видъ ихъ владыкъ и ихъ предводителей; всѣ они были способны сдержать свое слово.

Истинно, истинно, всѣхъ мы убьемъ, говорили они, и этотъ Тогиль, онъ будетъ богомъ, которому мы станемъ молиться, если только онъ будетъ нашимъ плѣнникомъ.

Но хорошо зналъ Тогиль, что происходило, и знали объ этомъ мудрые Тигры. Они знали все, что рѣшалось на бранномъ совѣтѣ враговъ, ибо съ этой поры не было у нихъ ни сна, ни покоя.

Послѣ этого всѣ воители снялись съ мѣста и отправились въ путь, чтобы ночью взять приступомъ крѣпость. Но они не достигли этого; ибо всю ночь они пробыли въ дорогѣ, и тутъ посрамлены они были Баламомъ-Квитца и другими мудрыми.

Всѣ они сдѣлали привалъ, чтобы отдохнуть ночью въ пути, и не успѣли они замѣтить, какъ всѣ уснули. Послѣ этого имъ обрили ихъ брови и бороды ихъ; у нихъ взяли драгоцѣнный металл ихъ шейныхъ уборовъ, вмѣстѣ съ вѣнцами ихъ и другими украшеніями. Но изъ драгоцѣннаго металла они взяли только рукоятки ихъ палицъ; это было сдѣлано для того, чтобы унизить ихъ лица и уловить ихъ въ западню, въ знакъ величія народа Квичей.

Пробудившись, тотчасъ потянулись они за вѣнцами своими и за рукоятками своихъ палицъ; но не было болѣе ни серебра, ни золота на рукояткахъ, не было вѣнцовъ.

Кто же это насъ ограбилъ? Кто насъ такъ обрилъ? Откуда пришли похитить наше серебро и наше золото? Быть можетъ, это — демоны, которые похищаютъ людей? Когда же перестанутъ они быть нашими страшилищами? Нападѣмъ на вершины ихъ города, и увидимъ снова ликъ нашего драгоцѣннаго металла; мы это сдѣлаемъ, повторили всѣ племена; и по-истинѣ всѣ они были способны сдержать свое слово.

Но спокойствіе снизошло въ сердца приносящихъ жертву и обитающихъ на вершинѣ горы. Мудрые Тигры, собравши великій совѣтъ, возвели укрѣпленія на краю своего города, окружили его заставами и стволами деревьевъ.

Затѣмъ они сдѣлали фигуры, подобныя людямъ, и они ихъ размѣстили по закраинамъ крѣпости; дали имъ луки и щиты, возложили имъ на голову золотые и серебряные вѣнцы; все это возложили они на эти фигуры, на людей, сдѣланныхъ изъ дерева, разукрасили ихъ драгоцѣннымъ металломъ городовъ.

Они окопали всѣ подходы къ городу, и затѣмъ спросили Тогиля: Что, если мы будемъ убиты и побѣждены?—И Тогиль отвѣтилъ имъ: Не тревожьтесь. Я здѣсь.

11.

Тогда были принесены шершни и осы, такъ же какъ ліаны; и помѣстили этихъ жалящихъ въ четыре огромныя тыквы, и поставили ихъ кругомъ города; въ тыквахъ скрывались шершни и осы, и они должны были явить себя въ битвѣ народовъ.

Ихъ городъ былъ осмотрѣнъ, выслѣженъ и разслѣдованъ лазутчиками народовъ. Ихъ не великое число, повторили они. Но они видѣли лишь фигуры, людей изъ дерева, которые двигались, качая своими луками

и щитами. По-истинѣ они походили на людей, они были похожи на воителей, когда племена смотрѣли на нихъ. И всѣ племена веселились по причинѣ малочисленности ихъ.

Велики были тѣ племена въ своемъ существованіи: нельзя было счесть человѣковъ, воителей и воиновъ, приготовившихся убить четырехъ мудрыхъ, бывшихъ на горѣ съ именемъ Бога. И вотъ каково было ихъ пришествіе.

Итакъ, они были тамъ, Баламъ-Квитцэ, Баламъ-Агабъ, Магукута, и Ики-Баламъ, на горѣ, вмѣстѣ съ женами своими и дѣтьми, когда прибыли всѣ воины и воители, и число ихъ не было только два раза восемь тысячъ человѣкъ или три раза восемь тысячъ человѣкъ.

Они обступили олоты города, испуская великіе крики, вооруженные луками и щитами, ударяя себя по рту, вопя, меча и разметывая крики и свисты, когда они прибыли къ подножью города.

Но не было въ этомъ ничего, что могло бы утратить приносящихъ жертву; они лишь глядѣли съ закраины стѣны, гдѣ помѣстились они съ женами и дѣтьми; но ихъ мысль шла впереди слѣсныхъ словъ и дѣйствій племень, въ то время какъ кричащія поднимались по горѣ.

И уже вотъ-вотъ должны были они броситься ко входу въ городъ, какъ, минуто спустя, сняли покрышки съ четырехъ тыкъвъ, помѣщенныхъ кругомъ города, и брызнули оттуда шершни и осы; точно дымъ вырвался изъ впадины каждой изъ тыкъвъ.

И прикончены были тутъ воители жалащими, которые прилипли къ ихъ глазамъ и ихъ бровямъ, къ ихъ ноздрямъ, къ ихъ рту, къ ногамъ и къ рукамъ. Гдѣ они взяли ихъ, гдѣ они собрали ихъ всѣхъ?—вопросали ослѣпленные племена.

Такъ, прильнувъ къ нимъ, шершни и осы жалили ихъ въ глазной ихъ шаръ; нагромоздившись безъ числа, жужжали они, нападая на cadaго изъ этихъ людей; оьяненные, они не могли болѣе держать свои луки и щиты, и повсюду роняли ихъ на землю.

Падая, распростирались они передъ горой; и они не чувствовали даже, что въ нихъ пускаютъ стрѣлы и бьютъ ихъ ударами топоровъ; сучья простые взяли Баламъ-Квитцэ и Баламъ-Агабъ; жены ихъ стали ихъ убивать. И лишь половина вернулась, всѣ племена убѣгали въ страхъ слѣпомъ.

Но тѣ, которыхъ настигали, были убиваемы, и немалое ихъ число погибло. И не всей силой преслѣдовали ихъ, но шершни и осы за ними

гнались, и безъ стрѣлъ погибло ихъ великое множество. Всѣ племена тогда вступили подъ ярмо.

И такъ присмирѣли племена передъ мудрыми Тиграми. Пощадите, не убивайте насъ!—говорили племена.— Хорошо, вы достойны смерти, и все же не будете убиты, но вы будете данниками до тѣхъ поръ, пока Солнце свершаетъ свой кругъ, и свѣтъ на Небѣ свѣтитъ.

Такъ поразили множество всѣхъ народовъ праотцы наши, раздавивъ ихъ на горѣ Гакавитцѣ, гдѣ они основались и размножились, и породили сыновей и дочерей.

Послѣ этого сердца ихъ успокоились. И они возвѣстили сынамъ своимъ, что время близко, когда имъ нужно будетъ умереть. И вотъ какъ они умерли.

12.

Такъ какъ они предвидѣли смерть свою и конецъ свой, они возвѣстили объ этомъ своимъ дѣтямъ. У нихъ не было, однако, никакого знака болѣзни; они не испытывали ни страданія, ни боли, когда оставили сыновьямъ своимъ послѣднее свое слово.

Камуку! Мы видимъ! зацѣпи они въ тоскѣ своихъ сердець, прощаясь съ тѣми, кому они даровали жизнь. Дѣти наши, мы уходимъ, говорили они, мы уходимъ и мы возвращаемся; славны слова и славны дѣла, которыя мы оставляемъ вамъ. Вы также пришли съ нами изъ нашей далекой родины, о, жены наши, говорили они супругамъ своимъ, и съ каждою простились въ отдѣльности.

Мы возвращаемся къ нашему народу; уже Царь Оленей наготовѣ, онъ распростерся по Небу. Возвратъ наступилъ; наше дѣло окончено, наши дни сочтены. Помните же о насъ, не стирайте насъ въ вашей памяти и не забывайте. Вы увидите еще ваши дома и ваши горы, умножайтесь. Такъ да будетъ. Идите путемъ своимъ и увидите мѣста, откуда мы пришли.

Таково было ихъ слово, и Баламъ-Квитцэ оставилъ знаменіе своего существа. Въ этомъ будетъ ваше могущество,—сказалъ онъ,—я оставляю вамъ это, и прощаюсь, полный печали.

И оставилъ онъ знаменье, Величіе Окутанное, какъ его называли, и лика его не было видно; ибо они не развертывали его, и не знали его шивокъ, не видѣли, какъ оно было закутано, это Сокровенное

Величіе. И, простившись съ своими сыновьями, они исчезли у подножья горы Гакавитцъ.

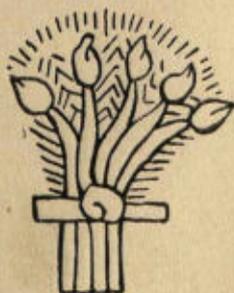
Они не были похоронены своими супругами и своими сынами, ихъ исчезновеніе не было зримо, когда они исчезали; было зримо только ихъ прощаніе, и этотъ Виѣшній Покровъ, который сталъ дорогъ ихъ потомкамъ. Это была память отцовъ ихъ, и тотчасъ же былъ зажженъ онімѣамъ передъ памятью отцовъ ихъ.

И люди умножились по причинѣ царей своихъ, принявшихъ могущество отъ чреслъ Балама-Квитцэ. И потомки другихъ Тигровъ отнюдь не исчезли.

Присмирѣли и были принижены всѣ племена, у которыхъ болѣе не было уже могущества, и всѣ они должны были служить каждый день.

Цари вспоминали отцовъ своихъ, и велика была слава Сокровеннаго Покрова. Величіе Окутанное—таково было имя этой Тайны, пришедшей отъ отцовъ.

Таковъ былъ конецъ и исчезновеніе Тигра съ кроткой улыбкой, Тигра Ночи, Тигра Имени Знаменитаго, и Тигра Луны, этихъ первыхъ людей, которые пришли съ той стороны Моря, гдѣ встаетъ Солнце; уже много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ они пришли сюда, когда они умерли, и весьма престарѣлыми были эти досточтимые, чье имя было—Приносящіе жертву.

КОНЕЦЪ ВЕЛИКАГО НАРОДА.

Изъ Священной Книги Пополь-Ву.

1.

На Востокъ рѣшилъ идти народъ Квичей: на Востокъ указуя, говорили о странствіи отцы ихъ, и не забыли они указанія отцовъ своихъ. Давно уже это было, что отцы ихъ умерли, когда дали имъ супругъ племени, и имѣли они вторыхъ отцовъ, отцовъ супругъ своихъ, взявши женъ всѣ трое.

И сказали они, уходя: идемъ на Востокъ, откуда пришли отцы наши, такъ сказали они, идя въ путь; эти трое были сыны—наслѣдники; Кокаибъ, имя перваго, что значить Двоимъ-Надлежащій, сынъ Балама-Квитца, вождь всѣхъ Кавековъ; Коакутэкъ имя втораго, Красивый Цвѣтокъ, сынъ Балама-Агаба, вождь Нигаибовъ; Коагау, имя третьяго, что значить Гдѣ Царь, сынъ Магукуты, вождь Агау-Квичей.

Итакъ, вотъ имена тѣхъ, что ушли на ту сторону Моря, трое ихъ было, что отправились въ путь; по-истинѣ, таково было ихъ рѣшеніе, и въ этомъ была ихъ мудрость, заставлявшая ихъ поступить такъ; ибо не напрасно это, что есть люди, подобные имъ. Простились они со всѣми братьями своими и родными своими; исполненные веселія отбыли они. Не умремъ мы; мы возвратимся, сказали они, отправляясь въ путь трое.

И внѣ всякаго сомнѣнія, перешли они Море, когда прибыли на Востокъ, чтобъ получить царскую власть. И вотъ имя владыки, самодержца Восточныхъ, куда прибыли они, владыки странъ, гдѣ восходитъ Солнце.

И когда прибыли они передъ владыку, чье имя было Наксить, Камень Самоцвѣтный, предъ великаго властителя, предъ судью единственнаго, власть коего была безъ границъ, вотъ, даровалъ онъ имъ знаменіе царственности, и все, что ее являетъ: оттуда знакъ достоинства Владыки Ковра, и достоинство Второго Владыки Ковра, и оттуда знаменіе всего величія и власти Владыки Ковра, и Второго Владыки Ковра, и, въ завершеніе, далъ имъ Наксить, Камень Самоцвѣтный,

всѣ отличія царственности, имя же его было еще Топильтцинъ Аккситль Кветцалькогуатль, онъ, къмъ лелъемо было Царство Востока.

И вотъ имена отличій, которыя слѣдуютъ: Тънь, тронъ, флейты, гремящій чамъ-чамъ, натиральный порошокъ разноцвѣтный, благовонія, благовонныя куренія, тигръ господствующій, птица, олень, раковины, цвѣтокъ, сосновая шишка, перепѣвный татамъ, трубы поющія, знамя съ перьями цапли, все, что они принесли, приходя, зачѣмъ пошли по ту сторону Моря, искусство живописать, чѣмъ отличенъ былъ Туланъ, дабы запечатлѣть событія случившіяся.

Послѣ того какъ прибыли они на вершину города своего, чье имя Гакавитцъ, и послѣ того какъ собрали они всѣхъ тѣхъ, что принадлежали къ Тамубу и Илокабу, сошлись всѣ племена, радуясь видѣть возвратившихся Кокамба, Коакутэка, и Коагау, снова взявшихъ на себя управление племенами. Рабиналы, и Какчикели, и люди Тцикинаги, Птичьего Гнѣзда, были преисполнены радости; явился глазамъ ихъ знакъ царственности, величіе могущества ихъ, и великимъ стало существованіе племенъ, хоть не завершили они еще выявленіе могущества своего. Они это были тамъ въ Гакавитцѣ, и было съ ними все, что пришло съ Востока далекаго, куда совершили они странствіе, и были они на горѣ всѣ вмѣстѣ уже весьма многочисленныя.

Тамъ также умерли супруги Балама-Квитцэ, Балама-Агаба, и Магукуты. И, покинувъ свои горы, искали они другихъ холмовъ, гдѣ основались; безчисленны суть мѣста, гдѣ основались они, давая имена мѣстамъ этимъ и мѣняя имена, что были прежде, первыя матери наши и первые отцы наши, дабы увеличиться и распространить свое могущество. Такъ говорили, древле, люди, рассказывая о временахъ этихъ, когда оставили они сперва свой городъ Гакавитцъ и пришли основать иной городъ, что былъ названъ Чи-Квиксъ, что значить Въ Терніяхъ.

Далеко расширились они въ окружности города этого, тамъ родили они дочерей и сыновей. Были они тамъ очень численны, и покрывали они уже четыре холма, что назывались одновременно именемъ города ихъ Чи-Квиксъ.

Выдавали они замужъ дочерей своихъ и женили своихъ сыновей; но какъ брачный подарокъ, и какъ приношеніе, назначали они дочерямъ своимъ цѣну, каковую получали, и благимъ было состояніе ихъ дочерей.

И вошли они въ каждую изъ различныхъ четверичностей города, и вотъ имена четверичностей тѣхъ: Чи-Квиксъ, Чи-Чакъ, Гуметага,

Кульба-Кавиналь, Въ Терніяхъ, Въ Ранѣ, Дома изъ Кору, Разукрашенный Предѣлъ. Таковы имена тѣхъ мѣстностей, гдѣ они жили. вотъ выслѣживали они кругомъ въ горахъ, и искали горъ необитаемыхъ; ибо весьма они были численны всѣ вмѣстѣ.

Уже были мертвыми тѣ, что ходили на Востокъ за знаками царственности; и уже старѣющіе, пришли они поселиться въ каждый изъ этихъ городовъ; но не привыкли они еще къ этимъ разнымъ мѣстамъ, гдѣ проходили; испытали они много трудовъ и невзгодъ, и лишь въ преклонномъ возрастѣ и далеко отъ первоначальныхъ жилищъ своихъ нашли они мѣсто, подходящее для города своего. И вотъ городъ, куда они пришли.

2.

Чи-Ицмачи имя мѣста того, гдѣ былъ городъ ихъ, Волосатый; тамъ поселились они наконецъ, и основались прочно; тамъ явили они дѣло могущества своего, начавъ строить дома изъ камня и извести; при четвертомъ родѣ царей въ пыль превратили они известь.

Эти вотъ были глаголющими, Коначе, и Белегепъ-Квепъ, и съ нимъ Галель-Агау. И потомъ царствовалъ царь Котуга, и съ нимъ Итцайуль, звались они Владыка Ковра и Второй Владыка Ковра, и царствовали они въ градѣ Волосатомъ, Ицмачи, который построили они, и былъ надъ пропастями то городъ великолѣпный.

И лишь три дворца выстроили тамъ въ Ицмачи: еще не было этихъ двадцати четырехъ дворцовъ, лишь три дворца, одинъ дворецъ людей Кавека, и одинъ дворецъ предъ лицомъ людей Нигаба, и одинъ дворецъ во владѣннѣ Агау-Квичей.

Двѣ это были змѣи, и двѣ вѣтви семьи многочисленной, извившіяся. И всѣ они были въ Ицмачи одно сердце: не было между ними разногласій, и не было между ними трудностей; въ покоѣ была царственность безъ споровъ и безъ мятежей; миръ и счастье были во всѣхъ сердцахъ.

И не было зависти совсѣмъ, не было ревности въ томъ, что они дѣлали, могущество ихъ было еще ограниченнымъ: ничего они еще не сдѣлали великаго, и не возвысились еще. Но тогда попытались они вознести щить, тамъ, въ Градѣ Волосатомъ, какъ знакъ царства своего; знакомъ своего величія сдѣлали они его, и знакомъ своей власти.

И когда Илокабъ замѣтилъ это, война возгорѣлась стараніями Илокаба, который хотѣлъ убить этого царя Котугу, люди же Илокаба хотѣли одного лишь царя, и чтобы былъ онъ съ ними. Что до царя Ицтайуля, хотѣли они его покарать, по причинѣ Илокаба, умертвивъ его.

Но ревность ихъ не успѣла противъ царя Котуги, который снизошелъ на нихъ, прежде чѣмъ погибнуть отъ руки Илокаба. Таково было начало мятежа и смятенія войны.

Вошли они приступомъ, сначала, въ городъ, и провели путь свой избывая: ибо то, чего хотѣли они, это гибели lika Квичей, вознамѣрившись царствовать одни. Но они пришли за тѣмъ лишь, чтобы умереть; схвачены были они и сдѣланы плѣнниками, и только невеликому числу изъ нихъ удалось спастись.

И тогда начали приносить ихъ въ жертву: люди Илокаба были закупаемы передъ Богомъ, въ этомъ кара была за грѣхъ ихъ, по повелѣнію царя Котуги. Въ великомъ числѣ также вступили они въ рабство, и слугами стали невольниками, послѣ того какъ раздавлены были за то, что возягли войну противъ царя и противъ оконовъ города.

Чтобы имя царя Квичей было разрушено, чтобы ликъ его былъ затемненъ и преданъ поношенію, вотъ чего восхотѣли сердца ихъ; но ничего изъ этого не могло осуществиться. И такъ родились жертвоприношенія человѣческія передъ Богомъ, когда вознесся щитъ войны, причина укрѣпленій города, что начались въ Ицмачи, зачались въ Градѣ Волосатомъ, подъ тѣнью браннаго щита.

Тамъ основалась колыбель его могущества, ибо по-истинѣ велико было царство царя Квичей. Повсюду являлся онъ, окруженный владыками мощными въ дѣлахъ, чарователями, и никого не было, кто могъ бы ихъ унижить, и никого, кто могъ бы ихъ поколебать, и этимъ укрѣплялось величіе царства, основавшагося въ Ицмачи.

Тамъ возросло обыкновеніе причинять себѣ уколы шипами предъ Богомъ, и ужасъ тамъ возросъ; ужаснулись все народы, малые народы и большіе народы, созерцая шествіе плѣнныхъ, которыхъ приносили они въ жертву, и которыхъ убивали по причинѣ величія и власти царя Котуги, царя Ицтайуля, съ людьми Ниганба и Агау-Квичей.

Лишь три эти отрасли царскаго рода жили тамъ въ Ицмачи, Градѣ Волосатомъ, каково было его имя, и тамъ, равно, начали они устраивать празднества и нестования для дочерей своихъ, когда приходили они съ куреніями въ преддверія храмовъ.

Потому-то три отрасли царскаго рода стали собираться во дворцахъ,

наименованныхъ царскими, и тамъ пили они пьинительные свои напитки, и тамъ ѣли они свои яства, цѣну сестеръ своихъ, и цѣну дочерей своихъ, и съ веселиемъ въ сердцѣ только они и дѣлали тогда, что ѣли и пили изъ разрисованныхъ выдолбленныхъ тыквъ, внутри своихъ дворцовъ.

Вотъ благодаренія наши и восхваленія наши богамъ, для потомства нашего, знакъ нашего слова о дѣвухахъ и юношахъ, говорили они. И туда приходили они давать имена, и тамъ другъ друга величали, и раздѣлились на семьи и сплотились въ семь племенъ, и раздѣлились на четверичности города.

Соединимся заодно, мы, Кавеки, мы, Нигаибы, и мы, Агау-Квичи, говорили три отрасли царскаго рода и три великіе дома. И долгое время пребывали они въ Ицмачи, пока не нашли они и не увидѣли другой городъ, и покинули они тогда, въ свой чередъ, Градъ Волосатый.

3.

Послѣ этого, когда поднялись они, чтобы покинуть Ицмачи, пришли они въ столицу, чье имя Гумаркаагъ, Па-Тинамитъ-Гумаркаагъ, Градъ Обведенный Древнихъ Хижинъ, такъ былъ онъ названъ Квичами, когда пришли цари, Котуга и Гукуматцъ, и съ ними всѣ владыки-чарователи. Вошли тогда въ пятое поколѣніе людей, считая съ начала благоустроенія и возникновенія Квичей, какъ народа единого.

И тамъ въ великомъ числѣ выстроили они свои дома, и тамъ, равно, построили они домъ Бога, въ средоточіи, на мѣстѣ возвышенномъ города, гдѣ они помѣстили его, когда пришли основаться.

Послѣ сего еще возросло царство ихъ: и поелику были они въ весьма великомъ числѣ, великіе дома ихъ еще разъ держали совѣтъ, и, собравшись всѣ вмѣстѣ, они подраздѣлились. Ибо разногласія возникли; ревностью прониклись одни къ другимъ изъ-за выкупа сестеръ своихъ и дочерей своихъ, и уже не угощали они, пришедшихъ за ними обычными напитками.

Вотъ каково было начало ихъ раздѣленія, когда обратились они, одни на другихъ и бросали другъ въ друга кости и головы мертвыхъ и обмѣнивались останками смерти. Тогда раздѣлились они на девять семей: завершивъ такимъ образомъ ссору изъ-за сестеръ и дочерей

своихъ, привели они въ исполненіе то, что рѣшили, и раздѣлили все царство на двадцать четыре великіе дома; вотъ что свершилось.

Много уже времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ пришли владыки въ этотъ городъ, когда завершились двадцать четыре великіе дома въ столицѣ Гумаркаагъ, и съ тѣхъ поръ истекли дни, и вотъ онъ совсѣмъ безлюдный, Градъ Хижинъ Древнихъ.

Тамъ возвеличились они, соединивши въ блескъ троны свои и царственные сидѣнья; наименованья почетныя всѣ были розданы, каждому изъ владыкъ, девять образовалось семей съ девятью владыками Кавека, девять съ владыками Нигаиба, четыре съ владыками Агау-Квичей, и двѣ съ владыками Цаккика.

Весьма они стали численными, и численны были, равно, люди, что были въ свитѣ каждаго изъ владыкъ; были они первыми во главѣ своихъ данниковъ, и много, много семей принадлежало каждому владыкъ; вотъ мы скажемъ наименованія почетныя владыкъ этихъ, каждаго въ отдѣльности.

Вотъ наименованія владыкъ, что являли ликъ Кавека: Владыка Ковра, Второй Владыка Ковра, Владыка Жрецовъ Тогиля, Владыка Жрецовъ Гукуматца, Великій Избранникъ Кавека, Совѣтникъ Читун, Блуститель Даней, Совѣтникъ при Игрѣ въ Мячъ, Главный Домохранитель.

Таковы владыки, что являли ликъ Кавека, девять владыкъ, великіе дома которыхъ размѣщены по достоинству ихъ. И означены были, равно, имена владыкъ Нигаиба, и владыкъ Агау-Квичей, и владыкъ Цаккика, и всѣ ихъ дома великіе размѣщены были въ своемъ порядкѣ по достоинству ихъ.

4.

Такъ означились двадцать четыре великихъ дома, и двадцать четыре было число владыкъ въ нихъ; тогда возвеличилось могущество и сила Квичей; укрѣпились тогда окопами, и распространилось величіе съ ярмомъ Квичей, когда городъ построенъ былъ, окопанный рвами, и стѣнами своими укрѣпленный, весь изъ камня выстроенъ и извести, и покрытъ цементомъ.

Народы малые и великіе приходили туда, гдѣ былъ ликъ Царя, споспѣшествуя прославленію Квичей; тогда возникло могущество, и величіе съ нимъ; тогда возникъ домъ Бога, такъ же какъ дома владыкъ.

Но не они это ихъ выстроили; они совсѣмъ не работали, не умѣя строить дома свои, ни даже воздвигнуть домъ Бога своего, но тщаніемъ данниковъ умножились они.

Истинно, не хитрость и не насиліе привлекли ихъ; по-истинѣ принадлежали они владыкамъ, каждый въ отдѣльности; многочисленны также были ихъ братья, и родственники ихъ, состояніе ихъ возросло, какъ возросла слава вѣщаній, исходившихъ изъ устъ ихъ чарователей, власть имѣющихъ.

По-истинѣ были они почитаемы, и велика была истинно слава владыкъ; и вниманіе къ нимъ особое возросло со славою ихъ, по причинѣ ихъ данниковъ, и жители стреминнѣ вокругъ и жители города увеличивались въ числѣ вмѣстѣ съ ними.

Конечно, не такъ пришли все народы сдаться, какъ это бываетъ во время войны, когда входятъ силой во рвы и города, но сдались они по причинѣ чудесъ, совершавшихся царями, и чудесами прославились царь Гукуматцъ и царь Котуга.

Истинно, этотъ Гукуматцъ былъ царемъ волшебнымъ: каждые семь дней восходилъ онъ на небо, и въ семь дней совершалъ онъ путь, чтобъ спуститься въ Ксибальбу, Край Тѣновой: каждое онъ седмидневіе облекался въ природу змѣи и былъ по-истинѣ змѣемъ: каждые также семь дней облекался въ природу орла, и также въ природу тигра каждые семь дней, и по-истинѣ онъ становился ликомъ совершеннымъ орла и тигра; каждое также седмидневіе облекался онъ въ природу крови сгущенной, и ничѣмъ былъ инымъ, какъ сгущенною кровью.

Истинно, страхомъ наполняло всехъ владыкъ самое существованіе этого чудеснаго царя, и трепетали они передъ ликомъ его. Распространился слухъ о немъ повсюду; все цари народовъ и все царствующие слышали то, что говорили о волшебномъ этомъ царѣ, и постигли это. И въ этомъ было начало величія Квичей, когда явилъ царь Гукуматцъ, Перыстый Змѣй, знаки своего могущества.

Воспоминаніе о внукахъ его и сынахъ его не потерялось въ памяти народовъ: не потому онъ явилъ чудеса эти, чтобъ былъ тамъ царь, свершитель чудесъ, но чтобъ господствовать надъ всеми народами, и чтобъ являться имъ въ блескѣ побѣдительномъ, какъ единственный вождь народовъ. Этотъ царь волшебный, чье имя Гукуматцъ, былъ четвертымъ поколѣніемъ царственнымъ, и, конечно, весьма онъ отличался какъ Владыка Ковра и Второй Владыка Ковра.

Остались отъ нихъ, равно, потомство и позднѣйшіе, что съ вели-

чѣмъ царствовали, и родили потомъ сыновей, что также свершили многое. Такъ рождены были Тенепуль и Ицтайуль, чье царствованіе было пятымъ поколѣніемъ; царями были оба, и тотъ, и другой, и каждое поколѣніе царей этихъ родило сыновъ.

5.

Вотъ теперь имена шестого поколѣнія царственнаго, имена двухъ великихъ царей, Э-Гагъ-Квикабъ, имя перваго царя, Пламени Рукъ, и Кавицимагъ, имя втораго царя, Тыковникъ Вооруженный. И вотъ великія дѣла, свершенныя Квикабомъ и Кавицимагомъ, и вотъ какъ прославились Квичи, въ силу существа ихъ воистину волшебнаго.

Вотъ завоеваніе и разрушеніе окоповъ и городовъ, принадлежавшихъ народамъ малымъ и большимъ, весьма между собою близкихъ, и среди городовъ этихъ городъ еще столь недавно отмѣченный, какъ родина Какчикелей, нынѣ зовущійся Чувила, такъ же какъ городъ Памака въ горахъ Рабиналовъ, и городъ Дакабага въ горахъ Каокебъ, и еще города съ другими названіями.

Возненавидѣли города эти Квикаба: онъ началъ противъ нихъ войну и по-истинѣ захватилъ и разрушилъ окопы и города Рабиналовъ, Какчикелей и Цакулеевъ: онъ захватилъ и побѣдилъ всѣ эти народы, и далеко Квикабъ простеръ свое оружіе. Народа два не принесли дани со всѣхъ своихъ владѣній; силою тогда онъ вошелъ въ ихъ города, чтобъ принесли они дань предъ лицо Квикаба и Кавицимага.

Народы вступили въ рабство и сдѣлались слугами-невольниками; были мучимы они, и сограждане ихъ были привязываемы къ деревьямъ, и пронзаемы стрѣлами; не было болѣе для нихъ ни чести, ни славы. Таково было разрушеніе этихъ городовъ, тотчасъ же стертыхъ съ лица земли; какъ молнія ударяетъ и ломаетъ камень, такъ страхомъ разрушилъ онъ народы.

Передъ Кольче, какъ знакъ города, имъ разрушеннаго, существуетъ нынѣ скала, и прямо она какъ вырубленная, словно изсѣкъ онъ ее топоромъ своимъ; донынѣ стоитъ она на склонѣ, именуемомъ Петайубъ, Склонъ Черепашій, гдѣ и до сегодня можно видѣть, и всякій ее видить, проходя, какъ знакъ могущества и мужества Квикаба.

Не могли ни убить его, ни побѣдить: по-истинѣ отмѣнный былъ то вождь, и всѣ народы приносили ему дань свою. Тогда всѣ владыки,

составивъ совѣтъ, отправились укрѣпить окопы и города, завладѣвъ городами всѣхъ народовъ.

Послѣ того послали дозорныхъ, наблюдать за врагомъ отдаленнымъ, и создали новыя племена, что должны были избрать жилищемъ страны завоеванныя. На тотъ случай, если народы вернутся занять завоеванный городъ, говорили владыки, совѣщаясь.

Тогда вышли они къ мѣстамъ, что были имъ предназначены: это будутъ какъ бы наши укрѣпленія и наши племена, это будутъ стѣны наши крѣпостныя и замки; да будетъ это силою нашей и мужествомъ, говорили владыки, идя, каждый, къ отмѣченному мѣсту, дабы занять его своимъ племенемъ и поражать враговъ.

И говорили они, отбывая къ странамъ этимъ: Не страшитесь и все не бойтесь, если есть еще враги и будутъ приходить они, чтобъ васъ убить: со всею поспѣшностью придите возвѣстять это мнѣ,—я приду и убью ихъ, — говорилъ имъ Квикабъ, когда прощался онъ со всѣми вождями, отходящими въ путь.

И отбыли тогда съ оружіемъ и провіантомъ вожди-копьеносцы и вожди-пращники, какъ именовали ихъ: и распространились тогда повсюду предки и отцы народа Квичевского; были они въ каждой изъ завоеванныхъ земель, дабы охранять горы, дабы охранять коня и пращи, и надзирать надъ войной. Не были они колыбелію отдѣльной, ни отдѣльнаго Бога не имѣли, а лишь укрѣпляли города.

И вышли тогда изъ столицъ всѣ владыки Чувицы, Чулимали, Цакійи, съ владыками многихъ иныхъ городовъ, пошли они надзирать надъ войной и блюсти землю, по повелѣнію Квикаба и Кавицимага, Владыки Ковра и Второго Владыки Ковра, Галеля и Атцика-Винака, четырехъ владыкъ.

Были посланы они, чтобы зорко смотрѣть за врагами Квикаба и Кавицимага, двухъ царей царствующихъ. Свершили они путь сперва; плѣнные и военноплѣнные, заботами ихъ, предстали предъ лицомъ царей. Повсюду вожди-копьеносцы и вожди-пращники воевали и шли войной, увводя все новыхъ плѣнниковъ: въ свой чередъ сдѣлались они вождями отмѣнными, они, что были не болѣе какъ охранители пограничныхъ мѣстъ; обосновались они и сидѣли съ гордостью, и языкъ ихъ осмѣлѣлъ, по причинѣ царей царствующихъ, когда влекли они и приводили предъ ликъ ихъ плѣнныхъ и захваченныхъ.

Послѣ чего совѣтъ составилъ по повелѣнію царей, и рѣшеніе было постановлено, что, что бы ни произошло, они останутся первыми,

достоинство ихъ—знаменованіе ихъ семьи.—Я Владыка Ковра, я Второй Владыка Ковра, воскликнули они. Владыка Ковра, чтобъ носить свое званіе, какъ и твое, о, Агау-Галель. Что до Галелей, ихъ благородство будетъ благородство, отвѣтили владыки, принимая свое рѣшеніе.

Такъ же поступили и люди Тамуба и Илокаба; равнымъ стало съ тѣхъ поръ состояніе трехъ отраслей Квичей, когда вожди народные посягнули на царственность и заставили даровать имъ благородство. Таковъ былъ исходъ собранія этого: но не у Квичей самихъ захвачена была тогда власть. Имя мѣста существуетъ, гдѣ вожди данниковъ захватили власть, когда были посланы они, каждый, въ отдѣльное мѣсто, и собрались потомъ всѣ вмѣстѣ.

Ксебалакъ и Ксекамакъ имена этого мѣста, когда вошли вожди въ могущество и достоинство свое, и Чулималь также имя этого мѣста. Получили свои наименованія почетныя всѣ воители, укрѣпившись на тронахъ своихъ и удостовѣрили свои сидѣнья, они, вожди народа Квичей, дозорные его и тѣ, что съ тонкимъ слухомъ, его вожди-копьеносцы, и вожди-пращники, оплоты, врата, стѣны крѣпостныя и башни, что защищаютъ Квичей.

Такъ же поступили и люди Тамуба и Илокаба, захватили власть ихъ вожди народные въ каждой изъ мѣстностей ихъ, и заставили надѣлать ихъ почетными ихъ наименованіями. Таково происхожденіе всѣхъ властей и достоинствъ, какъ существуютъ они, каждая, въ своемъ мѣстѣ.

6.

Вотъ мы скажемъ теперь имя дома священнаго, что есть домъ Бога, домъ его, истинно, назывался именемъ бога, Великое Зданіе Тогиля, таковъ былъ домъ Тогиля, собственность Кавековъ. И Авилкъ было имя зданія дома Авилкса, собственность Нигаивовъ, и Гакавитцъ было имя зданія дома, гдѣ пребывалъ богъ Агау-Квичей.

Тцутуга, Водометь Цвѣтистый, что видятъ въ Кахбагъ, что значить Домъ Жертвы, есть имя другого весьма великаго Зданія, гдѣ былъ пѣкій камень, обожаемый царями Квичей, и обожавшійся также всѣмъ народомъ. Народъ приносилъ подношенія свои сначала Тогилю, и потомъ шель почитать, въ свой чередъ, поклоненіемъ, Владыку Ковра и Второго Владыку Ковра.

Потомъ приносили они драгоценныя перья и дары и дани свои предъ Царемъ; и этого Царя, также питали они его и ублаговоряли его Владыка Ковра и Второй Владыка Ковра. Это они основали городъ, они, великіе царствующіе и всѣ люди-свершители чудесъ, волшебный царь Гукуматцъ, и Котуга, и также волшебныя цари Кви-кабъ и Кавицимагъ.

Вѣдали они, свершается ли война, и все было зримо очамъ ихъ: видѣли они, будетъ ли моръ, или голодъ, и предстоить ли какое состояніе. Вѣдали они даже, гдѣ было то, что выявляло имъ каждую вещь, гдѣ была книга, названная ими Книгой Народной.

Но не этимъ только, не этимъ лишь, конечно, являли цари величіе состоянія своего чудодѣйственнаго: велики также были ихъ посты, чѣмъ платили они за обладаніе дворцами своими и царствомъ своимъ: постились они весьма долго, принося подношенія передъ Богомъ своимъ. И вотъ какой былъ ихъ постъ.

Девять человѣкъ постились, и девять другихъ возносили и жгли ладанъ; тринадцать человѣкъ еще постились, и тринадцать другихъ возносили и жгли благовонное куреніе предъ Тогилемъ, и не ѣли они предъ Богомъ своимъ ничего, кромѣ яблокъ продолговатыхъ.

Ибо не имѣли они хлѣбовъ, чтобъ поѣсть, будь то семнадцать человѣкъ для возношенія куреній, будь то десять человѣкъ для поста. Во-истину, не ѣли они, въ великомъ дѣланіи священномъ, которое они совершали, и которое было означеніемъ права царей царствующихъ.

И не имѣли они женъ, съ которыми бы спать; но соблюдали они себя, въ то время какъ постились въ домѣ Бога, гдѣ были они каждый день, будучи заняты лишь тѣмъ, что молились, и подносили дары свои, и жгли иміамъ.

И такъ были они тамъ съ вечера до утра, скорбя въ глубинѣ сердецъ своихъ, скорбя въ глубинѣ естества своего, умоляя о свѣтъ и жизни для подданныхъ своихъ, какъ о могуществѣ для самихъ себя, вознося взоры свои къ небу. И вотъ мольба, которую устремляли они передъ ликомъ Бога своего, молясь ему, и вотъ возскорбѣніе сердецъ ихъ.

„Привѣтъ тебѣ и хвала, о, Краса дня, о, Ураганъ, Сердце Неба и Сердце Земли. Ты, что даешь славу и счастье; ты, что даешь дочерей и сыновъ. Обрати къ намъ ликъ свой, и распространи благополучіе вмѣстѣ съ благотвореніями твоими: дай жизнь и существо подданнымъ нашимъ; да живутъ они и преуспѣваютъ, они, крѣпость и кормильцы

твоихъ алтарей, что призываютъ тебя въ далекомъ пути, и на дорогахъ, на берегу рѣкъ, въ стремнинахъ, въ лѣсахъ, подъ лианами“.

„Дай имъ дочерей и сыновъ. Да не будетъ съ ними ни злополучія, ни злключенія; да не возникнетъ лжець-искуситель ни сзади нихъ, ни въ ихъ присутствіи. Да не скользятъ они, да не ранятъ себя, спотыкаясь; да не будутъ они ни любодѣями, ни судимыми судьбою. Да не падаютъ они ни внизу пути, ни вверху дороги. Да не будетъ ни сзади нихъ, ни въ присутствіи ихъ, ни камня преткновенія, ни опасности какой: уготовь имъ путь ровный и тропы открытыя; да не будетъ имъ зла, да не свершится съ ними несчастія отъ волосъ твоихъ отъ лучистыхъ“.

„Да будетъ счастливымъ существованіе ихъ,—ихъ, что суть опора и кормильцы дома твоего передъ ртомъ твоимъ и предъ лицомъ твоимъ, о, Сердце Неба, о, Сердце Земли, ты, Величіе Окутанное, о, Тогиль, Авиликсъ, Гакавитць, что наполняешь Небо и Землю на четырехъ концахъ, на четырехъ основныхъ конечностяхъ пространства. Сколько длится свѣтъ, столько да будутъ они передъ ртомъ твоимъ, предъ лицомъ твоимъ, о, Боже“.

Такъ говорили цари, въ то время какъ внутри постылись девять человѣкъ, тринадцать человѣкъ, и семнадцать человѣкъ; постылись они днемъ, и стонали сердца ихъ о подданныхъ ихъ, и обо всѣхъ женщинахъ, и обо всѣхъ дѣтяхъ, между тѣмъ какъ всѣ они приносили дань каждому изъ царей.

Такова цѣна была благоустроенія и цѣна могущества,—власти и могущества четырехъ царей царствующихъ. По двое и по двое входили они на смѣну, отягченные бременемъ народа, всего народа Квичей.

Одно лишь было начало преданія ихъ, и одинъ лишь источникъ обычая поддерживать и питать алтари; одно было начало ихъ преданій; ибо такъ же дѣлали и люди Тамуба и Илокаба, съ Какчикелями, Рабиналами, и съ жителями мѣсть другихъ, и одинъ лишь былъ ротъ и одинъ только слухъ у Квичей, во всемъ, что они ни дѣлали.

Но не въ этомъ только являлось ихъ царствованіе. Отнюдь не рачетали они даръ тѣхъ, что поддерживали ихъ и питали, лишь яства себѣ изъ нихъ дѣлали и питія. Итакъ не покупали себѣ они этого; искусствомъ своимъ снискали они себѣ это, и могучею силою своею добыли себѣ царство, и могущество свое и величіе.

И не этимъ только покорены были города съ ихъ окопами, и при-
смирѣли; народы малые и великіе приносили значительные выкупы;

видѣли, какъ прибывали камни самоцвѣтные, дорогіе металлы, и медь самый сладостный, скипетры изъ кости берцовой, украшенные изумрудами и жемчугами; прибывали въ свой чередъ и цвѣтистыя издѣлія изъ перьевъ, дань всѣхъ народовъ; являлись они предъ лицомъ царей чудодѣйственныхъ, Гукуматца и Котуги, предъ лицомъ Квикаба и Кавицимага, Владыки Ковра и Второго Владыки Ковра, Галеля и Атцикъ-Винака.

Достовѣрно это, что не малое свершили они, и не малочисленны были народы, ими покоренные: безчисленны были народы и города, что приходили платить дань Квичамъ, и великое было огорченіе ихъ, что богатства эти были похищены. Не такъ скоро, однако, возникло могущество ихъ: Гукуматцъ былъ началомъ величія царственнаго; таковъ былъ источникъ возвеличенія его и возвеличенія Квичей.

И вотъ завершительныя строки, въ порядкѣ царей царствующихъ, и имена ихъ.

7.

Многія суть поколѣнія, и многія суть имена всѣхъ царившихъ, со дня, какъ царил Баламъ-Квитцэ, Баламъ-Агабъ, Магукута, и Ики-Баламъ, Тигръ съ кроткой улыбкой, Тигръ Ночи, Тигръ Имя Знаменитое, Тигръ Луны, наши первые праотцы, и первые наши отцы, во времена, когда явилось Солнце, когда явились Луна и звѣзды.

И вотъ имена царей нѣкоторыхъ, по мѣрѣ того какъ вступали они въ права наслѣдства власти царственной и нисходили въ умиранья.

Баламъ-Коначе, Тигръ Ликъ Сходства; Котуга, Пары Горячіе; Гукуматцъ, Змѣй Оперенный; Тенецуль, Гористый; Текумъ, Нагроможденный; Вахсаки-Каамъ, Восьми-ліаный; Вукубъ-Погъ, Семикратно Разный Воздухъ; Кауатепекъ, Онъ, что съ крупными заплатами; Оксиль-Квиэгъ, Троекратный Олень; Белегебъ-Тци, Девятикратная Собака.

Царили они, когда прибылъ Донадіу, или, что то же, Тонатіу, Ослѣпительный, Ликъ Бѣлоликій.

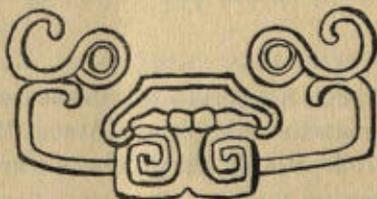
И царили еще другіе; Куга, Домъ Огражденный; Тциквина, Домъ Птичій; Коакуль, Изъ Рода Первобытнаго; Коакутэкъ, Изъ Рода Древняго; Коатцабага, Онъ, гдѣ Домъ Разрисованный; Белегебъ-Гигъ, Девятикратное Солнце; Батца, Обезьянья Рѣка; Квема, Влага Тканья; Коагау, Царь Царственный; Каклаканъ, Красное Знамя; Комахкунъ, Кро-

вавая Раковина Желудины; Вукубъ-Агъ, Семикратный Камышь; Коакамель, Смертный.

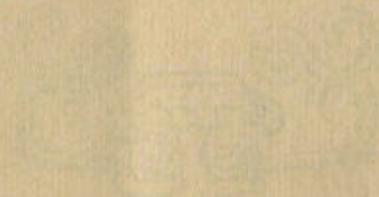
Троекратный Олень, Девятикратная Собака, Владыка Ковра и Второй Владыка Ковра были захвачены въ мѣстѣ одномъ—Ослѣпительнымъ, имъ, кто есть Ликъ Бѣлоликій, и живые были сожжены.

То было изъ дней послѣднихъ.

Отошли Великіе Избранники Народа. И вотъ все изъ существованія Квичей; ибо нѣтъ болѣе возможности видѣть эту книгу, гдѣ цари читали все. Ибо исчезла она. И вотъ все, въ чемъ были Квичи, Народъ Многолиственный.

НАЧЕРТАНІЯ ЦАРИЦЫ МАЙЕВЪ.

1. Царица Майская.

Лезвеемъ орудія Ваятель высѣчетъ тамъ чашу, да, Урну-Луну Луннаго Года. Она будетъ сдѣлана какъ бы преградой, да защититъ себя сердце лезвеемъ.

Она, Урна-Луна, послужитъ основой, опорой малымъ камнямъ соединеннымъ, яйцамъ птицъ.

Тонкое остріе высѣчетъ голову, украшенную жемчужинами, напизанными противъ глаза—тамъ.

Тамъ, гдѣ разобью я забвеніе, противящееся памяти—ибо, говорятъ, изгибы, отвергающіе забвеніе, онъ ваяетъ—тамъ, раскрою я лѣтопись Написаній Священныхъ, лѣтопись Знанія и Мудрости.

О, зачаруетъ, обольститъ, околдуетъ моя яйцевидная голова.

Да, лезвее инструмента повѣдаетъ Знаніе Начертаній Священныхъ. Камень Оно изсѣчетъ. Оно явитъ силу сокровенную, тайную—тамъ.

2. Голова и Рука.

Но, возглашая сущность ваянія—власть опьянять, зацѣплять, уловлять, подобно тому, какъ крюкъ ловца жемчуговъ уцѣпляетъ, срываетъ жемчужную раковину, въ которой скрыта услада шеи, забава руки, о самой основѣ ваяній, о ихъ существѣ, о причинѣ могущества ихъ—я говорю.

Часть лица маленькой дѣвочки, основой ваянія, я хочу. Голову изваянную, милую, нѣжную, съ застѣнчивой, трепетной прелестью дѣтства—я хочу.

Вмѣстѣ съ этой головою, чуть склоненной изгибомъ шеи,—волоса.

Я хочу, чтобъ рука, прикасаясь, отдѣливъ удлиняла прядь волосъ.

Руку съ кистью руки—я хочу. Чтобъ рука, зацѣпляя утягивала голову, какъ бы заставляя ее вернуться. Это хочу.

И хотя знакъ і столь жалостно извить, какъ согнутый тростникъ, съ жемчужинами по краямъ, этотъ изгибъ—я хочу.

Я хочу, чтобъ этотъ изогнутый тростникъ съ жемчужинами по краямъ былъ изваянъ съ моимъ изображеніемъ, предъ взоромъ глазъ моихъ, на вершинѣ моего лица.

Между тѣмъ какъ хочу я, чтобы ликъ мой далъ мнѣ власть опьяняющую—недобрую власть, быть можетъ? причину слезъ, кто знаетъ? лица маленькой дѣвочки изваяніе, милое и нѣжное—я хочу.

Нѣжное могущество, сладостное величіе, долговѣчность во времени, чрезъ него—я хочу.

Руку Царицы, созданную, чтобъ носить жемчуга, голову дѣвочки, чья стыдливая прелесть напоминаетъ дѣтство народа-ловца жемчуговъ, причину и основу могущества нашихъ ваяній—я возглашаю, и это хочу.

3. Итцамнѣ-Герой.

Быть можетъ, онъ, тотъ, онъ—призывъ, онъ—вождь, народъ юный, могучій, первый возставшій, мной призванный къ своему возвеличенію, онъ, которому я—вождь, я—призывъ, знамя, который я чту, люблю—онъ будетъ позднѣе, мало-по-малу, разрушенъ—кто знаетъ? кто знаетъ?

Развернувъ тогда крылья знанья, осторожная, я пойду. Я покажу, я хочу, я покажу, я заставлю увидѣть величіе Мудрости, нѣжные уста Начертаній Священныхъ раскрою.

Могучая, смѣлая, быстрая, надъ скорбью я возведу его, которая вращаетъ, вертитъ, кружитъ, свиваетъ, я покорю ее, я—Гуль отдаленный Жизни, Жизнь Всемогущая—я.

Отъ взора моего изгону я жестокою цѣпью, уничтожу, связующую, я возвеличу величіе народа и столицы его охранять я буду заботливо, охранять безгранность его величія, и, какъ коршунъ, парящій надъ вершиной, имъ буду возвеличена я.

„Ты навсегда, о, народъ Майи, сохранилъ память минувшаго“, скажетъ устами Священныхъ Начертаній гуль отдаленный.

Давно, очень давно, послѣ того какъ пришелъ жестокій человѣкъ, проклятый козелъ быстрый, легконогій, скребло жесткокожихъ, тотъ, который пожираетъ хлѣбъ изъ глотки каждаго, безконечныя скорби настали тогда, печали безчисленныя.

И потомъ, позднѣе, Великій Старець, Великій Древній Справедли-

вещь пришелъ, онъ шелъ направо, чтить народъ, и его чтить каждый, гласно упрекнулъ онъ жестокаго, наглою смуть въ лицо говорилъ онъ, и великій свой ликъ явилъ.

Съ народомъ могучимъ, славнымъ, быстрымъ, со знаменемъ лазурнымъ, какъ лазурь Океана,—какъ отдаленный гулъ волнъ, — въ путь онъ пошелъ.

И вотъ, когда, осторожный, онъ разбилъ его, могучій, опрокинулъ жестокаго, тотъ, скребло жесткокожихъ, пожиратель хлѣба изъ каждаго рта, въ беспорядкѣ онъ скрылся въ горной цѣпи, нѣкогда нашемъ убѣжищѣ, между изрытыхъ горъ, скользкихъ отъ дождей. Онъ будетъ уничтоженъ, мало по-малу, тотъ.

Великъ былъ древній ликъ, объединившій насъ, и величіе его есть величіе каждаго.

Берегись не почитать его, ты, который предстанешь здѣсь предъ ликомъ Начертаній Священныхъ. И если Священные Начертанія отвѣтять тебѣ, берегись не оцѣнить, не почитать того, который пришелъ сюда, любя и заботливо храня каждаго изъ вѣрныхъ своихъ, тому назадъ два вѣка Новой Жизни.

4. Царь Итцамна.

Тамъ, въ пространствѣ, которое окружено изогнутымъ тростникомъ съ двумя жемчужинами по краямъ, оцѣплено канатомъ морскимъ, въ пространствѣ очерченномъ, въ кольцо тростника, среди ожерелья жемчужнаго, тамъ сдѣлать твое изображеніе, покоящееся, близъ моего, стоящаго, ликъ твой, украшенный подвѣсками ниспадающими, вѣнчаный чащами талыми пушистыхъ волосъ.

Связать, сцѣпить оконечности одну съ другою, оперенности, какъ то знаменье, что несли предъ собой они, чье имя—Ожерелья Перистыя.

Духи пламени, духи Майской рѣчи противъ рядовъ возставшихъ обсидіановъ.

Это, вмѣстѣ, съ двумя свившимися подвѣсками, есть сердце въ кольцо дыханья, съ которымъ, въ которомъ суть два камня, прикрывающіе другъ друга.

Вотъ уже два вѣка, съ двумя маленькими отраслями, ушло съ той

поры, какъ пришелъ святой богъ Оперенный, до времени какъ здѣсь, по слову моему, это, вотъ это воссозданіе.

Ты, который злую власть вѣковъ стираешь, ты, вершина благодати, ты, величіе вѣковъ моихъ, близъ яснаго лика моего, близъ нашего свѣтящагося жилища зеркальнаго, близъ нашего вѣнца, ослѣпительно сверкающаго со времени тебя, твой вѣрный, благой, превышній ликъ здѣсь да запечатлится.

Ты, украшенный подвѣсками и перьями, ты знаменіе Времени, Поверхность отражающая, Зеркало дней нашихъ, Духъ освящающій, святой богъ Оперенный, двадцать вѣковъ назадъ пришелъ ты, а ничтоженъ, безъ всякой цѣны, былъ престолъ нашъ тогда.

Потомъ, увѣчаный короной, уже въ сіяющей, какъ роса, волнистой коронѣ бѣлыхъ волосъ, святой богъ Горное Перо, Кукуитцъ Длинноперистый, онъ раздробилъ, онъ стеръ, онъ искрошилъ какъ въ стулѣ, онъ истребилъ солнцепоклонниковъ, и престолъ нашъ, прочно воздвигнутый на могущество, утвердился,—время, съ котораго Пришедшій долженъ быть обожаемъ, созерцаемъ какъ богъ, онъ, святой богъ Перистый, Итцамна.

Съ тѣхъ поръ какъ духъ его вдохнулъ благой Огонь священный, и слово его прорекло въ Майѣ святую божественность Крови, духъ поклонявшихся Солнцу порой воспламенялся. Было нужно, нужно будетъ, временами, дробить ихъ обсидіановое зеркало, крошить его, и наконецъ, это поздне, когда оно будетъ стерто, истреблено, искупленная кровь дѣтей нашихъ простится.

Обсидіановый рядъ примкнетъ къ зову приборной волны Океана, къ Знаменью Вѣщающему, Акольгуанъ-Кольгуэ, поднятое сердце и пламень возставшій надъ остріями подводныхъ камней.

5. Возстаніе Майевъ.

Въ началѣ, въ далекой древности, ужъ довершилось теперь двадцать рядовъ Времени (тысяча сорокъ годовъ), народы-листки объединялись въ содружествѣ, тѣсными узами братства, помощь помощи создала изобиліе, и не вѣдалъ волнений ликъ народа, какъ не вѣдаетъ его зеркальность недвижныхъ водъ.

Прокралось потомъ обсидіановое зеркало, проскользнулъ онъ, пожиратель хлѣба, грабитель cadaго рта, алчный, жестокій, и лютый,

сжалъ онъ, увы! сковалъ вѣстника мысли, увы! слухъ народа. Ликъ хищной птицы, показался онъ съ глазами, обращенными въ высь, означилъ онъ Солнце, кошмаръ зрѣнія, Верховнымъ Властителемъ, Окомъ Влѣдущимъ. Ротъ свой открылъ онъ, жирный, маслянистый, мерзкій крокодилъ. Ядомъ своимъ отравилъ онъ, змѣй. Впивался, сосалъ онъ, грызъ, чужеядный. Онъ возмогъ, нарядился въ могущество, первый чудовищный сонъ, налегшій кошмаръ.

Вотъ уже семь рядовъ Времени (триста годовъ и шестьдесятъ четыре), всколыхнулось, взметнулось содружество народовъ, огонь, что сверкаетъ во мракѣ, таясь подъ пепломъ, когда, алчный наглець, онъ опрокинулъ глиняныя хижины. Нужда хлѣба ему помогала.

И потомъ, вторично, стоишь, о! скорбный и горькій стоишь пронесся среди сочетавшихся народовъ. Огонь, что сверкаетъ во мракѣ, огонь, что таясь подъ пепломъ, возсталъ. Человѣкъ пришелъ, Хунабъ-Ку, со знаменемъ призывнымъ, два ряда Времени (сто годовъ и четыре) съ тѣхъ поръ. Знакъ прибѣжища несъ онъ предъ собою, предъ нами пронесъ. Онъ опрокинулъ верховенство обсидіановаго зеркала. Онъ голодь укротилъ, страшный сонъ рабства онъ опрокинулъ. И надъ лачугой изъ глины царскій дворець онъ явилъ, древній приютъ объединенныхъ народовъ-листвовъ, корень древесный какъ знамя надъ глиняной хижиной.

6. Битва при Тулумѣ.

А! Чичимекъ, ты мѣшкоротый, и ты Звѣзда Утра? непристойная песья голова, гнусный ликъ лицемѣра двуликій, я прикую твою цѣпь. Я вскрою склепъ, я разверну Книгу Сказаній, что ведется съ временъ Владыки Праотца нашего и Владычицы Праматери, кончая Звѣздой Утра. Будетъ любо народу узнать, что чтимый его Отець и Вождь былъ Царь по рожденію. Онъ узнаетъ, онъ знаетъ объ этомъ, какъ о своей побѣдѣ.

Мерзкій Чичимекъ, мѣшкоротый, два войска было у нихъ, изъ Акиля и Тулума, два войска, мы пришли съ однимъ. Мы выстроили копья свои и дротики. Двойное войско врага, лицомъ направо къ Тулуму, на берегу Океана, упираясь въ крѣпость, метало стрѣлы. Акольгуанъ развернулъ въ рядахъ знамена, явилъ цѣпь дружную и сильную. Устремился онъ прямо въ лицо непріятелю, метая стрѣлы. Тайно онъ обступилъ его, образуя уголь. Проползая вдоль склона оврага, открылъ

битву, изъ конца въ конецъ прорвалъ двойную линію вражескихъ полчищъ. Чичимекъ Акиля, мѣшкоротый, смутился, оробѣлъ, былъ окруженъ. Двудикій лицемѣръ Тулума, Чичимекъ, что строилъ засады, былъ разбитъ, его городъ взятъ. Разрушеніе ихъ крѣпости разъединило два лика, отшвырнуло врозь два камня развалинъ.

7. Паленке Дитя Лѣсовъ.

Кровь Юкатека, козлиной головы, наша была эта кровь. Горько, печально было слышать, что они, младшіе, сочетались съ врагомъ, когда мы, злополучные, скудные, укрывались отъ него въ тѣни лѣсовъ, но не уступили ему, и не было унынія, ни изнеможенія.

Молва о ничетѣ нашей приучила троеликаго, Юкатека съ чертами уже искаженными, близъ насъ обитавшаго, пренебрегать нами, самыхъ предковъ презрѣть.

За три ряда Времени (сто и пятьдесятъ годовъ) до Итцамны, Росы Живительной, чело ребенка-юноши, чей образъ здѣсь, скрывалось въ горахъ, подъ сѣнью лѣсовъ, подъ затѣненьемъ жестокаго врага, спутника лику искаженному, онъ былъ здѣсь и онъ былъ тамъ. Насъ было много. И это тогда для врага двойного, онъ, Юкатекъ съ ликомъ искаженнымъ, троеликій, обликъ козла, построилъ Уксмаль, Джайи, Кабá.

Позднѣе погубилъ себя, разрушенъ былъ врагъ, а троеликій Юкатекъ, искаженный, глядитъ! теперь! въ отшедшее. Онъ слить съ ребенкомъ-юношей, который говорить: „Я Паленке, Дитя Лѣсовъ, и больше тѣ лѣса, чѣмъ лѣсъ, они суть наше обиталище, то мать, то мать, но разнствующихъ чадь, какъ есть вѣтви живыя на деревѣ, и вѣтви глушасія растутъ высокоствольнаго“.

8. Юкатекъ Шести Городовъ.

Никогда, въ былые дни, нашъ родичъ шестиликій, съ печальнымъ лицомъ онъ не былъ никогда. Видѣли, какъ Юкатекъ, нынѣ обликъ козла, отовсюду охватывалъ, окружалъ соперника, видѣли его, онъ былъ нѣжный и ласковый, уступчивый, медлительный, безпечный. Окружая врага, увь! этотъ шестиликій убоился каната, тяжести камня, что долженъ былъ поднять. Робкій, трепещущій, какъ лепестокъ надвод-

ный, онъ утрашился врага ущемляющаго. Разслабленный и боязливый, изможденный изнѣженностью, былъ онъ однако, сильный и ловкій, равный недругу прожорливому, котораго тогда убоялся. Непристойный, онъ моллъ злосчастнаго покровительства, онъ вынудилъ тяжкое иго злодѣевъ.

Вкругъ врага онъ сперва горделиво похаживалъ, точно индюкъ. Сталъ обучаться потомъ, чтобъ быть помогающимъ. Приглашенъ былъ къ работамъ потомъ, присужденъ подъ ярмо. Видѣли, какъ тянулъ онъ канаты, прокладывалъ пути, получалъ, принималъ, тащилъ, и пилилъ, обнималъ—каменные грузы.

За шесть рядовъ Времени, триста и двѣнадцать годовъ, до Итцамны, Росы Разсвѣтной, видѣли его, шестиликаго, строителемъ стѣнъ крѣпостныхъ—городовъ, что назвались Лабнакъ, Тэльчэкъ, Итцамаль, Аке, Цакбе, Баклахаль. Видѣли великаго слѣпца, работающаго. И потомъ, какъ скребъ онъ улицы, какъ подметалъ ихъ, видѣли его. Нынѣ просвѣщеннымъ и мудрымъ, склоненнымъ подъ каменнымъ ярмомъ, и научающимся, видятъ его, да видятъ его, печальнымъ или веселымъ, но навѣки дружнымъ въ союзѣ.

9. Горцы Митлы.

Тогда какъ ловили мы жемчугъ, давно, ужъ больше двадцати рядовъ Времени, человекъ слѣва, изъ окрестностей стремнины Ципатанъ, мужъ изъ горной Митлы, подобно намъ былъ, и съ нами, ловцомъ жемчуговъ. Житель лѣсовъ, какъ мы, горецъ, подстерегалъ ненавистнаго двуликаго, и когда тотъ навѣялъ намъ великое бѣдствіе, голодь, онъ, проворный и ловкій, слѣдилъ за надменнымъ, наступалъ, мѣтко билъ его.

Въ ту памятность несчастья, когда, сладкорѣчивый, тотъ испиватель крови, тотъ поѣдатель хлѣба, грабитель каждаго рта, утонченно вкушавшій изобиліе свое, когда тотъ, проклятый, изъ Тулы, обжора, глотка вздутая, пытался отправить войско свое, чтобъ пустить корни на Ципатанѣ,—горецъ Митлы, вѣрный, милый горецъ, обуздаль ненавистнаго, горецъ. Онъ пресѣкалъ, преграждалъ, замыкалъ проходъ, да удержать враговъ раздѣленными на два. Врагъ пришелъ въ великомъ числѣ, чтобъ силой отбить проходъ, вдругъ тутъ вождь повстанцевъ Митлы захватилъ страну, все кругомъ ненавистнаго сжегъ, обездолилъ, опустошалъ, пока тотъ не сгинулъ, пока не исчезъ, охваченный, сжатый вождемъ.

Это благое дѣло восхвалить—возносить мысль мою.

Сочетавшійся нѣкогда узами съ младшими ловцами жемчуга, какъ ихъ знакъ рожденья знаменуетъ это лепетомъ, недругъ спѣсивый рѣшилъ испытать великій валъ. Меракій ликъ двойной, огибая полуостровъ, онъ подошелъ, и предъ нимъ преграда—вотъ. Трижды онъ приходилъ, обсидиановое зеркало, число ихъ убывало трижды. И вдали отъ полуострова оставался онъ на великомъ валу; тутъ внезапная буря швырнула изогнутый его челнокъ, и испиватель крови досыта пилъ онъ воду.

Да будетъ же дважды онъ пригвожденъ, на землѣ и на морѣ, къ полуострову, къ двадцати странамъ Толлана, черезъ него когда-то сожженнымъ, опустошеннымъ, покинутымъ.

10. Вокругъ Океана.

Да, мы явили вѣнецъ Владыки, который искали когда-то въ Океанѣ, гдѣ онъ былъ близъ домовъ нашихъ, тамъ, гдѣ ложится Солнце. Мы ловили жемчугъ когда-то, мы опускали когда-то въ глубину тростниковую корзину, и человекъ, погружаясь, наполнялъ ее. Онъ поднимался, чтобы вздохнуть, и быстро другой заступалъ его, спѣшилъ любой, когда-то, и нырялъ въ водную пропасть, мы брали необходимое, принимали излишекъ, когда-то.

Чу, потомъ, Ураганъ, взорвался, Океанъ взметнулся, горькій, билъ волной, билъ волну, волны били, разбили укрѣпленные стѣны святилища, очаги, жилища, челноки, все разбилось, что было привязано. Что приканачено было кругомъ, унало гурьбой.

Вотъ, все было разрушено, опрокинуто, и блуждающее племя стало искать свой путь въ низинѣ, вокругъ Моря пошло, направляясь толпой, вокругъ Моря, вдалъ.

Идя, мы искали путей охотниковъ, пастуховъ, землекоповъ нечистыхъ, людей, стерегущихъ овецъ, и блюдущихъ стада, загрязненныхъ, бродячихъ, что отъ мѣста къ мѣсту идутъ, всегда, все дальше. Не говорило тогда языкомъ Майевъ содружество, огонь, что сверкалъ во мракѣ, огонь, что таился подъ пепломъ, когда-то.

Предложилъ кочевникъ быть указующимъ дорогу, помочь намъ; однако, нестройнымъ былъ путь, и не направляло его ни Новолунье, ни убываніе дня, ни Солнце, когда-то.

И пока мы шли, прежде чѣмъ быть здѣсь, по землямъ заросшимъ,

вязкимъ, болотистымъ, тихонько прокралась Зараза—и вотъ. Явилась, была настоящей, усилилась. Быть можетъ да, быть можетъ нѣтъ, было бѣ лучше сѣсть въ лодки, и двигаться по Морю, еще двигаться по Морю, чѣмъ такъ собраться толпой? Но шель впередъ кочевникъ, и стада его шли передъ нимъ. А горькая глина гнала дальше Заразу.

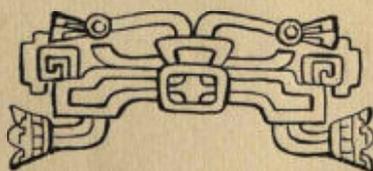
О, если бѣ жилъ онъ тогда, Хунабъ-Ку, нашъ единый богъ! О, быть можетъ, сразилъ бы Заразу онъ, какъ когда-то онъ же сразилъ черствость сердецъ нашихъ? Онъ, который любилъ насъ, нѣжилъ, вдохновилъ, возвеличилъ. Насъ, что были тогда какъ земля истощенная, полная жажды, у которой палящее лѣтнее небо, голубое безъ блага каждый мигъ, похищаетъ всѣ соки. Небесная дымка, священное облако снизошло, снизойдетъ всегда при имени святомъ Росы Небесной. Слезы глазъ нашихъ, струятся.

О, ты, чей ликъ предстанетъ здѣсь позднѣе! Если твой умъ разумѣть, ты спросишь, кто мы.

Кто мы? А! Зарю спроси, спроси лѣсъ, волну спроси, спроси бурю, Океанъ спроси, спроси Любовь, спроси Землю, Землю скорбную, Землю родную. Кто мы? А! Мы—Земля.

Раньше Земли не было руки, ни касанья.

Земля вѣщаетъ Воду.

СЛОВА МАЙСКАГО ВЯТЕЛЯ.

1. Ваятель.

Написатель Знаковъ Священныхъ, писатель смѣлаго Царя, полно-властнаго, волю его я начерталь здѣсь, священные знаки, изваяль плиту восходящую, что говоритъ черезъ знаки мои, Знаки Священные.

Означая вокругъ ихъ глаголь, я углубиль, выдолбилъ, изсѣкъ слово его, Царя. Выявилъ голосъ его рѣзцомъ, внутри Срединнаго Дворца, въ средоточьи, предъ ликомъ слова, его, Царя, что онъ говорилъ, смѣлый Царь, Владыка всевластный, тотъ, чье имя есть Голосъ Рекущей Воды.

Достовѣрность сихъ начертаній, Знаки Священные, я написалъ на боковой плитѣ, крайней, что передъ тою, чье имя Ропоть Воды Вознесенной, супруги смѣлаго Царя, всемогущаго, Царицы, супруги Царя.

2. Звѣриноликій.

Супруга Атхана, Царя, написала, начертала сама. Изобразить повелѣла. И вотъ—голосъ камня, глаголь Океана—вотъ.

Берегись, ты, звѣриноликій, рогатый, съ клыками, ликъ рычащій, звѣающій, ты, жирный, лоснящійся прожора, который насъ придушилъ, захватилъ, закупорилъ, прицѣпилъ насъ къ слѣду своему, разгромилъ насъ, разрушилъ, хлесталъ насъ, опуталъ сѣтями, и бременемъ ига сдавилъ, истеръ, искрошилъ, по-двое сковывалъ насъ, какъ будто бы приди волосъ нашихъ были рога, насъ, и племянника нашего, что, кичась, трепеталъ какъ индюкъ, и того, съ плоскогорья, межъ нами простертаго. Берегись!

А! чрезмѣрность страданія—оплоты твои опрокинула, побѣдила, сразила, разбила спѣсь прожорливую, излѣчила жалобы и стоны наши, слезы наши осушила, вотъ, слово начертанное корить тебя въ лицо,

рука властна заставить слезы твои брызнуть, слово начертанное рычить какъ звѣрь съ клыками и рогами, налагаетъ на тебя молчаніе, руку на тебя налагая—рокочетъ, какъ гуль Океана, гудить.

3. Построеніе Храма.

Сила священная бога, Старецъ премудрый, искусный, запечатлѣлъ Сокровенное Слово, въ начертаніи.

Вождь, глава рода, вмѣстѣ съ Властителемъ и Повелительницей, втроемъ воссѣдающіе, они, въ уборѣ изъ перьевъ — высокіе родомъ блистаютъ уборомъ изъ перьевъ, — онъ, Глава Горь, быстро и право постигъ, богъ Перистый, чарованіе власти тайной въ отображеніи слова, въ сочетаніи наложенныхъ камешковъ, кругло отточенныхъ.

Это есть путь, чтобъ укрыться отъ надменныхъ совъ инородныхъ, что зовутся Тольтеками, отразитъ наянливые взоры, стрѣлы доходящія, что мечутъ Чичимеки, Головы Песья.

Подземелія нынѣ хранятъ сокрытыми нѣжность и благодать Великаго Старца, бога-провидца.

Горячимъ его желаніемъ спаянное, все содружество, единодушное, смятенно, тревожно, шумѣло, въ кипучести, оно загудѣло, подобно змѣисто-текущей волнѣ, чтобы гору взорвать и изъ ея раздробленной мощи воздвигнуть могущество храмовъ.

Раньше чѣмъ духъ вознести въ собравшихся, въ согласіи жарко возжаждавшихъ возвести главный Храмъ, Владыка съ Властительницей повелѣли отвѣтить народу, съ высоты главныхъ вратъ, изобразить движеніями, выявить разными образами, дыханіе, вздутье подземныхъ горновъ, пасти кратеровъ развершіяся, изверженіе паровъ, потоки лавы, низверженіе камней, и сказали, что ранѣе надо взнести тамъ курганъ, достаточно тяжкій, чтобъ могъ противоборствовать онъ изліяніямъ яростнымъ срединнаго огня, затопленнаго подземными водами, ежели переплеснуть горячіе потоки, ежели сверхмѣрно станеть крученіе упругой силы водъ, что текутъ вокругъ подземныхъ огненныхъ рѣкъ.

Исчислило знаніе, что наносный холмъ имѣть былъ долженъ шестьдесятъ три узла, чтобъ устоять, противоборствуя колебаньямъ земнымъ. Начертанья Священныя, въ размѣрныхъ своихъ перерывахъ, уже рекли завершеніе и величіе Храма, воспоминаніями повѣдали о путяхъ.

Дабы сохранить изваянья свои и окутать ихъ, источаетъ Ваятель

какъ бы листокъ, измельченный. размягченный камень, тихонько его вытягиваетъ, и прикрываетъ имъ слово, дабы могло оно претерпѣть касанія вѣяній, острія, ихъ рѣзущія.

Рокоть далекій прибрежныхъ малыхъ камней, что, закругленные крутятся, гудѣнье приморскихъ раковинъ, шепчущій шелестъ листвы, гулъ отдаленный волны, что, свившись какъ рогъ, звучить, разбиваясь, развертываясь, ропотъ рокочущихъ водъ, укройте, укройте глаголь Начертаній Священныхъ, въ чемъ Мудрость, въ чемъ Знанье, въ чемъ ты, о, Вѣщательный Гулъ Отдаленный.

4. Темный Коршунъ и Смерть.

Едва возведенъ былъ коническій холмъ, и содружество собралось во множествѣ, чтобы подносить, собирать землю, известь, песокъ, склей, кн, щебень, камни; чтобы довершить лѣстницу, что изгибается вкругъ возвышенности; чтобы уравнивать, обтачивать, изсѣкать камни, варить въ чанахъ блестяще-гладкую отливно-зеркальную кожу, кору, покрывку камню, мало-по-малу стирающуюся; чтобы облицевать священный холмъ молитвы и жертвы, сверкающее жилище Мудрости, лучистый домъ Владыки Бога;—пришелъ, украдкой вошелъ, втихомолку взобрался злодѣй-бунтовщикъ, ищейка подслушивающій; чуть прослышалъ о зачавшихся работахъ-важнѣяхъ, этотъ гордецъ, вчера—безславіе, вчера—уничженіе, неуклюжій, завистливый, съ побочной семьей своей, онъ пришелъ. Зловѣщій наростъ, пребываніе лѣни и нищеты, тяжелое бремя, злая напасть преступленія, крюкъ, онъ явился; онъ, отъ кого дороговизна, онъ, отъ кого сумасбродства, безуміе; отъ кого колдовство, уловки, обманы; отъ кого распутство и ловкость пальцевъ; отъ кого клевета клеймящая, что привольно въ тѣни укрывается; отъ кого надутость легко нажившихся близъ мирно проживающихъ, не заботящихся о клювъ нечистаго косоглазаго коршуна; отъ кого нажива дешевая близъ сердецъ, полныхъ ласковости, кротости, и благородства; отъ кого западни, и излишества перебродившихъ напитокковъ; завязъ оскорбленій, униженій, паденія, разложенія медленнаго. Орелъ, но трусливый, и стрекоза—жадная; сова и мышь; рѣзвый козелъ и шакаль-шатуны; какъ всегда, дурной этотъ глазъ пришелъ выслѣдить, вывѣдать тайну знаковъ Священныхъ Начертаній.

Слыша жужжанье, глухое жужжанье растущее, этого сборища ког-

тей и лапъ, измѣническаго, Властитель и Госпожа, тѣмъ устыженные содружествомъ, но гордые, полные отваги, доброжелательно-сильные, кроткіе и осторожные, искусные, зоркіе,—дабы отдѣлать зерно отъ мякны, дабы очистить земли,—тайно повелѣли они вырубить лѣса, выкорчевать лѣсъ, туда къ Югу, на Петень, по теченью водъ Усумасинты. Чтобъ снять накипь съ котла, хотябъ они медленно, очень медленно, движеніемъ вѣрнымъ, мѣтко, тайно и во время, схватить, затянуть арканомъ всякаго, кто есть бездѣльникъ и нѣженка, что, юный и сильный, живетъ подачкой; устранить, отстранить, выдѣлить этихъ покоющихся.

Да будетъ схваченъ существующій хитростью, оплетеніемъ ловкимъ и колдовствомъ; кто живетъ, укрываясь подъ тѣнью зла и порока; кто вокругъ грудь собранныхъ сжимаетъ колѣни, скряга, скупецъ; кто кричунъ, шумиха, бунтовщикъ; дурнымъ путемъ обогатившійся; не имѣющій честной семьи никакой; кто подслушиваетъ, кто прислушивается; цапающій и захватывающій; узель, узель, преграда содружеству.

Долженъ быть схваченъ, при случаѣ, всякій такой; но безъ запрещеній излишнихъ, безъ лишнихъ препонъ, насколько-то допускало правленіе. Чтобы собрано было, сведено, сообщество когтистыхъ, и, съ прощтаніемъ на путь, проведено, къ Югу, туда на Петень, выслано, изгнано, хотябъ они. Чтобъ истребленъ былъ порокъ, уничтожено зло и злобство и злое все.

Пѣна снята, удалилась смерть, и съ ней кичливый шершень жужжащій, комаръ жалящій, невластный оскорбить, смутить, обезславить; навсегда, вѣ въдѣнія тайны Священныхъ Начертаній, вѣ уловленія сокровеннаго смысла знаменія Луны, причивы отдаленнаго гула Океана; вѣ истолкованія знаменій Океана, чей гулъ опьянить, околдуетъ грядущія дали; вѣ познанія величія лика помысла довременно-древняго. Да не произнесетъ никогда его рѣчь древнее слово минувшаго, здѣсь глаголющее:—Луна вліяетъ властью сокровенной на гулъ отдаленный Океана; вотъ почему я изображу ея ликъ въ урнѣ-раковинѣ:—Ея явленіе въ ликѣ Новолунья свершается въ 20 и 20 дней и минутъ, такъ я легко нахожу свой рядъ, свой мѣсяцъ, двадцатидневный.

На Югъ онъ ушелъ, птицеликій; пусть, какъ кротъ, взрываетъ тамъ землю, пусть округляется, обогащается, если клювь его будетъ знать свое мѣсто. Это случилось назадъ тому 3, 5, и 7, и еще 9, 5, и 1 вмѣстѣ, то-есть 15 мѣсяцевъ доннѣ.

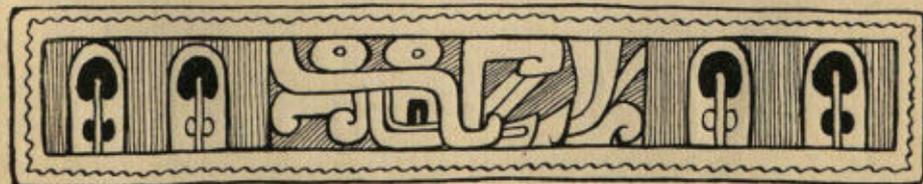
Никогда Птичій Клювь не овладѣетъ наукой и искусствомъ зна-

ковъ Священныхъ Начертаній. Эти камешки тамъ, зотъ пращевой камень, эти наложенные сочтаные камни, гроздя, ожерелье знаковъ сокровенныхъ—срывъ, пропасть неосторожному. Да не разбѣтъ онъ пути, да спутаеть смыслъ, не озаривъ ихъ сѣтъ изъясненіемъ. Да извратить пути толкованія, и эти камешки стануть когтями: здѣсь—ударится онъ, дальше—оступится. Рѣчь эта—узель, слово—изгибно; выводить сводъ; дробить, крошить горы; извивно, извилисто; оно преломленное, оно возвращается, слово; свито, скручено, сжато; четкое, рѣзвое, перистое; нераздѣльное, сплоченное, прямое, округлое; врата, что легко пройти—и упоръ каменной пустыни; оно ускользаеть жеманное, оно искривленье гримасы; улыбчивое, веселящее; горькое вкусомъ, сладкое; свѣже-холодное, жгучее, сожигающее; небсно-лазурное, водное, тихое, тишь, глубина; смѣлое, смѣло-красивое; мѣтко-стрѣльность глаголящихъ усть, копье; оно боязливая лань, проворный олень, лѣсной; куропатка полей, что бѣжить, голубка, что пьеть и пьянится ручьями, волнистой одеждой Земли; пасть пумы, что встала, нависла, вотъ; пустыня безводная, ливень внезапный, который идетъ уменьшаясь; хрупкая чаша изъ глины, едва пережженная—падаетъ, въ крошки рассыпалась; тыква, ведро, водоемъ, колодець—жаждущему; колющій листь, листь пріютно-тѣнистый; гвоздочекъ, что держить, удерживаетъ; повторная бѣлость зубовъ, что созвучно дробять, растирають; развилистоеть виль, перекладина, дерево казни; забота, ларець берегающей памяти; кладовая лелѣйнаго сердца; голова и ступня, верхъ и низъ, это слово; начинается, и то, что кончаеть; отъ разрушенія оно отвращаеться; здѣсь завершаеть свое нисхождение.

Древняя, цѣломудренная, таинство сущее, во-вѣки Царевна-Владычица.

Эти круглые прибрежные голыши глаголющіе—тамъ, глубоко безмолвствующіе—здѣсь, въ завершеніи; они Бездна, Пучина, Океанъ безпредѣльный—неосторожному, будь онъ птицей крылатой.

Берегись!

ПЕРЕСВѢТЫ ПОМЫСЛОВЪ.

1. О возвратности мыслей.

Книга „Пополь-Ву“, Священная Книга Квичей-Майевъ, впервые появляющаяся на Русскомъ языкѣ во всей своей цѣльности, представляетъ исключительный интересъ, какъ древній космогоническій и поэтический замыселъ, слагавшійся внѣ обычныхъ, извѣстныхъ намъ, умственныхъ вліяній, и поэтому являющій высокую самобытность. Объ этой книгѣ, столь необычной въ ряду міровыхъ космогоній, нужно говорить много и долго, нужно, написавъ отдѣльное подробное изслѣдованіе, создать тотъ глубокій мыслительный фонъ, отразившись въ которомъ, какъ въ глубинѣ зеркаль, она предстала бы преображенно-четкой во всѣхъ своихъ очертаніяхъ и развѣтвленіяхъ.

Это и будетъ сдѣлано. Но пусть поживетъ она пока въ своемъ отдѣльномъ чисто-художественномъ ликѣ, — такъ, какъ она возникла на Русскомъ языкѣ.

Лишь на одно мгнѣ хочется сейчасъ указать, — на то, что въ этой книгѣ, слагавшейся въ чуждыхъ намъ странахъ, на другой половинѣ Земного Шара, есть нѣсколько замысловъ, совпадающихъ съ замыслами Европейскихъ, и близкихъ намъ Азійскихъ, Африканскихъ, и иныхъ народовъ. Взявъ лишь нѣкоторые замыслы „Пополь-Ву“, — исторію Дѣвушки, зачинающей отъ мертвой головы; — похваляющагося Вукуба-Какикса, съ его исполинскими сыновьями; — домашнюю утварь и домашнихъ животныхъ, жалующихся на первыхъ человѣковъ; — волшебныхъ Юныхъ, которые, называя по имени властителей Тѣневого Царства, губятъ ихъ; — волхвователей, свершающихъ воочію убіеніе и воскрешеніе; — геніевъ ясновидѣнія, въ ликѣ чувствующихъ, на разстояніи, Тростниковъ; — мы получаемъ волнующія сближенія съ замыслами иныхъ народныхъ фантазій.

Это — возвратъ мыслей, которыя движутся въ мірѣ по кругамъ и спиралямъ. Это — такія состоянія творчества, когда въ народной душѣ готовится зиждательный ливень. И вотъ, собирается гроза, и молніи

отвѣчаютъ другъ другу. И когда гроза уже пройдетъ, можно долго еще видѣть, вечеромъ и ночью, какъ въ одномъ концѣ неба широкой полосой вспыхиваютъ зарницы, и въ другомъ концѣ неба мгновенно отвѣтствуетъ широкая вспышка иныхъ зарницъ.

Возьмемъ нѣсколько искорокъ изъ этихъ ночныхъ пересвѣтовъ.

2. О безсѣменномъ зачатіи.

Преданія о безсѣменномъ зачатіи, а равно преданія о рожденіи исключительныхъ, чудесно-одаренныхъ, сыновъ отъ двѣхъ-матерей, такъ же распространены по Земному Шару, какъ травы, цвѣты, птицы, и звѣри. Эти лазурныя звѣзды, эти алыя расцвѣтности цвѣтутъ въ Монголіи и въ Мексикѣ, въ Австраліи и въ Индіи, въ Египтѣ и въ Русской деревушкѣ. Эти звѣри блистаютъ внимательными глазами во всѣхъ лѣсахъ. Эти золотыя и серебряныя рыбы плаваютъ и вокругъ острововъ Океаніи, и въ затонныхъ водахъ Польскаго озера, что зовется Морское око.

Австралійцы племени Арунта имѣютъ твердую убѣжденность, что рожденіе ребенка вовсе не есть слѣдствіе завершеннаго праздника тѣлесной любви. Онъ можетъ быть зачатъ и безъ этого тѣснаго соприкосновенія его и ея. Тѣлесное соприкосновеніе — самое большее — есть лишь пріуготовленіе матери къ зачатію, жизненное обоснованіе мѣстожителства, въ такой-то утробѣ, ребенка-духа, уже существующаго и созданнаго заранѣе.

Русскій Буря - богатырь Иванъ - Коровій сынъ, онъ же Иванъ Быковичъ, конечно, существовалъ задолго передъ тѣмъ, какъ родился отъ коровы, чрезъ волшебство золотой рыбки, будь то златоперый ершъ или щука. И не было въ этомъ чудѣ посѣяно тѣхъ сѣмянъ, изъ которыхъ вырастаетъ стебель, зовущійся человѣкомъ.

По щучьему же велѣнью зачала и царица, родившая мальчика съ золотымъ яблокомъ въ рукѣ, съ волшебнымъ яблокомъ, указующимъ родителя, скрывайся онъ въ Германской странѣ, или въ одной изъ земель Славянскихъ.

Золотая рыбка замѣняется иногда, въ Русскихъ народныхъ сказкахъ, плавающей по водѣ золотой головой, а въ сказкѣ про Надею попова внука (Афанасьевъ, „Русскія Народныя Сказки“, книга 4-ая), богатырь зарождается отъ пепла сторѣвшей головы, съѣденнаго неосторожною дѣвицей.

Если у Славянъ и Эскимосовъ безсѣменное зачатіе происходитъ отъ съѣденной рыбы, у Океанійской или Индусской дѣвушки оно является слѣдствіемъ съѣденнаго сочнаго плода, у Монгольской царевны происходитъ отъ прикосновенія къ ней солнечнаго луча, у матери Вицлипохтли, бога-колибри, отъ того, что комочекъ златистыхъ перьевъ, испавшихъ въ лучѣ Солнца предъ женщиной, которая мела храмъ, эта женщина положила себѣ на грудь.

Книги, повѣствующія о безсѣменномъ зачатіи, имѣются въ разныхъ литературахъ въ большомъ количествѣ.

Взглянемъ на нѣкоторыя изъ этихъ цвѣтистостей, не пытаясь построить какую-либо классификацію, и не сажая бабочекъ на булавки длинными рядами, въ стеклянной гробницѣ. Пусть помелькаютъ они въ переливномъ беспорядкѣ своими красочными крыльями.

Какъ только начинаютъ говорить о какихъ-нибудь легендахъ, захвата широкаго, морского, мнѣ всегда вспоминается Сѣверный геній пѣсни, вѣковѣчный заклинатель, старый вѣрный Вейнэмейнэнь. Хорошо говорить о немъ „Калевала“, въ превосходномъ возсозданьи Л. П. Вьльскаго, (Руна 1-ая).

„По одной идутъ къ намъ ночи,
Свѣтять дни по одиночкѣ —
Былъ одинъ и Вейнэмейнэнь,
Этотъ вѣчный пѣснопѣвецъ;
Дочь творенья, дѣва Каве,
Мать была его родная.“

Каве, она же Ильматаръ, дочь Воздуха и мать Моря, непорочно проводила все время своей дѣвичьей жизни, но стало ей скучно проживать все одинокой и постоянно жить въ дѣвицахъ —

„Средь большой страны воздушной,
Въ растянувшихся равнинахъ.“

И, не захотѣвъ больше быть средь большой страны воздушной, въ распростершихся пустыняхъ, спустилась она внизъ, склонилась надъ уровнемъ воды, надъ волною извивно-змѣиной, склонила свой ликъ на хребетъ прозрачный моря, вѣтеръ подулъ неистовый, съ Востока поднялась буря, замутилось море пѣной, высоко взбрызнули волны.

„Вѣтромъ дѣву закачало,
Било волнами дѣвицу,

Закачало въ синемъ морѣ,
 На волнахъ съ вершиной бѣлой;
 Вътеръ плодъ надулъ дѣвицѣ,
 Полноту дало ей море“.

Съ Востока на Западъ, съ Сѣвера на Югъ, изъ конца въ конецъ Мира, металась въ пыткахъ Воздушная Дѣва, цѣлыхъ семьсотъ лѣтъ, девять жизней человѣка, а дитя не рождалось.

„Я чего теперь достигла,
 Что изъ воздуха я вышла,
 Что меня гоняетъ буря,
 Что волна меня качаетъ...“

плакалась Дѣва Каве. Богъ неба, громовый Укко, услышалъ ее, послалъ волшебную утку, искала утка пріюта, нѣтъ его, подняла мать воды, мать-дѣва, колѣно изъ волнъ, чтобъ утка могла свить гнѣздо, и снесены были семь яицъ, въ священной семикратности—шесть золотыхъ и одно желѣзное. Съла утка на гнѣздо, воспламенилась отъ теплоты нога Каве, трихнула она колѣномъ, упали всѣ яйца въ море, разбились, но не погибли. Какъ и въ Австралійскихъ областяхъ то было, изъ яйца, изъ нижней части, вышла земля, изъ яйца, изъ верхней части, вышло небо, изъ желтка—солнце, изъ бѣлка—мѣсяцъ, изъ пестрой части—звѣзды, изъ темной части—тучи. И создала мать воды глуби морскія, ямы для рыбъ, берега, затоны, бухты, мысы, утесы. Запестрѣли ярко камни, и, стосковавшись въ темной внутренней утробѣ, Вейнэмейнэнь прорвался къ звѣздамъ изъ своихъ затворовъ, пять лѣтъ носился по морю, носился и шесть, и семь, и восемь, но, достигнувъ числового лика Вѣчности, 8-и, оперся на сушу, и, безсмертнымъ пѣвцомъ ставъ на землѣ, залюбовался на Сѣверное Семизвѣздіе.

Но изъ всѣхъ народовъ Земного Шара ни одинъ, быть можетъ, не полюбилъ такъ мысль о безсѣмennomъ зачатіи и чудесномъ рожденіи, какъ Китайцы. У нихъ есть подробная національная исторія, рассказывающая наиболѣе интересныя событія. Эта исторія изложена въ ста книгахъ, и изъ этого числа одна книга всецѣло посвящена чудеснымъ зачатіямъ и рожденіямъ.

Дѣвы-матери царей и героевъ носятъ обыкновенно имена, озаренныя означительной красотой: Дѣва Возносящаяся; Красота Жданная; Вѣрность Великая; Счастье Всемирное; Та, что Сама украшаетъ Себя.

Чудесныя зачатія, въ Китайскихъ преданіяхъ, многообразны въ своей утонченности, но въ различіи имѣютъ всѣ нѣчто общее въ оду-

хотворенности, подобно тому какъ разнообразны и родственны въ своей особой утонченности созданія Китайской Народной Лирики.

Дѣва Чингъ-Му зачала оттого, что съѣла водный цвѣтокъ, упавшій на ея одежду, пока она купалась. Мать знаменитаго воителя Вэна, Чангъ-Ши, зачала оттого, что небесный духъ, Лю-Кингъ, положилъ на ея грудь жемчужину, при чемъ это было лишь во снѣ. Царицѣ Вэй-Као привидѣлось во снѣ, что Солнце бросаетъ на нее свои лучи черезъ окно, золотить, цѣлуетъ, и жжетъ; и такъ и сякъ она уклонялась отъ лучей, но они настигали ее всюду; сама не зная, что съ ней, она зачала, и родила красиваго царевича. Мать всемірно-извѣстнаго мудреца, Лао-Тцзе, зачала отъ великой падучей звѣзды; и подобно тому какъ Вейнзмейнэнъ медлилъ въ утробѣ своей дѣвы-матери Каве, Лао-Тизе не рождался восемьдесятъ лѣтъ, и родился лишь тогда, когда мать его прилегла подъ сливное дерево, все усѣянное бѣлыми цвѣтами. Мать лучшаго Китайскаго поэта, Ли-Тай-Па, зачала оттого, что Вечерняя Звѣзда на нее поглядѣла и уронила свой лучъ. И еще одна дѣва-мать зачала оттого, что въ небесномъ сіяніи два небесные духа встали около нея справа и слѣва и кадили изъ легкихъ кадильницъ, а въ то же время грудь ея была залита солнечнымъ свѣтомъ. И еще одна дѣва-мать зачала оттого, что, когда спала она, небесный духъ, одѣтый въ длинный покровъ изъ парчи, сошелъ съ созвѣздія Большой Медвѣдицы, и, держа въ рукѣ душистый цвѣтокъ, повѣялъ на нее цвѣточнымъ благовоніемъ.

3. О хвастовствѣ.

Народная фантазія не любитъ хвастовство и часто изображаетъ его наказуемымъ. Извѣстны, въ этомъ смыслѣ, разныя мѣста Русскихъ Былинъ. Подобное повторяется и въ фантазіи другихъ народовъ.

Въ рунѣ 3-ей „Калевалы“ описывается космогоническое хвастовство Юкагайнэна, героя вообще мало-основательнаго, сопровождавшееся послѣдствіями почти столь же для него зловѣщими, какъ и слѣдствія хвастовства Вукуба-Какикса и его сыновей. Юкагайнэну не давали покоя напѣвы Вейнзмейнэна, и онъ задумалъ съ нимъ состязаться. Запрягнувъ въ златыя сани огнедышащаго коня, онъ ѣдетъ навстрѣчу Вейнзмейнэну, задѣваетъ его, и предлагаетъ пропѣть состязательныя пѣсни. Сперва Юкагайнэнъ сообщаетъ лишь общезвѣстности о нравахъ

звѣрей и рыбъ, и дѣлаеть малый перечень географическихъ достопримѣчательностей. Когда Вейнэмейнэнь говорить, что

„Умъ ребячій, бабья мудрость
Неприличны бородатымъ“,

и требуетъ сказать „вещей начало, глубину дѣяній вѣчныхъ“, Юкагайнэнь нѣсколько усложняетъ свое пѣніе, и хорошо говоритъ между прочимъ, что

„Всѣхъ лѣкарствъ—вода старѣе,
Пѣна—средство въ заклинаньяхъ“;—

а также, что

Всѣхъ земель—старѣй болота,
Ива—старше всѣхъ деревьевъ...“

Но Вейнэмейнэнь требуетъ большаго, и Юкагайнэнь говорить:

„Помню древность я съдую,
Какъ тогда вспахать я море,
И копалъ морскія глубины;
Рыбамъ вырылъ я пещеры,
Опустилъ я дно морское,
Распростеръ тогда озера,
Горы на горы металъ я,
Сотворилъ большія скалы...
Сотворилъ я эту землю,
Заключилъ въ границы воздухъ,
Утвердилъ я столбъ воздушный,
И построилъ сводъ небесный,
Солнце свѣтлое поставилъ,
И Медвѣдицу на небѣ,
Звѣзды по небу разсыпалъ“.

Облчивъ лгуна въ выдумкѣ, и услышавъ брань въ отвѣтъ, Вейнэмейнэнь приходитъ въ гнѣвъ, и начинаетъ пѣть заклинательную пѣсню. Опъ запѣлъ—и всколыхнулись озера, задрожали горы, хранящія мѣды, дробились утесы, на дугѣ лапландца Юкагайнэна выросли вѣтви, хомуть превратился въ иву, кнутъ сталъ осокой, конь скалой, мечъ—молніей, раскрашенный лукъ—радугой надъ моремъ, шапка—тучей, поясъ лапландца—звѣздами, самъ Юкагайнэнь по бедро ушелъ въ болото, сталъ тонуть, тонуть, и вовсе бы потопъ, если-бъ не откупился отъ мести Вейнэмейнэна, въ минуту какъ ушелъ до рта въ трясину, пообѣщавъ отдать ему въ жены свою родную сестру Аино, которая, однако,

въ дальнѣйшемъ повѣствованіи, не пожелала быть женой Финнскаго пѣснопѣвца, и, бросившись съ утеса въ Море, превратилась въ морскую дѣву-рыбу.

4. О жалобахъ.

Жалующіеся на дурное обращеніе домашняя утварь и домашнія животныя первыхъ человѣковъ „Пополь-Ву“ напоминаютъ слѣдующій отрывокъ 15-ой руны „Калевалы“. Когда мать Лемминкейнэна ищетъ тѣло погибшаго своего сына, она вопрошаетъ о своемъ сынѣ ель, дубъ, дороги, мѣсяцъ, и солнце. Но дерево отвѣчаетъ:

„О себѣ лишь я забочусь,
О твоёмъ ли думать сынѣ,
Жребій выпалъ мнѣ жестокой,
И постигнуть я несчастьемъ:
Изъ меня вѣдь колья тешуть,
Изъ меня дубинки рѣжутъ,
На дрова меня изводятъ,
Скоро я совсѣмъ исчезну“.

И Богомъ данныя дороги отвѣчаютъ матери:

„Жребій выпалъ намъ жестокой,
Мы постигнуты несчастьемъ,
Все бѣгутъ по насъ собаки,
Проѣзжаютъ здѣсь колеса,
Башмаки насъ сильно топчутъ,
Прижимаютъ насъ подошвы“.

Подобно же отвѣчаетъ и озабоченный мѣсяцъ:

„Жребій выпалъ мнѣ жестокой,
И постигнуть я несчастьемъ:
Я одинъ блуждаю ночью,
И свѣчу въ морозъ жестокой;
Я зимой на строгой стражѣ,
А на лѣто пропадаю“.

И только всезнающее солнце даетъ нужныя указанія, ибо

„И про это знало солнце“.

5. О силѣ имени.

Мы рѣдко понимаемъ, что имя человѣка, и любого другого существа, и каждаго предмета, есть не случайность, а магическое означеніе его сущности, тайнопись его я, очеркъ его лика. Человѣкъ же первобытный очень хорошо это понимаетъ, и потому неохотно говоритъ другому свое имя, боясь враждебныхъ злыхъ начарованій.—какъ еще менѣе охотно, быть можетъ, онъ дастъ другому какую-нибудь свою вещь, или частичку своего тѣлеснаго я, вродѣ малаго пучка волосъ,—ибо съ этими вещественными знаками личности такъ легко устроить злую игру колдованья. Живя въ вѣчномъ пантеистическомъ воспріятіи безпредѣльной одухотворенности всего, первобытный человѣкъ понимаетъ, что у каждаго звука, какъ у каждой начертанной линіи, у каждаго буквеннаго или образнаго означенія, есть и свой собственный ликъ и своя собственная колдовская чара. Для первобытнаго, какъ и для ребенка, еще не ушедшаго изъ лабиринтовъ бессознательнаго внутренняго постиженія, всѣ буквы суть маленькіе человѣчки, которые могутъ вредить и помогать, всѣ звуки суть дѣйственные звѣри, птицы, чудовища, геніи, духи. Если должнымъ образомъ произнести такое-то слово, назвать такое-то имя,—какая страшная въ этомъ возникаетъ сила! Древніе Египтяне, думая о томъ, чтобъ отшедшій былъ достойнымъ образомъ приготовленъ для своего странствія въ Запредѣльномъ, построили сложную систему мумизированія, и заботились, соблюденіемъ извѣстныхъ обрядностей и осуществленіемъ определенныхъ заклинаній, о всѣхъ многообразныхъ расчлененіяхъ человѣческаго я,—объ его х а т ѣ, т.-е. физическомъ тѣлѣ, объ его к а, т.-е. двойникѣ, объ его б а, т.-е. душѣ, объ его а б ѣ, т.-е. сердцѣ, объ его х а и б и т ѣ, т.-е. тѣни, объ его х у, т.-е. духѣ, объ его с а х ѣ м ѣ, т.-е. жизненной силѣ, объ его с а х у, т.-е. духовномъ тѣлѣ, но наиболѣе тщательная забота была посвящена сохраненію его р я н ѣ, т.-е. имени. Чтобъ имя человѣка не потерялось, предпринимались крайнія предосторожности, ибо Египтяне полагали, что, разъ имя утрачивалось, человѣкъ переставалъ существовать. Человѣческое имя считалось наиважнѣйшею частью человѣческаго я, въ дѣлѣ его сохраненія въ зыбяхъ Вѣчности.

Имя человѣка есть ключъ къ человѣку.

Когда, въ 26-ой рунѣ „Калевалы“, Лемминкейненъ направляется въ пагубныя области сѣверной адской страны Похьолы, мать удерживаетъ

его и говорить, что разныя гибели ждуть челоѣка, отпраляющагося въ эту страну, и нѣтъ возможности отъ нихъ уберечься. Первая гибель: чуть пройдешь день, встрѣтишь огненную рѣку, въ огненной водѣ горитъ скала, на скалѣ пылаетъ холмъ, на холмѣ пылаетъ орель, и ночью точить зубы, а днем острить когти—на всѣхъ, кто подходитъ близко. И вторая гибель: на второй день открывается огненный ровъ, безконечно протянувшисъ отъ Востока на Западъ, полный горячихъ камней, раскаленныхъ глыбъ, обрывистая пылающая баня. И третья гибель: въ самомъ узкомъ мѣстѣ у воротъ Похьолы, что видны еще черезъ день, во мракѣ блуждаетъ волкъ и ходитъ при мерцаніи медвѣдь. И еще гибель: лишь подойдешь ко двору Похьолы, тамъ частоколь изъ желѣза, стѣны отъ земли до неба, изъ стали, стѣны какъ колья, какъ копыя, оплетены змѣями, ящерицами, а на землѣ растянулись ехидны. Но Лемминкейнэнъ припасъ глухариныхъ перьевъ, и когда увидѣлъ огненнаго орла, онъ потеръ перья, и возникло стадо глухарей и стая рябчиковъ; ими заткнулъ онъ огненное горло пылающей птицы и освободился. Когда увидѣлъ огненный ровъ, онъ воззвалъ къ богу неба, Укко, и тотъ послалъ тучу, тотъ послалъ могучій снѣгъ, и онъ устроилъ чародѣйствомъ ледяной мостъ черезъ озеро со снѣгомъ. Онъ припасъ также овечьей шерсти, въ должную минуту потеръ ее, и подувъ на эти комочки, выпустилъ стадо ягнятъ и веселыхъ козчиковъ. Волкъ и медвѣдь были тоже обмануты. Добѣхавъ до желѣзнаго забора, онъ вынулъ зачарованный свой ножъ и искололъ въ куски ограду. Но на землѣ лежала ехидна, у ней было тысяча жалъ и языки длиною съ копыя. Противъ этого послѣдняго страшнаго врага Лемминкейнэнъ примѣняетъ силу слова. Онъ называетъ ехидну, онъ произноситъ заклинаніе, онъ опредѣляетъ сущность ея имени, произноситъ слово глубокой древности, рассказываетъ ея начало, рожденіе, указываетъ, что отъ кого она получила. И побѣжденная силой воззванья къ своему имени, чарой опредѣленья, ехидна сползаетъ по дорогѣ и освобождаетъ путь.

Когда позднѣе, въ рунѣ 30-ой, хозяйка Похьолы, Лоухи, спускаетъ на Лемминкейнэна морозъ, герой хватаетъ его руками и зачаровываетъ, называя по имени и рассказывая ему, кто онъ, морозъ, и какъ онъ возникъ и выросъ. Сытъ сѣвернаго вѣтра видитъ неминуемую бѣду, угрозу горнила и лѣта, и признаетъ себя побѣжденнымъ.

Имя каждаго существа есть волшебная чара, и кудесники, знающіе имена всѣхъ боговъ, сильнѣе самыхъ боговъ, ибо, достожднымъ об-

разомъ взывалъ къ нимъ, они подчиняють волю боговъ—своей. На этомъ основывалась, длившаяся несчетныя тысячелѣтія, тайна могущества Индусскихъ браминовъ и Египетскихъ жрецовъ.

6. О волхвованіяхъ.

Въ Египетскихъ повѣстяхъ, взятыхъ изъ папирусовъ, есть разные рассказы о томъ, какъ Египетскіе волшебники дѣлають чудеса, и совершаютъ превращенія. Въ первой книгѣ коллекціи: „Egyptian Tables translated from the papyri“, Edited by W. M. Flinders-Petrie, London, 1899, есть три рассказа, которые такъ и названы рассказами о волшебникахъ. Въ первомъ волшебникъ дѣлаетъ крокодила изъ воска, дабы наказать юношу, повиннаго въ прелюбодѣянїи, и крокодилъ, по очереди, то предстаетъ какъ крокодилъ изъ воска, то какъ настоящій ныряющій и прожорливый крокодилъ. Во второмъ рассказѣ царь Сенеферу груститъ, волшебникъ совѣтуетъ ему покататься на лодкѣ со всѣми красивыми дѣвушками гарема. И самъ волшебникъ ѣдетъ съ ними. Двадцать дѣвственныхъ дѣвушекъ поють. Вдругъ та, что была у руля, коснулась своихъ волосъ, и головной уборъ изъ новаго малахита упалъ въ воду. Она перестала пѣть и грести, и всѣ перестали. Царь спросилъ: „Почему не гребешь?“ Она сказала: „Уронила въ воду мой уборъ изъ малахита“. Онъ сказалъ: „Греби, я его замѣню“. Она сказала: „Но я хочу получить назадъ мой собственный“. Тогда волшебникъ произнесъ магическое слово, и одну часть озерныхъ водъ онъ поставилъ на другую, и явилъ головной уборъ, лежавшій на раковинахъ. И такъ вернулся малахитъ къ красавицѣ и съ пѣньемъ дѣвушекъ — веселье въ сердце царя. Въ третьемъ рассказѣ волшебникъ совершаетъ чудеса, вполне схожія съ тѣми, которые совершаютъ Юные предъ властителями Края Тѣневого въ „Пополь-Ву“. Предъ фараономъ и придворными его онъ отрубаетъ голову уткѣ, и туловище ее кладетъ въ западную часть чертога, а голову въ восточную, и произноситъ магическія заклинанья. И едва онъ ихъ произноситъ, какъ утка вспорхнула, и голова ея тоже, и они соединились. И утка стояла и крикала. И былъ принесенъ гусь, и съ нимъ было сдѣлано то же. И былъ приведенъ быкъ, и съ нимъ было сдѣлано то же.

Извѣстны также волхвованія, коими послѣдній истинно-Египетскій фараонъ сражалъ своихъ враговъ. Онъ былъ искусный звѣздочетъ, и

вѣдалъ сокровища мудрости, и зналъ, что было въ глубинахъ Нила и въ глубинѣ небесъ. Если ему угрожалъ врагъ, морской или сухопутный, онъ, вмѣсто того, чтобы высылать своихъ моряковъ и воиновъ въ битву, удалялся въ свой покой, наполнялъ сосудъ водою, дѣлалъ восковыя фигуры враговъ и солдатъ своихъ, а равно восковыя изображенія кораблей, надѣвалъ плащъ Египетскаго волхва, бралъ въ руку збенувый жезлъ,—и боги, демоны, и вѣтры повиновались ему. Восковыя фигурки Египетскихъ воиновъ побивали враговъ, а въ это же время вражескій флотъ воистину шелъ ко дну. Но однажды онъ увидѣлъ, что Египетскіе боги правятъ вражескими кораблями, и тогда Нектанзбъ понялъ, что Египту пришелъ конецъ. Измѣнивъ свой виѣшній ликъ, онъ бѣжалъ въ Македонію, и тамъ существовалъ какъ Египетскій волшебникъ, и осѣнилъ божественными чарами міроваго героя, Александра Великаго.

7. О ясновидѣніи помнящихъ.

Въ народныхъ преданіяхъ разныхъ странъ часто повторяется примѣръ того, какъ существо или вещь, оставленная родному, или другу, удаляющимся въ чужія страны, или въ какое-либо мѣсто испытаній, даютъ знать оставшимся о судьбѣ ушедшаго. Отмѣченное растение расцвѣтаетъ или вянетъ въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, торжествуетъ ли отсутствующій надъ превратностями или погибаетъ. Оставленное, такимъ образомъ, какъ бы въ залогъ, животное можетъ подавать свой голосъ. И даже неодушевленный предметъ даетъ свое указаніе.

Въ Русской сказкѣ „Иванъ Быковичъ“ (А. Н. Афанасьевъ, „Русскія Народныя Сказки, книга 1-ая), бездѣтные царь и царица молятся о дарованіи имъ ребенка. Во снѣ имъ привидѣлся тихій прудъ, въ томъ прудѣ златоперый ершъ, — коли съѣсть его царица, сейчасъ забеременѣетъ. Ерша изловили, кухарка его вычистила, вымыла, помои на дворъ выставила, сварила рыбу и посуду подлизала. Возникаетъ тройная беременность: царицы, кухарки, и выпившей помои коровы. Въ одинъ день и часъ рождаются три прекрасные сына у каждой, и самый сильный изъ нихъ Иванъ Быковичъ, сынъ коровы. Забравъ въ чужедальную сторону, три брата должны по ночамъ, каждый по очереди, сторожить. Ни царскій сынъ, ни кухаркинъ неспособны бодрствовать и быть на дозорѣ. Пока они спятъ, Иванъ Быковичъ убиваетъ въ первую

ночь чудо-юдо шестиглавое, и во вторую чудо-юдо девятиглавое. Когда подходит третій бой съ чудомъ-юдомъ двѣнадцатиглавымъ, онъ повѣсилъ на стѣнѣ бѣлое полотенце, подъ нимъ поставилъ миску и говоритъ братьямъ: „Я на страшной бой иду; а вы, братцы, всю ночь не спите да присматривайтесь, какъ будетъ съ полотенца кровь течь: если половина миски набѣжить—ладно дѣло, если полна миска набѣжить—все ничего, а если черезъ край польетъ—тотчасъ спускайте съ цѣпей моего богатырскаго коня и сами спѣшите на помощь мнѣ“. Такимъ образомъ, двѣнадцатиглавое чудо-юдо, имѣвшее даръ огненнымъ пальцемъ приращать на прежнемъ мѣстѣ свои срубленные головы, было побѣждено, ибо полотенце и миска въ-время призвали необходимую помощь.

Въ другой сказкѣ изъ того же цикла, „Буря-богатырь Иванъ-Коровій сынъ“, роль ерша играетъ шука, а спасительныя указанія получаютъ черезъ столъ со свѣчкой, которая должна была въ роковую минуту догорать, и съ помощью воткнутаго въ стѣну ножа, на который было повѣшено полотенце надъ тарелкой, куда капаетъ кровь.

Схожее съ этимъ мы видимъ и въ „Калевалѣ“, (Руны 12-ая—15-ая). Юный Лемминкейнэнъ собирается въ адскія области холодной Похьолы, и говорить

„Дай кафтанъ мнѣ для сраженья,
Страсть влечетъ меня на битву,
Пиво битвы буду пить я,
Испытаю медь сраженья“.

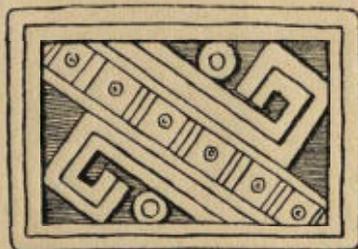
Не смотря на всѣ уговоры матери, сообщавшей ему, что его Лапландцы запоятъ, и Турьянцы, т.-е. сыны Норвегии, заколдуютъ и положить въ угли на жаркую золу и раскаленные камни, онъ отправляется во враждебныя области, а передъ этимъ паряжается, причесывается, и, бросая щетку къ печкѣ, къ косяку, говоритъ:

„Лишь тогда несчастье злое
Лемминкейнэна постигнетъ.
Коль изъ щетки кровь закаплетъ,
Если красная польется“.

Лемминкейнэнъ прошелъ черезъ испытанія и запѣлъ заклинательныя пѣсни:

„Полилось изъ шубы пламя,
И огонь въ глазахъ блистаетъ...
Онъ запѣлъ—и кто былъ лучшимъ,
Сталъ пѣвцомъ совсѣмъ негоднымъ;
Онъ набилъ имъ въ ротъ каменьевъ,
Скаль наставилъ на равнинахъ“...

Лемминкейнэнь заклѣлъ волшебнымъ пѣніемъ всѣхъ воиновъ, лишъ не заклѣлъ дрянного полуслѣпного пастуха, и тотъ пронзилъ его стрѣлой и бросилъ въ подземную пучину Туонелу. Тутъ-то изъ щетки, въ домѣ матери героя, полилась кровь, закапали красныя капли со щетины. Мать Лемминкейнэна поспѣшаетъ къ хозяйкѣ Сѣвера, Лоухи, находить въ водѣ растерзанное тѣло сына, собираетъ его по частямъ, какъ собирала Изида четырнадцать частей разрубленнаго тѣла Озириса, сшиваетъ его, скрѣпляетъ его, и оживляетъ звѣзднымъ медомъ, который, изъ сосѣдства Большой Медвѣдицы, ей принесла „птичка меда, Божья пчелка“, именуемая еще въ „Калевалѣ“ — пчелка, быстренькая птичка, пчелка, умная та птичка, птичка воздуха, та пчелка, и пчелка, легкій человѣчекъ.

Faint, illegible text, likely bleed-through from the reverse side of the page.

МАЙЯ.

Между двухъ Океановъ, Атлантическаго и Тихаго, отъ обоихъ восприимая морскія внушенія и ропоты океанскихъ водъ, на узкой изогнутой полосѣ земли—такъ называемый Юкатанскій полуостровъ—до сихъ поръ въ Центральной Америкѣ живутъ Майи, народъ упорный и доселѣ говорящій на своемъ собственномъ языкѣ, хотя историческій возрастъ этого загадочнаго народа, какъ возрастъ утратившихъ свой языкъ Египтянъ, измѣряется многими тысячами лѣтъ, а начальные дни его скрываются въ той временной дали, которая уводитъ насъ къ Атлантидѣ.

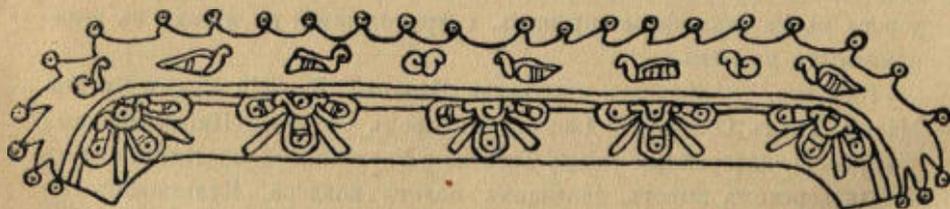
Отдѣленная особенностями почвы—сверху и снизу—отъ Сѣверной Америки и Южной, и отъединенная—справа и слѣва—отъ всего міра водными громадами двухъ Океановъ, Майя хранитъ черезъ вѣка свой единственный языкъ, и защищена своимъ упрямствомъ отъ измѣненій, подобно тому какъ упрямые растенія, упрямые тропическіе побѣги, безъ конца вырубаемые, безъ конца вырастаютъ и преграждаютъ дорогу къ ея сказочнымъ руинамъ, сохранившимся въ лѣсахъ съ незапамятныхъ временъ.

Ихъ три, уцѣлѣвшихъ памятника Паленке: Великій Храмъ Креста, Малый Храмъ Солица, и Дворецъ Четырехъ Сторонъ. Пирамидальная постройка, затерянная между Табаско и Усумасинтой, послѣдній оплотъ Кордильерскихъ высотъ, знающихъ полетъ кондора, Кульюаканъ-Паленке, столица Акольхуановъ-Майевъ, священный городъ Майевъ-Мамовъ. Доселѣ хранятся въ этихъ разрушенныхъ чертогахъ священныя гіероглифическія надписанія, и Ф.-А. Де Ла-Рошфуко, сдѣлавшій болѣе, чѣмъ кто-либо, для расшифрованія этихъ гіероглифовъ, хорошо говоритъ въ своей книгѣ о Паленке, что Море, какъ кажется, добросило вплоть до этихъ горяще-нѣмыхъ камней Паленке отраженные отзвуки, переклички и отзвуки, своихъ гнѣвовъ, печалей, и пѣсень, и смѣховъ, шелестящихъ по песчанымъ побережьямъ.

Какъ прирѣчный и скромно-земледѣльческій народъ Нильской До-

лины составилъ свои гіероглифы изъ ежедневнаго своего обихода, земледѣльческаго и прирѣчнаго, такъ, овѣянные океанскими попутами Майи, эти ловцы жемчуговъ, составили свои гіероглифы изъ прибрежныхъ камешковъ Моря, изъ морскихъ тростниковъ, изъ жемчужинъ, жемчужинъ, жемчужинъ, изъ спиралей извилистыхъ раковинъ, изъ раковинъ, схожихъ съ звенящими трубами, изъ раковинъ круглыхъ, и длинныхъ, изъ дугъ, изъ оваловъ, изъ эллипсовъ, изъ круговъ, пресѣченныхъ четырехугольникомъ, и сложнымъ узоромъ, какъ это мы видимъ на спинахъ морскихъ медузъ.

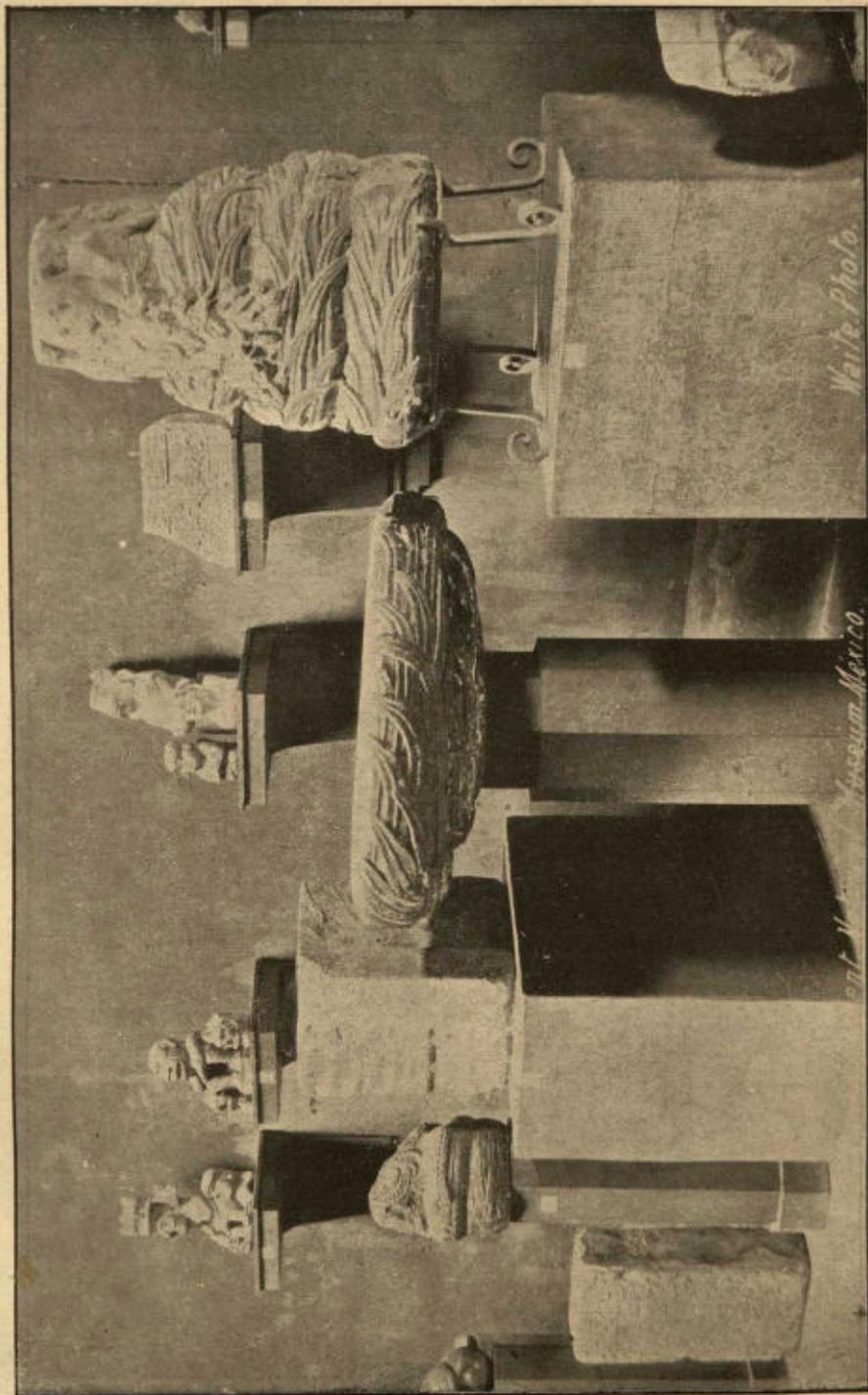
Въ этихъ причудливыхъ символахъ-буквахъ, знакахъ словахъ, въ этихъ чертахъ, гдѣ условно все, въ этихъ ликахъ, гдѣ лики суть лики, а также суть части звучащей Пѣзмы, до сихъ поръ сохраняется утайно-лелѣемый, и все же немного подсмотрѣнный, красивый узоръ двухъ душъ, Царицы Майевъ и Майскаго Ваятеля, тѣни которыхъ да будутъ благосклонны къ благоговѣйной попыткѣ услышать, черезъ вѣка, океанически-дальнюю музыку двухъ голосовъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	<i>Стр.</i>
Страна Красныхъ Цвѣтовъ	1
Путевыя письма	9
Цвѣтистый узоръ. (Мексиканская символика)	51
Преображеніе жертвы	71
Космогонія Майевъ.	89
Исполины.	105
Путь испытаній	115
Исторія дѣвушки	129
Къ Звѣздамъ.	137
Человѣческая повѣсть Квичей-Майевъ	169
Конецъ Великаго Народа	193
Слова Царицы Майевъ	209
Слова Майскаго Ваяте	221
Пересвѣты помысловъ	231
Майя	245

ИЛЛЮСТРАЦІИ.

Waite Photo.

ent. M. B. Museum Mexico.

N°174 es propiedad, depositada 25 marzo 1896

A. Briquet, fot.

SEC de MEXICO ANTIGUEDADES MEXICANAS

MUSEUM of MEXICO

N° 285 es-propiedad, depositada 25 marzo 1896 A. Briquet, fot.
 MUSEO de MEXICO ANTIGUEDADES MEXICANAS MUSEUM of MEXICO

N°177

es propiedad, depositada 25-marzo 1896

A. Briquet, fot.

MUSEO de MEXICO

ANTIGUIDADES MEXICANAS

MUSEUM of MEXICO

Sala de Arqueología.

Department of Archeology.

172

A. Bueh

33

TEOTLANTUHTLI

SEÑAL DE LOS MUERTOS.

MUY RAR. SE LLAMABA EL LUGAR DONDE TODA

LA ENFERMEDAD NATURAL Y...

N° 283

propiedad, depositada 25 marzo 1896

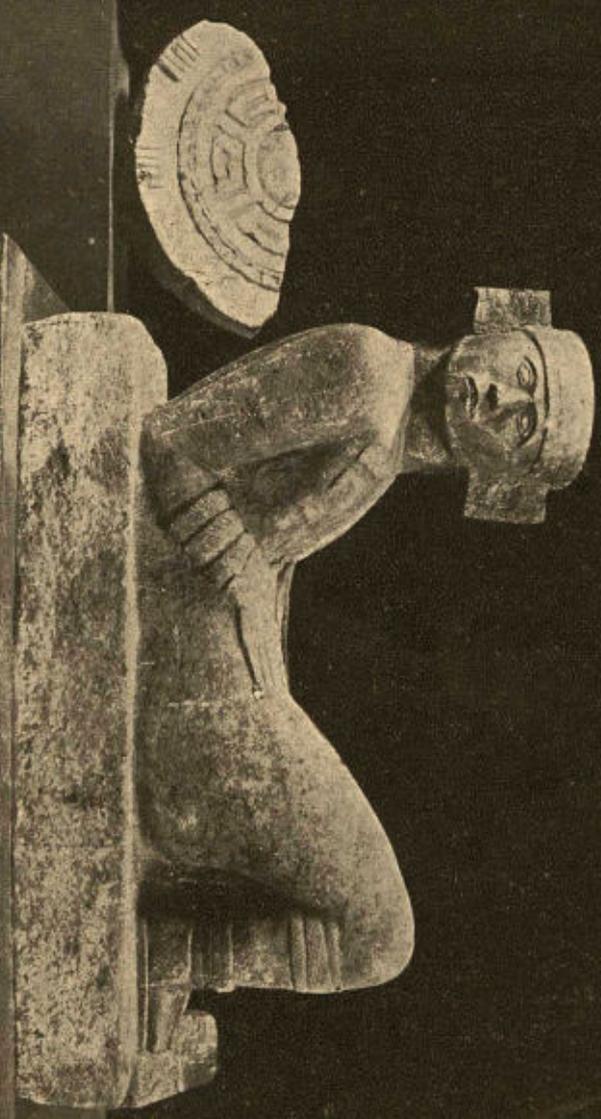
A. Briquet, fot.

MUSEO de MEXICO

ANTIGUEDADES MEXICANAS

MUSEUM of MEXICO

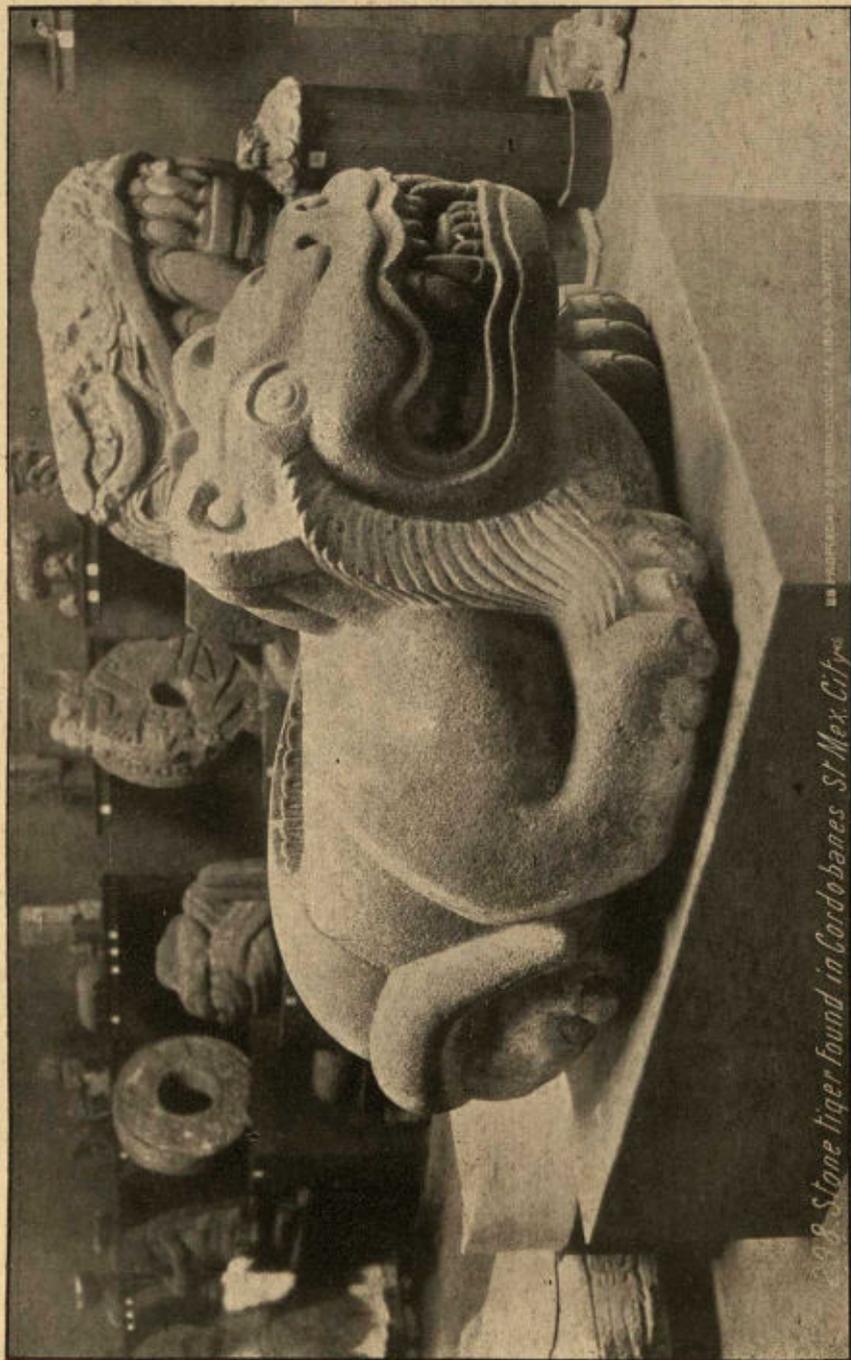

N. 178
 MUSEO DE MEXICO

es propiedad, depositada 25 marzo 1896
 ANTIGÜEDADES MEXICANAS

A. Brignot, fot.
 MUSEUM OF MEXICO

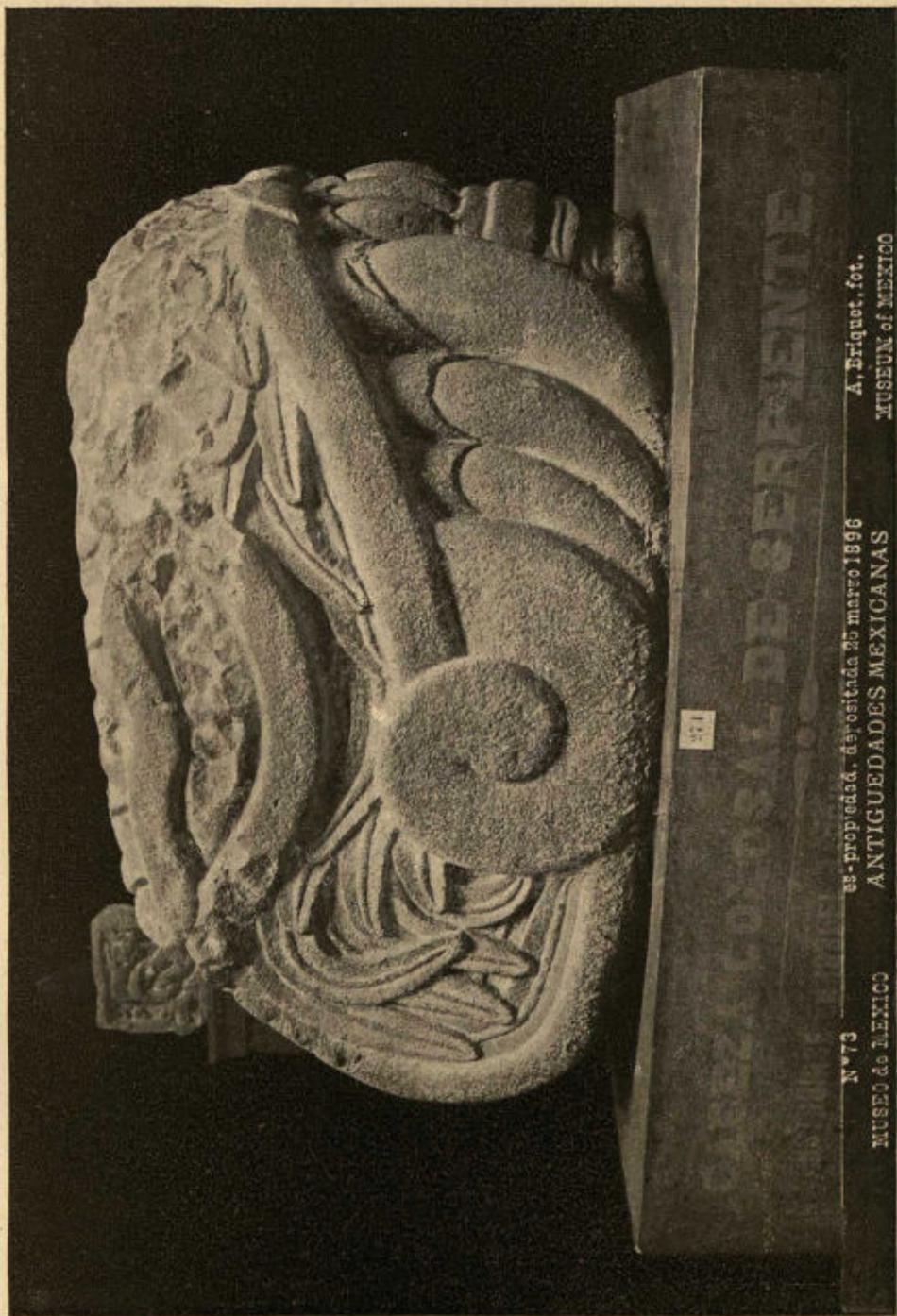

208 Stone tiger found in Cordobanes, St. Mex. City

CALENDARIO AZTECA O PIEDRA DEL SOL.

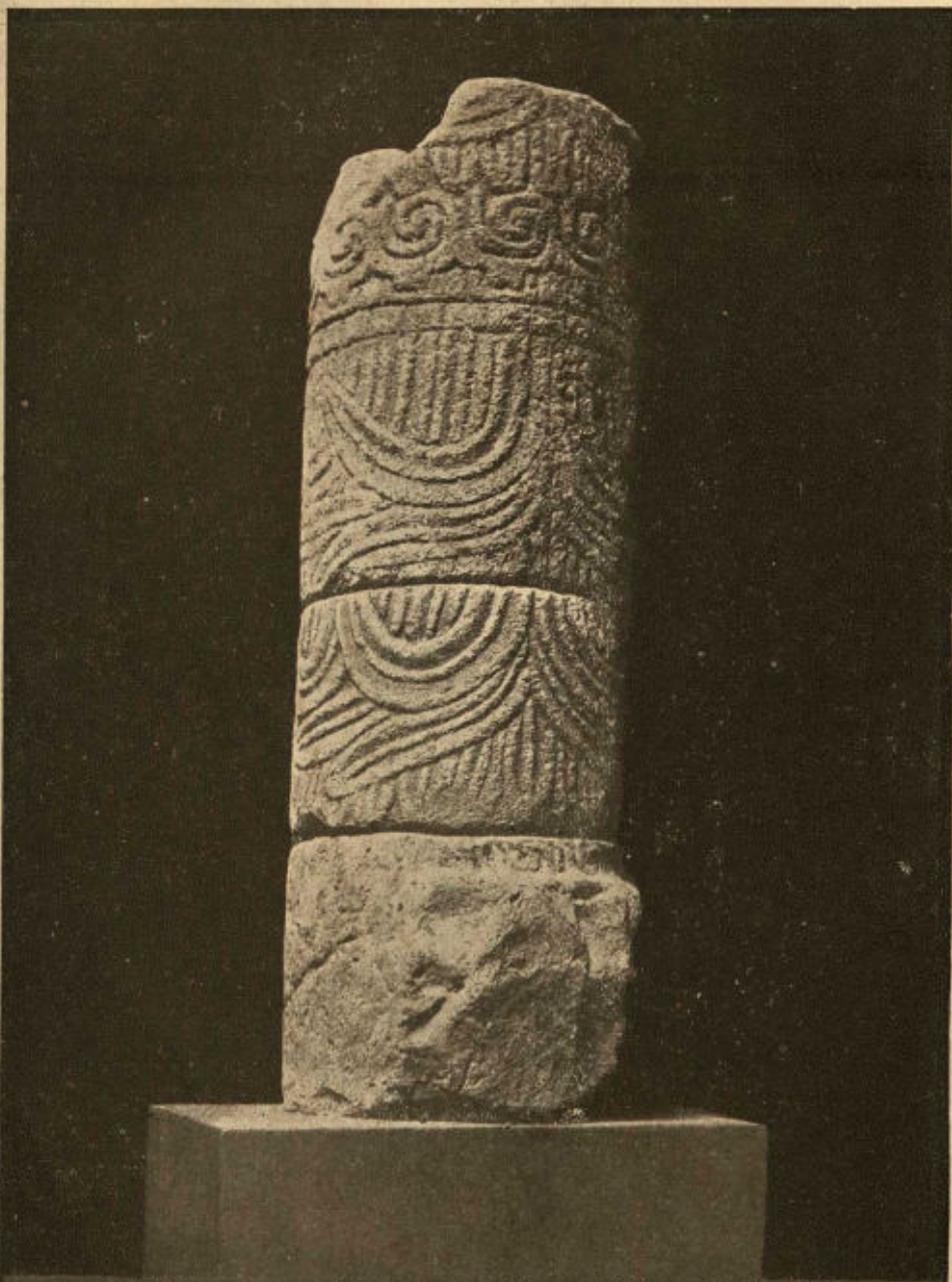
EN EL MES DE DICIEMBRE DEL AÑO DE 1790
AL PRACTICARSE LA NIVELACION PARA EL NUEVO
EMPEDRADO DE LA PLAZA MAJOR DE ESTA CAPITAL
FUE DESCUBIERTO ESTE MONOLITO Y COLOCADO
DESPUES AL PIE DE LA TORRE OCCIDENTAL DE LA
CATEDRAL POR EL LADO QUE VE AL PONIENTE
DE CUYO LUGAR SE TRASLADO A ESTE MUSEO
NACIONAL EN AGOSTO DE 1885

Nº 73
MUSEO de MEXICO

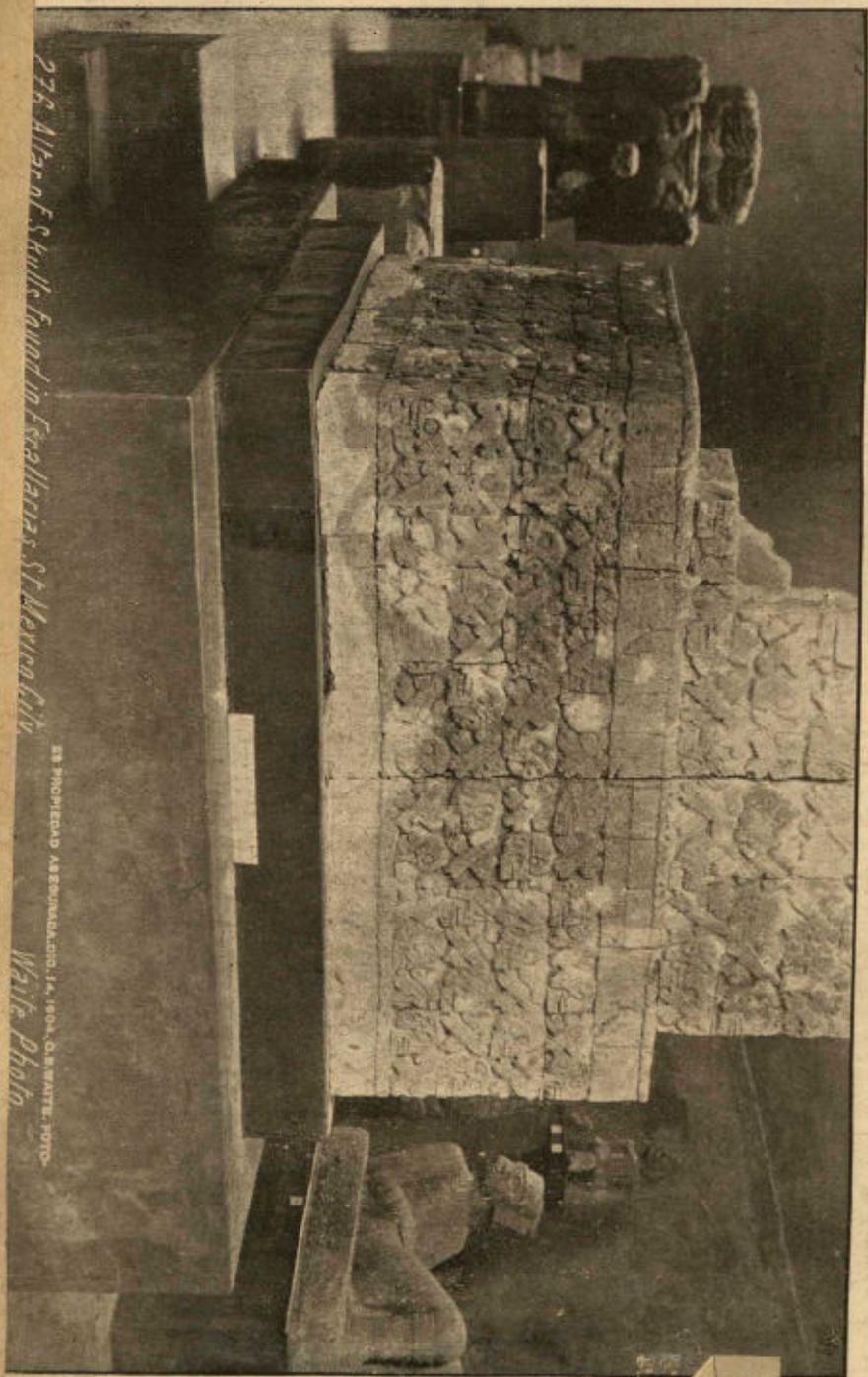
es propiedad depositada 25 marzo 1896
ANTIGÜEDADES MEXICANAS

A. Briquet, fot.
MUSEUM of MEXICO

N° 209 es propiedad, depositada 25 marzo 1896 A. Briquet, fot.
 MUSEO de MEXICO ANTIGUEDADES MEXICANAS MUSEUM of MEXICO
 Sala de Arqueología. Department of Archeology.

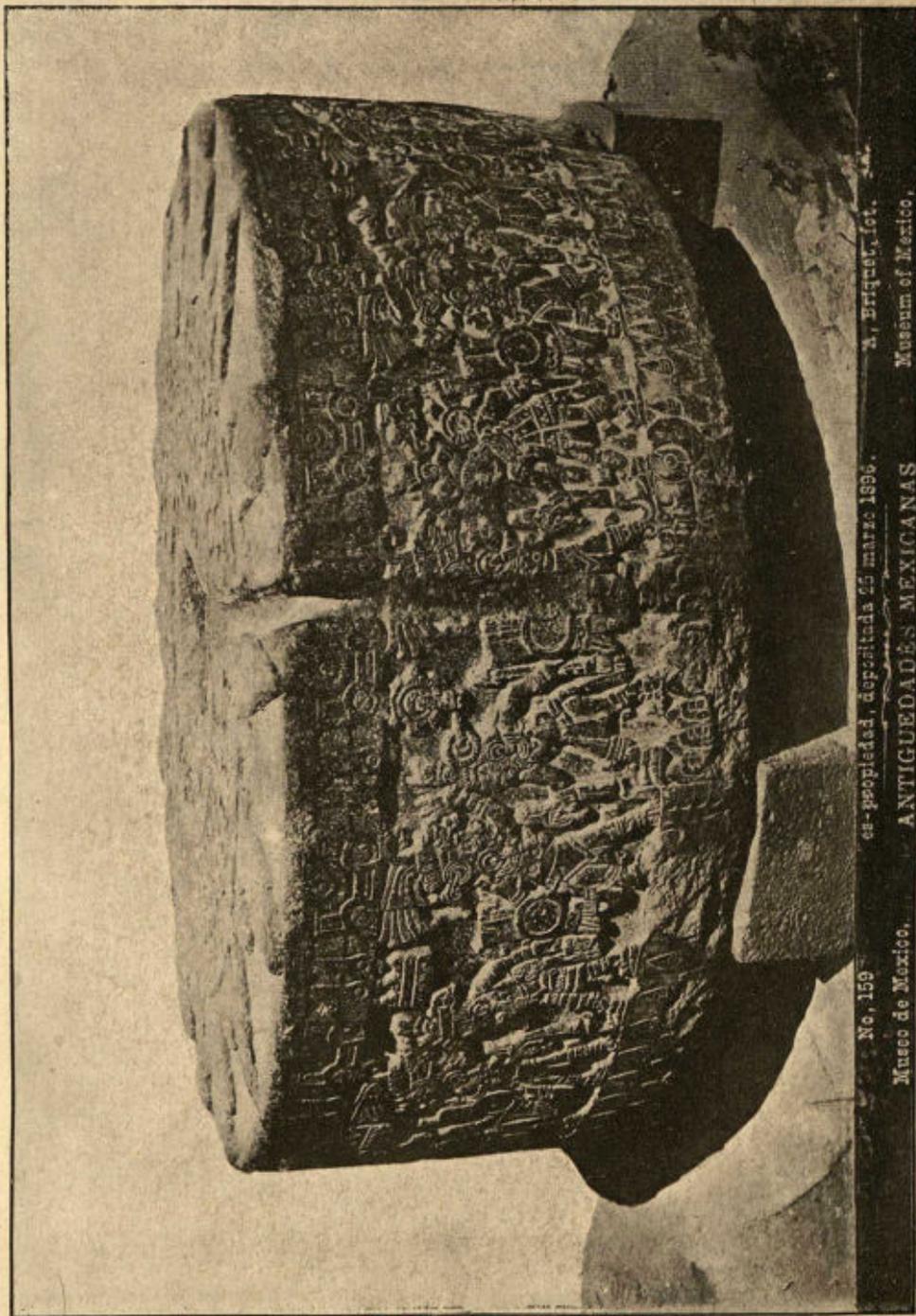

278. Altar of skulls found in Escalleras, St. Mercurio City.

ES ESCALERAS ASS. S. MERCURIO, 1°, 1904. O. S. WATTEL, PHOTO.

Wattle Photo

No. 159

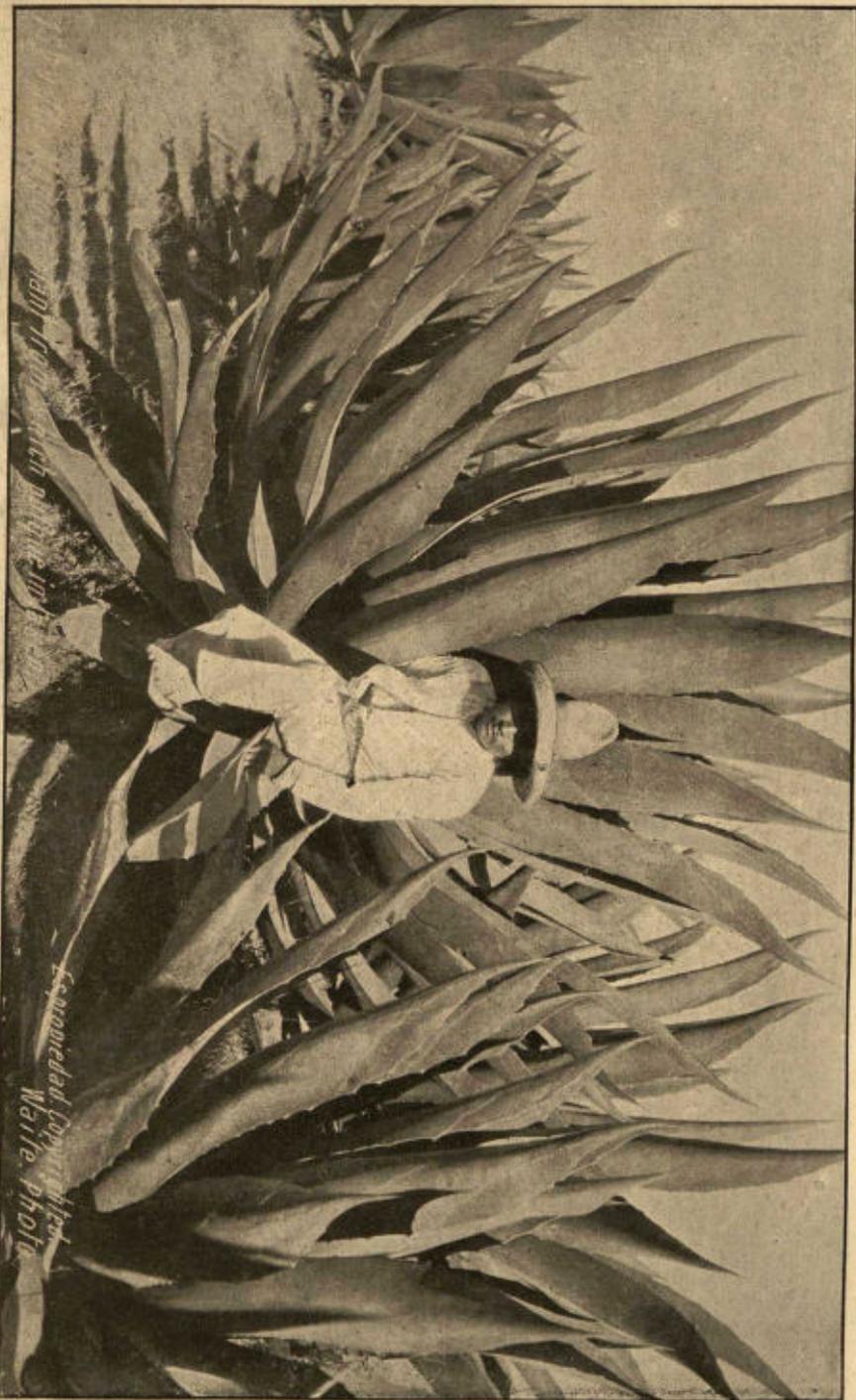
es-propiedad, depositada 25 marzo 1896.

A. Brignet, fot.

Museo de Mexico.

ANTIGUEDADES MEXICANAS

Museum of Mexico.

HALL, G. O. (left) photo. 1911

Esparvedad, Copyrighted
Maife Photo

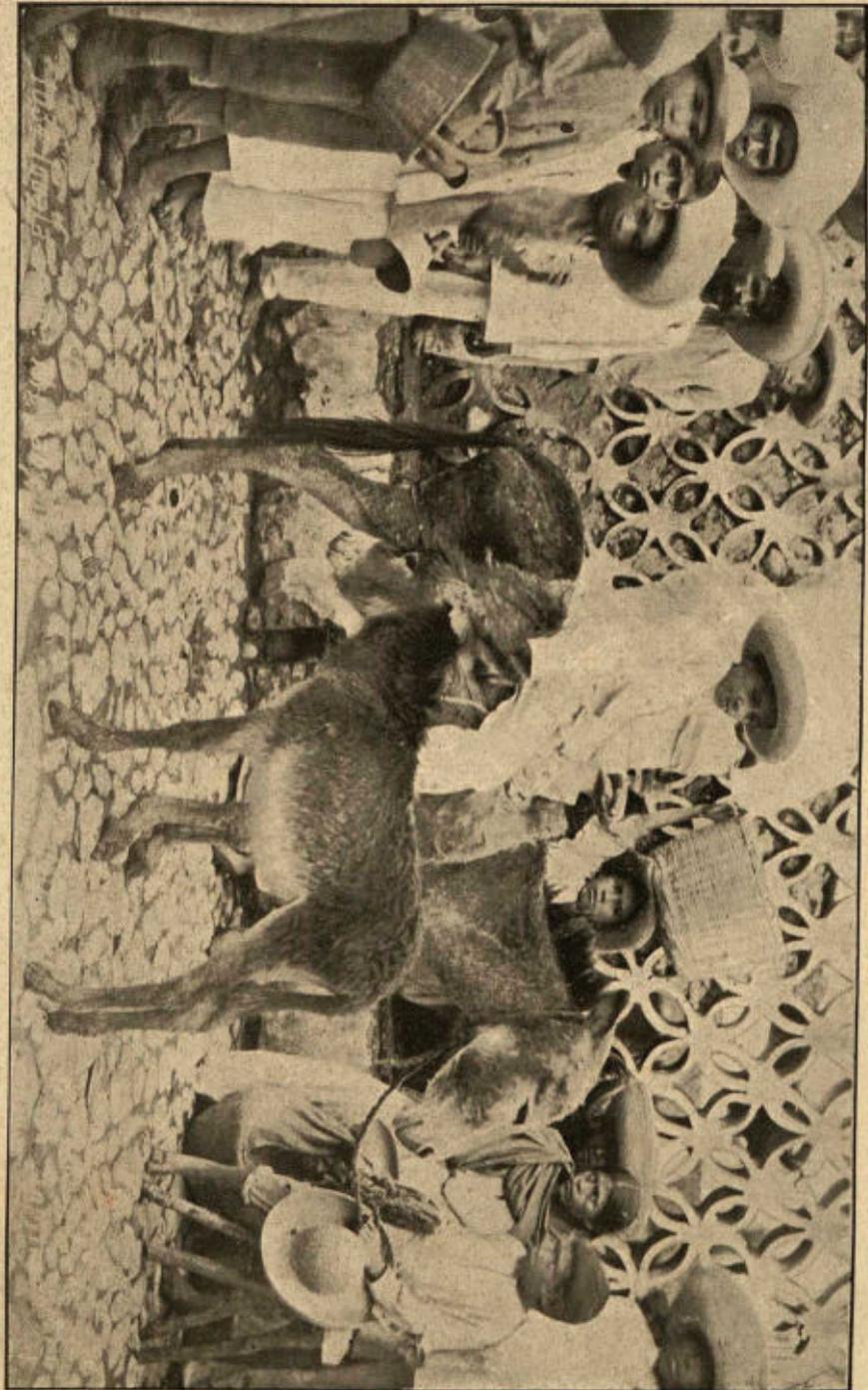

N° 198
CANAL de la VIGA.

es propiedad, depositada el diciembre 1897.

A. Briquet, fot.
THE VIGA CANAL,

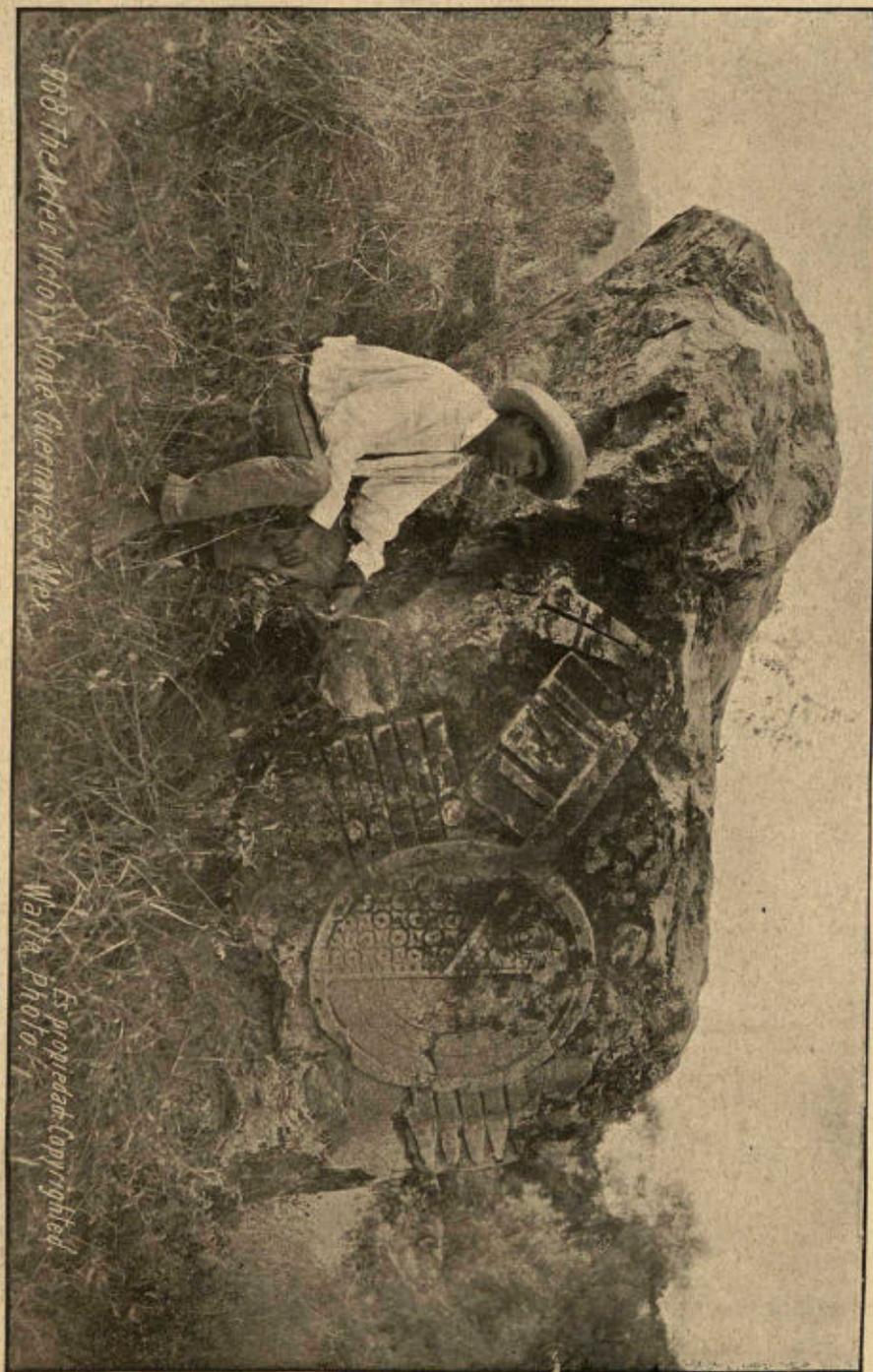
MEXICO.

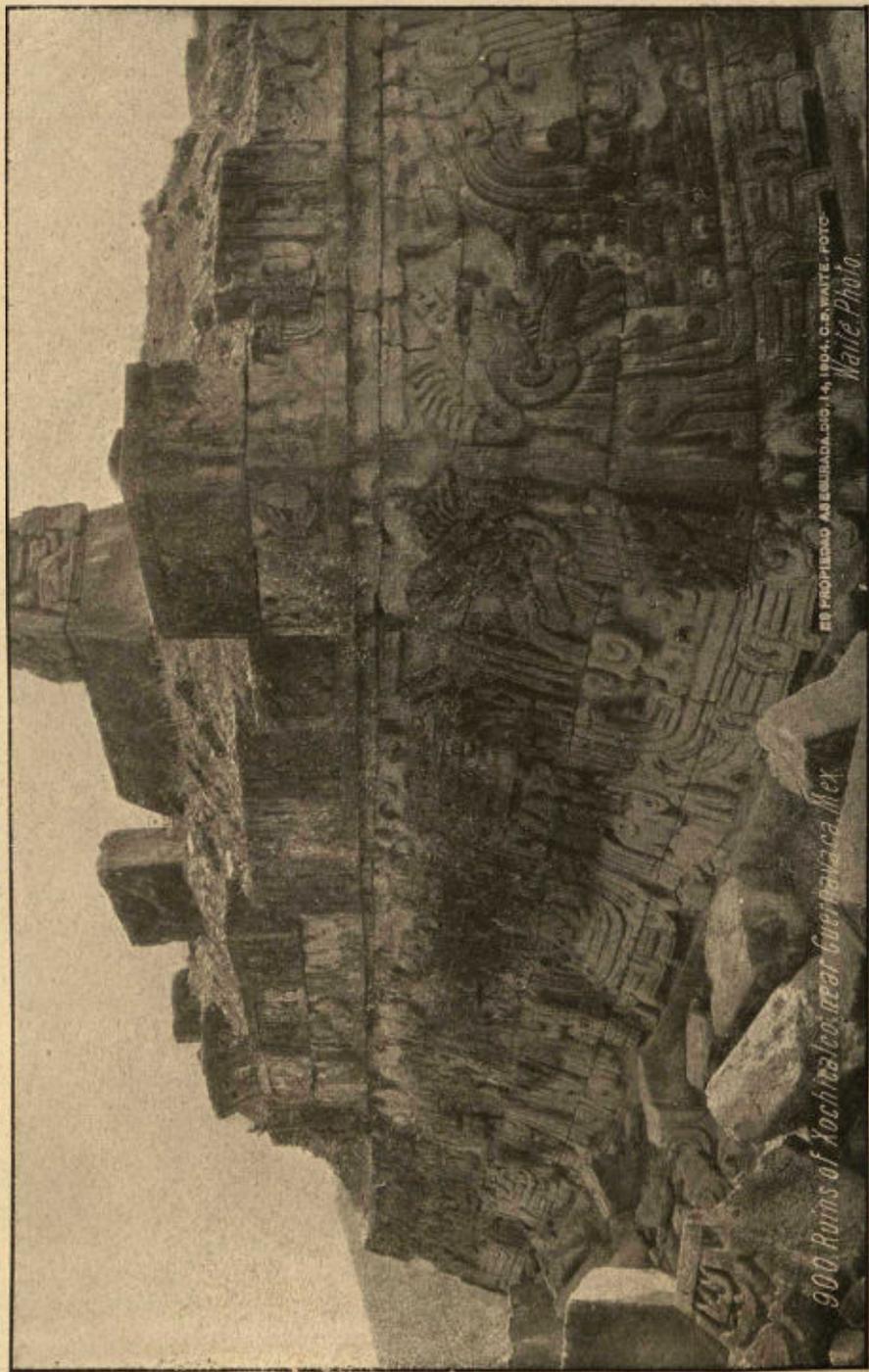
ES PROPIEDAD DE LA FOTOGRAFIA, 1901, O. S. WATZ, PHOTO

W. A. Brading en San Juan Tepepa

958 The Ketez Vicio, stone Guernavaca, Mex

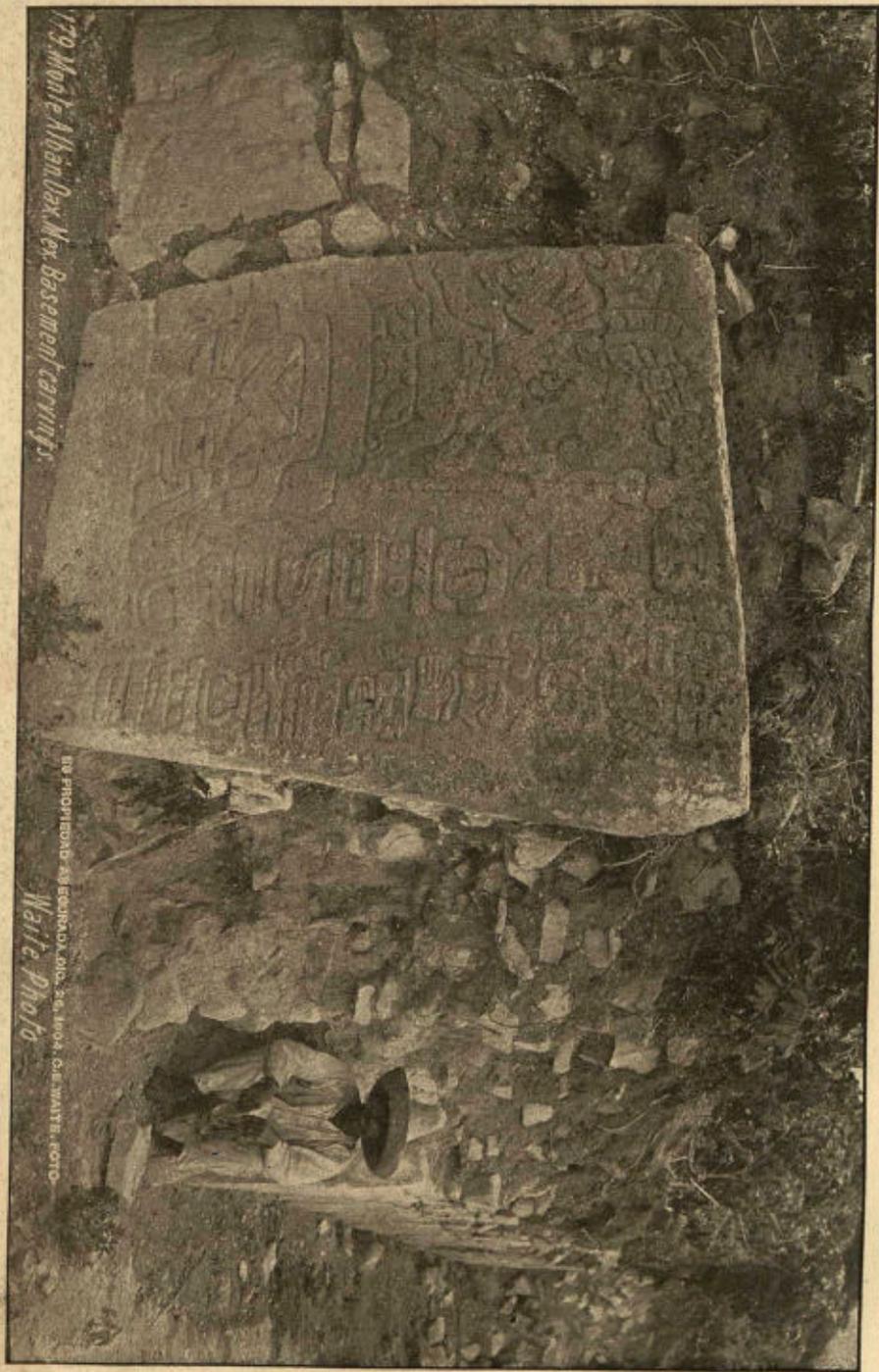
Es propiedad Copyrighted
Walter Photo 1

900. Ruins of Yochitlan, near Guatemala, Mex.

ES PROPIEDAD ASESURADA SCS, 14, 1804, O.S. WAITE, FOTC

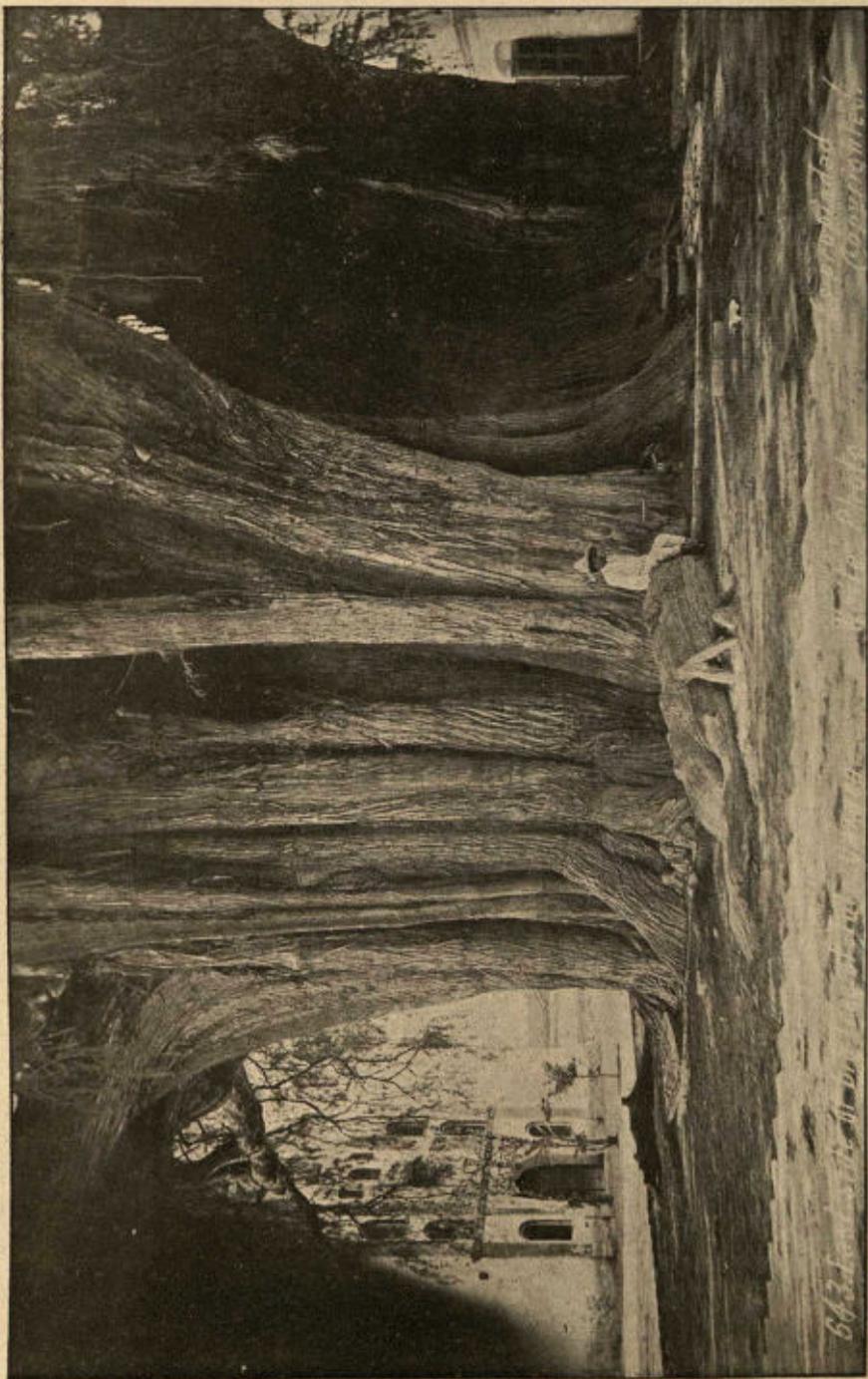
Waite Photo.

179. Monte Alban, Oax. Mex. Basement carvings.

REPRODUCED BY PERMISSION OF THE UNIVERSITY OF MICHIGAN LIBRARY PHOTO

Waite Photo

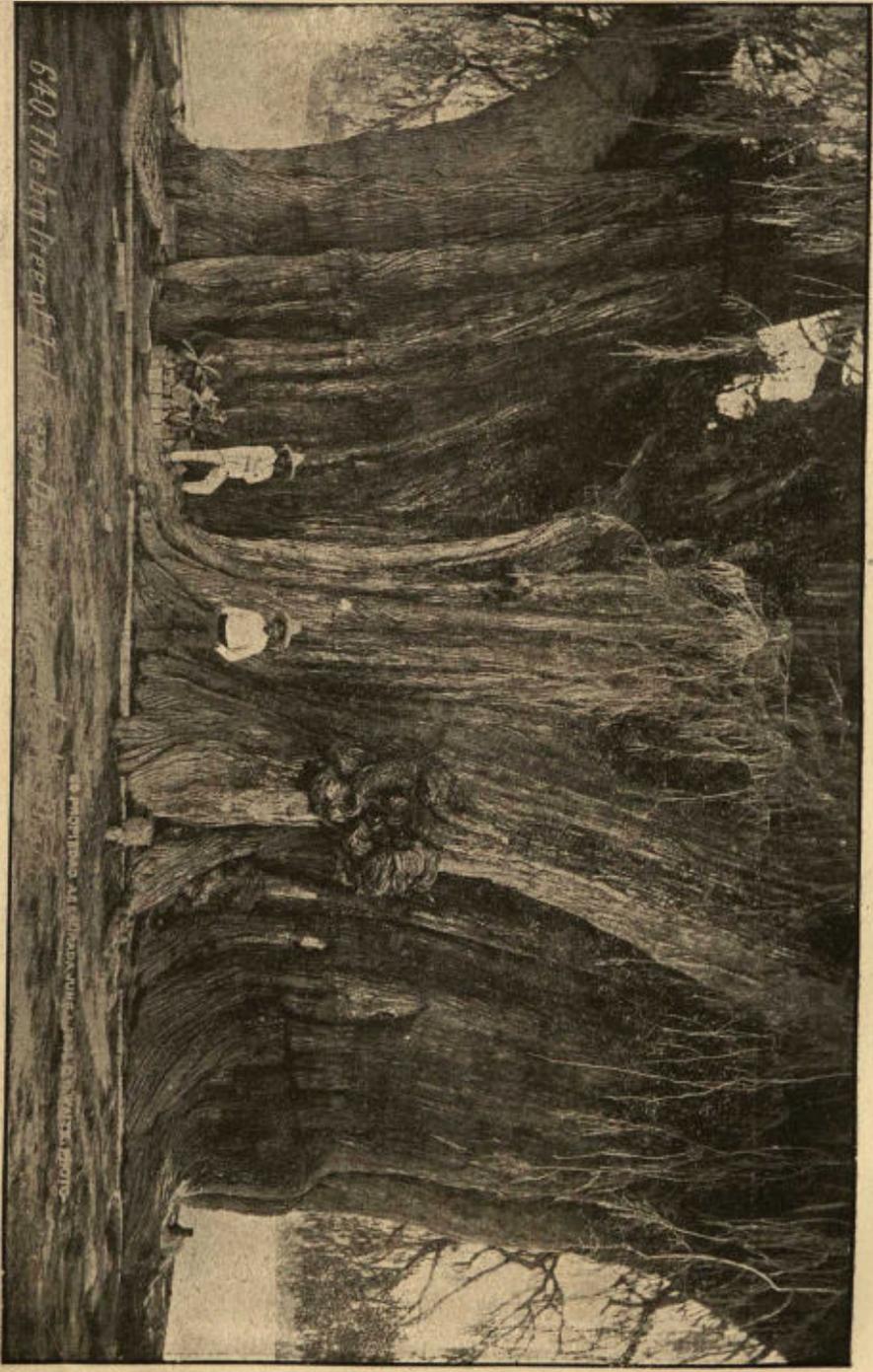
Photographed
1900

1900

1900

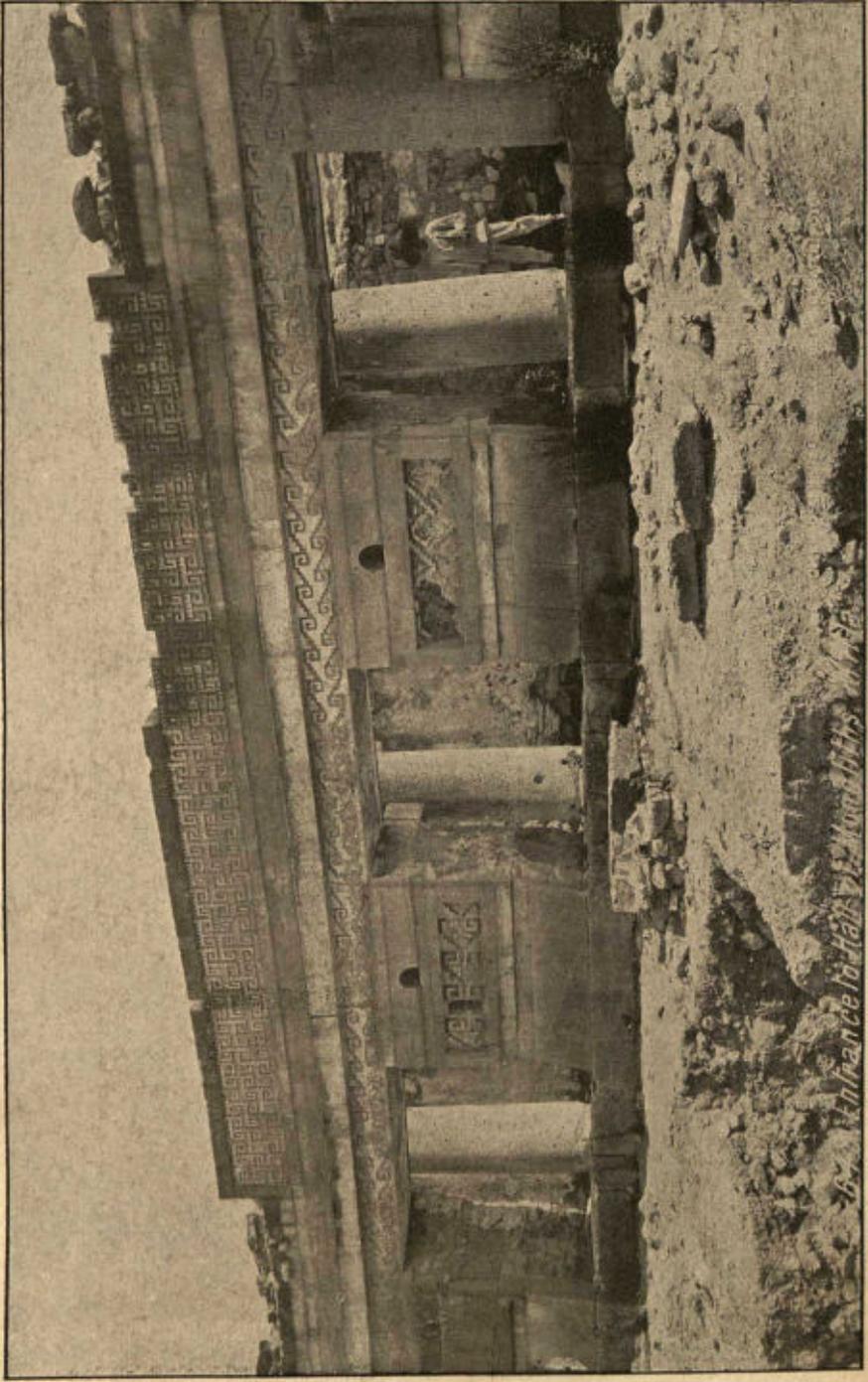
1900

1900

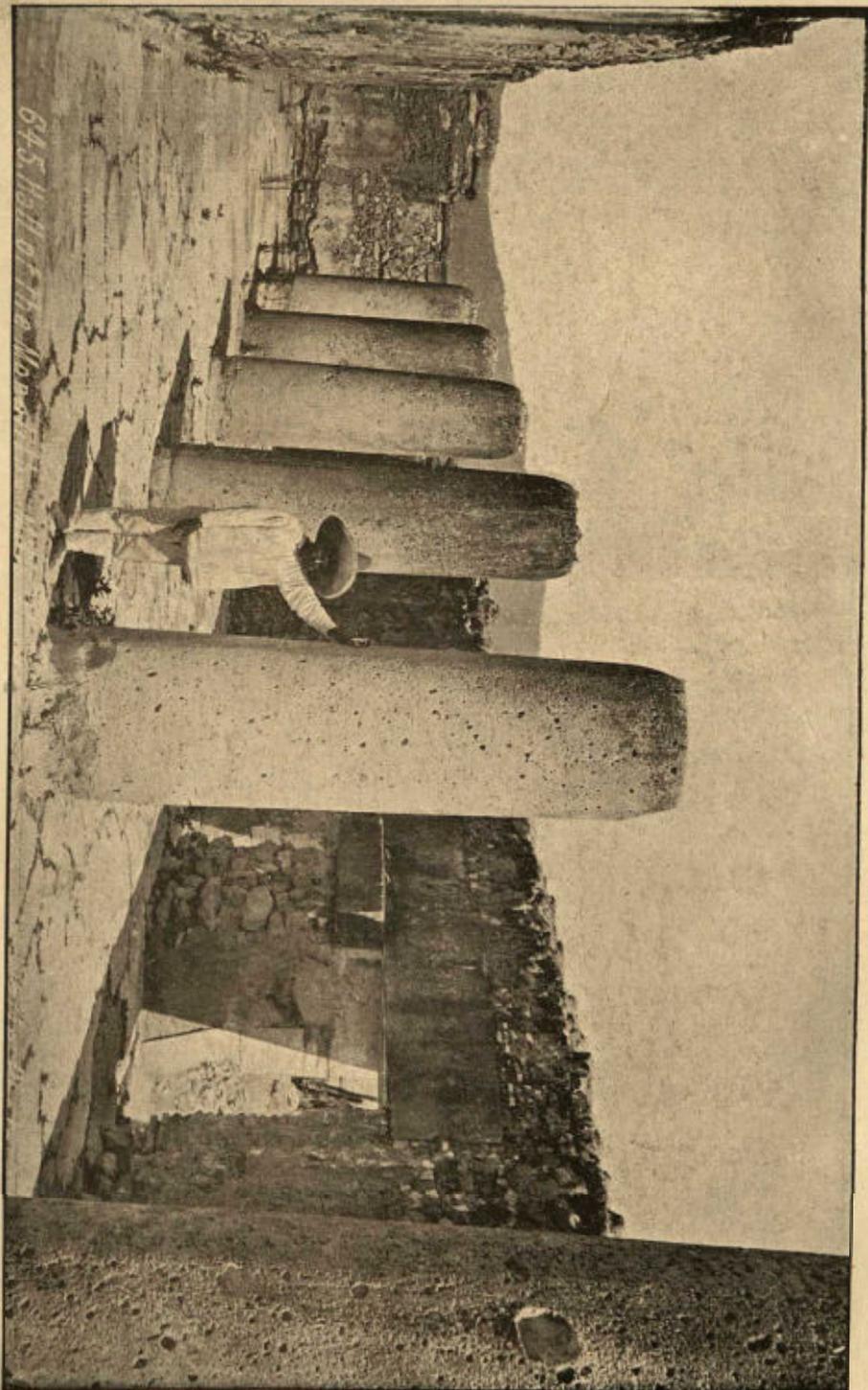

640 The big tree of El Estero

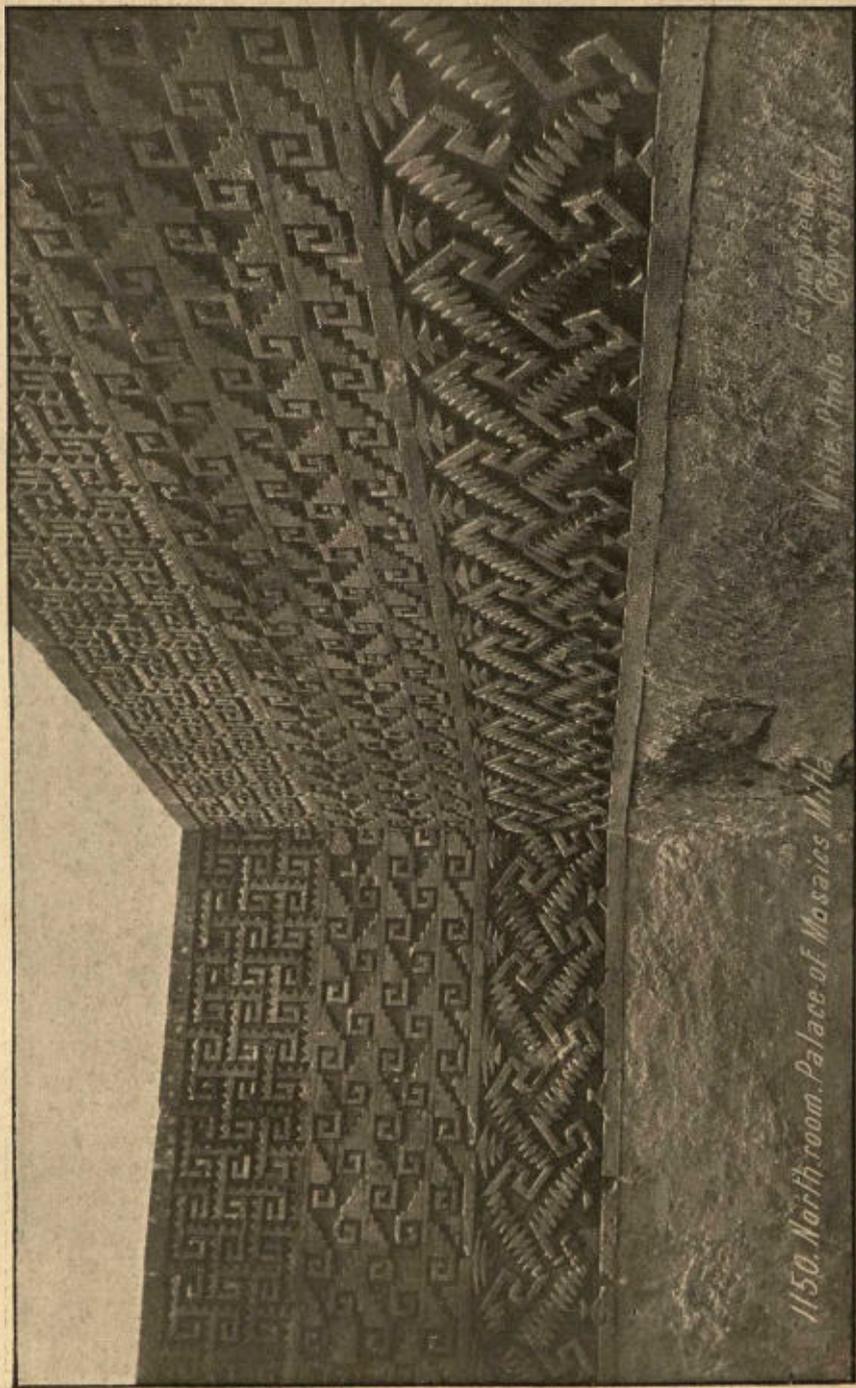
As published in All the World's Animals, Vol. 1, No. 1, 1910.

67. Entrance to the Temple of Amenhotep III.

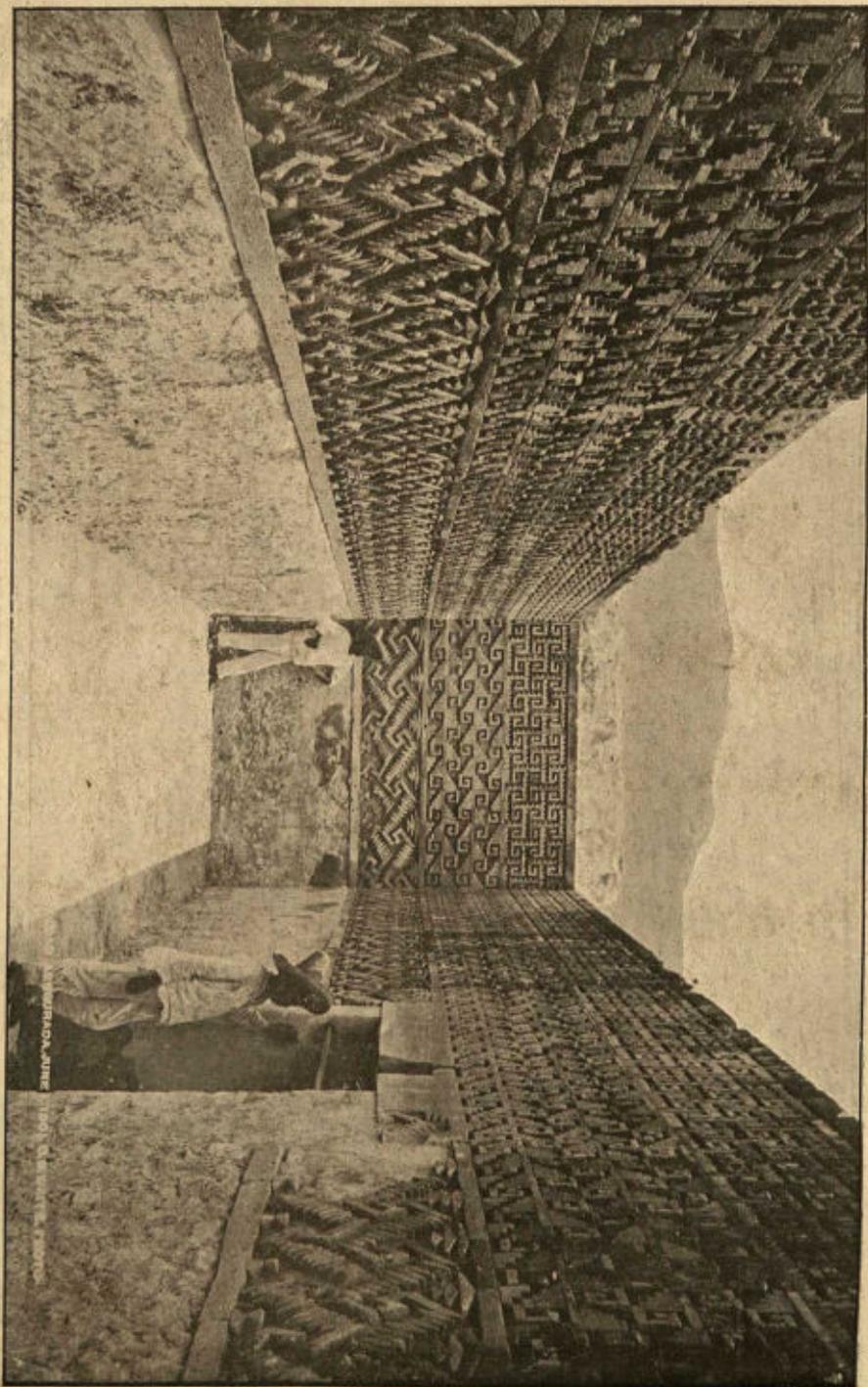

64514110171110

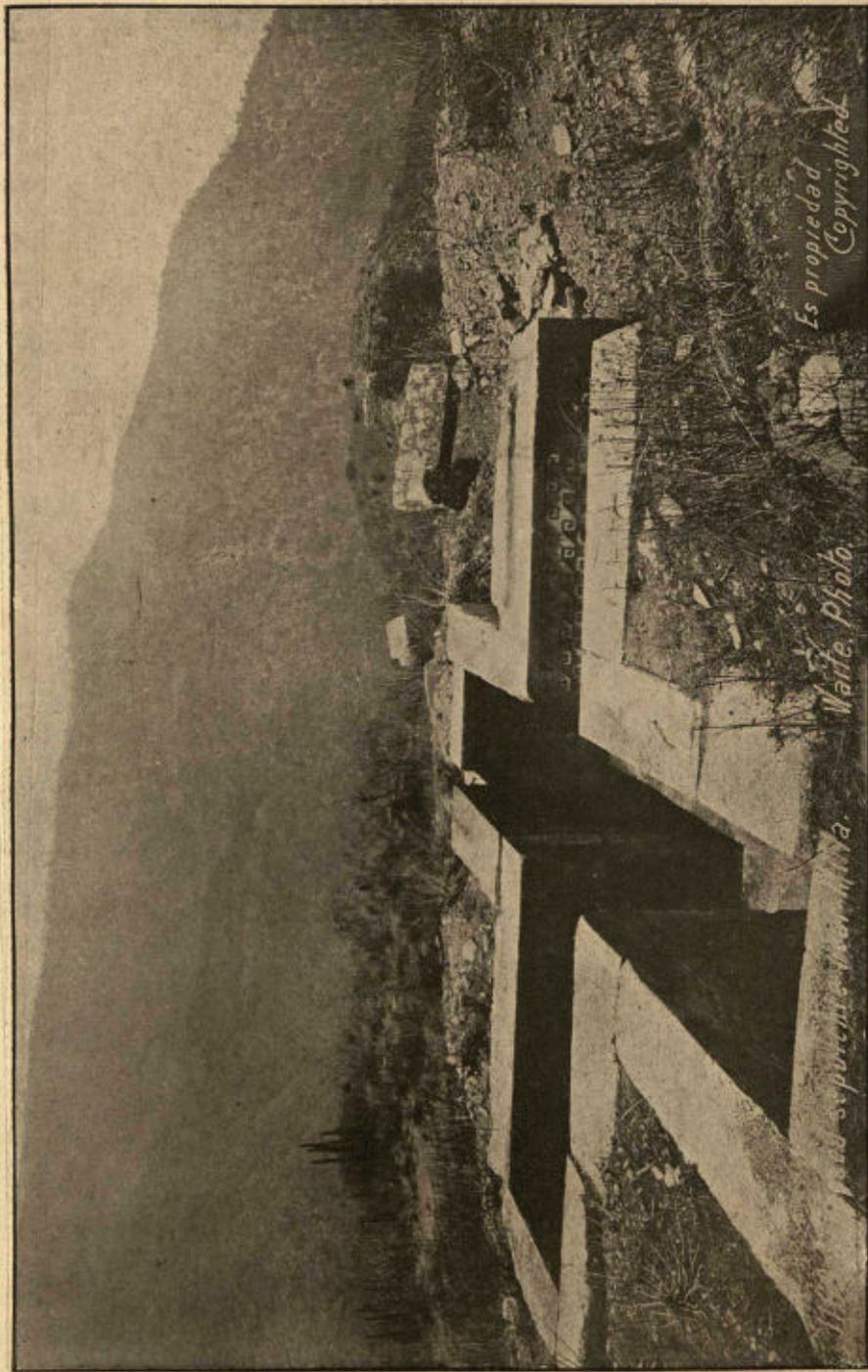
1150. North room. Palace of Mosaics, Milla.

Ex. pub. priv. ed.
Wais, photo.
Copyright 1912

AMERICAN MUSEUM OF NATURAL HISTORY

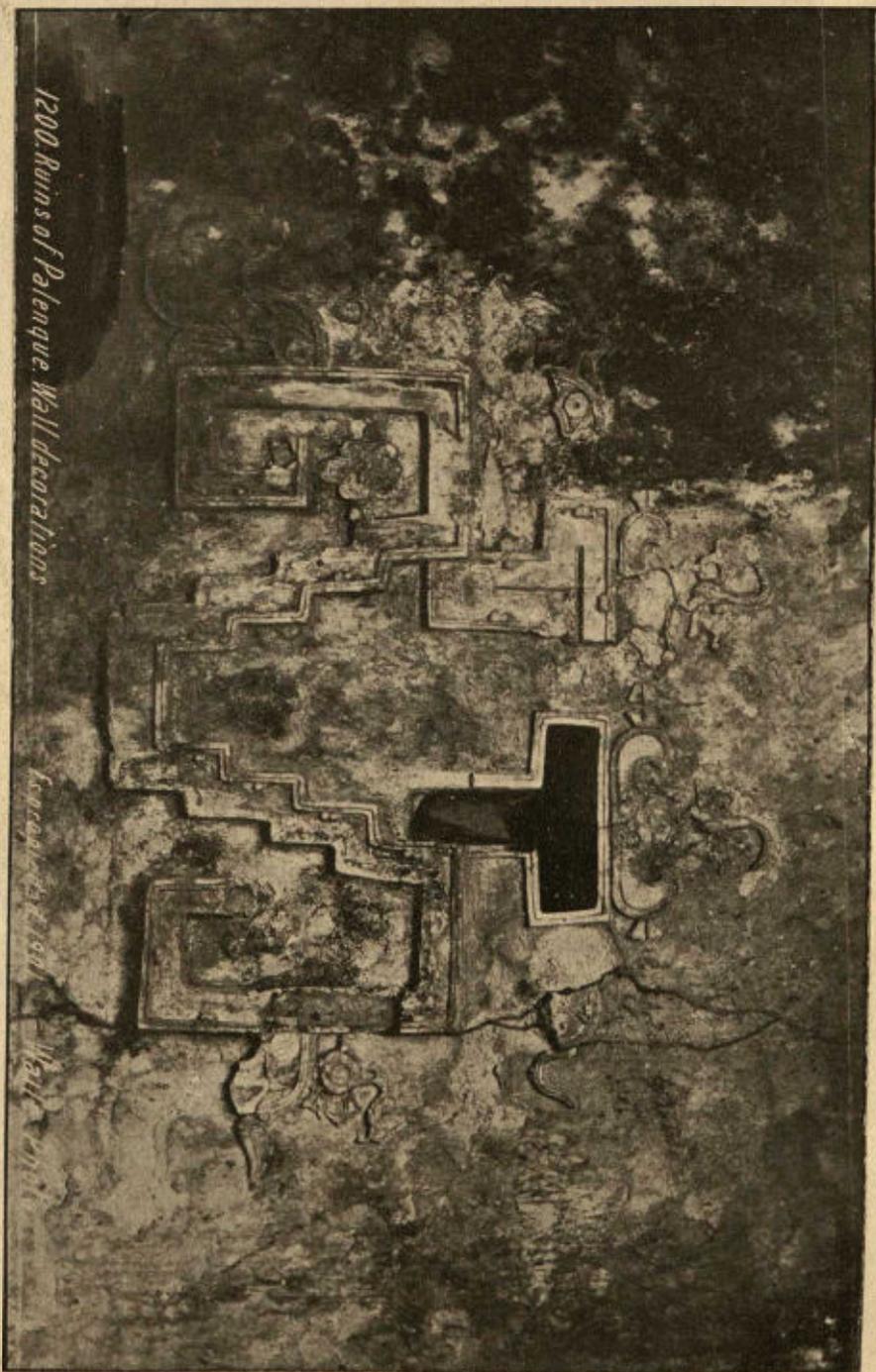
100th Anniversary

*Es propiedad
Copyrighted*

Marie Photo

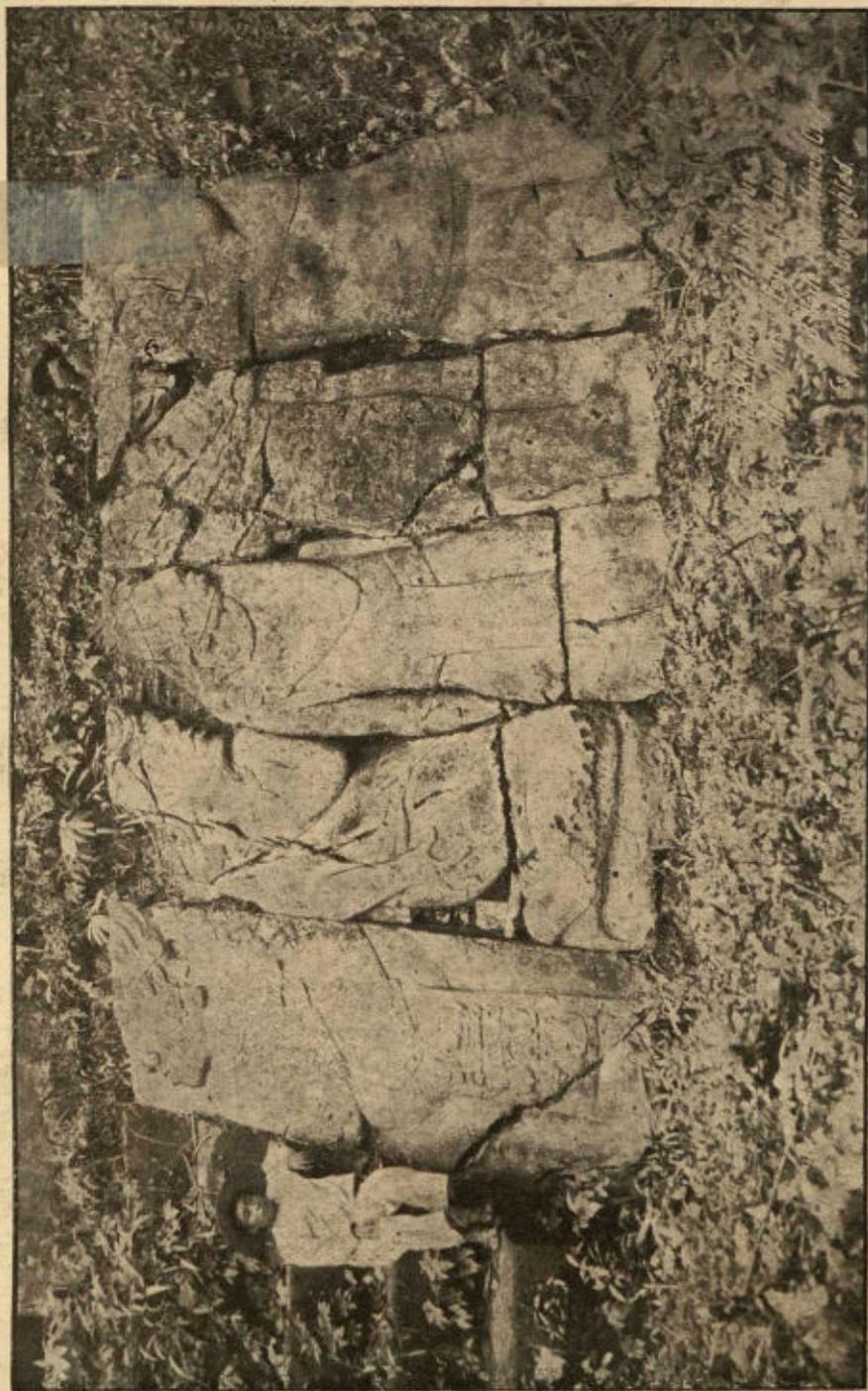
and copyright reserved

1200. Ruins of Palenque. Wall decorations

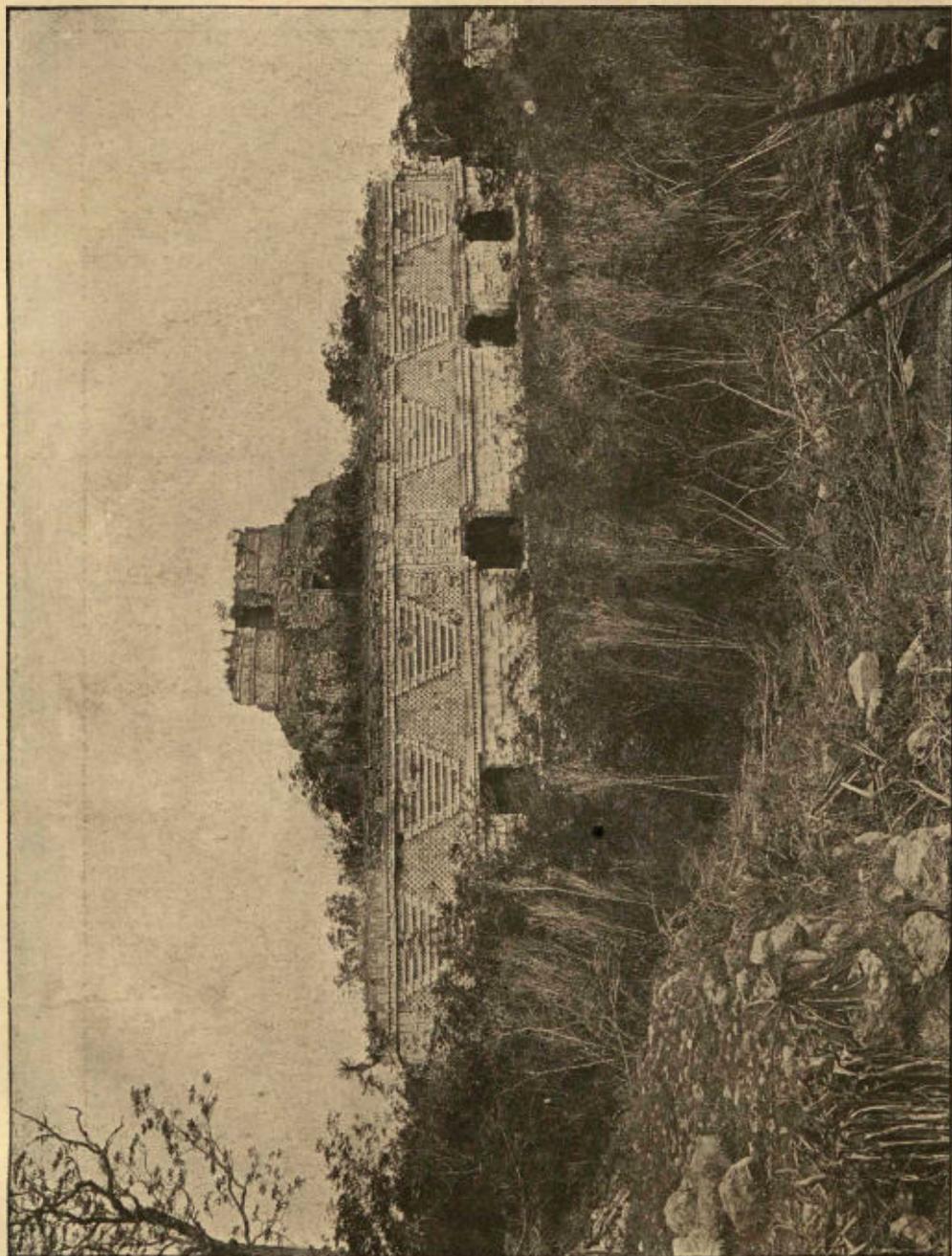
Archaeological

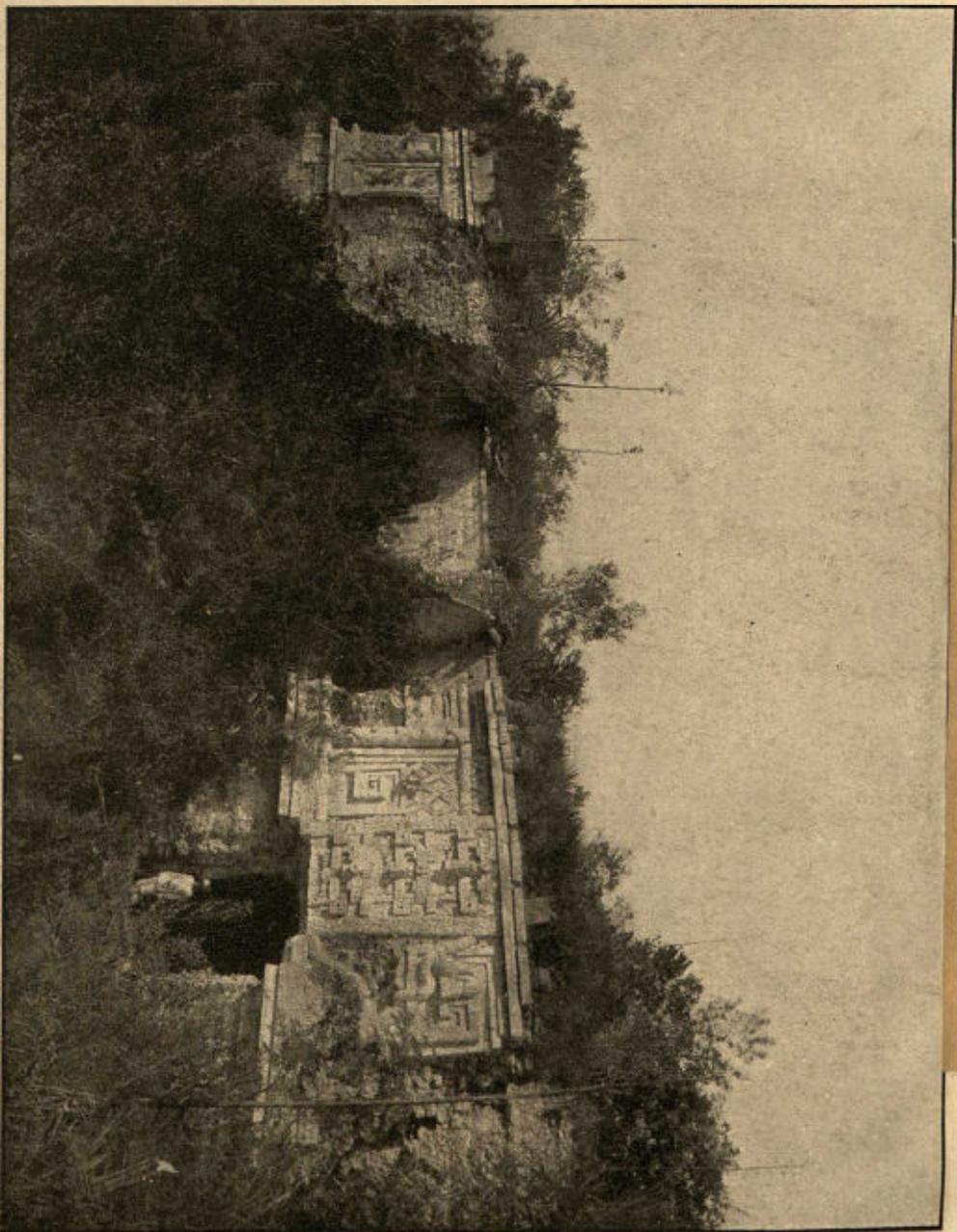
Wall

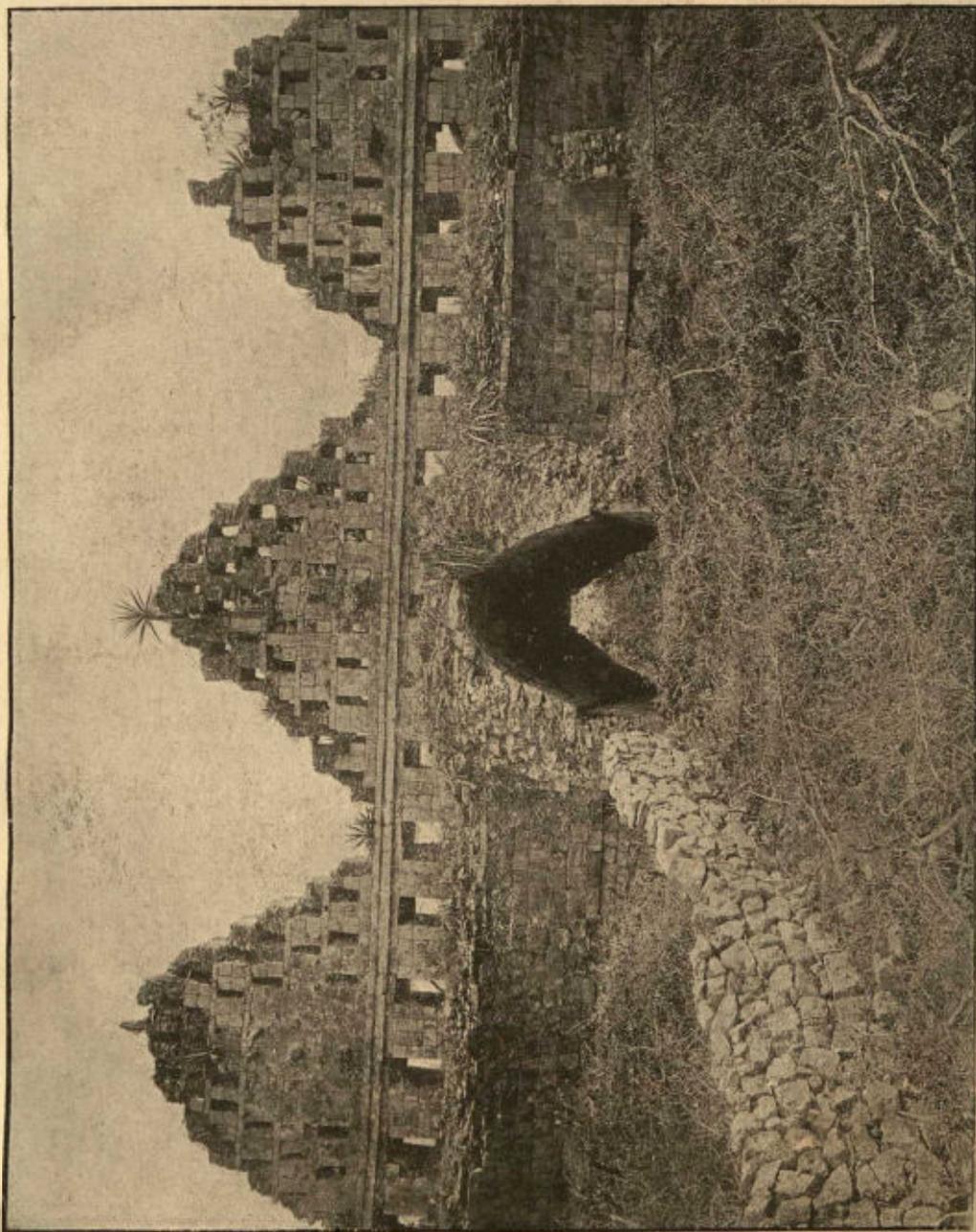

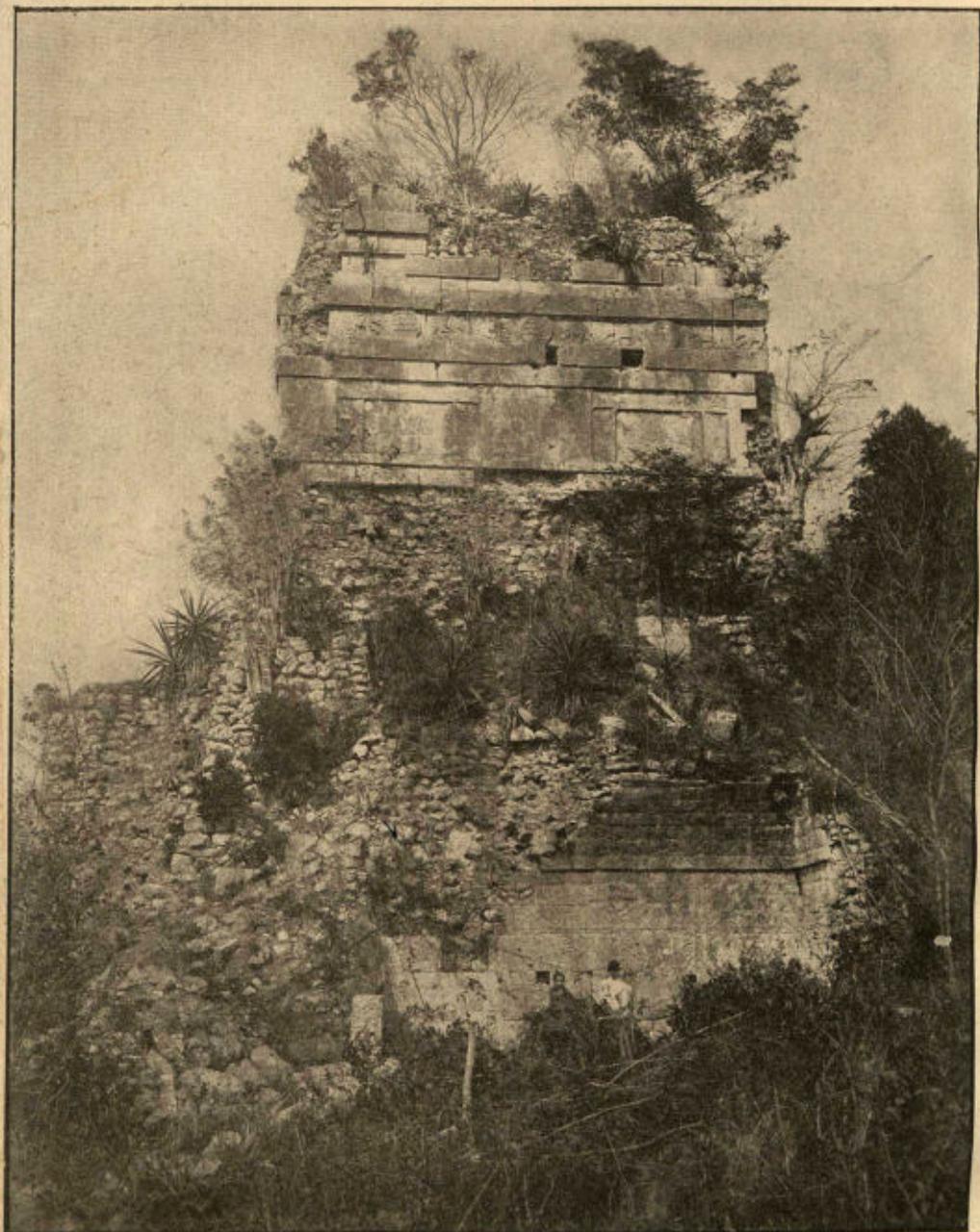
Stone block from the
temple of the
Great Serapis,
Alexandria, Egypt.

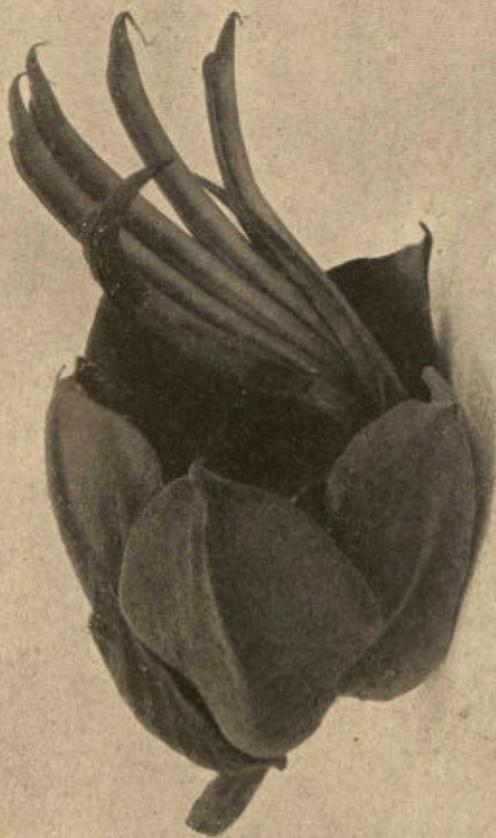

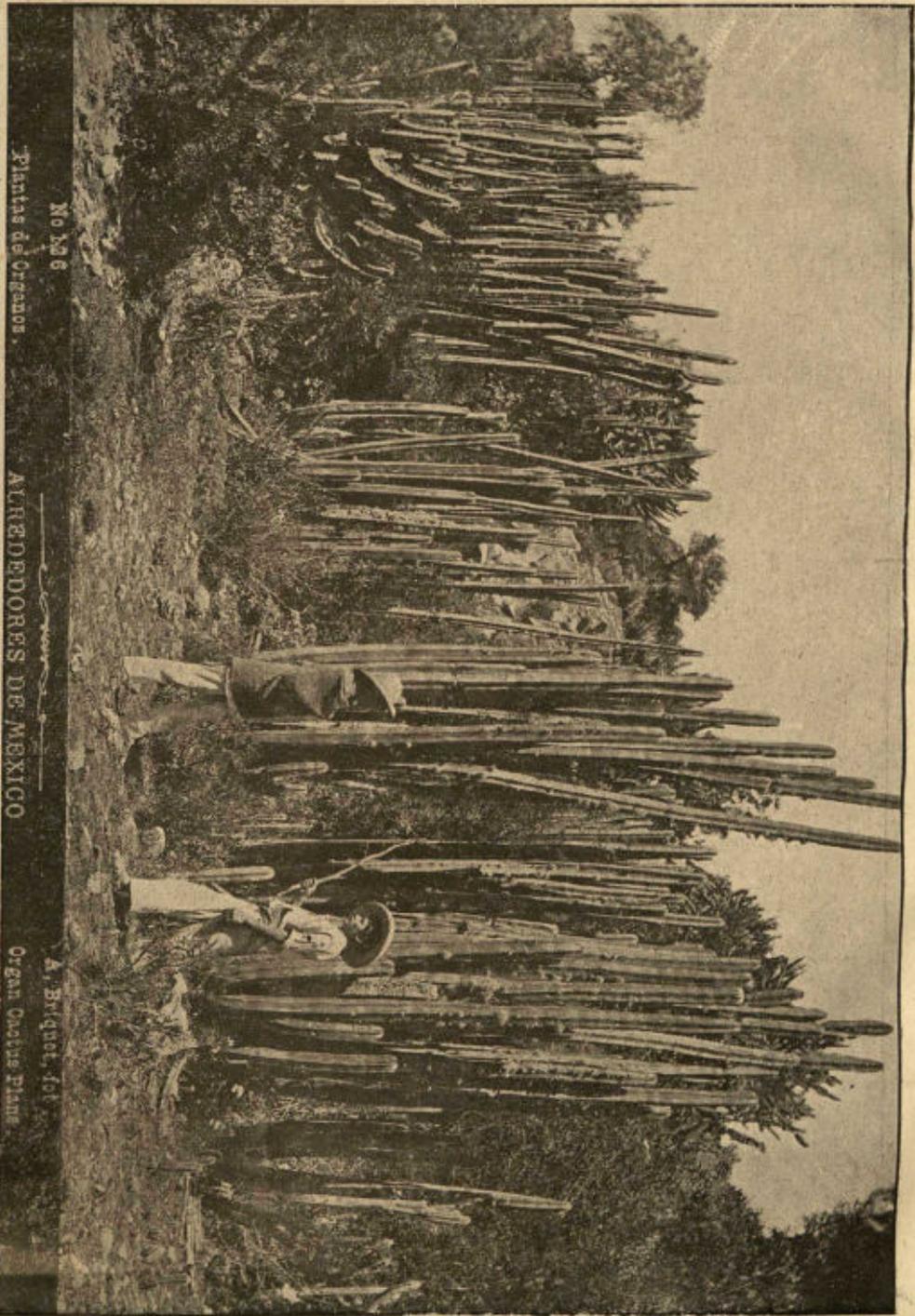

Waite. Photo.

1507. La Flor de Manita México

No 226

Plantas de Organos.

ALREDEDORES DE MEXICO

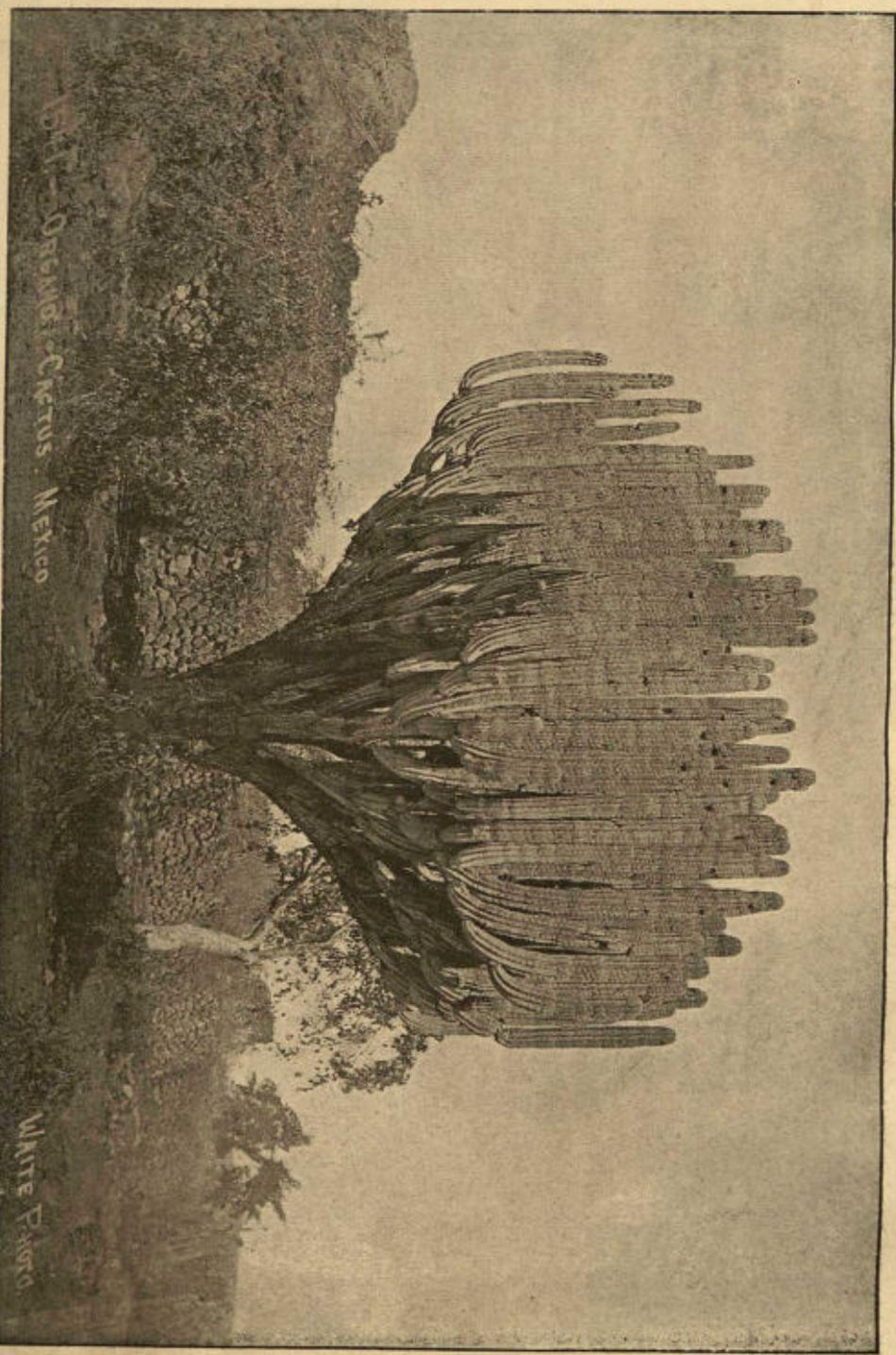
A. Brignon, fot.
Organ Cocahu Plantas

Nº 309
EL PEDREGAL

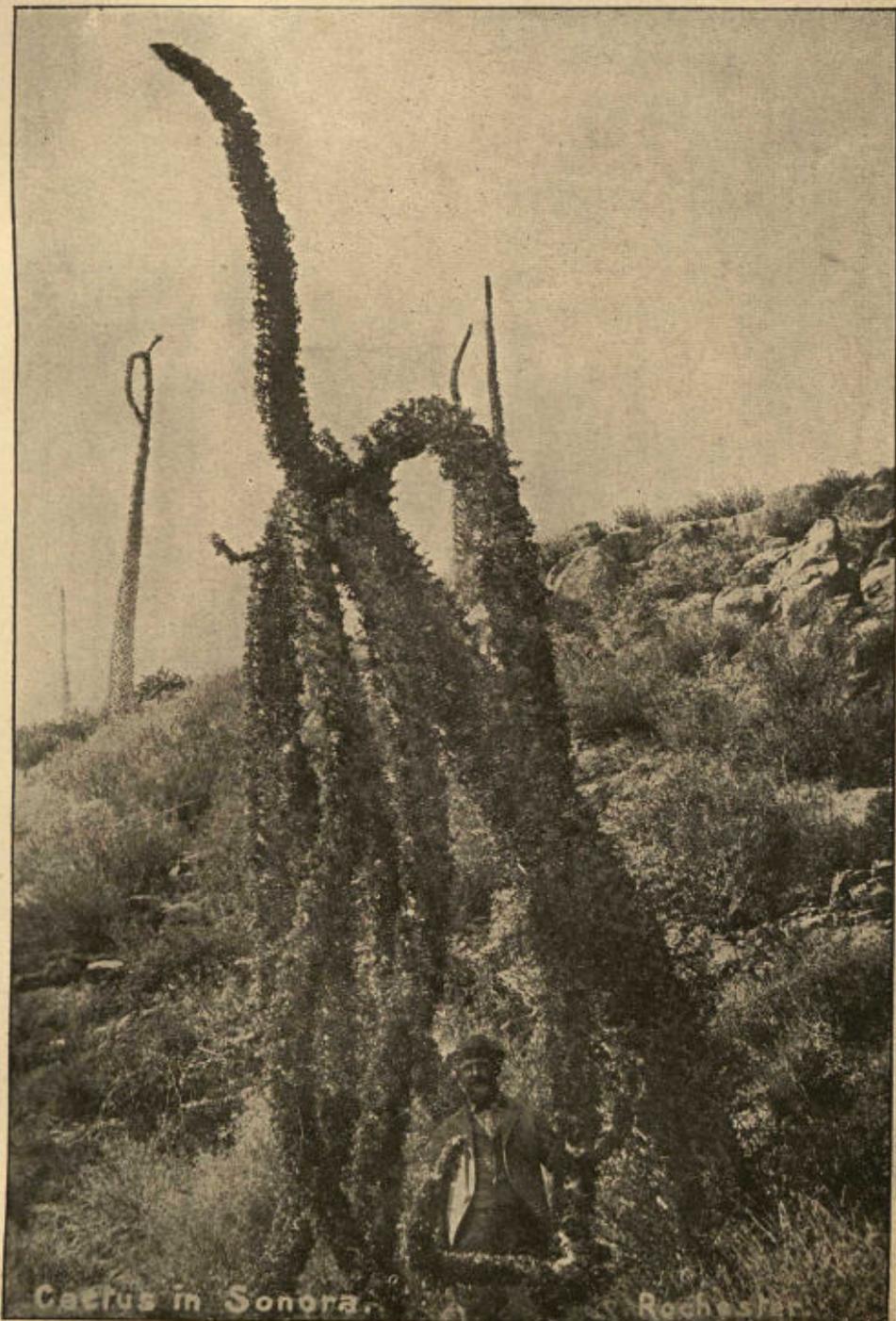
ALREDORES DE MEXICO

A. ERICQUET, fot.
VOLCANIC SCORIA

Bot. - Organo - Cactus - Mexico

White Path

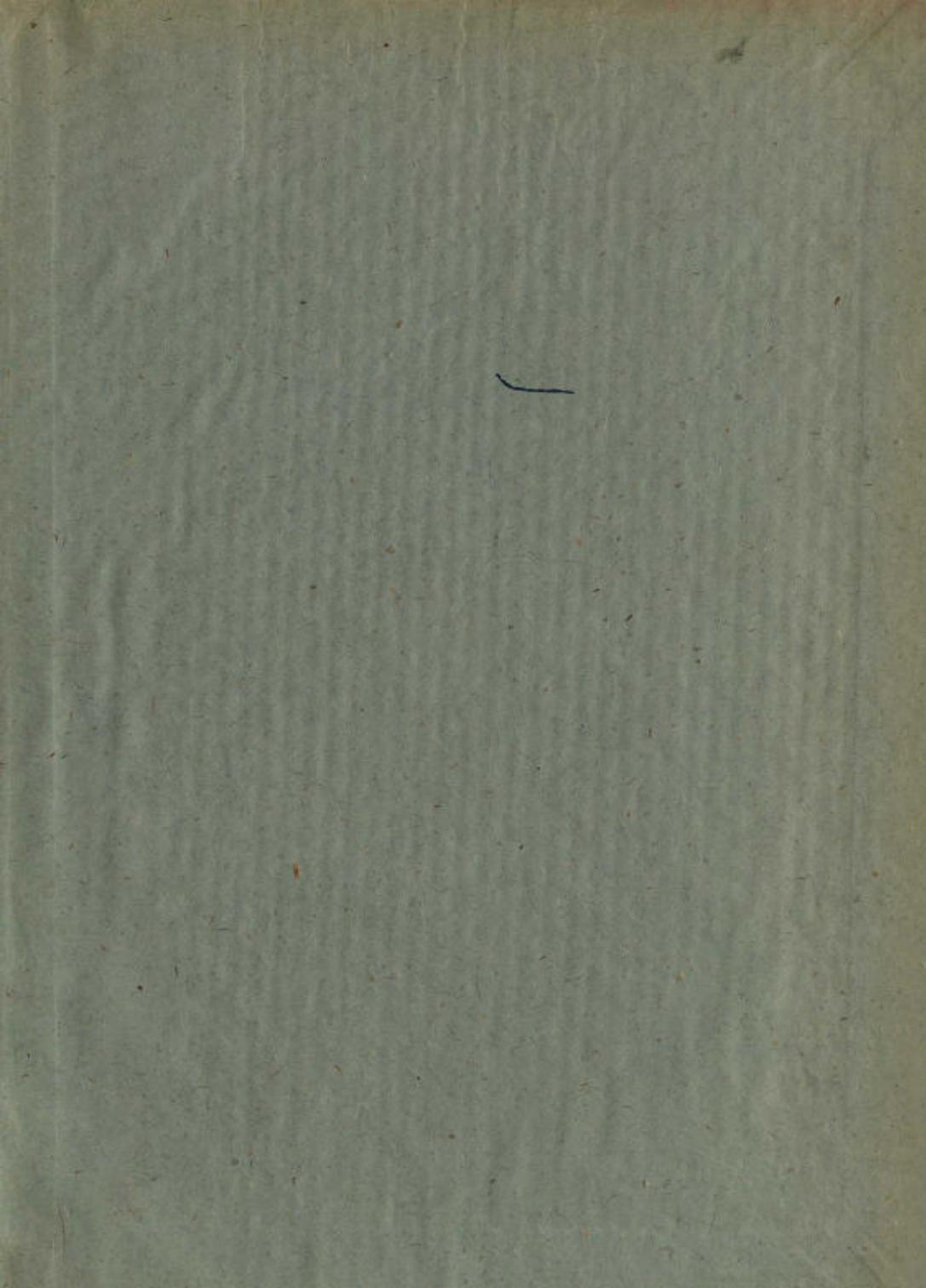

Cactus in Sonora.

Rochester.

W W W

22

2007332449